

Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (65)

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

Выпуск 4 (65)

**КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКА
КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Сборник научных трудов

**Посвящается 100-летию профессора
Новеллы Александровны Кобриной**

**Тамбов
2025**

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций. Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-89450 от 06 мая 2025 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2025 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Тарамжина Л.В., кандидат филологических наук (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Заботкина В.И., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь).

К57 Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008– .
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 4 (65): Когнитивное моделирование языка как функциональной системы: сборник научных трудов. Посвящается 100-летию профессора Новеллы Александровны Кобриной / отв. ред. вып. Л.В. Тарамжина. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2025.– 384 с.

ISBN 978-5-00078-976-6

В сборнике представлены материалы, отражающие проблемы когнитивного моделирования языка как функциональной системы, начало разработки которых было заложено в трудах известного отечественного лингвиста проф. Н.А. Кобриной, чьей светлой памяти в год ее 100 летия посвящен настоящий выпуск.

Авторами работ являются ученики и коллеги Н.А. Кобриной, развивающие в своих научных исследованиях идеи Ученого и Учителя в области когнитивных и функциональных аспектов языковой системы.

Издание адресовано филологам, аспирантам, студентам, обучающимся по программам высшего филологического образования, всем, кто интересуется проблемами когнитивной лингвистики.

УДК 40
ББК 80

ISBN (Вып. № 4 (65)) 978-5-00078-976-6
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2025

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 4 (65)

**COGNITIVE MODELLING OF LANGUAGE
AS A FUNCTIONAL SYSTEM**

Collection of papers

**To the memory of Professor Novella Aleksandrovna Kобрina
on the occasion of her 100th birthday**

**Tambov
2025**

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Registration PI No. FS77-89450.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2025. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Taramzhina L.V., Candidate of Philology (volume executive editor);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Zabotkina V.I., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Kozlova E.A., Candidate of Philology (executive secretary).

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguists Association. Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008. –

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. 4(65): Cognitive modelling of language as a functional system: Collection of papers. To the memory of Professor Novella Aleksandrovna Kobrina on the occasion of her 100th birthday / Volume executive editor L.V. Taramzhina. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2025.– 384 p.

ISBN 978-5-00078-976-6

The present volume is dedicated to the memory of prof. N.A. Kobrina on the occasion of her 100th birthday. The articles cover a wide range of principles and arguments in the area of cognitive modelling of language as a functional system and highlights the key points of N.A. Kobrina's contribution in the field.

The collection of papers presents the works by N.A. Kobrina's disciples and colleagues who follow the main ideas of the outstanding linguist and develop the ideas of the teacher in studying cognitive and functional aspects of the language system.

The volume will be welcomed by linguists, students and post-graduates of philological profile who are interested in cognitive linguistics.

ISBN (Vol. # 4 (65)) 978-5-00078-976-6
ISBN 978-5-89016-442-1

© FSBEI HE «Derzhavin Tambov State University», 2025
© The Russian Cognitive Linguists Association, 2025

**КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКА
КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Посвящается 100-летию профессора
Новеллы Александровны Кобриной

**COGNITIVE MODELLING OF LANGUAGE
AS A FUNCTIONAL SYSTEM**

To the memory of Professor Novella Aleksandrovna Kobrina
on the occasion of her 100th birthday

СОДЕРЖАНИЕ

Слово об Ученом и Учителе	13
-------------------------------------	----

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Болдырев Н.Н.</i> Язык как система оперирования знанием	17
<i>Беседина Н.А.</i> Проблемы морфологии в научном наследии профессора Н.А. Кобриной: функционально-когнитивное осмысление.	25
<i>Дубровская О.Г.</i> Когнитивно-дискурсивный профиль носителя языка	35

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА: НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ

<i>Берзина Г.П.</i> Грамматикализация значения как способ репрезентации знаний о мире	41
<i>Голубева Н.А.</i> Вариативность грамматической функции в аспекте прецедентного мышления	47
<i>Давыдова Е.И.</i> О когнитивных основах вторичной репрезентации предикатив- ности в языке	54
<i>Грибенник Д.В.</i> Сочетания типа <i>to have a kick, to give a push</i> с конвертированным существительным в качестве второго элемента	61
<i>Тарамжина Л.В., Берлов Д.Н.</i> Формирование категорий и вариабельность индивидуальной картины мира	66
<i>Алексахина А.С.</i> К вопросу о категории времени английского глагола	73

III. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГРАММАТИКЕ

<i>Козлова Л.А.</i> Инкорпорирование как один из способов языковой экономии (функционально-когнитивный аспект)	77
<i>Маслова Ж.Н.</i> Сгенерированный текст в когнитивном аспекте: попытка опре- деления подходов к анализу	84
<i>Нильсен Е.А., Машко И.К.</i> Специфика функционирования атрибутивных кон- струкций в новоанглийской поэзии	91
<i>Трофимова Н.А.</i> От знания к тексту: кулинарный рецепт XVIII века как когни- тивная модель	98
<i>Шебаршина Д.Ю.</i> Влияние полисемии союзов на грамматическую структуру предложения в устном синхронном переводе	105

IV. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА И ЗНАНИЙ О МИРЕ В ЯЗЫКЕ

<i>Гришаева Л.И.</i> Порождение и рецепция текста как интерпретация знаний о мире . . .	111
<i>Панасенко Л.А.</i> Функциональный потенциал лексики в свете теории лингвистической интерпретации	121
<i>Степаненко С.Н.</i> Интерпретация количества: когнитивные и языковые аспекты (на примере синтаксических средств английского языка)	128
<i>Столяр Е.Д.</i> Интерпретирующий потенциал оценки.	134
<i>Шарапова Ю.В.</i> Интерпретация знаний о мире в языке: игра слов и смыслов. . .	141
<i>Фурс Л.А.</i> Интерпретационная специфика оценочного противопоставления . .	148

V. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ

<i>Бабина Л.В., Толмачева И.Н.</i> Метафора и сравнение в социальной экологической рекламе: интерпретационный потенциал	154
<i>Белоглазова Е.В.</i> Концептуализация экзокультурных реалий в транслингвальной литературе.	161
<i>Виноградова С.А.</i> Когнитивный анализ прецедентных отыменных прилагательных	168
<i>Волкова Е.В.</i> Когнитивные аспекты репрезентации аксиологических концептов в германских языках (на примере концепта GEMÜTLICHKEIT).	173
<i>Зелинская Ю.Ю.</i> Когнитивно-ассоциативное поле онимов Санкт-Петербурга и Вены	180
<i>Емельянова О.В.</i> Языковая актуализация концепта АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ	186
<i>Мальшиев Д.А.</i> Лексическая репрезентация эмоций во внутренней речи персонажей научно-фантастического текста	192
<i>Манерко Л.А.</i> Функциональная значимость метафоры в научном дискурсе на английском языке и ее концептуальные составляющие.	197
<i>Третьякова Т.П.</i> Модус оценки в английских коммуникативных идиомах и его реализация в когнитивных моделях	203
<i>Чекулай И.В., Прохорова О.Н.</i> Проблемы метафорической интерпретации знаний о мире	210

VI. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖУРОВНЕВОГО И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

<i>Березина О.А.</i> Пунктуационные средства как триггер комического эффекта . .	217
<i>Голованова Е.И.</i> Идентифицирующая функция прилагательных <i>открытый</i> – <i>закрытый</i> в профессиональных языках	224
<i>Киселева С.В., Родин В.А.</i> Явление метафтонимии в терминологических фразеологизмах англоязычной терминосистемы «Строительная техника».	232

<i>Максимова Е.Е.</i> Ментальные основы лексико-грамматического взаимодействия в языке.	240
<i>Троценкова Е.В.</i> Игра с перспективой в осмыслении маркетинговых стратегий инфлюенсинга	244
<i>Федяева Е.В.</i> Когнитивные и языковые механизмы выделенности качественных характеристик.	252
<i>Щирова И.А.</i> Язык, культура и нравственность в качестве объединяющих идей экологии	257

VII. КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Ашмарина И.Л.</i> Административное объявление как жанр институционального дискурса	263
<i>Быстров Н.А.</i> Интенциональность современного политического дискурса США. . 270	
<i>Вацковская И.С., Шевчук Е.В.</i> Эмоциональная аргументация в рекламном дискурсе: когнитивный анализ стратегий убеждения	278
<i>Вышенская Ю.П.</i> Дискурсивные стратегии воздействия в текстах-описаниях (на материале парфюмерных интернет сайтов)	285
<i>Гончарова В.В.</i> Когнитивно-функциональный аспект лексикографического текста	292
<i>Гончарова Е.А.</i> Когнитивно-функциональная специфика ментально-речевой деятельности участников литературного дискурса	297
<i>Кацеева А.В.</i> Функциональные типы учебного текста	312
<i>Киосе М.И.</i> Линейная структура цикла пояснения в устном монологе	317
<i>Кремнева А.В.</i> Смысловая вариативность прецедентных высказываний в разных типах дискурса	325
<i>Левицкий А.Э., Музалевская Е.С.</i> Дискурсивная репрезентация концептов ВОЙНА И МИР (на материале советской и американской периодики 50–70-х годов XX века)	332
<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Когнитивно-функциональный аспект исторического текста и дискурса	338
<i>Петрова Е.С.</i> Метакогниция в зеркале англоязычного художественного дискурса . 343	
<i>Петухова Т.И.</i> Эмотивно-оценочный потенциал автокомментария художника. 349	
<i>Синеокая Н.А.</i> Коммуникативная стратегия митигации в политическом дискурсе (на материале интервью женщин-политиков Германии)	356
<i>Хомякова Е.Г.</i> PERESTROIKA как смена парадигм в науке и политике	363
<i>Чемодурова З.М.</i> Стратегия экспрессивизации в современной мультимодальной художественной литературе	370
<i>Диссертации, защищенные Н. А. Кобриной.</i>	378
<i>Список диссертаций, защищенных под руководством профессора Новеллы Александровны Кобриной</i>	378
<i>Издания и публикации, посвященные Н. А. Кобриной</i>	382

CONTENTS

About Scholar and Teacher	13
-------------------------------------	----

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS

<i>Boldyrev N.N.</i> Language as a knowledge-processing system	17
<i>Besedina N.A.</i> Morphology in Professor N.A. Kobrina's heritage: functional and cognitive interpretation	25
<i>Dubrovskaya O.G.</i> Cognitive-discursive profile: indentification of a native speaker	35

II. CONCEPTUALIZING AND CATEGORIZING THE WORLD IN GRAMMAR: NEW TRENDS AND APPROACHES

<i>Berzina G.P.</i> Grammaticalization of meaning as a way of representing knowledge about the world	41
<i>Golubeva N.A.</i> The variability of grammatical function in the aspect of precedent thinking	47
<i>Davydova E.I.</i> Cognitive grounds of secondary representation of predicativeness in language	54
<i>Gribennik D.V.</i> Phrases like <i>to have a kick</i> , <i>to give a push</i> with a zero-derived verbal noun as the second component	61
<i>Taramzhina L.V., Berlov D.N.</i> Formation of categories and variability of individual worldviews.	66
<i>Aleksakhina A.S.</i> On the category of tense in English.	73

III. APPLIED ASPECTS OF COGNITIVE RESEARCH IN GRAMMAR

<i>Kozlova L.A.</i> Incorporation as a means of language economy (functional and cognitive aspects).	77
<i>Maslova Zh.N.</i> Generated text in cognitive aspect: an attempt to define approaches to analysis.	84
<i>Nilsen E.A., Mashko I.K.</i> Peculiarities of attributive constructions functioning in Early Modern English poetry.	81
<i>Trofimova N.A.</i> From knowledge to text: the 18th century culinary recipe as a cognitive model.	98
<i>Shebarshina D.Y.</i> The influence of conjunctions' polysemy on the grammatical structure of a sentence in oral simultaneous interpreting.	105

IV. LINGUISTIC INTERPRETATION OF THE WORLD AND KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD: COGNITIVE PERSPECTIVE

<i>Grishaeva L.I.</i> Generation and reception of a text as interpretation of knowledge about the world	111
<i>Panasenko L.A.</i> Functional potential of lexis in the perspective of the linguistic interpretation theory.....	121
<i>Stepanenko S.N.</i> Interpretation of quantity: cognitive and linguistic aspects (on the example of the English language syntactic means)	128
<i>Stolyar E.D.</i> Interpretative potential of evaluation	134
<i>Sharapova J.V.</i> Interpretation of knowledge about the world in language: a play on words and meanings.....	141
<i>Furs L.A.</i> Interpretational specificity of evaluative opposition	148

V. COGNITIVE BASES OF LEXIS FUNCTIONING

<i>Babina L.V., Tolmacheva I.N.</i> Metaphor and comparison in social environmental advertising: interpretative potential	154
<i>Beloglazova E.V.</i> Conceptualization of exocultural realia in translingual literature ..	161
<i>Vinogradova S.A.</i> Cognitive analysis of precedent denominal adjectives.....	168
<i>Volkova E.V.</i> Cognitive aspects of representation of axiological concepts in the Germanic languages (based on the concept GEMÜTLICHKEIT)	173
<i>Zelinskaja Iu.Iu.</i> Cognitive-associative field of onyms in St. Petersburg and Vienna.	180
<i>Emelianova O.V.</i> Language actualization of the concept ENGLISH BIRDWATCHER.....	186
<i>Malyshev D.A.</i> Lexical representation of emotions in the inner speech of science fiction characters	192
<i>Manerko L.A.</i> Functional relevance of metaphor in English scientific discourse and its conceptual participants.....	197
<i>Tretyakova T.P.</i> The evaluative modus in English communicative idioms and its implementation in cognitive models	203
<i>Chekulai I.V., Prokhorova O.N.</i> Metaphoric interpretation of the knowledge about the world	210

VI. COGNITIVE ASPECTS OF INTERLEVEL AND INTERCATEGORIAL INTERACTION

<i>Berezina O.A.</i> Punctuation marks as trigger for comic effect	217
<i>Golovanova E.I.</i> Identifying function of adjectives <i>open – closed</i> in professional language	224

<i>Kiseleva S.V., Rodin V.A.</i> The phenomenon of metaphtonymy in the terminological phraseological units of the English-language terminological system “Construction machinery”	232
<i>Maksimova E.E.</i> Mental basis of lexical and categorial meaning interaction in language	240
<i>Troshchenkova E.V.</i> Playing with perspective-taking in making sense of influencing marketing strategies	244
<i>Fedyayeva E.V.</i> The salience of quality: cognitive and language mechanisms	252
<i>Schirova I.A.</i> Language, culture and morality as the unifying ideas of ecology	257

VII. COGNITIVE AND FUNCTIONAL ASPECTS OF TEXT AND DISCOURSE

<i>Ashmarina I.L.</i> Public signage as a genre of institutional discourse	263
<i>Bystrov N.A.</i> Intentionality of contemporary US political discourse	270
<i>Vatskovskaya I.S., Shevchuk E.V.</i> Emotional argumentation in advertising discourse: cognitive analysis of persuasive strategies	278
<i>Vyshenskaya Y.P.</i> Discursive influential strategies in texts descriptions (on perfumery web-sites material).	285
<i>Goncharova V.V.</i> Cognitive and functional aspects of lexicographic text	292
<i>Goncharova E.A.</i> Speech-thinking activity of literary communication participants: on cognitive and functional specificity	297
<i>Kashcheyeva A.V.</i> Functional types of educational text.	312
<i>Kiose M.I.</i> Linear structure of expository cycle in spoken monologue	317
<i>Kremneva A.V.</i> Semantic variability of precedent phrases in various types of discourse	325
<i>Levitsky A.E., Muzalevskaya E.S.</i> Discursive representation of the concepts of WAR and PEACE in the Soviet and American periodicals of 1950-s – 1970-s	332
<i>Minyar-Beloroucheva A.P.</i> Historical text and discourse study from a cognitive-functional perspective	338
<i>Petrova E.S.</i> Metacognition in the mirror of the English language fiction discourse	343
<i>Petukhova T.I.</i> Emotive-evaluative potential of the artist’s autocommentary.	349
<i>Sineokaia N.A.</i> Communicative strategy of mitigation in German political discourse (based on the interviews of women-politicians of Germany)	356
<i>Khomyakova E.G.</i> PERESTROIKA as a paradigmatic change in science and politics	363
<i>Chemodurova Z.M.</i> Expressivization strategy in contemporary multimodal fiction	370
<i>Th ses written N.A. Kobrina</i>	378
<i>Th ses written r the guidance of professor Novella Aleksandrovna Kobrina</i>	378
<i>Cb lectio fo rs and publications in honor of N.A. Kobrina</i>	382

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ И УЧИТЕЛЕ

25 ноября 2025 г. профессору, доктору филологических наук Новелле Александровне Кобриной исполнилось бы 100 лет. Новелла Александровна – крупный ученый-лингвист, чье имя неразрывно связано с кафедрой английского языка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Профессор, доктор филологических наук Новелла Александровна Кобрина без сомнения, была и есть гордость не только этой кафедры и университета, но и других университетов, где преподают, возглавляют кафедры и научные центры, ведут научную работу её ученики.

Родители, события, непростое время, семья, люди, окружавшие Новеллу Александровну на разных этапах жизненного пути, сформировали удивительную и многогранную личность. В 1948 году Н. А. Кобрина окончила 1й Ленинградский Государственный Педагогический Институт Иностранных Языков, а в период с 1949 по 1952 год училась в аспирантуре Ленинградского Государственного Педагогического Института (ЛГПИ) им. М. Н. Покровского, сочетая научную работу с преподавательской деятельностью в двух институтах. В годы учёбы молодому и талантливому аспиранту-филологу доверили вести семинары по теоретической грамматике и руководить дипломными работами. В 1953 году Новелла Александровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке», параллельно работая со студентами сразу трех курсов. Занимаясь научной, методической и педагогической деятельностью, Н. А. Кобрина увлеченно, с большой отдачей, разрабатывала свою концепцию теоретической грамматики. Результатом этого этапа стала блестящая защита в 1975 году докторской диссертации на тему «Предложение с вставной предикативной единицей в современном английском языке».

С 1976 года профессор кафедры английского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена Н. А. Кобрина активно ведёт научно-педагогическую деятельность, готовит спецкурсы по проблематике сложного предложения и строя английского языка в целом, создаёт теоретические курсы, посвященные сравнительной типологии русского и английского языков, а также курсы по лингвистическим теориям и методам, применяемым исследователями в XX веке. Новеллу Александровну регулярно приглашают выступить в качестве оппонента или рецензента кандидатских и докторских диссертаций. Закономерно, что широта знаний, эрудиция и неординарное мышление Новеллы Александровны Кобриной притягивали к ней аспирантов и докторантов, которые с гордостью ровнялись

на своего научного руководителя, проявляя глубокое уважение к своему Учителю, и которые ценили своего наставника не только за профессиональные качества, но и удивительные душевные свойства. Так, в результате наставнической и научно-педагогической деятельности Новеллы Александровны, а также исследовательской деятельности учеников с конца 80-х годов под ее руководством сформировалась филологическая школа Профессора Н. А. Кобриной.

Ученики и последователи Новеллы Александровны Кобриной изучали и продолжают исследовать многочисленные проблемы когнитивной лингвистики, семиологической грамматики, функционального и коммуникативного аспектов языка, типологической и функциональной стилистики, речепорождения и речевосприятия текста и текстовых регистров. Под руководством профессора Н. А. Кобриной были защищены около 40 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

В истории российской лингвистики Новелла Александровна известна как крупный ученый, чье имя неразрывно связано со становлением отечественной когнитивно-функциональной грамматики. Она долгие годы возглавляла научно-педагогическую школу когнитивно-функциональной грамматики в нашей стране. Будучи членом Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», Новелла Александровна входила в состав редакционной коллегии научно-теоретического журнала «Вопросы когнитивной лингвистики». Н. А. Кобрина является автором многочисленных статей и книг. Во многих вузах России в преподавании английского языка используются учебники и учебные пособия по грамматике, написанные Н. А. Кобриной или под ее общим руководством.

Профессор Н. А. Кобрина известна не только в нашей стране, но и за рубежом, вместе со своими учениками и коллегами она регулярно участвовала в международных конференциях и симпозиумах, демонстрируя энциклопедические знания, прекрасное владение английским языком и талант исследователя. Имя Новеллы Александровны живёт не только в ее собственных научных трудах, в работах учеников, коллег и последователей, но и в сердцах всех людей, которые имели счастье познакомиться и общаться с этой необыкновенной, умной и красивой женщиной.

У каждого из нас, многочисленных учеников Н. А. Кобриной, коллег живёт в сердце свой образ Новеллы Александровны. Он разный и похожий одновременно, это образ, объединяющий высочайший профессионализм Ученого, талант Педагога и мудрого Наставника. Этот образ у всех нас, кто хранит светлую память о Новелле Александровне, связан с трудолюбием и исключительной преданностью науке, способностью этого Человека справ-

ляться с любимыми трудностями и помогать другим. Общение с Н. А. Кобриной непременно вызывало желание воспитать в себе те качества, которыми она обладала, являясь для нас идеалом человека и в науке, и в жизненных взаимоотношениях с людьми.

Вот описание Великого Учёного, Учителя и Наставника, которое дают её ученики и коллеги. Но под этими фразами может подписаться любой, кому на своём жизненном пути посчастливилось встретить Н. А. Кобрину. Прочитав эти слова, каждый из тех, кто знал Новеллу Александровну может подумать: «Это же я говорил, отвечая на вопрос «Какая была Новелла Александровна Кобрина?»»

- человек многосторонний и одаренный, охватывающий своими познаниями все этапы и направления лингвистической мысли.
- Учитель, сыгравший в жизненном выборе важную роль.
- это та аристократическая демократичность, которая отличает подлинно петербургский образ этого дорогого мне человека.
- под ее влиянием сформировались мои представления об исследовательской деятельности
- имела счастье участвовать с Новеллой Александровной в заграничной международной конференции. Я никогда не забуду яркий диспут профессора Н. А. Кобриной с автором английской грамматики... эта дискуссия представляла собой образец взаимного уважения точек зрения оппонентов и, в тоже время, пример отстаивания личных научных убеждений.
- редкий учитель, педагог к которому тянешься из уважения и благодарности не только за профессиональным советом, но и за особой атмосферой душевного тепла, которого порой так не хватает в суетной жизни...
- она не только выдающийся ученый и профессионал своего дела, но и очень чуткий и приятный в общении человек.
- у Новеллы Александровны всегда находилось доброе слово, которое поддерживало и настраивало. В работе она никогда не позволит схалтурить ни себе, ни другим. Замечательный человек, заряжает своей энергией и жизнелюбием!
- каждый раз общаясь с нею, непременно хочется быть достойным ее уровня общения.
- мы ежедневно учимся у этой прекрасной, благородной женщины, получая от нее ответы не только на сложные вопросы грамматики английского языка или когнитивной лингвистики, но и иногда на более сложные вопросы нравственного выбора, учимся у нее доброте и порядочности.
- её мудрость неисчерпаема. Её стиль и элегантность неповторимы.

- выдающийся ученый, величие, слава и гордость нашего университета.
- Учитель и Лингвист от бога, образец интеллигентности и душевной щедрости
- с именем Новеллы Александровны у меня связано чувство огромной благодарности, и я знаю, что она всегда со мною рядом.

И это не все достоинства, а лишь те, которые отчасти могут отразить личностные качества профессора Новеллы Александровны Кобриной. Весь масштаб личности Н. А. Кобриной трудно представить всеобъемлюще. Она была уникальна: сочетание мягкости и элегантности, Петербургской интеллигентности и доброжелательности, а также честность и справедливость, стойкость и непреклонность в научных и нравственных вопросах, это человек, который многому научил и продолжает учить, и на которого хочется всегда равняться. Это – Учитель в самом высоком смысле этого слова.

* * *

Почти 15 лет прошло с того дня, когда не стало Новеллы Александровны. Но в нашей памяти, ее учеников и коллег, Новелла Александровна продолжает жить, продолжают жить ее идеи, ее мудрые человеческие советы, ее интеллигентность и открытость к общению и помощи тем, кому она особенно нужна.

Настоящий сборник – это дань уважения к памяти Новеллы Александровны, благодарность ей за многочисленные идеи, которыми она так щедро делилась с авторами статей, представленных в настоящем выпуске академической серии «Когнитивные исследования языка».

Редакционный совет, коллектив авторов сборника

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Н. Н. Болдырев (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА ОПЕРИРОВАНИЯ ЗНАНИЕМ

Язык рассматривается в его когнитивном аспекте – как система репрезентации, обработки и передачи знаний о мире. Акцентируется моделирующая функция языка в конструировании мира в сознании человека, его интерпретирующая природа по отношению к познавательным процессам концептуализации и категоризации. Автор постулирует существование отдельной – интерпретирующей – функции языка, которая проявляется в двух типах языковой интерпретации: первичной (интерпретация мира) и вторичной (интерпретация знаний о мире), анализирует специфику реализации их частных функций и подтипов.

Ключевые слова: язык, система, знание, интерпретация, когнитивный подход.

Отличительной характеристикой любого научного направления и, соответственно, научной школы как важнейшей его составляющей является способность к саморазвитию и креативности. С полным основанием можно утверждать, что это свойственно научному наследию доктора филологических наук, профессора Новеллы Александровны Кобриной. Учитывая значительное количество подготовленных Н. А. Кобриной докторов и кандидатов наук, продолжающих успешно развивать идеи своего наставника в рамках разных подходов, это наследие можно с уверенностью квалифицировать как **научную школу функциональной грамматической семантики** в самом широком ее понимании.

Следуя принципу соответствия как одному из главных методологических принципов научного познания, научная школа Н. А. Кобриной базируется, с одной стороны, на известных фундаментальных положениях классиков структурной грамматики, таких как: В. Г. Адмони, Дж. Гринберг, Ф. Данеш, О. Есперсен, Е. Курилович, Дж. Лайонз, А. М. Пешковский, А. А. Холодович, З. Хэрис и др. С другой стороны, она развивает с позиций когнитивного под-

хода перспективные идеи изучения грамматической семантики в контексте ее взаимосвязи с речемыслительными и познавательными процессами, звучавшие в работах С. Д. Кацнельсона, И. И. Мещанинова, Ч. Филлмора, Н. Хомского, М. Хэллидея, У. Чейфа.

В частности, в своей работе «Функциональная модель языка» [Кобрин 1981] Новелла Александровна смогла во многом предвосхитить современные взгляды на семантику конструкций, которые за рубежом обрели популярность лишь в середине 1990-х годов [Goldberg 1995], обратив внимание на **интегративный характер взаимодействия** лексических и грамматических элементов в составе предложения, см.: [Кобрин 1989; 1993; 2000; 2010] и др. При этом самостоятельную значимость приобретает сама **идея представления языка как определенной модели**. Она открывает новые перспективы для исследования языка с позиций когнитивного подхода – как системы оперирования знанием, учитывающей соотношение структур знания с языковыми единицами и категориями. Обращение в предлагаемой статье к данной проблематике в год 100-летнего юбилея Н. А. Кобриной – дань светлой памяти и глубокого уважения к Учителю, талантливому ученому-лингвисту, теоретику, грамматисту-классику и прекрасному Человеку, открывшему путь в науку нескольким поколениям лингвистов.

Идея системного взаимодействия и взаимной интегрированности языковых элементов на вербальном и концептуальном уровнях применима и к самим функциям языка. Репрезентация мира в языковой форме в сознании человека (когнитивная функция языка) неотделима и во многом обусловлена его коммуникативными потребностями (коммуникативной функцией языка). Конструируя окружающий мир в своем сознании и реагируя на происходящие изменения, человек как представитель конкретного социума и как индивид опирается на личный опыт вербального и невербального взаимодействия с миром, опыт познания собственного внутреннего мира, мира мыслей и чувств. Другими словами, он постоянно получает и встраивает в существующую систему новые знания, в том числе за счет интерпретации уже имеющихся и вербализованных знаний о мире.

Из этого следует, что **интерпретация** как еще одна главная функция языка **интегрирована в процессы познания и языковой репрезентации мира** в качестве важнейшей их составляющей, см. подробнее: [Болдырев 2011; 2018]. Она основана на способности сознания по-разному представлять одни и те же объекты и события в зависимости от фокуса и условий восприятия мира человеком и его интенций, см.: [Dennett 1991; Pinker 2007]. Осмысление объектов и событий (концептуализация мира), соотнесение полученных единиц знания с рубриками предшествующего опыта (категори-

зация мира), их языковая репрезентация никогда не бывают нейтральными и практически всегда включают в себя их определенную интерпретацию в системе коллективных и индивидуальных знаний. По существу, **формирование знаний о мире и оперирование ими в речемыслительных процессах есть их интерпретация.**

Представление языка в виде определенной модели, имеющей системный характер, как известно, предполагает анализ его структуры и системных связей между его элементами. В структурной лингвистике этот анализ преимущественно ограничивался выявлением парадигматических и синтагматических связей языковых единиц. Когнитивный подход требует расширения спектра анализа внутрисистемных связей элементов за счет обращения к стоящим за ними структурам знания. Как следствие, возникает необходимость изучения общих функций языка в их взаимодействии, в том числе на уровне их частных функций и языковой реализации. В частных функциях и функциях языковых единиц и проявляется структурированность трех основных функций языка.

Так, когнитивная функция языка объединяет такие частные функции, как: обобщение (каждое слово в системе языка обобщает и репрезентирует знание о целом классе объектов или явлений – денотативная функция репрезентации тематического концепта), конкретизация (в речи каждое слово репрезентирует операциональный концепт, т.е. знание о конкретном объекте или явлении, выполняя тем самым функцию референции), выделение, или профилирование, отдельных характеристик объекта или явления из множества разных его характеристик и некоторые другие функции.

Коммуникативная функция, помимо формирования и передачи конкретных смыслов посредством использования языковых форм, выполняет частные функции привлечения и фокусирования внимания собеседника, утверждения или отрицания содержания высказывания, выделения главных и фоновых смыслов, реализации прагматических интенций говорящего, воздействия и манипулирования в отношении других участников коммуникации и др.

Аналогичную структуру обнаруживает и интерпретирующая функция. Ранее мы уже отмечали, что **языковая интерпретация**, в зависимости от целей и объекта познания, **может быть двух основных типов**: первичная (интерпретация мира как многообразия его элементов: *люди, животные, рыбы, насекомые, растения, реки, моря, горы, артефакты* и т.д.) и вторичная (новая интерпретация знаний о мире: *душевные, добрые, злые, умные, глупые, образованные, неграмотные, обучаемые, необучаемые, интересные, скучные, внимательные, равнодушные люди* и т.д.), см.: [Болдырев 2017;

2018]. В каждом из этих типов интегрированы разные **частные функции языковой интерпретации**: селективная, классифицирующая, оценочная.

Селективная интерпретация предполагает избирательность в выделении, осмыслении и репрезентации объектов, т.е. профилирование самих объектов или их отдельных характеристик, что одновременно может быть связано с их классификацией или оценкой: *научная, художественная, бухгалтерская, новая, антикварная, раритетная, регистрационная книга, книга почета, отзывы* и т.д. Этот тип играет ключевую роль в формировании индивидуального, в том числе языкового, сознания, ср.: *встреча – совещание – планерка – стратегическая сессия – тусовка; потребитель товаров и услуг – потребитель как общая характеристика человека (потребительский подход к жизни и к окружающим)*. Особенно очевидно это проявляется на уровне осмысления фразеологии, ср.: *набрать очки, ликвидировать задолженность, обойти на выраже, выйти на финишную прямую, весь день просидеть на приеме*.

Классификация как подтип языковой интерпретации, помимо возможной селекции и оценки, прежде всего соотносит объект или событие с конкретной категорией, приписывая им свойства элементов этой категории: *домашние – дикие животные; дойная корова, курица-несушка, сторожевой пес; естественный – искусственный интеллект; природные – искусственные водоемы; исторические здания – новодел*.

Оценочная интерпретация, в дополнение к возможной селекции и классификации, акцентирует те или иные характеристики объекта или события с точки зрения коллективных или индивидуальных ценностей и оценочных шкал: *хорошо – плохо, нравится – не нравится, приятно – противно, полезно – вредно, интересно – скучно, оригинально – банально, правильно – неправильно, прилично – неприлично*. При этом могут профилироваться разные характеристики объекта, вызывая противоречивые оценки: *умный* (по своим способностям), *но дурак* (по степени их реализации), *прекрасный дом* (по комфорту или расположению комнат), *но очень дорогой* (по цене или обслуживанию), *красивая собака* (по экстерьеру), *но злая* (по характеру), *горькое лекарство* (по вкусу), *но очень эффективное* (в плане получения желаемого результата в лечении).

Не трудно заметить, что многие частные функции так или иначе взаимосвязаны, как внутри одной общей функции, так и на уровне взаимодействия разных общих функций, и только в исследовательских целях они могут рассматриваться изолированно друг от друга, каждая – по отдельности. Например, частные функции обобщения или конкретизации, с одной стороны, способствуют фокусированию или дефокусированию смысла высказывания. С другой стороны, они подразумевают передачу информа-

пии или знания в языке на разных уровнях их возможной репрезентации: базовом, суперординатном или субординатном, т.е. его разноуровневую интерпретацию.

В основе реализации всех типов и частных функций языковой интерпретации, как и в основе формирования конкретных значений и смыслов, лежат **процессы структурирования концептуального содержания**. Эти процессы, в свою очередь, осуществляются **по определенным схемам и моделям**, которые интегрируются с концептуальным содержанием и формируют в результате этого семантику языковых единиц. Об этом писал и Р. Лэнекер, подчеркивая, что каждое отдельное значение слова включает определенную схему, или конфигурацию, которая накладывается на передаваемое концептуальное содержание, т.е. представляет собой отдельную концептуализацию [Langacker 1991]. Данные схемы возникают в результате осмысления всего опыта взаимодействия с миром, как языкового, так и неязыкового. В качестве типичных примеров выступают различные пространственные схемы и модели: передняя часть – задняя часть, верх – низ, траектория движения, внутренние и внешние границы и т.д., см. подробнее: [Болдырев 2017].

Функцию схем вторичной интерпретации знаний о мире выполняют также грамматические формы, морфологические и синтаксические категории, весь грамматический строй конкретного языка. Они интерпретируют знания о мире с позиций их представления в соответствии с законами и принципами вербальной коммуникации. Так, например, формы единственного и множественного числа существительного, артикли, видовременные формы глагола обеспечивают реализацию частных функций обобщения или конкретизации соответственно (*города и села, глубокая деревня, the noun as a class, nouns, a noun; They talk a lot; Stop talking!*), а порядок слов в предложении – функции выделения или фокусирования внимания (*Сделал он, а не кто-то другой*), см. подробнее: [Болдырев 2021].

Когнитивно-языковые схемы интерпретации не являются научными конструктами, они интегрированы в процессы познания, структурирования поступающей информации, превращая ее в знание. Дело в том, что само существование этих схем предопределено законами адаптации человека, его когнитивной системы к окружающей среде. Успешность этой адаптации и функционирования когнитивной системы в целом в значительной степени зависит, по утверждению психологов, от того, каким человек представляет себе окружающий мир, от его гипотетического представления об устройстве этого мира, см.: [Ушаков 2009]. Если человек интерпретирует объекты и события, языковые значения, только исходя из личного языкового

и неязыкового опыта, а не так, как это установлено в обществе или конкретном социуме, то он будет чувствовать себя в этом социуме некомфортно, в лучшем случае, а в худшем (например, в отношении правил дорожного движения) – подвергать свою жизнь опасности.

Различия в индивидуальных интерпретациях не только объектов и событий, но и систем ценностей, оценочных шкал, норм общего и речевого поведения могут создавать и определенную проблему в коммуникации – в плане порождения речевых конфликтов. **Эффективность языковой коммуникации**, в частности, обусловлена успешным взаимодействием ее участников на концептуальном и языковом уровнях, см.: [Болдырев 2024]. Об этом часто забывают современные авторы новостных публикаций в СМИ, которые, по умолчанию, адресованы широкой аудитории. Поэтому их содержание должно соответствовать, в первую очередь, коллективным представлениям о мире, лежащим в основе формирования индивидуальных знаний, но никак не наоборот.

В качестве иллюстрации можно привести многочисленные случаи опечаток, немотивированного использования иноязычных заимствований, неоднозначных с точки зрения деривационных процессов (и потому немотивированных) производных слов и абстрактных выражений, использования заголовков, которые не соответствуют или даже противоречат смыслу основного текста сообщения.

Например:

*После развода певца, в социальных сетях начали появляться слухи о возможном его романе **между** Мизулиной. А **недавно** в сети **давно** появились видеозаписи и фото...* (Рамблер. 07.02.2025).

***Минкультуры** России поддержало более 150 заявок по итогам **питчингов**, прошедших в конце ноября и начале декабря...* (Рамблер. 15.11.2024).

*По аналогии с **редомициляцией** других эмитентов торговля ценными бумагами «Ozon» **будет приостанавливаться в достаточно длительный срок, может продлиться несколько месяцев...*** (Рамблер. 28.12.2024).

*Среди молодежи набирает популярность новый тренд под названием **монастыринг**.* (Рамблер. 03.01.2025).

*Председатель Правительства России Михаил Мишустин утвердил **распределение вице-премьеров по обязанностям**. Согласно распределению, первый вице-премьер Денис Мантуров **будет отвечать ... за курирование** социально-экономического развития субъектов в составе Уральского федерального округа. ... Дмитрий Чернышенко **будет выполнять обязанности, связанные с общим и средним профессиональным образованием**.* (Рамблер. 17.05.2024).

«Вчерашняя операция, которая длилась два часа, внесла вклад к позитивному прогнозу развития состояния премьера», – отметила министр. (Рамблер. 18.05.2024).

АРК-файлы также могут работать как бэкдоры, то есть позволять хакерам удаленно управлять устройством... (Mail.ru. 30.01.2025).

Случившееся с Лавровым в КНДР уже не скрыть (Заголовок на ленте новостей). – *Лавров прибыл в КНДР с визитом* (Заголовок перед текстом). Текст сообщения: *В ходе визита запланированы переговоры Лаврова с главой МИД КНДР Цой Сон Хи.* (Рамблер. 22.10.2023).

Россия отказалась платить 1,2 млрд. долларов в ЕЭК ООН [Европейскую экономическую комиссию (ЕЭК) ООН] (Заголовок на ленте новостей и перед текстом). – Текст сообщения: *Правительство РФ приняло предложение МИД не выплачивать взнос в ... организацию 1,2 млн. долларов.* (Рамблер. 09.02.2025).

Ну вот и все: где нашли Анатолия Чубайса (Заголовок на ленте). – *Чубайс раскрыл свое местонахождение журналистам* (Заголовок перед текстом сообщения). – Текст сообщения: *Экс-глава компании «Роснано» Анатолий Чубайс вернулся в Израиль из Дубая.* (Рамблер. 16.10.2023).

Приведенные примеры опечаток, использования немотивированных заимствований и абстрактных формулировок, а также смыслового несоответствия между заголовком и текстом сообщения, не нуждаются в специальном анализе и комментариях в силу их очевидной ненормативности. Хотелось бы только обратить внимание на то, что немотивированное использование иноязычных заимствований и абстракций, равно как опечаток и смысловых противоречий не так безобидно, как может показаться. Помимо собственно речевого конфликта в восприятии приведенных сообщений, они также содержат в себе скрытую опасность утраты человеком **когнитивного суверенитета** в конструировании знаний о мире и принятии самостоятельных решений за счет разрушения структуры и порождения хаоса в сознании, как самих авторов, так и той аудитории, к которой обращены данные сообщения.

Обобщая все вышесказанное, необходимо еще раз подчеркнуть, что глубина и перспективность научных идей, формулируемых в рамках разных научных школ и направлений, определяется их потенциалом к дальнейшему развитию, порождению на их основе новых идей. С этой точки зрения можно с уверенностью утверждать, что научная школа функциональной грамматической семантики, созданная Н. А. Кобриной, отличается именно такой креативностью. Достаточным аргументом в пользу данного утверждения могут служить сформулированные Новеллой Александровной и развиваемые ее учениками, к числу которых

относит себя и автор данной статьи, положения о возможностях разного моделирования языка как определенной системы хранения, обработки и передачи знаний о мире.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н. Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22–34.

Болдырев Н. Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5–19.

Кобрин Н. А. Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: сборник статей. Л.: Издательство ЛГПИ, 1981. С. 30–44.

Кобрин Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация: сборник статей. Л.: Издательство ЛГПИ, 1989. С. 40–49.

Кобрин Н. А. Функциональная (внешняя) категоризация слов в структуре // Категориально-формальный и функционально-прагматический аспекты языка. СПб.: Издательство РГПУ, 1993. С. 3–8.

Кобрин Н. А. Когнитивная лингвистика: истоки становления, главные постулаты и направления развития // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов: Издательство Тамб. ун-та, 2000. С. 170–175.

Кобрин Н. А. О дифференцированности связей и функциональной значимости компонентов модусного плана в рамках языковой единицы // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. СПб.: ЛЕМА, 2010. С. 8–16.

Ушаков Д. В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 5–14.

Denneit D. Consciousness Explained. N.Y.: Back Bay Books, 1991.

Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. N.Y.: Viking Penguin, 2007.

*N. N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

LANGUAGE AS A KNOWLEDGE-PROCESSING SYSTEM

The article focuses on the cognitive aspect of language by presenting language as a knowledge-processing system, thus emphasizing the modeling function of language in the construal of the world knowledge in the human mind. Postulating a separate interpreting function of language, the author analyzes linguistic interpretation in close interrelation with the cognitive processes of conceptualization and categorization. In doing so he argues that this function manifests itself in two types of linguistic interpretation: primary (interpretation of the world in its diversity of objects and events) and secondary (new interpretation of the previously gained knowledge of the world). He also draws special attention to linguistic interpretation subtypes: selective, classifying, and evaluative interpretation and means of their representation.

Key words: language, knowledge-processing system, interpretation, cognitive approach.

*Н. А. Беседина (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
NBesedina@bsuedu.ru*

ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА Н.А. КОБРИНОЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

В статье проводится анализ и осмысление научного наследия проф. Н. А. Кобриной с точки зрения его релевантности для современных исследований морфологии языка в контексте функциональной и когнитивной парадигм научного знания в лингвистике.

Ключевые слова: морфология, Н. А. Кобрина, наследие, креативность, категория, взаимодействие морфологии, лексики и синтаксиса, морфологическая репрезентация.

Научное наследие Новеллы Александровны Кобриной, разнообразное по своему содержанию и затрагиваемой проблематике, отличается несомненной глубиной и фундаментальностью. Новелле Александровне принадлежат оригинальные идеи по многим актуальным проблемам, решением которых занимались ее коллеги – лингвисты второй половины XX и начала XXI столетия. Как известно, основной сферой ее интересов

была грамматика. При этом из поля зрения никогда не уходили и более общие проблемы теории языка, в частности, типологии языков. В течение многих лет Н. А. Кобрина также активно разрабатывала проблему ментальных основ функционирования языковых единиц разных уровней. Именно подвижность и разнообразие ментальной деятельности человека (то, что сегодня принято называть лингвокреативностью), по мнению Н. А. Кобриной, объясняет сложность системного устройства языка, «его многоаспектность, ярусность с возможными уровневыми модификациями, вариабильность функций и значений, стилевых вариантов и других видов неоднозначности» [Кобрина 2010: 16].

Юбилейная дата, отмечаемая в 2025 году, а именно столетие нашего дорогого Учителя, заставляет еще раз прочитать труды Ученого, под влиянием идей которого выросло несколько поколений ученых, определяющих лицо современной отечественной лингвистики, и продолжающих дело Н. А. Кобриной. Хотелось бы надеяться, что отмечаемая в научном сообществе дата станет важным этапом в сохранении идей Новеллы Александровны, в их преумножении и развитии, в создании новых и укреплении уже существующих научных направлений и школ.

Прежде чем перейти к освещению заявленной в статье проблемы, систематизируем основные общетеоретические проблемы, суждения по которым, высказанные Новеллой Александровной, имеют особую значимость для современных лингвистических исследований в целом и для изучения морфологии языка, в частности.

Одной из центральных в трудах Н. А. Кобриной стала идея о категориальном устройстве языка, получившая обстоятельную теоретическую разработку в докторской диссертации ее ученика Н. Н. Болдырева (см. [Болдырев 1995]) и в дальнейшем в трудах Тамбовской научной школы, созданной им, а также в целом ряде кандидатских диссертаций, выполненных в разное время под руководством Н. А. Кобриной (полный перечень см. в настоящем издании с. 378). Именно эта идея стала одной из центральных, определивших теоретические основания отечественной версии когнитивной лингвистики. За общей идеей о категориальности языка с необходимостью последовала разработка Н. А. Кобриной и ряда частных аспектов, непосредственно связанных с ней и между собой. Речь идет, в том числе, о несовпадении объемов содержания понятийных и грамматических категорий, о нежестком, креативном характере языковой системы и полифункциональности и полистатутности как их проявлении, о комбинаторности как универсальном принципе функционирования языка, о неполноте значения знака на отдельных языковых уровнях,

о возможности существования в языке концептуальных сущностей, не имеющих онтологической базы в реальном мире и формирующихся в ответ на запрос в процессе коммуникативной деятельности; о взаимосвязи и взаимодействии концептуального содержания различных языковых единиц и др.

Перечисленные положения общего и частного характера легли в основу *Теоретической модели функционирования языка*, разработанной Н. А. Кобриной (см., в частности: [Кобрина 1981; Кобрина 1989]), и направленной на то, чтобы на основе системного объяснения максимально полно охватить все факты функционирования языка (см. более подробный анализ в [Болдырев 2013]).

Свое логическое продолжение и развитие идеи, сформулированные в многочисленных работах Н. А. Кобриной, находят в исследованиях, выполненных непосредственно под руководством профессора Н. А. Кобриной, а в дальнейшем – в работах учеников ее учеников и последователей, проводящих изучение языковых единиц с точки зрения различных подходов и в рамках широкого круга исследовательских направлений. Яркое подтверждение тому – сборники научных трудов (полный перечень см. в настоящем издании с. 382) в честь юбилейных дат при жизни Новеллы Александровны (2001, 2005, 2010), а также уже несколько сборников, посвященных памяти Н. А. Кобриной (2013, 2017).

В описании грамматического строя английского языка, содержащемся в трудах Н. А. Кобриной, важное место занимает осмысление сущности морфологии (см. подробнее: [Пособие... 1974; Кобрина 2005; Кобрина, Болдырев, Худяков 2007]). Более детальному анализу этого аспекта ее научного творчества и посвящена настоящая статья, которая позволит продемонстрировать, как идеи Новеллы Александровны в рассматриваемой области научного знания были вписаны в классический контекст отечественной лингвистики, а также и то, что все они остаются актуальными для проведения научных исследований в рамках современных подходов и прежде всего, когнитивного.

Следуя классическим канонам отечественного языкознания, Новелла Александровна считает, что **морфология** «изучает все то, что заложено «внутри слова», и выявляет, каков потенциал его возможностей участвовать в коммуникативном процессе» [Кобрина и др. 2007: 6]. Такое понимание морфологии оказывается в определенной степени универсальным и потому востребованным в современных исследованиях, ориентированных на анализ взаимодействия ментальных и языковых единиц. Именно слово в совокупности своих формальных характеристик выполняет

роль объединяющего начала морфологической системы языка, что согласуется с его ролью в познавательных процессах, результаты которых особым образом сфокусированы и представлены в слове (ср., например, [Кубрякова 2003]).

Следующее положение, которого придерживается Н. А. Кобрин, весьма существенно для морфологии английского языка. Речь идет о неполновесности морфологии без ориентированности на синтаксис. Данная мысль созвучна с идеями многих известных отечественных лингвистов. В этой связи вспомним, что морфологические формы в понимании В. В. Виноградова есть отстоявшиеся синтаксические формы. Кроме того, по утверждению ученого, постоянно происходящие изменения в морфологических категориях испытывают импульсы, идущие от синтаксиса (см. подробнее: [Виноградов 1972]).

С. Д. Кацнельсон, имплицитно идею градуального перехода морфологии в синтаксис, в разработанной им теоретической концепции считает необходимым в грамматическом строе выделять, наряду с морфологией в традиционном понимании («синтетическая морфология» в его терминах), особую промежуточную область. Ее он называет синтаксической морфологией [Кацнельсон 1948].

А. В. Бондарко также придерживается точки зрения о невозможности обособления морфологии от синтаксиса. В качестве самостоятельной области им выделяется «морфологический синтаксис», ориентированный на изучение употребления грамматических категорий и функционирования морфологических противопоставлений. Проявление и модификация морфологического значения категории, по его мнению, возможны только в контексте всего предложения-высказывания, в соотношении со значением других категорий и с учетом речевой ситуации (см. подробно: [Бондарко 1962]). Сформулированная А. В. Бондарко идея учитывает динамику языковой системы в целом и ее морфологической составляющей, в частности.

И. Б. Хлебникова в трактовке рассматриваемой проблемы исходит из двусторонности слова. Соответственно, морфологию и синтаксис она рассматривает как две стороны функционирования слова, между которыми не существует непреодолимых границ. Исходя из данной установки, она различает синтагматическую морфологию, подразумевающую анализ синтагматических отношений форм слов, и парадигматическую морфологию, изучающую классы и парадигмы слов в системе (см. подробнее [Хлебникова 1965]). Как видно, общим объектом в такой интерпретации выступает слово, обнаруживающее системные и линейные связи.

Ориентированность морфологии на синтаксис в некоторых научных концепциях была интерпретирована как идея о службе морфологии

синтаксису. Для правильного осмысления данного положения важным оказывается замечание Б. А. Серебренникова о том, что морфология в возможностях своего функционирования ограничена отвлеченными значениями, носителем которых она является и как следствие, сама диктует синтаксису выбор тех или иных морфологических средств (подр. см.: [Серебренников 1988]). Однако не стоит сбрасывать со счетов и уточнение этой идеи, высказанное А. В. Бондарко в разработанной им теории морфологических категорий. Он в частности, считал, что далеко не все различия морфологического порядка оказываются существенными с синтаксической точки зрения. Служба морфологии синтаксису начинается лишь непосредственно в процессе коммуникации, когда морфологические единицы, формы и категории включаются в предложение-высказывание и оказываются существенными для конкретной модели построения коммуникативной единицы, но не абсолютно и абстрактно, отвлеченно, не глобально [Бондарко 1976].

Идея ориентированности морфологии на синтаксис получила свою интерпретацию и в терминах семиологической грамматики Ю. С. Степанова, который обратил внимание на то, что морфологические категории испытывают влияние и как следствие обусловленность взаимоотношениями синтаксиса и семантики (см., в частности, [Степанов 2002]).

Анализируемое положение во многом определило одно из базовых положений теории функционально-семиологической грамматики Н. Н. Болдырева, в соответствии с которым морфологии отводится роль техники языковой системы. И именно в процессе выполнения этой функции морфология фиксирует типичные связи, формирующиеся между семантикой и синтаксисом [Болдырев 1995].

Дальнейшее применение и разработку с когнитивной точки зрения данная идея нашла в теории морфологической репрезентации (см. подр. [Беседина 2006]), акцентирующей центральную роль морфологии в смыслообразовании даже в языках с «бедной» морфологией, к которым относится, в частности, и английский язык. В данной теории детально проанализированы механизмы когнитивные и языковые, взаимодействие которых обеспечивает процессы формирования широкого спектра смыслов, в которых не последнее место, в языковой репрезентации знаний о мире и собственно языковых знаний, принадлежит морфологии.

Передавая абстрактные и обобщенные смыслы, морфологические формы обеспечивают отнесение к соответствующей концептуальной области и выступают как необходимый элемент синтаксической конструкции. Тем самым устанавливается функция морфологии служить основой для форми-

рования конкретных смыслов лексико-грамматического и грамматического характера. Такие области смыслов, передаваемые с помощью морфологических категорий и форм, получили название собственно морфологических смыслов, имеющих статус доминантных (подробнее см. [Беседина 2006; Беседина 2020]). Они акцентируют приоритетные области знания в той или иной ситуации, репрезентируемой предложением-высказыванием, а также аспекты действительности, номинируемые в процессе речемыслительной деятельности. Например, к таким смыслам можно отнести смыслы, которые определяют: временные отношения относительно момента речи: предшествование, одновременность и следование за моментом речи; модальные характеристики передаваемой ситуации в части соответствия/несоответствия действительности; аспектуальные параметры, направленные на представление описываемого действия как длительного или результативного; залоговые характеристики, уточняющие направленность действия (на субъект/от субъекта) и др. Перечисленные доминантные смыслы выступают как параметры-смыслы, морфологические по своей природе и базовые с точки зрения установления когнитивной выделенности различных фрагментов репрезентируемой ситуации, обеспечивая первичную интерпретирующую деятельность говорящего, направленную на представление собственно языкового знания в морфологии.

Сказанное позволяет заключить, что процесс формирования смысла это по своей сути интегративный процесс, который предполагает обязательное взаимодействие морфологического уровня с другими языковыми уровнями – синтаксическим и лексическим.

Данный вывод хорошо согласуется с еще одним направлением научной мысли Н. А. Кобриной, касающемся исследования композиционных и интеграционных процессов в языке в целом и в морфологии, в частности (см. например: [Кобрина 2002]). Наиболее детально, в выполненных под руководством Н. А. Кобриной исследованиях, была разработана проблема взаимодействия категориального значения английского глагола и его видо-временных форм, и, как следствие, совместимости категориального и лексического значений глагола со значением грамматической формы (см., в частности, диссертации Л. Б. Эргман, Н. Н. Казыдуб, Е. Ф. Жуковой, Е. А. Беличенко, О. А. Березиной, Ю. В. Крючковой, Н. А. Храмовой, Е. Л. Чистяковой, Е. В. Шевчук, Е. В. Калининой и др.). Важным в таких наблюдениях оказывается вывод о том, что указанная соотносимость не есть простое суммирование значений, поскольку, как считает Н. А. Кобрина, «лексема принимает форму, а не прибавляет ее к своей целостности», что сопряжено с амальгамацией и более сложным взаимодействием, «вплоть до нечлени-

мого слияния исходных значений» [Кобрина и др. 2007:63]. Совместимости значения грамматической формы с категориальным глагольным значением могут препятствовать собственно глагольные характеристики, отражающие внутренние денотативные признаки.

Одной из центральных идей в теоретической концепции морфологии Н. А. Кобриной, сохраняющих свою актуальность для современных когнитивных исследований в области морфологии языков, является идея о функциональном переосмыслении внутри частей речи, т.е. о перекатегоризации внутри лексико-грамматических классов слов. Данная особенность получила детальную разработку первоначально в докторской диссертации Н. Н. Болдырева (см. [Болдырев 1995]), а в дальнейшем в исследованиях, выполненных под его руководством (см. кандидатские диссертации Н. А. Гуниной, Л. А. Панасенко, Л. А. Гиренко, Е. А. Козловой, С. Г. Виноградовой, И. Н. Меркуловой и др.).

В изучении категориальной морфологии английского языка немало важной оказывается идея Н. А. Кобриной о креативности языковой системы, т.е. о способности языка приспосабливать старые средства к новым целям. Так, по мнению ученого, система форм сослагательного наклонения в английском языке сформировалась по кластерному принципу, связанному с использованием множества формальных признаков, а именно средств разных уровней, приспособленных к выполнению новой для них функции (см. [Кобрина 1981]).

В терминах креативности (с учетом современного понимания лингвокреативности) могут быть интерпретированы английские формы превосходной степени имени прилагательного и множественного числа имени существительного. В своей вторичной интерпретирующей функции они выступают в качестве отправной точки для создания «новой» языковой единицы, в основе которой лежит концептуальное содержание, подвергшееся изменению по определенной модели с целью формирования нового смысла. Необходимо при этом обязательно принимать во внимание тот факт, что интерпретирующая функция морфологических форм и категорий опирается на конвенциональные когнитивные схемы знаний и соответствующие им языковые модели, т.е. определенным образом структурирована.

В упомянутых выше случаях ментальной основой креативного функционирования форм превосходной степени имен прилагательных и множественного числа имен существительных выступает процесс концептуальной деривации как «языковая модель изменения определенного концептуального содержания с целью формирования нового смысла»

(подробнее теоретическое обоснование см. [Болдырев 2009: 48]). В частности, того исходного содержания, которое обеспечивает основу для формирования нового смысла – элятивного, в случае с формами превосходной степени (*a most clever girl, a most interesting idea* и т.д.) (анализ формирования элятивных смыслов см. [Беседина 2013]); или того концептуального содержания, которое формирует семантику лексикализованных форм множественного числа, когда форма множественного числа получает самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов (*waters, oils, wines, wheels, travels, honours* и др.) (анализ процессов лексикализации с позиций концептуальной деривации см. в [Шемаева 2014]).

Анализируемые процессы основываются на интерпретации ранее вербализованного знания, подвергнутого переструктурированию и конфигурированию по определенным моделям, что приводит к формированию новых смыслов с помощью языкового механизма вторичной номинации. Речь идет, тем самым, о формировании «новых» лексических единиц, которые фиксируют новый фрагмент знаний о мире в определенной концептуальной конфигурации. Формирование значений «новых» языковых единиц обусловлено динамикой концептуального содержания и предполагает их включение в новые контексты употребления. В случае с формированием элятивных смыслов возникает пересмотр отношений между ментальными репрезентациями и языковой формой, что приводит к конструированию видоизмененного образа объекта, в частности, выражению оценочного отношения говорящего.

Все сказанное подтверждает ранее высказанную Р. И. Павиленисом идею о способности человека частично обновлять или регенирировать старую когнитивную структуру, а не создавать новую, что свидетельствует о непрерывности концептуальной системы (см. подробнее [Павиленис 1983]).

Проанализированные случаи позволяют также утверждать, что они являются результатом изменения собственно языковой формы, отражающей изменения человека об окружающей действительности, и служащей для создания нового знака. Тем самым лингвокреативность проявляется не только на уровне содержания и на уровне формы (см. подробное обоснование двух типов креативности в [Ирисханова 2009]). Речь идет о наличии переходной зоны, предполагающей одновременную реализацию креативности и на уровне формы, и на уровне содержания. Именно такую лингвокреативность демонстрируют и рассмотренные морфологические категории.

Завершая осмысление и краткий анализ научного наследия профессора Н. А. Кобриной в области морфологии, следует особо подчеркнуть, что

высказанные в разное время идеи не только хорошо вписывались в общенаучный контекст той эпохи, на которую пришлась деятельность Новеллы Александровны, но и создали серьезный научный задел для разработки самых разных аспектов в анализе морфологических систем языков в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания в лингвистике. Будем надеяться, что эти идеи не устареют и в случае появления новых парадигм и найдут своих последователей.

Литература

- Беседина Н. А.* Морфологически передаваемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2006.
- Беседина Н. А.* Интерпретационный потенциал морфологии: факторы и механизмы // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XV. С. 428–436.
- Беседина Н. А.* Доминантные смыслы в морфологии // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 682–687.
- Болдырев Н. Н.* Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
- Болдырев Н. Н.* Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 43–51.
- Болдырев Н. Н.* Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIII. С. 18–29.
- Бондарко А. В.* В чем заключается предмет синтаксиса и какова должна быть его структура // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 1. С. 214–215.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976.
- Виноградов В. В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.
- Ирисханова О. К.* О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 158–171.
- Кацнельсон С. Д.* О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 2. С. 114–134.
- Кобрин Н. А.* Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 30–45.
- Кобрин Н. А.* Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. С. 40–49.
- Кобрин Н. А.* Сущность композиционных процессов при взаимодействии одноуровневых и разноуровневых составляющих // Studia Linguistica. 2002. № 11. С. 20–28.

Кобрина Н. А. Морфология, ее объект и задачи // Филология и культура: материалы V Междунар. науч. конф. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2005. С. 31–32.

Кобрина Н. А. Когнитивное направление как естественное следствие и закономерность в развитии лингвистики // В поисках смысла: сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. А. А. Худякова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 13–22.

Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.

Кубрякова Е. С. Морфология сегодня и исследование морфологического строя в работах В. Н. Ярцевой // Теория, история, типология: материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. I. М.: Советский писатель, 2003. С. 5–13.

Павиленис Р. И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Пособие по морфологии современного английского языка / Е. А. Корнеева, Н. А. Кобрина, К. А. Гузеева, М. И. Оссовская: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1974.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Хлебникова И. Б. О границах морфологии и синтаксиса // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1965. № 4. С. 124–132.

Шемаева Е. В. Когнитивные основы лексикализации форм множественного числа имени существительного (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014.

N. A. Besedina (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

MORPHOLOGY IN PROFESSOR N.A. KOBRINA'S HERITAGE: FUNCTIONAL AND COGNITIVE INTERPRETATION

The present paper highlights analysis of prof. N. A. Kobrina's heritage and its relevance for modern linguistic researches of morphology based on functional and cognitive paradigms.

Key words: morphology, N. A. Kobrina, heritage, creativity, category, morphology, lexis and syntax interaction, morphological representation.

О. Г. Дубровская (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

o_dubrovskaya@inbox.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПРОФИЛЬ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

В статье основное внимание уделяется описанию когнитивно-дискурсивного профиля носителя той или иной лингвокультуры, под которым понимается совокупность когнитивных и языковых механизмов формирования смысла, раскрывающих индивидуальную специфику дискурсопорождения субъектом дискурса с точки зрения выбора, классификации и оценки языковых средств, организации их в группы. Когнитивно-дискурсивный профиль позволяет выявить особенности мыслительной деятельности субъекта и их проявлений в дискурсе.

Ключевые слова: идентификация, когнитивно-дискурсивный профиль, дискурс, параметры, носитель языка.

Мысль о том, что язык репрезентирует своего представителя посредством индивидуальной речи, нашла практическое воплощение в целом ряде направлений и подходов: контрастивной риторике, этнографии коммуникации, теории этносинтаксиса, лингвистической экспертизе текста. Так, специфичные (культурно-специфичные) особенности в организации содержания на уровне макроструктуры применительно к письменным текстам изучаются в рамках подхода контрастивной риторики (Contrastive Rhetoric) [Kaplan 1966; Connor 1999]. Исследуются организация смысловой структуры абзаца и текста, а в качестве материала избираются аргументативные эссе, подготовленные студентами разных национальностей, изучающими английский язык. Дальнейшее исследование этой проблематики (влияния культуры на способ структурирования текста) осуществляется за счет расширения этнической принадлежности субъектов (эссе, написанные испанцами, арабами, корейцами, русскими и др.). Устный модус получает изучение в рамках такого направления, как этнография коммуникации. Учет совокупности факторов, объединенных в акроним SPEAKING (по первой букве: *Setting and Scene, Participants, Ends, Act Sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genre*), позволяет Д. Хаймсу объяснить вариативность дискурсивных практик и признать за термином «коммуникативная компетенция» совокупность знаний, получаемых субъектом в процессе жизнедеятельности в той или иной социокультуре [Hymes 2005].

Идея обусловленности дискурсивной деятельности культурой получает развитие и в переводоведении. Так, в языковой паре английский-русский выявлены отличия *непереводного* текста на русском языке (как текста, созданного вне ситуации перевода) и *переводного* текста на русском языке (как

текста, в котором наблюдается нарушение прагматической релевантности и естественности (о естественности дискурса, например: [Цурикова 2002]). Эти отличия проявляются как закономерности в выборе языковых средств (вводных слов, связок, модальных глаголов и других функциональных слов) (см., например: [Kunilovskaya 2022]).

Дискурс – это самый крупный объект в лингвистике и объект когнитивно-коммуникативного метода. Исследователи полагают, что дискурс как лингвистический объект имеет две формы своего проявления (on-line и off-line). Осознание того, что связный текст должен рассматриваться в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; что речь – это целенаправленное социальное действие, приводит к тому, что выделяется важная особенность в подходе к изучению дискурса, а именно процесс интерпретации дискурса предстает как непрерывающийся процесс. Постоянное возвращение к осмыслению и переосмыслению одного и того же дискурса в новом контексте порождает новые смыслы. Приведем пример переводного дискурса, когда стремление переводчика направлено на передачу эпохи и адаптацию на адресата. Так, Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова замечают: «Гамлет во второй половине XVIII в. трактовался как *сильная волевая личность, как любимец народа, как идеальный монарх, переживающий конфликт между долгом и страстью* (перевод А. Сумарокова). В **середине XIX** в. Гамлет трактуется как *немолодой, малоприметный обыкновенный человек без особого масштаба* (перевод М. А. Загуляева (1861), например). В **конце XIX** в. Гамлет становится выразителем идей людей, осознающих гнет собственного бессилия, обреченности, душевной усталости. К **середине XX** в. Гамлет персонифицирует драму долга и самоотречения, драму высокого жребия, а сам принц датский описывается как сторонний наблюдатель исторических событий, размышляющий по поводу этих событий (перевод Б. Л. Пастернака (1940))» [Гришаева, Цурикова 2007: 295].

С позиции *говорящего* в любом дискурсе выделяются две составляющие: информационная составляющая как некоторое смысловое содержание (*что* сообщается) и метадискурсивная составляющая, которая определяет выбор форм и средств подачи информации (*как* сообщается), а также обеспечивает социокультурную специфику дискурса (см., например: [Дубровская 2014]; [Болдырев 2019]). Социокультурная специфика дискурса конкретного субъекта обеспечивается *конфигурацией* коллективного знания (контекста коллективных знаний), в результате чего в дискурсе становится возможным формирование *индивидуальных* смыслов, обнаруживающих социокультурную специфику.

В этой связи представляется актуальным поставить вопрос о параметризации дискурса как о методе выделения и систематизации его характеристик

в виде параметров, или измерений (dimensions). Совокупность параметров будет формировать когнитивно-дискурсивный профиль носителя той или иной лингвокультуры. Поскольку язык обеспечивает закрепление итогов когнитивных процедур восприятия, мышления, внимания, памяти и т.д., а каждое языковое явление, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, следует рассматривать как в когнитивном, так и коммуникативном аспектах с учетом значимости этого явления в передаче, запросе, обработке и переработке речевой информации [Кубрякова 2004], то логично ввести понятие «когнитивно-дискурсивного профиля носителя той или иной лингвокультуры / языка» по аналогии с понятием «когнитивно-дискурсивной интерпретанты» (подробнее: [Дубровская 2014]).

В самом общем виде под когнитивно-дискурсивным профилем носителя языка будем понимать совокупность когнитивных и языковых механизмов формирования смысла, раскрывающих индивидуальную специфику дискурсопорождения субъектом дискурса с точки зрения выбора, классификации и оценки языковых средств, организации их в группы (клаузы / элементарные дискурсивные единицы, если анализу подвергается устный дискурс), разные по объему (в зависимости от дискурса). Когнитивно-дискурсивный профиль в виде трехуровневой организации параметров / измерений позволяет выявить и ответить на вопрос, как субъект мыслит и каким образом результаты его мыслительной деятельности проявляются в его речи.

Трехуровневая организация когнитивно-дискурсивного профиля позволяет изучить дискурсы *субъектов*, для которых тот или иной язык является родным, а также дискурсы субъектов, для которых этот язык родным не является. Такой ракурс изучения (исследовательский фокус направлен не на отдельного субъекта, а на группу субъектов) позволяет выявить закономерности в способах подачи информации (распределения сегментов / клауз / элементарных дискурсивных единиц с точки зрения разнообразных отношений (см., например: [Киосе 2024]). Эти закономерности и будут идентифицировать субъекта – носителя того или иного языка с точки зрения совокупности социокультурных факторов (территориального, профессионального, гендерного, семейного и др.) как контекста социокультурных знаний, проявляющегося на уровне локальной структуры дискурса, и отличать его (субъекта – носителя русского языка) от любого другого субъекта. То, какое значение извлекается из сообщения, зависит от того, кто *субъект*: каков его статус, система ценностей и иных метаконцептов, которые определяют социокультурную специфику его дискурса. Иными словами, кодируя и / или декодируя сообщение, субъект проявляет свою идентичность и демонстрирует социальные взаимоотношения с участниками коммуникативного акта.

Изученный материал свидетельствует, что выбор языковых единиц в процессе формирования дискурса сопряжен с активацией мыслительных операций субъекта как представителя той или иной социокультуры. Этот аспект формирования дискурса в концептуальной системе субъекта описан в ряде работ (см.: [Болдырев 2019; Дубровская 2014]). Субъектный принцип формирования дискурса, выявленный нами, позволяет представить когнитивно-дискурсивный профиль в виде трехуровневой организации: метаконцептуального, когнитивного и языкового уровней. Метаконцептуальный макроуровень представлен совокупностью метаконцептов, которые свидетельствуют о том, как субъект усвоил культуру в процессе социализации. *Метаконцептуальный* уровень представлен метаконцептами РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ. Следующий уровень – *когнитивный* – объединяет когнитивные механизмы (профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, развитие, соединение, сравнение, сопоставление, перспективизация и др.) и когнитивные операции (переосмысление, логический вывод, умозаключение, поддержание темы, членение на сегменты, эксплицитность / имплицитность, отсылка / референция, связность и др.), направленные на выделение концептов и категорий. На *языковом* уровне представлены собственно языковые единицы разной степени сложности (разных языковых уровней, включая фонологический для устного дискурса). Каждый уровень представлен набором параметров / измерений, а общая их совокупность формирует когнитивно-дискурсивный профиль носителя того или иного языка. Изученный материал показывает, например, что метаконцепт РОЛЬ представлен такими параметрами, как социальная роль (формальная роль, неформальная роль), социальный статус, межличностная роль, семейная роль, коммуникативная роль (роль говорящего, роль слушающего). Метаконцепт СТЕРЕОТИП объединяет параметры: этнические стереотипы, автостереотипы, стереотипы поведения, стереотипы о внешности и др.

Приведем предварительные итоги, а также пример когнитивно-дискурсивного профиля студента-лингвиста, выявленный с помощью метода когнитивно-дискурсивной параметризации. Материалом послужили данные, заимствованные из письменных и устных ответов студентов-лингвистов. В целом, осваивая специальные дисциплины, которые раскрывают научное знание как достояние научного *коллектива*, студент-лингвист как субъект активизирует *индивидуальные* модели познания мира, которые он сформировал в повседневной деятельности. В этой связи частотны суждения студентов-лингвистов, основанные на метафорическом переносе: *Языкознание и лингвистика – разные, но крепко связанные науки, которые*

идут рука об руку друг с другом (НОРМОЙ для субъекта является нежелание / неумение осваивать коллективное знание. Наблюдается перенос из концептуальной области общение с ДРУЗЬЯМИ / ЛЮБИМЫМИ в область научного знания ЛИНГВИСТИКА: *идти рука об руку*).

В целом, когнитивно-дискурсивный профиль студента-лингвиста демонстрирует отсутствие навыка вдумчивого поиска слов, которые, как известно, репрезентируют знания о научном мире, его устройстве, взаимосвязи и системности:

Компонентный анализ – это процесс, изучающий определенные компоненты в языке, подгруппы.

Научное знание предстаёт в виде набора терминов, знакомых субъекту, но не имеющих непосредственного отношения к предмету высказывания. Наблюдается несформированность РОЛИ: ожидается ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ специалиста, но активизируется КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ слушателя (субъект слышал термины, но не «встроил» их в научную картину мира):

Фонетика – это наука о фонемах, звуках и их других акустических проявлениях.

Незнание терминосистемы может явиться основанием для активации ассоциаций по признаку частотности (термин «гlossарий» в лингвистической (переводческой) среде можно признать частотным. Задействуя операцию логического вывода, можно предположить, что «гlossематика занимается составлением гlossариев»:

Гlossематика – это создание гlossариев, совокупности слов, структуризация.

В заключение отметим, что установление когнитивно-дискурсивного профиля носителя языка позволяет не только выявить социокультурные особенности носителей языка (как группы, представителей того или иного лингвокультурного сообщества), то есть перейти к изучению универсальных, свойственных большинству, характеристик (в отличие от индивидуальных) и проследить процессы концептуализации и категоризации, но и имеет большое значение для преподавательской деятельности, поскольку позволяет выстроить учебный процесс таким образом, чтобы в результате обучающиеся смогли овладеть специальными знаниями.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2007.

Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Киосе М. И. Риторическая структура спонтанного экспозиторного монолога // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 258–269.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2002.

Connor U. Contrastive Rhetoric: cross-cultural Aspects of Second Language Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication / ed. by: J. Gumperz, D. Hymes. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

Discourse and Identity / ed. by: A. de Fina, D. Schiffrin, M. Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Enfield N. J. Ethnosyntax: introduction // Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture / ed. by N. J. Enfield. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life: toward a Descriptive Theory // Intercultural Discourse and Communication: The Essential Readings / ed. by: S. F. Kiesling, C. B. Paulston. Blackwell: Blackwell Publishing, 2005.

Kaplan R. B. Cultural thought patterns in intercultural education. Language learning. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

Kunilovskaya M., Ilyushchenya T., Morgoun N., Mitkov R. Source language difficulties in learner translation: Evidence from an error-annotated corpus // Target 7. 2022. URL: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.20189.kun>

O. G. Dubrovskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE-DISCURSIVE PROFILE: IDENTIFICATION OF A NATIVE SPEAKER

The article focuses on the description of the cognitive-discursive profile of a native speaker who represents a particular linguoculture. The cognitive-discursive profile includes a set of cognitive and linguistic mechanisms of meaning-making. They reveal the individual specificity of discourse construction by the speaker in terms of the choice, classification and evaluation of linguistic means. Cognitive-discursive profile allows to highlight the peculiarities of the speaker's thinking activity and their manifestations in discourse.

Key words: identification, cognitive-discursive profile, discourse, dimensions, native speaker.

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА: НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ

Г. П. Берзина (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии
И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
bgp55@mail.ru*

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О МИРЕ

Статья посвящена описанию процесса грамматикализации значения как когнитивно-семантического механизма репрезентации знаний о мире на примере уступительных отношений. Грамматикализация значения связана с трансформацией лексического значения и приобретением им обобщенно-отвлеченного характера, сопровождается переходом языковых единиц из разряда лексических в разряд грамматических и кодированием нового значения в знаке.

Ключевые слова: когнитивно-семантический механизм, грамматикализация, абстрагирование, аналогия, уступительные отношения.

В арсенале когнитивной лингвистики есть главный инструмент исследования – язык, открывающий путь к моделированию процессов сознания. Когнитивная деятельность человеческого сознания представляет собой процесс познания, который порождает серию попыток концептуальной репрезентации действительности. Идея отражения знаний человека о мире в языке связана с когнитивным подходом изучения языка, в основе которого находится исследование языковых единиц, категорий по их связи с восприятием, мышлением, памятью, эмоциями (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, С. Д. Кацнельсон, Н. А. Кобрина, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Л. Талми, Ч. Филлмор и др.).

Пространство являет собой одну из первых реалий бытия, воспринимаемых и дифференцируемых человеком, и оказывается основой для формирования многих типов номинаций, относящихся к другим непространственным сферам. Пространственные метафоры необходимы чело-

веку для концептуализации различных семантических сфер, в частности, абстрактных. Человек интерпретирует абстрактное в терминах чувственного опыта познания пространства, соотнося его со своим жизненным опытом, со своими знаниями о мире посредством когнитивных механизмов (аналогии, ассоциации, профилирования, абстрагирования, метафоризации и др.).

Как отмечает А. Р. Лурия, весь хаос непосредственных впечатлений о предмете упорядочивается в сознании человека лишь в результате его наименованием, которое и относит этот предмет к определённой категории [Лурия 1998: 45]. Ассоциативные отношения строятся на пропозициональной основе и зависят от фокусировки внимания на отдельных элементах объекта в пространстве. Лексическое значение слова включает в свое содержание знание, аккумулированный опыт человека о мире, который преобразован и свернут в материи языка в идеальную форму существования предметного мира, его свойств, связей и отношений.

Логичный и закономерный переход от обобщения к абстрагированию во многом объясняет переход от лексического способа актуализации результатов категориальной конфигурации знаний к грамматическому. Наиболее важные с точки зрения языка смыслы, что единодушно признается учёными, кодируются на грамматическом уровне в процессе грамматикализации [Болдырев 2007; Кубрякова 2004]. Грамматикализация значения языковых единиц всегда связана с трансформацией их семантики: от более конкретной, до широкой, обобщенной, абстрактной. Образование новых номинаций как самостоятельных слов языка было обусловлено необходимостью более полного отражения действительности в формировании картины мира [Heine, Reh 1984; Heine 1996; Heine, Kuteva 2002 и др.].

Когнитивный механизм аналогии позволяет переходить от серии имеющихся лексико-грамматических форм к их логическому продолжению. В основе процесса наречения по аналогии лежит когнитивный механизм сравнения нового объекта действительности с существующими и уже репрезентированными в языке. На основе прямого лексического значения развивается более широкое и более отвлечённое грамматическое значение, происходит расширение и абстрагирование лексического значения слова.

Слова-наименования репрезентируют собой различные стадии первичной категориальной конфигурации знаний и демонстрируют обобщающую способность языковой единицы. Так, как отмечают Е. Т. Черкасова и М. А. Леоненко, в русском языке предлог *несмотря на* восходит к деепричастной конструкции с глаголом *смотреть*; в уступительных союзах *хотя, ведь, пусть* звучит тот же корень, что и в глаголах *хотеть, видеть, пускать* [Леоненко 1980; Черкасова 1973]. По всей вероятности, все предлоги, со-

юзы имели первоначально лексическое значение, которое под влиянием абстрактного мышления, стало показателем грамматических отношений во вторичной репрезентации.

Толковый словарь В. И. Даля связывает происхождение лексем *уступить* (отдать или продать из угоды, подарить, дать на подержание, отдать добровольно свою вещь, место, право другому), *уступка* (отдать дешевле запроса, скинуть с цены), *уступчивый* (миролюбивый, готовый уступить, где можно, в угодку другому) с грамматикализацией значения лексемы *уступ*. «Уступ – всякий излом прямой черты, с понижением или заломом назад» [Даль 2004: 896]. Учитывая вышесказанное, можно полагать, что грамматические термины *уступка*, *уступительный союз*, *уступительное придаточное предложение* в русском языке, *die Konzessivität*, *die Konzession* (*die Einräumung*), *konzessiv*, *der Konzessivsatz* в немецком языке – это не терминологические метаслова, а лексемы высокой степени абстрагирования.

Как отмечают отечественные лингвисты, грамматикализация – это процесс, в ходе которого лексический материал в высоко ограниченных прагматических и морфологических контекстах приобретает грамматическую функцию ... [Майсак 2005: 38; Плунгян 2011: 89]. Грамматикализация, по мнению О. С. Ахмановой, это 1) «обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания»; 2) «утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции»; 3) «превращение словосочетания в аналитическую форму слова» [Ахманова 2018: 114]. Говоря о «челночных операциях когнитивного типа в цепочке – структура знания – название ... – развитие структуры знания», Е. С. Кубрякова отмечает, что «использование того же названия для отнесения к иной, расширяющей структуре знания», закрепляет за названием новых значений и новой концептуальной структуры [Кубрякова 2004: 284].

Характеристика расположения объектов в пространстве относительно друг друга и относительно субъекта номинации может быть представлена атрибутами. Конкретно-чувственный образ неровности, которая образует излом прямой линии, представляет собой совокупность всех его воспринимаемых признаков, как общих с другими объектами, так и, в большей или меньшей степени, специфических именно для данного конкретного объекта уступообразной формы. Доминирующим фактором, определяющим возможность языковой единицы грамматикализироваться, выступает её концептуальное содержание (*излом прямой черты / нарушение прямолинейного движения*). Конкретное понятие лексического уровня языка (*уступ*) утрачивает лексическую самостоятельность и используется в служебной функции для описания менее конкретных понятий грамматического уровня

(уступительный союз, придаточное уступительное предложение). Значение глагола / одно из значений глагола выступает источником для действия когнитивно-семантического механизма грамматикализации значения при репрезентации нового знания о мире.

Из сказанного следует, что термин *уступительный* в грамматике выбран не случайно, так как представляет собой результат осмысления и отражения в языке «неправильных» явлений, асимметричных отношений, контрастной совместимости, противопоставлений, несоответствий, нарушенной причинно-следственной связи между событиями различной онтологии. Следовательно, грамматикализация значения *уступительный* связана с определённой интерпретацией и трансформацией, с приобретением языковой единицы обобщённо-отвлечённого характера, что сопровождается переходом этой языковой единицы из разряда лексических в разряд грамматических.

Как показывают проведённые исследования, арсенал языковых средств репрезентации уступительного смысла *obwohl P, Q* представляет собой сложный механизм взаимодействия когнитивно-семантических, лексико-грамматических, грамматических средств (подробнее см.: [Берзина 2022]). Приведём примеры.

(1) *Научная дискуссия не прекращалась, несмотря на то, что уже был поздний вечер. Снег лежал повсюду, хотя уже неделю стояла теплая погода. Пусть угрожает, я не пойду на это. Как ни крути, а ничего из этой идеи не выйдет. Его приняли на работу, между тем как у него нет никакого опыта преподавателя.*

Trotz des Regens gingen sie spazieren. Wahre Freunde sind für mich diejenigen, die mich in ihrem Leben haben wollen, obwohl ich ihnen nichts bieten kann, außer mir selbst. Ungeachtet der Tatsache, daß unser Kollege manchmal den Weg des geringsten Widerstandes vorzieht, muß man (doch) seine Zuverlässigkeit anerkennen. Ganz abgesehen davon, daß ich Geschäftsmann bin und also auf Spesen sehen muß, ich setze mir in den Kopf, Sie zu finden.

Актом порождения уступительного высказывания субъект речи устанавливает нарушенные причинно-следственные отношения между фрагментами отражённого в его сознании образа действительности. Выбор союза или предлога находится в зависимости от различных типов когнитивных моделей знания. Союзы и предлоги (*несмотря на то, что, хотя, как ни крути, пусть, между тем как, trotz, obwohl, ungeachtet / abgesehen davon, daß*) в высказываниях (1) играют роль логических операторов между предикатами пропозиций, которые, всплыв на поверхность сознания, начинают активизировать системно релевантные для них общепринятые ассоциации и связи, структурные фреймы.

Фрейм – это структура знаний о мире, пакет информации, обеспечивающий адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Субъект речи при помощи союзов и предлогов репрезентирует уступительные отношения между фрагментами события, демонстрируя тем самым абстрагирующую деятельность своего сознания. При этом союз является указанием для слушающего совершить мыслительную операцию – «сопоставь содержание первого компонента с содержанием второго».

Концептуальное содержание *излом прямой черты / нарушение прямолинейного движения* репрезентировано в высказываниях (1), сообщающих о нарушении обычного или ожидаемого хода событий. В данном случае синтаксические модификации уступительного смысла предлагают не только изменения в синтаксических свойствах уступительных предлогов и союзов, но и оказывают влияние на семантическое наращение уступительного значения. С точки зрения диахронии, грамматикализация – это определённая эволюция значения или языковой единицы.

Когнитивно-семантический механизм превращения лексических единиц в процессе эволюции языка в грамматические показатели активизирует процессы переосмысления, десемантизации, семантической генерализации, декатегоризации, обобщения, абстрагирования. Процесс абстрагирования – это один из главных мыслительных процессов человека, способного выделить некоторые элементы конкретного множества и отвлечься от других элементов данного множества. При десемантизации происходит ослабление значения и расширение области употребления грамматикализованной единицы в новых контекстах, то есть полнозначное слово превращается в грамматический маркер. В процессе декатегоризации происходит потеря языковой единицей морфосинтаксических характеристик.

Таким образом, из сказанного следует, что грамматический показатель – это почти всегда некая лексическая единица, которая в ходе исторического развития языка превратилась в грамматическую единицу. Человеческому сознанию проще осмыслить и репрезентировать сложные явления, события с помощью базовых и элементарных языковых единиц, поэтому в качестве «строительного материала» для абстрактных смыслов естественный язык выбирает единицы, кодирующие важные, ключевые моменты человеческого бытия – пространство, время, движение, желание и т. п. На языковых фактах остаются отпечатки когнитивной эволюции мышления человека, репрезентирующего знания о мире.

Литература

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002.
- Болдырев Н. Н.* Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 95–109.
- Болдырев Н. Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.
- Берзина Г. П.* Категория уступительности и её интерпретирующий потенциал в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2022.
- Даль В. И.* Толковый словарь русского языка: современное написание. М.: Астрель: Аст, 2004.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3–12.
- Кобрин Н. А.* Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. С. 40–49.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лакофф Дж.* Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 143–184.
- Леоненко М. А.* Об условиях функционирования производного предлога «НЕСМОТРЯ НА» // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток: ДВГУ, 1980. С. 47–57.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1999. № 1. С. 91–115.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1988. С. 52–93.
- Heine B.* Grammaticalization and language universals // *Faits de langues*. 1996. № 7. P. 11–22.
- Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge, 2002.
- Heine B., Reh M.* Grammaticalization and Reanalyzes an African Languages. Hamburg: Helmut Buske, 1984.

G. P. Berzina (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute
named after General of the Army I. K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation

GRAMMATICALIZATION OF MEANING AS A WAY OF REPRESENTING KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

The article describes the process of grammaticalization of meaning as a cognitive-semantic mechanism for representing knowledge about the world using the example of concessive relations. Grammaticalization is associated with the transformation of lexical meanings and their acquisition of an abstract character, accompanied by the transition of language units from the lexical category to the grammatical category and the encoding of new meanings in signs.

Key words: cognitive-semantic mechanism, grammaticalization, abstraction, analogy, concessionary relations.

Н. А. Голубева (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова
nagol@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В АСПЕКТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО МЫШЛЕНИЯ¹

В статье анализируется вариативность грамматической функции естественного языка. *Новизна* анализируемого теоретического и эмпирического материала объясняется обоснованием и рассмотрением прецедентной функции языковых единиц в рамках лингвистики социальных смыслов, прецедентного мышления и прецедентного знания. На примере конкретных лингвистических фактов немецкого языка показывается их функциональная этимология, обусловленная социальными факторами в синхронии и диахронии, и раскрывается реализация их прецедентной функции.

Ключевые слова: социальный смысл, вариативность, функциональная этимология, прецедентная грамматическая функция.

Обсуждением когнитивных аспектов грамматики в честь 100-летнего юбилея вдохновителя и организатора отечественной когнитивно-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно–значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024–0001).

функциональной грамматики Новеллы Александровны Кобриной, мы признаем научные достижения великого ученого и поддерживаем академическое эхо благодарности. Обоснование исторических предпосылок концептуализации языковых фактов, исследование когнитивно-функциональных основ языковых единиц, разработка «скрытых смыслов» глаголов предопределили нашему научному сообществу в германистике на долгое время модель постановки лингвистических проблем и их решений и таким образом ускорили научный прогресс в области исследования лингвистического знания [Кобрина 2005, 2008, 2009; Кобрина, Болдырев, Худяков 2007].

Настоящая статья посвящена вариативности грамматической функции естественного языка в рамках когнитивно-дискурсивной теории прецедентности. В классическом смысле вариативность трактуется как социально обусловленное свойство языка к изменчивости в разных способах и формах его бытования в виде вариантов. Нашей установкой на понимание вариативности грамматической функции языковой единицы является ее производность по отношению к норме. *Цель* исследования – описание производной грамматической функции как действия в ракурсе прецедентного мышления и прецедентного грамматического знания.

В лингвистической философии универсальным является постулат о разграничении первичных и вторичных языковых явлений (теория номинации, теория текста, теория жанра и другие области языкового знания). Понимание грамматической функции в тривиальном смысле сводится к целенаправленному коммуникативному действию по выражению грамматической формой и / или грамматическим средством определенного грамматического значения.

Обоснование прецедентной функции языкового знака в его лингвофилософском понимании, а также онтология прецедентной грамматической функции в парадигме когнитивной лингвистики на материале немецкого языка показана ранее в [Голубева 2010, 2019]. Существующая функциональная этимология грамматических единиц с прецедентной функцией традиционно объясняется в рамках универсальной теории грамматикализации и теории грамматической метафоры. *Новизна* настоящего исследования заключается в том, что оно ориентировано на интерпретацию прецедентной грамматической функции с позиции существующих вариантов грамматических форм и средств устного дискурса немецкого языка и системной организации языка в ракурсе выражения социальных смыслов.

Прецедентное мышление предстает как форма отражения познания прецедентной (уже известной) реальности в сознании. Общеизвестно, что

языковой знак является материей, отягощенной смыслом, следовательно, прецедентный знак – это материя, отягощенная производным – прецедентным смыслом. Отталкиваясь от постулата, по которому смысл задает значение языковой единицы (грамматическое, лексическое и др.) (А. В. Бондарко), прецедентный смысл является когнитивной основой прецедентного грамматического значения.

Так, модальный глагол *müssen* в (1) как морфологическая единица (форма) выражает грамматическое значение деонтической модальности (долженствование):

1) Ich **muss** zum Arzt. (*Мне надо идти к врачу.*)

Вместе с тем, его производное грамматическое значение – уверенное предположение в (2), представляющее эпистемическую модальность, возникает в рамках прецедентного мышления (имеющегося знания о том, что субъект женился):

2) Er **muss** *geheiratet haben*. (*Он женился.*)

С точки зрения концепции когнитивной семантики значение уверенного предположения модального глагола *müssen* является «неотъемлемой частью нашего воплощенного человеческого опыта». В свете постулируемой нами теории оно является прецедентным, так как основывается на пресуппозиции существования этого формата, его производности, а грамматическая функция этой формы – выражать это прецедентное грамматическое значение, *Modus ponens* функция является прецедентной.

Рассмотрим далее этот постулат на конкретных социально обусловленных областях языкового знания. Одну из продуктивных сфер языковой вариативности формирует гендерный аспект. Так, воинствующий ныне в немецком языке феминизм во избежание имен мужского рода предусматривает вариативность в грамматике. В этом направлении заметно расширилась сфера функционирования безличного пассива с модальным глаголом или инфинитивной конструкцией, например:

3) Der **Antragsteller** muss folgende Unterlagen beifügen. ← Folgende Unterlagen **sind beizufügen/müssen beigefügt werden**.

4) Der **Bearbeiter** bittet ... ← **Es wird gebeten**, ... zu + Infinitiv.

Гендерной вариацией затронут и синтаксис словосочетания. В результате переформулирования при помощи прилагательного прецедентная грамматическая функция словосочетания выражает препозитивную атрибутивную связь с нейтрализованным грамматическим значением *männlich* (*мужской род*), а также утрату посессивности. Ср.: Rat **des Arztes** ← **ärztlicher** Rat, Abschluss **der Studenten** ← **studentischer** Abschluss, Hinweis **eines Fachmanns** ← **fachlicher** Hinweis.

Вариантом анализируемой структуры является также замена субстантивного атрибута на притяжательное местоимение: Name **des Antragstellers** ← **(Ihr) Name**.

Название деятеля мужского рода удобно трансформируется в относительное придаточное предложение с гендерно-индифферентным относительным местоимением *wer*:

5) **Der Antragsteller** hat ..., alle **Teilnehmer** ... ← **Wer** einen Antrag stellt, hat ..., **alle, die teilnehmen** ...

В данном случае речь идет об экспликации «внутреннего синтаксиса» (субъектно-предикатного отношения) композита *Antragsteller* в форме предложения.

Кроме гендерного фактора, рефлексия социальных смыслов легко обнаруживается в целом ряде языковых фактов. Массовым употреблением в разговорном варианте маркируется подчинительный по своей грамматической природе каузальный союз *weil* (*потому что*):

6) Günthner, Susanne (1993): „... **weil – man kann es ja wissenschaftlich untersuchen**“: diskurspragmatische Aspekte der Wortstellung in *weil*-Sätzen. [Linguistische Berichte 134: 37].

Имея в виду строгость порядка слов в разных типах предложения, в ранневерхненемецком после союза *weil* не исключалось, тем не менее, употребление главного предложения. Противоположное произошло с союзом *denn*, после которого сегодня стоит главное предложение, а в тот исторический период возможны были придаточные. Еще в XIX веке после союзного слова *trotzdem* не обязательно следовало главное предложение, что сегодня служит нормой. Стремление к паратаксису в разговорном языке прослеживается также на примере подчинительных союзов *wobei*, *obwohl* (Н. А. Голубева, С. Гюнтер, Е. В. Зуева, Р. Паш, Э. Эгс и др.), что можно объяснить работой семантической памяти языка в ее стремлении к его упрощению.

Вариативной становится синтаксическая семантика слов. Так, в некоторых федеральных землях Германии прослеживается стабильное пристрастие к винительному или дательному падежу. Жители Рурской области предпочитают винительный падеж в предложении *Gib mich die Butter!*, а в Берлине скажут *Ich liebe dir*.

Стремительно выходит из моды в целом управление глаголов с родительным падежом, уступая путь дательному падежу: *etw. (G.) Herr werden, gedenken (G.), sich annehmen (G.)*, сравни:

7) Man wird **dem Problem** nicht mehr Herr.

8) Am Sonntag wird **dem 354. Geburtstag** von Ritter Karl gedacht.

9) Die Stadt braucht einen Stadtbaumeister, der sich **dem Thema** Baukultur annehmen sollte? [Sick 2005: 19–24]

Очевидным примером существования социально обусловленных вариативных форм в морфологии является образование Perfekt на юге Германии и австрийском ареале. Если грамматическая норма предписывает вспомогательный глагол *haben* для глаголов, обозначающих положение, то швабы и баварцы предпочитают глаголу *haben* глагол *sein* (*Ich bin gesessen / gestanden*), вкладывая в это семантическое различие. Для носителей языка южных регионов предложение *Ich bin gesessen* обозначает положение тела, а *Ich habe gesessen* – нахождение в местах лишения свободы. Подобное актуально и для глагола *stehen*, так как форму Part. II *gestanden* можно интерпретировать как от глагола *stehen* (стоять), так и от глагола *gestehen* (признавать(ся)).

Достаточно устойчивую область социально-языковой вариации образуют на современном этапе сильные глаголы. Одобренная социумом обозначившаяся в немецком языке в целом тенденция к упрощению языка регулярно перемещает сильные глаголы в разряд слабых. Так, утвердившаяся новая форма Part. II *gewinkt* как слабого глагола продолжает свое ограниченное хождение в форме *gewunken* как сильного глагола, но последняя характеризуется как диалектная, устаревшая и воспринимается шутивно. Набирает силу также слабая форма от *triefen*, например, в значении *Mir triefte die Nase* (*У меня из носа текло*), а правильная сильная форма *triff* маркирует сегодня высокий стиль.

К числу предпочтительно употребляемых разговорных слабых форм глагола относятся далее *dingen* (*нанимать, вербовать*), *glimmen* (*тлеть*), *klimmen* (*карабкаться, взбираться*), *küren* (*выбирать, избирать*), *melken* (*доить*), *schallen* (*звучать*), *schnauben* (*сопеть, фыркать*), *sieden* (*кипеть*), а также и без того деревенский вариант функционирования глагола *kneipen* от *kneifen* (*щипать, ущипнуть*). Кроме того, разговорными являются форма Part. II *geheißen* вместо *geheiß* от *heißen* (*называться*), а также формы *Präs. du gebärs* / *sie gebärs* вместо стандартных *du gebierst* / *sie gebiert* от *gebären* (*рожать*) [Duden 1984: 133–143].

В свете сказанного немецкие дети охотно используют сегодня формы *trinken* – *trinke* – *getrinkt* от сильного глагола *trinken*. Но, несомненно, больше удивляют профессиональные журналисты, употребляющие форму Imp. *schwörte* от сильного глагола *schwören*, добавляя к тому же сильным глаголам в Imp. флексию *-e* (*ich fände*) [Schlosser 2018: 20].

Вариативность глагольных форм исторически и регионально закрепились употреблением временных форм *Doppelfekt* (*Superperfekt*) – *Ich*

habe dir doch gesagt gehabt. (Я же тебе сказала.) и *Doppelplusquamperfekt* (*Superplusquamperfekt*) – *Ich hatte dir doch gesagt gehabt* (Я же тебе сказала.).

Предпосылки для возникновения этих форм были созданы в верхненемецких диалектах (на юге Германии) в XVI–XVII веках в пределах линии Трир – Франкфурт – Плауен. После исчезновения форм Imperfekt и Plusquamperfekt их заменили новыми формами Doppelperfekt и Doppelplusquamperfekt как более дифференцированными для выражения значения завершенности действия в прошлом. При этом тогда же обозначилась преференция формы вспомогательного глагола *sein* в Imperfekt. Ср., *Ich war (beim Bäcker) gewesen* вместо *Ich bin beim Bäcker gewesen*. Форма Doppelperfekt заменила исчезнувшую форму Plusquamperfekt, а Doppelplusquamperfekt стала служить для выражения предшествования в прошлом. В наши дни отмечается в разговорном регистре массовое употребление этих старых забытых форм как южно-немецкого варианта [Duden 1984: 151–152].

Заметим далее, что в немецком языке на современном этапе под влиянием нескольких социальных факторов (глобализация английского языка, миграционный процесс и др.) разрушается система типов склонения существительных. Так, на примере различных дискурсивных практик активно лишаются своих флексий лексемы *Bär*, *Herz*, *Hirsch*, *Korfirmand*, *Planet*, *Präsident* и мн. др. Ср.: „Zum silbernen Bär“, „Zum goldenen Hirsch“, „Mehr Eingriffe am Herz“ и мн. др. [Sick 2005; Schlosser 2018].

Предпринятый анализ языковых единиц с позиции лингвистики социальных смыслов и в рамках прецедентного мышления показал, что важнейшим свойством языкового процесса является его вариативность, а его априорной составляющей – грамматическая прецедентная функция языковой единицы. На материале немецкого языка представлен онтогенез конкретных лингвистических фактов, который привел к концептуальным выводам о возможности нового моделирования грамматического знания, обусловленного социальными факторами языкового сообщества.

Перспектива разработки вопроса видится в исследовании прецедентной функции грамматических единиц, используемых конкретными социальными группами носителей языка.

Литература

Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Нижний Новгород: ООО «Типография «Поволжье», 2010.

Голубева Н. А. К вопросу о прецедентной функции языкового знака (когнитивно-дискурсивная теория прецедентности) // Современная германистика и западноев-

ропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов, В. М. Бухаров. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 119–153.

Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимосвязанность и относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Кобрина Н. А. Формирование типа глагольной имплицативной валентности в зависимости от структуры предложения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 113–116.

Кобрина Н. А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 5–10.

Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.

Duden – Die Grammatik / G. Drosdowski (Hrsg.). 4., völlig neu erarb. u. erweitert. Aufl. Mannheim / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1984.

Schlosser H. D. Wenn Sprachgebrauch auf Sprachnorm trifft. Vom täglichen Umgang mit Ideal und Wirklichkeit // Der Sprachdienst. 1/18. Jahrgang 62. S. 19–30.

Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2005.

N. A. Golubeva (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

THE VARIABILITY OF GRAMMATICAL FUNCTION IN THE ASPECT OF PRECEDENT THINKING

The article analyzes the variability of the grammatical function of the natural language. The novelty of the analyzed theoretical and empirical material is explained by the substantiation and consideration of the precedent function of linguistic units within the framework of the linguistics of social meanings, precedent thinking and precedent knowledge. Using the example of specific linguistic facts of the German language, their functional etymology is shown, due to social factors in synchrony and diachrony, and the implementation of their precedent function is revealed.

Key words: social meaning, variability, functional etymology, precedent grammatical function.

Е. И. Давыдова (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

aleliv@rambler.ru

О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАХ ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДИКАТИВНОСТИ ЯЗЫКЕ

В течение длительного времени вторичные явления привлекают внимание исследователей их нетипичностью. Предложение является основным средством представления в языке событий реальности. Репрезентация многокомпонентных событий может осуществляться в языке не только сложными предложениями, но и другими, более простыми синтаксическими единицами, в структуре которых определяется только одно формально выраженное предикатное отношение. Когнитивный подход дает возможность выявлять особенности формирования сложных концептуальных структур, репрезентируемых различными синтаксическими конструкциями с вторичной репрезентацией субъектно-предикатных отношений.

Ключевые слова: антропоцентризм, когнитивный синтаксис, синтаксический концепт, вторичная номинация, вторичная предикация.

В процессе своего существования, находясь здесь и сейчас в определенный момент времени, человек либо участвует, либо наблюдает ситуацию, которая отражается в его сознании в виде представления об этой ситуации, которое, в свою очередь, может быть выражено во время коммуникации средствами языка. В каждый момент времени человек воспринимает большое количество информации о мире, которая перерабатывается его сознанием в процессе мыслительной деятельности, фиксируется в виде индивидуальной концептуальной системы, смыслы которой отражают понимание реальности человеком, и получают свое отражения в языке.

Существование языка, как системы знаний о мире, сомнений не вызывает. Когнитивная лингвистика убедительно доказывает, что каждый языковой знак соотнесен со смысловым конструктом и применяется к нескольким схожим ситуациям фрагмента мира. Именно язык отражает результаты познания человеком фрагментов реальности, определяемых как «сектор пространства» реального или возможных миров, «локализованный для воспринимающего субъекта в определенной точке времени» [Бразговская 2004: 39].

Процесс познания человеком реальной действительности бесконечен. Как следствие, на протяжении всего периода жизни в его сознании формируется концептуальная система, задача которой состоит в том, чтобы в категориальной форме представить знания о реальности в виде концептов, представляющих собой абстрактный и идеализированный инструмент для последующего познания мира и мыслительной деятельности на основе

существующих ментальных репрезентаций. Концепты и категории позволяют упорядочить смыслы, формирующиеся благодаря поступающей извне информации.

Познание действительности тесно связано с когнитивными способностями человека, его мыслительными процессами и возможностями языковой системы хранить эти знания, что позволяет Н. Н. Болдыреву говорить об «антропоцентрической сущности языка» [Болдырев 2015: 12]. При взаимодействии с тем, что его окружает, человеческое мышление отражает бесконечное количество раз картину мира, воспринимаемую познающим субъектом. Каждый раз, взаимодействуя с фрагментом действительности, субъект по-своему «членит» окружающую действительность, что приводит к неполному несовпадению воспринимаемого и отраженного в сознании представления о нем. Так построен познавательный процесс. Мышление фиксирует действительность, объективируя результат средствами языка. Языковая форма репрезентирует конкретную когнитивную модель, отражающую в обобщенном виде реальное событие. Все разнообразие форм и категорий, существующих в языке, фиксирует смыслы, передаваемые человеческой мыслью, чтобы затем, используя возможности языковой системы, создать новые смыслы на основе воспринятых.

Как уже было отмечено, предложение является основным средством представления в языке событий реальности.

Современные исследования языка в рамках когнитивного подхода (Р. Джакендофф, Р. Лэнекер, Л. Талми, Дж. Тейлор, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Н. А. Кобрина, Е. С. Кубрякова, Р. И. Павиленис, Л. А. Фурс и др.) наглядно доказали, что именно грамматический уровень языка объединяет все те единицы, которые задействованы в репрезентации центральных для человеческой психики квантов знания или смыслов.

Развитие научных исследований в области синтаксиса с позиции когнитивного подхода позволяет рассмотреть под новым углом многоуровневые взаимосвязи между категориями мыслительного плана и языковыми способами выражения этих категорий, поскольку объективное отражение реалий действительности возможно только путем признания существования семантики лексических и грамматических языковых единиц в едином континууме.

При анализе концептуальных структур, репрезентируемых предложениями, необходимо обращать детальное внимание на их лексическое наполнение, для выявления их структурных особенностей. Концептуальные структуры, репрезентируемые предложениями, формируют категории, в которых можно выделить ядро и периферию.

Ядро когнитивной категории представлено квантом смысла, прототипом, который выражен определенной конструкцией, представляющий обобщенный опыт о сходных ситуациях реального мира. Что же касается периферии, то она представлена менее прототипичными представителями категории.

Наличие таких нетипичных элементов в структуре категории объясняется их семантикой, а также характером взаимодействия между предложением (языковой знак), ситуацией (фрагмент внеязыковой действительности) и концептуальной системой (отражение объективной реальности нашим сознанием). Такой подход к интерпретации взаимосвязи знака, концептуальной структуры и события позволяет судить о механизмах формирования смыслов в концептуальной системе человека, в некотором роде открывает доступ исследователю к сознанию человека.

Отметим, что предложение, как языковой знак, и описываемое им событие реальной действительности не соотносятся напрямую. Именно сознание наблюдателя, который воспринимает и интерпретирует события, членит мир и отражает его посредством когнитивных моделей. Соответственно, предложение, сформулированное говорящим, репрезентирует не столько конкретное событие объективной действительности, а понимание человеком этой ситуации.

Как правило, члены предложения взаимодействуют между собой на основе логических, синтаксических отношений. Функционирование предложения заключается в выражении языковыми средствами мысли, соотносенной с объектом, субъектом, состоянием, процессом или событием действительности.

Главное отношение, связывающие члены предложения, называется предикативным. Предикативное отношение или предикативность предполагает установление определенного отношения между объектом и признаком, который ему приписывается, соотносенного определенным образом с действительностью через призму сознания субъекта.

Благодаря предикативному отношению, связывающего субъект и объект, только предложение способно, с одной стороны, сообщать информацию о событии, т.е. функционировать в качестве основной коммуникативной единицы и, в то же время, актуализировать во временном и модальном планах эту информацию.

Синтаксически репрезентируемые концепты обращены одновременно к реальности и языку, выполняя важнейшую функцию в речемыслительной деятельности. Эти концепты обеспечивают способность говорящего членить мир на события и ориентироваться в пространстве элементов этих

событий, категоризируя не только события и их элементы, но и типы отношений между ними.

Каждый раз, когда говорящий воспринимает свойства одних и тех же предметов и явлений, их взаимосвязь в повторяющейся ситуации, он выделяет, фиксирует ее объективно существующие признаки. При этом человек познает новые, дополнительные черты и грани данной ситуации, поскольку в процессе познания он обращает внимание на новые, существенные признаки предметов, явлений, их свойств и отношений между ними.

Поскольку каждая ситуация характеризуется наличием разнообразных признаков, естественно, что при их неоднократном отражении в сознании человека эти признаки формируют смыслы, которые при всей их близости не являются тождественными. Ни одна из ситуаций не может быть многократно тождественно воспроизведена в силу динамичности её протекания и невозможности одновременно всесторонне познать один и тот же денотат, каковым является ситуация.

Значимая роль в фокусировки внимания наблюдателем является бесспорной. Это особенность является очередным доказательством значимости антропоцентрического фактора в вычленении характеристик реальной действительности, отраженных в виде элементов модели синтаксического концепта с одной стороны и выбором языковых средств для репрезентации когнитивной структуры в виде синтаксических единиц. Н. А. Кобрин неоднократно отмечала значимость «ментальной деятельности человека», находящей выражение в «чрезвычайной сложности языка, масштабности его средств и ресурсов в сочетании с вариабельной функциональной реализацией, с одной стороны, и определяющей «иерархичность в системе и в структурном построении, комплексность в структурах и в формировании значений как в слове, так и при реализации общего смысла более сложных построений» [Кобрин 2005: 59]

Когнитивная лингвистика предлагает несколько вариантов объяснения механизма фокусирования внимания говорящего на некоторых элементах воспринимаемой ситуации. Так, по мнению Л. Талми [Talmy 2000], фокусирование внимания при восприятии фрагмента действительности происходит на более мобильных объектах, выступающих в роли «фигур» на «фоне» более статичных элементов фрагмента реальности. С этой точки зрения сами характеристики объектов определяют возможность фокусирования внимания на одних из них (фигурах) в отличие от других (фона).

Однако истинно антропоцентрический характер принципа фокусирования внимания на отдельных элементах ситуации находит отражение в приеме когнитивной доминанты, отражающего такую характеристику

человеческого мышления, как креативность. Под креативностью в данном случае стоит понимать свойственную человеку гибкость мышления, выражающуюся в способности устанавливать связь между явлениями.

Согласно принципу когнитивной доминанты, признавая объективность деления элементов на статичные и динамичные, человек может фокусировать внимание на статичных объектах в ущерб распределению внимания на динамичные, если того требует коммуникативная задача. Говорящий субъект обладает способностью в каждом конкретном случае по-разному членить действительность и интерпретировать воспринимаемое, руководствуясь целями коммуникации. Следовательно, именно интенция говорящего лежит в основе фокусирования внимания на тех или иных элементах ситуации, что в свою очередь определяет выбор той или иной языковой синтаксической единицы для репрезентации ситуации и когнитивной модели ее представляющей.

Разное видение ситуации передается различными синтаксическими конструкциями, т.е. находят отражение в построении синтаксических структур.

Совокупность всех синтаксических конструкций, существующих в языке на определенном этапе его развития, представляет собой четко организованную структуру с учетом их взаимосвязей. Эти отношения образуют своеобразную систему сопоставительных парадигматических отношений. Каждый элемент этой системы как самостоятельная автономная единица обладает определенным значением и формой.

Основу подобной системы мы видим в общем свойстве двусторонних языковых единиц, которое было определено С. И. Карцевским как «асимметрический дуализм языкового знака». Суть этого свойства заключается в том, что «форма и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько значений, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [Карцевский 2004: 239–245].

Воспринимаемый субъектом фрагмент мира не всегда является элементарным событием. Воспринимаемое может оказаться более сложным фрагментом действительности, объединяющим несколько событий. Такое многокомпонентное событие, как правило, вербализовано в языке сложным предложением (бессоюзным, сложносочиненным или сложноподчиненным). В концептуальной системе такое многокомпонентное событие представлено структурой, сформированной несколькими пропозициями. Речь идет о такой концептуальной структуре, как полипропозициональный комплекс [Давыдова 2006: 8].

Друзья разъехались, серые будни потянулись для Анастасии медленной чередой.

Стоило друзьям разъехаться, и серые будни потянулись для Анастасии медленной чередой.

Когда друзья разъехались, серые будни потянулись для Анастасии медленной чередой.

Тем не менее, репрезентация многокомпонентных событий может осуществляться не только сложными предложениями, но и другими, более простыми синтаксическими единицами, в структуре которых определяется только одно формально выраженное предикатное отношение. Используя механизм «информационного уплотнения», простое по структуре предложение способно характеризоваться информационной насыщенностью, что приводит к «редукции» в синтаксическом плане, но не в смысловом.

Речь идет о таких предложениях, в которых одна из пропозиций репрезентируется нетипичными языковыми средствами (отглагольными существительными с предлогом или без, причастными и деепричастными оборотами, сложными определениями и т.д.). В подобных случаях принято говорить о вторичной предикации, так как мы не наблюдаем формально выраженного в виде предложения предикативного отношения между субъектом и предикатом.

Отъезд друзей прекратил наши дачные посиделки

Уехав, друзья прекратили наши дачные посиделки.

Стоило друзьям уехать, и наши дачные посиделки прекратились.

Раскрывая значение понятия вторичной предикации, стоит отметить, вторичность в общем смысле присуща языковым явлениям. Вторичная репрезентации в языке представляет собой определенный тип представления знаний. Говорить о вторичности принято в том случае, когда концептуальная структура получает косвенное (нетипичное) языковое выражение. Под нетипичным языковым выражением принято понимать использование вторичных языковых средств.

Следуя вышесказанному, согласимся с утверждением о правомерности разграничения первичной и вторичной репрезентации, этих двух различных способов представления знаний в языке.

Изучение вторичной репрезентации концептов с позиций когнитивной лингвистики позволяет по-новому взглянуть на проблему вторичного в языке.

Постановка данной проблемы, в свою очередь, выводит на целый ряд других вопросов, требующих нового осмысления. Среди них наиболее важными являются вопросы соотношения языка и мышления и использования языковых средств в их вторичных и производных функциях в плане передачи известного концептуального содержания как основы нового знания.

Вторичные явления широко представлены на всех уровнях системы языка, поэтому достаточно сложно их описать детально и представить в виде системы по причине их разнообразия и неоднородности. Вторичность напрямую связана с переосмыслением сущности языковой единицы.

Исследование способов вторичной репрезентации субъектно-предикатных отношений, вызывает интерес своей актуальностью с позиций выявления механизмов передачи смыслов и процессов их структурирования. Знания о когнитивных основах формирования смысла синтаксических единиц, выражающих вторичную предикацию, а также о языковых механизмах, их формирующих, вносят весомый вклад в теоретизацию концептуального пространства синтаксиса.

Литература

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.

Бразговская Е. Е. Текст культуры: от события – к событию (Логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий). Пермь: ПГПУ, 2004.

Давыдова Е. И. Когнитивная модель сложного предложения (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

Карцевский С. И. Об ассиметричном дуализме языкового знака // Из лингвистического наследия / сост. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. II. С. 239–245.

Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость/относительная автономность/неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2000.

E. I. Davydova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE GROUNDS OF SECONDARY REPRESENTATION OF PREDICATIVENESS IN LANGUAGE

Secondary phenomena due to their atypical nature have long attracted the attention of researchers. The sentence is the main language representation mean of real-life events. The representation of multicomponent events can be linguistically carried out not only by complex sentences but also by more simple syntactic units, which structure is determined

by only one formally expressed predicative relation. The cognitive approach allows the detection of formation peculiarities of complex conceptual structures represented by various syntactic constructions with secondary representation of subject-predicate relations.

Key words: anthropocentrism, cognitive syntax, syntactic concept, secondary nomination, secondary predication.

Д. В. Грибенник (Санкт-Петербург, Россия)

Российский государственный гидрометеорологический университет

Birg-73@mail.ru

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *TO HAVE A KICK, TO GIVE A PUSH* С КОНВЕРТИРОВАННЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ЭЛЕМЕНТА

В настоящей статье рассматриваются конструкции, которые включают семантически второстепенный, подчиненный глагол с конвертированным отглагольным существительным, семантика и статус этих конструкций, анализируется именной и глагольный компонент данных сочетаний, а также комбинаторный потенциал и случаи ограниченности данных конструкций.

Ключевые слова: глагольно-именное предикативное сочетание, глагольный/именной компонент, абстрактный компонент, именной компонент, дублирующий семантику глагола.

Глагольно-именные предикативные словосочетания (ГИПС) широко используются в английском языке и не раз привлекали внимание ученых. Данные сочетания являются продуктивной номинативной моделью, которая существует наряду с обычной глагольной номинацией действия.

Целью настоящей статьи является сравнительное изучение номинативного потенциала глагольно-именных предикативных словосочетаний и комбинаторного потенциала производного отглагольного существительного. В рассмотрении темы присутствует как лексический, так и грамматический аспекты.

Несмотря на наличие ряда исследований, некоторые вопросы, связанные с ГИПС, остаются по-прежнему мало разработанными. В частности, вопрос о диапазоне внутренней комбинаторики словосочетания (возможность его развертывания), степень связанности компонентов единого интегрированного целого, а также выбор одного из четырех глаголов (*have, give, take* или *get*), семантические особенности глагольного компонента в данных сочетаниях.

В состав рассматриваемых глагольно-именных конструкций входят существительные, образованные от глагола по конверсии. В линг-

вистической литературе еще нет достаточно определенного мнения относительно лингвистического статуса данных сочетаний. О недостаточной разработанности этого вопроса свидетельствует и отсутствие единого термина применительно к таким глагольно-именным предикативным словосочетаниям. В лингвистике используется несколько названий для подобного типа образований: глагольно-именные предикатные сочетания (М. А. Грошева, Н. В. Питолина), составные глагольные лексемы (Г. Н. Воронцова), фразовые глаголы (Г. В. Бушина), устойчивые глагольные словосочетания (А. В. Кунин, Л. С. Бархударов, Е. Н. Старикова, С. Х. Битокова), «грамматикализованными глагольными конструкциями полуаналитического типа» (Ю. В. Шаламов), лексико-аналитические структуры (В. Г. Гак), полусложные слова (Е. Kruisinga) и глагольно-аналитические конструкции (Т. Г. Галушко, В. М. Жирмунский). Первый компонент данных сочетаний считается полужначным (*seminotional*) глаголом, за ним закрепляется только лишь структурно-грамматическое значение. Таким образом, его статус характеризуется пограничным характером между смысловым и вспомогательным.

“It might do the pair of you good to give you a crack on the head with me”, said the mother, laughing suddenly (Lawrence, <http://www.lib.virginia.edu>).

Why, if we don’t give him a shove the poor dumb-bell never will propose (Lewis, <http://www.lib.virginia.edu>).

С. Х. Битокова называет это структурно-семантической асимметрией: синтаксически господствующий член (глагол) оказывается семантически подчиненным (точнее, нивелированным) [Битокова 1984: 7]. Кроме того, в пользу версии о десемантизации глагольного компонента свидетельствует и тот факт, что глагольный компонент может быть заменен без изменения общего значения словосочетания: например, *to have a look* и *to take a look*.

Исследование конвертированных производных предполагает анализ изменения в семантической структуре слова, когда формирующие его значения семы перемещаются по оси «интенционал – импликационал» или гасятся под воздействием дистрибутивных факторов.

Производное от глагола по конверсии существительное (т.е. модель «глагол → существительное») характеризуется несколько меньшей ассиметричностью, контрастностью, разнообразием семантических связей и вариативностью его значения по сравнению с производным отсубстантивным глаголом (модель «существительное → глагол»). Дж. Юл дает следующее определение «конверсии»: “A change in the function of a word, as for example when a noun comes to be used as a verb (without any reduction), is generally known as **conversion**. Other labels for this very common process are ‘category

change' and 'functional shift'" [Yule 2006: 56]. Дж. Юл отмечает, что конверсия идентифицируется как механизм процесса словообразования. В рассматриваемых глагольно-именных предикативных конструкциях конвертированное отглагольное существительное имеет, главным образом, значение акта действия, в большинстве однократного.

Нивелирование значения глагольного компонента рассматривается с позиции анализа значения именного компонента, его комбинаторики. В рамках данных конструкций с учетом комбинаторных особенностей актуализируются именно процессуальные семы конвертированного отглагольного субстантива.

I stood close to the steep pitch of hell and would have taken the plunge had not the thought of Otto restrained me (London, <http://www.lib.virginia.edu>).

"I never felt such a desire to have a crack at anything in all my life." (Abbott, <http://www.lib.virginia.edu>).

One wolf-like individual brought a mass of hot liver to eat between my feet, but I gave him a kick and sent him away much to his surprise (Austin, <http://www.lib.virginia.edu>).

"Ready, faintly whispered Duff giving Ashby a slight nudge (Irving, <http://www.lib.virginia.edu>).

Jim Duff gave his barber an all but imperceptible nudge in one elbow (Irving, <http://www.lib.virginia.edu>).

Please give him a whack, and make him be good (Marlow, <http://www.lib.virginia.edu>).

Jim Duff gave his barber an all but imperceptible nudge in one elbow (Irving, <http://www.lib.virginia.edu>).

Но иногда значение однократности нивелируется при употреблении отглагольного конвертированного существительного во множественном числе в рамках данной конструкции:

Blows were given and taken of a desperate character (Thomas Preskett Prest, <https://archive.bookfrom.net/thomas-preskett-prest/>).

Со значением однократности действия тесно связано значение предельности. Под *предельностью* действия понимается стремление действия к завершению, к достижению предела, т.е. той конечной точки, при достижении которой действие прекращается. То есть в предельности присутствует идея ограниченности, связанной с завершенностью. Предельные глаголы иногда называют глаголами действия (*action*), они противопоставляются глаголам деятельности (*activities*, по Дж. Лайонсу), выражающим «бесперспективную» деятельность [Лайонс 1977: 92–93]. Таким образом, наблюдается двойственность категориального значения: сведение именного компонента

до значения акциональности, с одной стороны, а с другой – однократность действия усиливает значение результативности.

В большинстве случаев данные конструкции выражают одноактное, мгновенное или «точечное» действие. Однако имеются исключения. Р. Диксон в своей книге “*A semantic approach to English grammar*” рассматривает подобные образования с выражением продолжительного действия: *Mary walked / Mary had a walk in the garden*.

Исследователями отмечается еще несколько существенных дифференцирующих моментов в лексической корреляции глагольно-именного сочетания и простого глагола:

1) оттенок результативного действия у ряда глагольных сочетаний (*to give an order – to order; to give an answer – to answer*);

2) целенаправленность действия, осознанный, преднамеренный характер действия (*to make a comparison – to compare; to make an impression – to impress*);

3) интенсивность действия (*to make a rush – to rush*) (см. [Старикова 1966]).

Механизм образования таких сочетаний заключается в том, что семантически-значимое имя существительное, соединяясь с переходным глаголом, блокирует его основное переходное значение, в результате чего сложная единица становится непереходной.

Еще одним интересным аспектом ГИПС является вопрос о выборе одного из четырех глаголов (*have, give, take* или *get*) и допустимости или недопустимости подобных образований. Так, Р. Диксон приводит в качестве возможных такие конструкции как *have a walk, have a swim, have a look, have a think about, have a talk with smb.*, тогда как такие конструкции как **have a cross over the bridge, *have a see of the baby, *have a know of the solution, *have a speak with smb.* являются недопустимыми. Можно сказать, *take a walk, take a swim, take a look*, но нельзя **take a talk, *take a think*. В качестве возможных в работе Р. Диксона отмечаются конструкции *have a kick, have a bite, take a kick, take a bite*. Возможной, с точки зрения Р. Диксона, является фраза *give the rope a pull* и невозможной **give the rope a tie*. Безусловно, что обнаружить подобные исключения в глагольно-именных сочетаниях можно только в процессе работы с носителями языка.

Анализ фактического материала показал, что широкозначные глаголы сочетаются с наибольшим количеством имен. Это свидетельствует о продуктивности ГИПС в комбинаторике именно с данным классом глаголов. Именной компонент в ГИПС часто выступает в качестве ремы. Несколько реже значением ГИПС является качественная характеристика действия.

ГИПС могут образовываться с глаголами, дублирующими семантику существительного, т.е. именного компонента (однокоренными и неоднокоренными), то, что традиционно в грамматике называется *cognate object*: *to live a life, to smile a smile, to die the death (of a hero), to sigh a sigh, делать дело, шутить шутки, сказка сказывается, гром гремит*. Однако такие образования – в меньшинстве. Чаще возможность сочетания лимитируется: **бросить броском, *касание коснулось, *выстрелить выстрелом, *спросить вопрос(ом), *ответить ответом*. Таким образом, совпадение формы сузило возможность сочетаемости. Имеет место снижение потенциала сочетаемости глагола и конвертированного существительного в одном предложении по сравнению с сочетаемостью однокоренных слов разного категориального статуса.

Являясь удобным способом словообразования, конверсия, тем не менее, имеет недостаток, заключающийся в снижении возможности сочетаемости. И напротив, наличие флексий дает большую свободу сочетаемости.

Литература

Битокова С. Х. Компонентный состав сочетаний типа *to give a look* и специфика их функционирования наряду с простыми глаголами *to look*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.

Старикова Е. Н. Синонимическая соотносительность устойчивого глагольного сочетания и простого глагола в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966.

Dixon R. M. W. *A semantic approach to English grammar*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.

Lyons J. *Semantics*. Vol. 1, 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Yule G. *The Study of the Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Источники

Abbott J. *Aboriginal America*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Austen J. *Pride and Prejudice*. URL: <http://www.concordance.com>

Collins Concise English Dictionary. – HarperCollins Publishers. Glasgow, 1992.

Davis R. *Margret Howth: A Story of To-Day*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Hancock H. Irving. *The young engineers in Arizona: Laying Tracks on the Man-killer*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Irving W. *The Legend of Sleepy Hollow*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Lawrence D. H. *Sons and Lovers*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Lewis S. *Babbitt*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

London J. *The Heathen*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Marlow R. *The Big Five Motorcycle Boys in Tennessee Wild, or The Secret of Walnut Ridge*. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Marlow R. The Big Five Motorcycle Boys in Tennessee Wild, or The Secret of Walnut Ridge. URL: <http://www.lib.virginia.edu>

Thomas Preskett Prest. Varney the Vampire. URL: <https://archive.bookfrom.net/thomas-preskett-prest/>

D. V. Gribennik (St. Petersburg, Russia)
Russian State Hydrometeorological University

PHRASES LIKE *TO HAVE A KICK, TO GIVE A PUSH* WITH A ZERO-DERIVED VERBAL NOUN AS THE SECOND COMPONENT

The article is devoted to verbal-nominal phrases, combinations of a polysemantic verb with a zero-derived verbal noun. The semantics and status of these structures are analyzed. The author analyzes the nominal and verbal components and characteristics of these combinations, analyzes the combinability and its limits.

Key words: verbal-nominal phrases, nominal/verbal component, abstract component, delexicalised verb, action noun instead of a transitive verb.

Л. В. Тарамжина, Д. Н. Берлов (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
lvtaramgina@herzen.spb.ru, dberlov@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена анализу механизмов, приводящих к различиям в индивидуальной концептуальной картине мира, подчеркивая важность междисциплинарного подхода. Рассматриваются структуры мозга, участвующие в формировании и использовании категорий. Авторы анализируют репрезентацию содержания концепта СУЕВЕРИЕ и представления о нём, сформированные в сознании российских и китайских студентов, как иллюстрацию вариативности индивидуальных картин мира.

Ключевые слова: категории, концепт, концептуальная картина мира, вариабельность, культурный фон, российские и китайские студенты.

Современные лингвистические исследования имеют междисциплинарный характер, другие науки, изучающие когнитивные способности человека, мозговые структуры, задействованные в формировании и использовании

категорий в мозге, помогают объяснить многие сложные процессы и явления, связанные с языком. Новые достижения в решении вопросов связи ментальных явлений с физиологией мозга дают возможность когнитивной лингвистике исследовать проблемы соотношения языковых и когнитивных структур на новом уровне. Многие вопросы, в частности, познание окружающего мира и отражение его в сознании человека, невозможно объяснить без обращения к данным других научных направлений, изучающих процессы мозговой деятельности человека и уделяющих особое внимание проблеме связи сознания с мозгом.

Когнитивная деятельность человека предполагает наличие в мозге внутреннего знания об окружающем мире и умения использовать это знание в поведении. Современные научные представления об организации и структуре внутреннего знания до сих пор сформированы не полностью и требуют дальнейшего научного анализа.

Важной составляющей такого внутреннего знания являются категории. Отражение в сознании человека окружающей действительности осуществляется посредством категориального осмысления объектов и явлений, которое определяется системой ранее усвоенных категорий. Категоризация проявляется как в перцептивной сфере – например, при классификации воспринимаемых животных согласно определенным классам, – так и в области языковой деятельности, выражаясь в классифицирующей функции лексики. В качестве исходных посылок можно предположить, что система организации внутреннего знания для этих ситуаций едина (т.е. имеет общее ядро), категории не являются врожденными, а формируются в процессе индивидуального опыта и организованы в виде иерархической структуры. Как известно, язык является важнейшей структурной составляющей мозга человека. Описывая различные функции слов и способы их участия в общем функционировании языка Н. А. Кобрина отмечала, что на уровне слов когнитивная функция – это функция «отражения системности ментальных концептов, в которой наиболее отчетливо выявляется связь языка с категориями и структурированием ментального плана, а через них с предметами и отношениями в экстралингвистической реальности» [Кобрина 2013: 13]. Н. Н. Болдырев обращает внимание на то, что концепты являют собой «те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности» [Болдырев 2014: 39]. С биологической точки зрения концепты можно представить как нейрональную активность, специфически связанную с определенной категорией, присутствующей в психике человека [Quiroga 2012].

В основе формирования категорий лежит способность нервной системы вычленять общее из повторяющегося опыта, которая подразумевает объединение нескольких индивидуальных наблюдений, рассматриваемых как представителей одного класса, и выделение внутри такого класса общих признаков, характерных для его представителей. Ряд исследований демонстрирует участие различных мозговых структур, таких как гиппокамп, височная и префронтальная кора, в процессе формирования и использования категорий [Quiroga, 2012; Theves et al., 2021; Carota et al., 2024]. Модельные эксперименты также подтверждают значимость категориальных процессов как в лингвистической [Черниговская и др., 2020; Щербакова и др., 2022], так и в перцептивной областях [Zeithamova et al., 2019].

Однако целостной научной картины организации этого процесса до сих пор не сформировано. Ситуацию усложняет значительная вариабельность, наблюдаемая в индивидуальных картинах мира. В данной работе мы проиллюстрируем такую вариабельность на примере концепта СУЕВЕРИЕ и проанализируем источники вариабельности индивидуальной концептуальной картины мира.

Хотя мы живем в одном и том же мире, наши представления о нём могут существенно различаться. Можно сказать, что для каждого человека сформирована индивидуальная картина мира. Можно также выделить и несколько факторов, приводящих к такому результату.

Во-первых, это непосредственный индивидуальный опыт человека, связанный с его микроокружением. Это опыт взаимодействия внутри семьи, с друзьями и коллегами и конкретные транслируемые ими идеи и убеждения.

Во-вторых, это культурный фон, который действует опосредованно через влияние на представителей культурной общности и через продукты культуры. Это культурные традиции, это книги и фильмы, которые формируют определенный угол восприятия событий в мире.

В качестве примера можно привести наши данные, связанные с различиями в языковых средствах репрезентации концепта СУЕВЕРИЕ российскими и китайскими студентами, обучающимися в РГПУ имени А. И. Герцена. Обнаруженные различия между представителями двух групп будут демонстрировать вклад культурного фона, а различия внутри групп – вклад микроокружения.

Материалом для анализа послужили данные опроса, полученные от 20 китайских студентов бакалавриата (10 юношей и 10 девушек) Института русского языка как иностранного, и 20 российских студентов неязыковых факультетов (10 юношей и 10 девушек). Характеризуя респондентов, необходимо отметить, что и студенты из КНР, и студенты из России изучают

английский язык в рамках дисциплин «Практический курс второго иностранного языка» и «Иностранный язык» соответственно, а у студентов из КНР основное направление – русский язык. Китайских студентов можно назвать представителями так называемого искусственного или учебного многоязычия, так как они, будучи носителями китайского языка, в общении и на занятиях в университете используют два других, для них иностранных, языка. Взаимодействие всех языковых систем трилингва, представленных в сознании обучающихся, также вызывает интерес и является темой актуальных исследований, поэтому эта характеристика, на наш взгляд, является существенной. Респондентам было предложено написать ключевые слова, которые ассоциируются с понятием *суеверие*, а также дать определение, как они его понимают. Студенты были активны, выполняли задание самостоятельно, размышляли.

Мы рассмотрели полученные данные, учитывая ряд характеристик: пол, и принадлежность к разным культурам, возраст обучающихся приблизительно одинаковый – от 18 до 22 лет. Время для выполнения задания было одинаковое, как и обстановка и условия – в рамках аудиторного занятия дисциплины «Иностранный язык». Важно добавить, что студенты могли выбрать любой язык – английский, китайский и русский, так некоторые китайские студенты использовали два, а в некоторых случаях три языка одновременно. При анализе полученного материала выяснилось, что студенты написали не только отдельные (ключевые) слова, но и фразы, а также стали кратко описывать ситуации. Например, некоторые российские студенты для передачи этого концепта дали следующие характеристики: *монета 5 рублей под пятку на удачу, сидеть на углу стола, разбить посуду на удачу*, но чаще всего использовались слова *вера, примета, предрассудки*, а также словосочетания – *чёрная кошка, разбитое зеркало, день экзамена*. У китайских студентов повторялись слова *omen, luck, number*, встретились и фразы *Lucky cat, Lucky charm, feng shui, fortune telling*. Обе группы студентов для передачи рассматриваемого концепта использовали такие слова как *jinx, religion, god, divination / fortune telling, crow, dream*; *неудача, сглаз, религия, бог, гадание, ворона, сон*. При сопоставлении слов, записанных китайскими и российскими студентами, можно выделить две группы: абстрактные существительные *ghost, future, divination; поверье, мифология, прошлое* и конкретные существительные *crow, animals, hand and face; соль, нож, дерево, бабушка*. Среди слов встречались не только существительные, но и глаголы, прилагательные. Общеизвестно, что в китайском языке отсутствует закреплённость за иероглифом передачи

частеречной принадлежности глагол – существительное. При рассмотрении классов слов мы учитывали эту особенность. В целом, анализ частеречной принадлежности слов показал, что российскими студентами были использованы отдельные глаголы *гадать, бояться, верить*, а также глагольные словосочетания при описании ситуаций, например, *пройти под лестницей, передать через порог*. Китайские студенты использовали иероглифы, которые можно перевести как *сжечь бумагу, молиться*. Но интересен факт, что были представлены иероглифы, обозначающие прилагательные *традиционный, загадочный, волшебный, древний, ненаучный*, никто из русских студентов не использовал прилагательные для репрезентации рассматриваемого концепта. Некоторые китайские студенты упомянули *Новогодние красные конверты, свадебную церемонию, а также некоторые китайские ритуалы, связанные с религиозными и философскими традициями (Taoism, Daoism и Buddha)*, что, безусловно, подтверждает наличие общенационального компонента в структуре концепта СУЕВЕРИЕ и свидетельствует о культурном фоне и его влиянии на формирование определенного восприятия понятия *судеверие*, так как эти студенты представляют совершенно отличную от другой группы респондентов культуру.

Анализ приведенного опроса показывает значительное разнообразие в сформированной индивидуальной картине мира. Этот результат соответствует существующим в литературе сведениям об имеющихся различиях в когнитивной деятельности у представителей западных и восточных культур [Apanovich et al. 2018].

Однако можно допустить, что и в условиях идентичности микроокружения и культурного фона индивидуальные когнитивные картины мира будут различны. В качестве третьего фактора, влияющего на индивидуализацию формирующихся категорий, можно рассмотреть индивидуальные различия в самих механизмах усвоения, хранения и использования внутреннего знания. Какие же аспекты этих механизмов могут потенциально приводить к формированию различий в использовании категорий и в конечном итоге к специфической картине мира?

В первую очередь, речь идет о типологических различиях в самом процессе формирования категорий. Кроме того, различия могут заключаться в специфике взаимодействия между отдельными структурами мозга, участвующими в данном процессе. В этом случае значительный интерес представляют исследования, связанные с ролью когнитивного стиля аналитичность-синтетичность (узкий–широкий диапазон эквивалентности) [Будрина, Холодная 2005].

Также индивидуальные различия могут быть связаны с иными функциями структур, которые задействованы в категориальной обработке, например, функции памяти, пространственной ориентировки или когнитивного контроля. Наконец, потенциальным источником различий помимо структур, связанных с категориальной обработкой в целом, могут быть особенности функционирования более специализированных доменов, таких как речевая или сенсорные системы. В контексте результатов нашего исследования, важным фактором также является специфика организации работы мозга у билингвов (трилингвов).

Экспериментально для этой категории факторов интересны исследования с использованием двойственных (*ambiguous*) и многозначных стимулов, связанных с выбором одного из возможных вариантов интерпретации [Rodríguez-Martínez, Castillo-Parra 2018]. Конкретные задачи исследования могут касаться роли контекста [Tal et al. 2024] или влияния выбора одного из вариантов интерпретации на возможность актуализации альтернативного варианта [Черниговская и др. 2020].

Рассмотренные материалы предполагают необходимость разработки методических подходов, учитывающих индивидуальные различия в мозговых механизмах, задействованных в процессах категоризации и классификации окружающего мира, и исследованиях индивидуальной картины мира. Когнитивная лингвистика ставит перед собой эти вопросы в непосредственной связи с языком, так как язык является наиважнейшей составляющей мозга, без которой сложно определить, как в сознании человека отражается вариативность индивидуальной концептуальной картины мира.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Будрина Е. Г., Холодная М. А. Динамика интеллектуального развития в подростковом возрасте в условиях разных моделей обучения // Ярославский психологический вестник. 2005. № . 13. С. 155–159.

Кобрина Н. А. Функциональная модель языка // Язык как функциональная система: сб. ст. к юбилею проф. Новеллы Александровны Кобриной. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. С. 5–21.

Черниговская Т. В., Аллахвердов В. М., Коротков А. Д., Гершкович В. А., Киреев М. В., Прокопья В. К. Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № . 4. С. 675–686.

Щербакова О. В., Кирсанов А. С., Филиппова М. Г., Перикова Е. И., Благоевещенский Е. Д., Штыров Ю. Ю. Эксплицитное и имплицитное усвоение новых слов: поведенческие корреляты и нейрофизиологические механизмы // От слова – к репрезентации. Нейрокогнитивные основы вербального научения. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 22–96.

Apanovich V. V., Bezdenzhnykh B. N., Sams M., Jääskeläinen I. P., Alexandrov Y. Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. T. 123. P. 136–142.

Carota F., Nili H., Kriegeskorte N., Pulvermüller F. Experientially-grounded and distributional semantic vectors uncover dissociable representations of conceptual categories // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2024. T. 39. № 8. P. 1020–1044.

Quiroga R. Q. Concept cells: the building blocks of declarative memory functions // *Nature Reviews Neuroscience*. 2012. T. 13. № 8. P. 587–597.

Rodríguez-Martínez G. A., Castillo-Parra H. Bistable perception: neural bases and usefulness in psychological research // *International Journal of Psychological Research*. 2018. T. 11. № 2. P. 63–76.

Tal A., Sar-Shalom M., Krawitz T., Biderman D., Mudrik L. Awareness is needed for contextual effects in ambiguous object recognition // *Cortex*. 2024. T. 173. P. 49–60.

Theves S., Neville D. A., Fernández G., Doeller C. F. Learning and representation of hierarchical concepts in hippocampus and prefrontal cortex // *Journal of Neuroscience*. 2021. T. 41. № 36. P. 7675–7686.

Zeithamova D., Mack M. L., Braunlich K., Davis T., Seger C. A., Van Kesteren M. T., Wutz A. Brain mechanisms of concept learning // *Journal of Neuroscience*. 2019. T. 39. № 42. P. 8259–8266.

L. V. Taramzhina, D. N. Berlov (Saint Petersburg, Russia)
 Herzen State Pedagogical University

FORMATION OF CATEGORIES AND VARIABILITY OF INDIVIDUAL WORLDVIEWS

The article is devoted to the analysis of mechanisms leading to differences in individual conceptual worldviews, emphasizing the importance of an interdisciplinary approach. The brain structures involved in the formation and use of categories are considered. The authors analyze the representation of the content of the concept SUPERSTITION and the ideas about it formed in the minds of Russian and Chinese students as an illustration of the variability of individual worldviews.

Key words: categories, concept, conceptual picture of the world, variability, cultural background, Russian and Chinese students.

А. С. Алексахина (Тула, Россия)

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
antoninaaleksakhina@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Настоящая статья посвящена изучению существующих подходов к определению категории времени английского глагола с учетом грамматических, семантических и когнитивных аспектов. Особое внимание в работе уделено рассмотрению глагола как инструмента концептуализации и категоризации информации. Необходимость в изучении категории времени объясняется ее решающим значением для процесса передачи информации.

Ключевые слова: английский язык, когнитивная лингвистика, глагол, глагольная парадигма, категория времени, когнитивные аспекты времени.

Глаголы играют очень важную роль в выражении наших мыслей и восприятия мира. Они не только помогают нам строить предложения, но и являются инструментами, с помощью которых мы концептуализируем и категоризируем информацию. Глаголы, позволяющие выражать собственное мнение и другие мыслительные состояния, например, *think, understand, realize, know*, отражают различные уровни когниции. С точки зрения коммуникации они помогают определять степень уверенности говорящего: *I think it's true* vs. *I know it's true*. Это может существенно влиять на интерпретацию высказывания.

Кроме глаголов мыслительного состояния, двойную функцию в речи имеют глаголы чувственного восприятия, например, *see, hear, feel, notice*. Они не только обозначают процесс, но и позволяют передавать метафорическое значение: *I see what you mean* – «Я понимаю, что ты имеешь в виду».

Основой для описания семантики глагола служит тот факт, что он относится к признаковой, характеризующей, предикатной лексике. В отличие от значения имен существительных, которое основано на понятии предметности, значение глагола воплощает в языке понятия действия, состояния и процесса, которые относятся к мыслительной категории признака. В этой связи логические и лингвистические теории относят глагол к категории предикатных или пропозициональных имен.

В исследованиях, рассматривающих глагол с когнитивной точки зрения, его описывают не столько как обозначающую части речи, а сколько как часть речи, отражающую определенную часть человеческого опыта. При таком подходе глагол рассматривается в качестве языковой формы, которая пере-

дает определенное ментальное содержание и имеет в лексиконе человека собственное вербальное и невербальное представление. Таким образом, смысл описания глагола с когнитивной точки зрения заключается в объяснении, какое представление о мире фиксирует глагол.

Исследователи отмечают, что в английском языке глагол имеет разветвленную парадигму, что позволяет говорить о нем как о части речи с наиболее сложной структурой и семантикой. В глагольной парадигме находят свое выражение грамматические значения вида, времени, наклонения, залога, числа и лица. Своеобразие же данной парадигмы заключается в том, что в ней находят отражение как синтетические, так и аналитические формы. В понятийном мире человека глагол является центральным, поскольку охватывает и состояния, и события.

М. Я. Блох также придерживается мнения, что глагол является наиболее сложной частью речи и объясняет это главной функцией глагола в предложении, а именно предикативной функцией [Блох 2000: 41].

Большинство исследователей едины во мнении, что глагол является емким и при этом значительным по объему классом слов, который обозначает действие, состояние или процесс. По своим когнитивным характеристикам глагол ориентирован на отражение процедурального значения, а также на выражение способов бытия объектов во времени и пространстве.

Категория времени английского глагола является не просто грамматической конструкцией, а представляет собой отражение того, как люди воспринимают и концептуализируют время посредством языка. С точки зрения когнитивной лингвистики времена глаголов в английском языке представляют собой инструмент, который помогает формировать и организовывать временной опыт, связывая восприятие событий пользователями языка с их выражением в дискурсе.

«Морфологическая категория времени глагола – это система противопоставленных друг другу рядов форм, обозначающих отношение действия ко времени его осуществления» [Русская грамматика 1980: 626]. Данное определение категории времени глагола является расширенным. Зачастую категорию времени глагола определяют как отношение действия к моменту речи. Исследователи отмечают, что данная категория является одной из спорных грамматических категорий, поскольку одна и также форма глагола может выражать различные временные значения.

В основе традиционного описания глагольных форм лежат морфологические признаки, использовавшиеся при описании временных форм глагола в латинском языке. Здесь следует отметить, что используемые латинские термины, например, презенс или перфект, не всегда адекватно отобража-

ют сущность исследуемого явления, поскольку указывают на временную форму глагола, а не на семантику, что приводит к противоречию названия и употребления той или иной формы.

Различные синтаксические ограничения могут влиять на дистрибуцию временных показателей. В сложных предложениях временная референция в главной его части зачастую является точкой отсчета для определения времени в зависимом предложении. Здесь референция в зависимой части может быть установлена относительно момента речи или относительно момента осуществления ситуации в главной части.

«Часто грамматическое выражение временной референции в зависимых предложениях организовано иначе, чем в независимом» [Козьмин 2008: 20]. Примером такой организации служит использование настоящего времени вместо будущего в придаточных предложениях времени.

Исследователи отмечают, что в английском языке придаточные предложения характеризуются различными имплицативными отношениями между главной и зависимой частями. С этой целью в языке функционируют правила согласования времен, которые определяют выбор временной формы глагола в зависимой части предложения на основании используемой временной формы в главной части этого предложения.

В соответствии с правилами согласования времен в зависимой части сложноподчиненного предложения имеется необходимость в относительном употреблении формы глагола, при условии нахождения глагола-сказуемого в форме прошедшего времени в главной части такого предложения. В случае если действие в придаточном предложении предшествует действию в главном, в английском языке необходимо использовать форму Past Perfect. Однако в данной ситуации не исключается возможность употребления настоящего времени, в случае намерения автора подчеркнуть, что действие придаточного предложения относится к моменту речи.

В заключение следует отметить, что глагол как часть речи характеризуется сложными связями его грамматических категорий. Одной из его категорий является категория времени, которая представляет собой не просто формальную грамматическую структуру, но и отражение концептуализации времени носителями языка.

Литература

Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 2000.

Весёлая Е. В. Словообразовательное поле глаголов в современном английском языке: этимологический и структурно-семантический аспекты: на основе анализа

словаря Concise Oxford English Dictionary, 11th ed., 2004: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

Козьмин А. О. Семантика форм настоящего времени глагола в английском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008.

Оразова Ч., Мередова Г. Особенности времён глагола в английском языке // Мировая наука. 2023. № 10 (79). С. 52–55.

Vishnyakova O. D., Vishnyakova E. A. Linguistic and cultural knowledge acquisition in terms of the multimodal approach to EIL studies // Professional Discourse & Communication. 2022. Т. 4. № 1. С. 81–92.

A. S. Aleksakhina (Tula, Russia)
Tula State Pedagogical University

ON THE CATEGORY OF TENSE IN ENGLISH

This article is devoted to the study of existing approaches to determining the tense category of an English verb, taking into account grammatical, semantic, and cognitive aspects. Special attention is paid to the consideration of the verb as a tool for conceptualizing and categorizing information. The need to study the category of time of strange aspects is explained by its crucial importance for the process of information transmission.

Key words: English, cognitive linguistics, verb, verb paradigm, time category, cognitive aspects of time.

III. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГРАММАТИКЕ

*Л. А. Козлова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru*

ИНКОРПОРИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ (ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Статья относится к исследованиям в области функционально-когнитивного синтаксиса и посвящена реализации приема инкорпорирования в синтаксисе при выражении объектной и адвербиальной характеристик действия в современном английском языке. Как показано в статье, инкорпорирование, представленное двумя видами: ингерентным и адгерентным, выступает как одно из средств языковой экономии.

Ключевые слова: ингерентное/адгерентное инкорпорирование, языковая экономия, когнитивная модель глагола, адвербиальные глаголы, концептуальная интеграция.

Научное наследие Новеллы Александровны Кобриной отражает широту ее научных интересов, включающих такие области, как функциональная, семиологическая и когнитивная грамматика, типология и контрастивная лингвистика, теория речепорождения и речевосприятия, теория текста. Её работы в перечисленных направлениях также служат убедительным подтверждением значимости принципа преемственности в развитии лингвистической науки: как большой ученый, она обладала способностью воспринимать новые подходы, при этом не отвергая предшествующие, а развивая их дальше, в новом исследовательском ракурсе, рассматривая описанные раньше языковые явления «глазами новых концепций».

Значительное место в трудах Н. А. Кобриной и созданной ею научной школы занимают работы, посвященные глаголу [Кобрина 2007; Кобрина, Болдырев, Худяков 2007; Болдырев 2016; Колесов 1995], что вполне закономерно, поскольку глагол является структурным и семантическим ядром, определяющим на основе своей валентности состав всего предложения.

Как отмечал У. Чейф, «то, что мы называем предложением, является или одним-единственным глаголом, или глаголом, сопровождаемым одним или более существительным, или конфигурацией подобного вида» [Чейф 1975: 114–116]. Говоря о роли глагола в структуре предложения, Б. Ю. Норман подчеркивает, что именно на глаголе-предикате держится предложение как единица коммуникации, а актантам отводится роль его «свиты» [Норман 2013: 125]. Подчеркнем, что в процессе коммуникации информация о событии без этой «свиты» может оказаться неполной, поскольку именно в ней зачастую содержится новая или коммуникативно значимая для получателя информация о событии, т. е. рематическая часть высказывания.

Исследование глагола в когнитивном ракурсе закономерно привело к введению в метаязык лингвистики понятия когнитивной модели глагола как особой структуры языкового сознания, которая содержит знания о характере действия, его участниках, месте и времени его протекания, способе его осуществления и конечном результате [Кубрякова 2003: 443–444]. В работах Н. Н. Болдырева для обозначения данной структуры языкового сознания используется термин пропозициональный фрейм, который рассматривается как когнитивная основа глагола [Болдырев 2009]. Отметим, что в процессе восприятия события оно воспринимается нашим сознанием холистически, во всем комплексе составляющих, и лишь в процессе интерпретации события происходит его членение на отдельные составляющие, совокупность которых и образует когнитивную модель, или пропозициональный фрейм глагола.

Именно когнитивная модель глагола представляет характер действия и его участников во всей полноте, отражая всю картину события, а при репрезентации этой картины в языке не все участники действия могут получать свою вербальную репрезентацию, а также, в соответствии с типологическими особенностями языка, разные компоненты когнитивной модели глагола могут быть по-разному представлены в предложении. Так, в языках инкорпорирующего типа (чукотско-камчатские языки и языки американских индейцев) глагол-сказуемое инкорпорирует в свой состав другие члены предложения, образуя с ними единый морфолого-синтаксический комплекс, что, по мнению В. фон Гумбольдта, отражает особый тип мировидения этих этносов – нерасчлененное, целостное, или холистическое восприятие действительности [Гумбольдт 2000: 144–145]. Элементы инкорпорирования имеют место и в других языках, при этом в английском языке они представлены более полно, чем в других европейских языках [Ungerer, Schmid 1996: 234–236]. Сегодня, как отмечают исследователи, это явление имеет тенденцию к возрастанию в современном английском языке [Козлова 2004; Анохина 2012], что является одним из способов языковой экономии, обу-

словенной стремлением современного общества передавать максимальное количество информации в минимальную единицу времени.

Анализ материала позволяет выделить два типа инкорпорирования в английском языке: ингерентное и адгерентное. Наибольшая степень экономии имеет место в случае ингерентного инкорпорирования, когда адвербиальная характеристика действия – способ или образ действия представлены в качестве семантического компонента в значении глагола, что отражено в словарных дефинициях таких глаголов, которые получили название адвербиальных (ср.: *limp – proceed slowly or with difficulty*; *gaze – look fixedly*). Наибольшее количество адвербиальных глаголов представлено в таких лексико-семантических группах, как глаголы движения (*race, gallop, trudge, romp, limp* etc.), говорения (*mumble, stumble, whisper, stammer, chatter* etc.), умственной деятельности (*ponder, speculate, brood, ruminate* etc.), визуальной семантики (*stare, gaze, gape, peer, scan, glimpse* etc.). Количество адвербиальных глаголов в английском языке значительно превышает их число в русском языке, что находит косвенное подтверждение в том факте, что в процессе перевода адвербиальный компонент семантики английского глагола часто переводится на русский отдельным словом: *Philip beamed at me* (G. Durrel) – Филип *посмотрел* на меня *с широкой улыбкой* (перевод Л. Жданова); *I skimmed through the letters* (D. du Maurier). – Я *бегло просмотрела* письма (перевод Г. Островской). Нередко имеют место и переводческие потери, когда адвербиальный компонент не находит отражения в переводе: *She flipped in a small radio* (R. J. Waller) – Она *включила радио* (перевод Е. Богдановой); *Sofie snaked her way towards the stadium* (D. Brown). – Софи *направила машину* к стадиону (перевод Н. В. Рейн).

Список адвербиальных глаголов является открытым и постоянно пополняется за счет действия когнитивных механизмов метафоризации, метонимизации и метафтонимизации. Например: *She tiptoed the news to me* (A. Thorp) – основанием для метафоризации служит признак осторожности действия, позволяющий использовать глагол движения для передачи значения говорения, сообщения информации. Приведем пример метонимии: *Mrs Tanter rustled forward* (J. Fowles) – основанием для метонимического переноса служит ассоциация по смежности между звуком, сопровождающим действие, и самим действием

Действие принципа языковой экономии наиболее ярко проявляется при употреблении адвербиальных глаголов в составе каузативной конструкции, как в следующем примере: *He stared the visitor out of the room* (F. Forsyte), в котором глагол *stare* синкретно выражает значения каузативности и средства осуществления действия.

Ингерентное инкорпорирование имеет место и в случае конверсионного образования глаголов от имен существительных, в результате которой производный глагол называет действие, а значение исходного существительного сохраняется в семантике глагола в качестве семы, указывающей на объект, характер или средство выполнения действия. Например: *Duly visa-ed, vaccinated and injected against everything... 'Dr' Calvin Dexter was a week later flying out of Lisbon to Guinea Bissau* (F. Forsyth); Наиболее ярко это представлено в глаголах, называющих современные средства передачи информации, что позволяет показать, как быстро язык реагирует на потребности современного общества в новых номинациях: *to mail, to e-mail, to fax, to text (txt): I **texted** the answer immediately* (S. Kinsella); *I knew what it was because I'd received two similar letters and **Googled** the symbol* (C. Ahern).

Конверсионный способ образования глаголов, во многом благодаря своей компактности и возможности синкретного выражения действия и его объектной и адвербиальной характеристик, отличается высокой продуктивностью и открывает большие возможности для творческого использования языка, для создания окказиональных единиц на основе сложившейся модели, т.н. *rule-governed creativity* (креативности, регулируемой правилами). Значительный интерес в конверсионном способе образования адвербиальных глаголов представляют единицы, образованные от имен собственных, как, например, в следующем предложении: *The canoe **Titanicked** on a rock in the river;* (E. V. Clark, Y. Y. Clark). Для понимания значения таких глаголов требуются не только знания о языке, но и знания о мире, в данном случае знания о судьбе Титаника. Этот способ конверсионного словообразования широко используется в рекламе различных товаров: *Don't risk it. Just **whisk** it. **Johnson's baby** your baby. Did you **Colgate** your teeth today?*

Адгерентный способ инкорпорирования в английском языке представлен глаголами-композиатами, первым элементом которых являются именные или адъективные лексемы, инкорпорированные в глагольную лексему и указывающие на объект (*to kidnap, to cheerlead, to beachcomb, to husband-hunt, to hero-worship, to dishwash* etc.) или различные обстоятельственные характеристики действия (*to finger-paint, to French-kiss, to sqftland, to handpick, to chain-smoke, to morning-pick* etc.). Например: *He covers each of his shoes in a little bag as if he is **gift-wrapping** it* (E. Bombeck); *Tom **sideslipped** and flung him to the ground* (J. Toomer); *The flowers were **morning-picked*** (D. Lessing);

Этот способ инкорпорирования также обладает высокой продуктивностью, и класс глаголов пополняется новыми единицами, отражающими новые реальности, как в следующем предложении: *While the SBS man was in Northern Afghanistan watching the slaughter at Quala-i-Jangi, Ensign Dixon*

*had been **Al Qaeda-hunting** in the Tora Bora mountains* (F. Forsyth). Глаголы-компози́ты с инкорпорированным актантом могут служить основой для производства существительных со значением деятеля. Например: ***King-readers** will be wholly satisfied by "Dream Catcher"* (Sunday Times).

Список глаголов-компози́тов с инкорпорированным дополнением или обстоятельством расширяется также за счет процессов метафоризации. Например: *To say that interpretation is potentially unlimited does not mean that interpretation has no object and that it "**river-runs**" freely for its own sake* (U. Eco); *I am here **to gatecrash** your birthday dinner* (S. Kinsella).

При переводе на русский язык глаголов-компози́тов инкорпорированные дополнения или обстоятельства, как правило, получают самостоятельное оформление в предложении, что еще раз подчеркивает их функцию в английском языке как одного из средств экономии. Например: *Matilda **house-kept** for Henry* (J. Fowles) – Матильда *служила экономкой* у Генри; *Mr. Rockefeller **handpicked** the elevator boys, screening for manners and good looks* (M. H. Kelly) – Мистер Рокфеллер *тщательно подбирал* кадры на эту должность, манеры и внешность имели большое значение (перевод И. Русаковой).

Принцип экономии, находящий манифестацию при выражении адгерентного способа инкорпорирования обстоятельственной характеристики действия, четко прослеживается и в семантике так называемой *way-конструкции*. Данная конструкция, первоначальное употребление которой с ограниченным числом глаголов датируется 1400 годом, имеет достаточно высокую частотность употребления в английском языке, о чем свидетельствуют корпусные данные (подробнее см.: [Goldberg 1995: 199]). Она обладает достаточно широким семантическим диапазоном и включает такие значения, как качественная характеристика действия, которое было ее исходным значением, способ, которое сегодня является наиболее частотным, и сопутствующее действие. Приведем примеры: *She **inched** her way toward the phone* (N. Roberts); *Robert was kinder, accepted two sandwiches and **ate** his way slowly through them* (E. Buchan); *The lift had **creaked** its way to the ground floor and the doors opened* (I. Murdoch).

Как мы уже отмечали ранее [Козлова 2016: 22–24] встраивание глагола в данную конструкцию приводит к изменению его синтаксических и семантических характеристик: сочетаясь с существительным *way*, глагол становится переходным, а в его когнитивной структуре под влиянием смысла всей конструкции, которая выражает действие, происходит перефокусировка, в результате которой в фокусе внимания становится не само действие, а его характеристика, включающая способ, образ действия или сопутствующие обстоятельства. Это позволяет говорить о метонимизации глагольной семан-

тики, в результате которой глагол в составе данной конструкции, по сути дела, выражает не значение самого действия, а его адвербиальные характеристики. А поскольку в основе когнитивного механизма метонимизации лежит процесс концептуальной интеграции, мы можем заключить, что данная конструкция в аспекте ее когнитивной сущности представляет собой своеобразный семантико-синтаксический бленд, объединяющий разные типы событий в единую концептуальную упаковку, что находит свое отражение в специфике построения самой конструкции, представляющей собой результат семантической и синтаксической компрессии. Характеризуя данную конструкцию в аспекте ее когнитивных характеристик, М. Израэль определяет ее как своеобразный синтаксический бленд, или специализированную грамматическую конструкцию, позволяющую объединить разное концептуальное содержание в единую компактную языковую форму [Israel 1996], а А. Голдберг характеризует данную конструкцию как семантико-синтаксическую амальгаму, также подчеркивая этим ее интегрированную сущность [Goldberg 1995: 207]. При переводе данной конструкции на русский язык, в котором не существует ее точного структурного аналога, переводчику приходится трансформировать синтаксическую структуру сходного предложения. Например: *The adventure triggered hyperinflation. The Government tried to print its way out of the trouble* (F. Forsyth). – *Эта авантюра привела к гиперинфляции. Правительство пыталось спасти положение с помощью печатного станка* (Перевод К. В. Ананичева).

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что изучение инкорпорации на материале английской глагольной лексики представляет интерес для дальнейшего исследования таких проблем, как языковая экономия и средства ее манифестации, когнитивная модель глагола и специфика ее репрезентации в различных языках, что позволяет увидеть те особенности языков, совокупность которых определяет особый «покрой» каждого языка, который следует учитывать при обучении иностранному языку для формирования аутентичности как основного критерия иноязычной компетентности. Явление инкорпорации как одной из типологических черт английского языка следует также учитывать при обучении переводу, поскольку перевод предложений с элементами инкорпорирования, не имеющих структурных аналогов в принимающем языке, требует «переупаковки смысла», т. е. трансформации структуры предложения языка-оригинала.

Литература

Анохина М. А. Элементы инкорпорации в системе английского глагола. Монография. Барнаул: АлтГПА, 2012.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. Монография. Москва – Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.

Кобрина Н. А. Вопрос о соотношении между лексическим значением глагола и полнотой его парадигм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 40–43.

Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.

Козлова Л. А. О явлении инкорпорации в системе английского глагола // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. Т. 2. Вып. 1. С. 25–30.

Козлова Л. А. Способ действия как один из компонентов когнитивной структуры глагола и средства его репрезентации в английском языке (функционально-когнитивный анализ) // Проблемы функционально-когнитивного анализа языка. Коллективная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 6–28.

Колесов И. Ю. Механизм грамматизации глагола (на примере глаголов, имеющих более двух статусов в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Ред. коллегия: Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонов. М.: Индрик, 2003. С. 439–446.

Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013.

Чейф У. Значение и структура языка / пер. с англ. Г. С. Щура; послесл. С. Д. Кацнельсона. М.: Прогресс, 1975.

Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar: A Constructon Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995.

Israel M. *The Way Constructons Grow*// Conceptual Structure, Discourse and Language. Adel Goldberg (ed.). Stanford: CSLI, 1996. P. 217–230.

Ungerer F., Schmid Y.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Lnd. and N.Y.: Longman, 1996.

L. A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

INCORPORATION AS A MEANS OF LANGUAGE ECONOMY (FUNCTIONAL AND COGNITIVE ASPECTS)

The article refers to the studies in the field of functional-cognitive syntax and is devoted to the realization of incorporation in English syntax to express objective and

adverbial characteristics of an action. As the author shows, incorporation, presented by its two varieties: inherent and adherent, functions as a means of language economy.

Key words: adherent/inherent incorporation, language economy, cognitive model of the verb, adverbial verbs, conceptual integration.

Ж. Н. Маслова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
maslovajeanna@mail.ru

СГЕНЕРИРОВАННЫЙ ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ: ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ

В статье рассмотрен феномен текста, сгенерированного нейросетями (нейротекста), как объект лингвокогнитивного исследования. Автором отмечены такие проблемные аспекты дальнейшего изучения нейротекста, как статус субъекта познания, интердискурсивность, понятие истинности, трансформация авторской точки зрения, референтность. В статье сделан вывод о том, что расширение сферы использования нейротекстов потенциально приведет к смещению фундаментальных принципов порождения и функционирования текста.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, нейротекст, промпт, субъект познания, текст.

Текст, созданный (сгенерированный) нейросетью, стал частью повседневной жизни. Вместе с тем, он еще не является объектом пристального исследовательского интереса. Это объясняет достаточно коротким периодом его существования, а также его свойству уподобляться текстам, созданным человеком. В современном перенасыщенном информационном пространстве генерированный текст практически ничем не выделяется в общем массиве разнородных текстов. Он воспринимается читателем как обычный текст, так как до сих пор доминирует допущение, что воспринимаемый текст создан человеком. Между тем, обстоятельства его порождения нуждаются в изучении, так как они обуславливают ряд принципиально иных характеристик сгенерированного текста. Изучение особенностей работы человеческого интеллекта в языковой деятельности с привлечением сгенерированного текстового материала является актуальной научной перспективной. В рамках данного исследования будет использоваться термин «нейротекст» для обозначения текстов, созданных нейросетью.

В качестве основных методов применены индуктивный метод анализа и метод когнитивного моделирования.

Исследовательское поле когнитивной лингвистики находится на стыке языка и сознания, и в результате развития технологий искусственного интеллекта происходит делегирование создания языкового высказывания, которое теперь связано с ментальными структурами и единицами знания не напрямую, а опосредованно – через технические возможности чат-бота. В долгосрочной перспективе столь важные изменения должны привести к трансформации целого ряда аспектов функционирования языка. Сегодня в рамках методологии когнитивной лингвистики следует выделить следующие проблемные аспекты изучения сгенерированного нейросетью текста (нейротекста).

1. Нейротекст не является порождением индивидуального сознания. Следовательно, он не может рассматриваться как непосредственная репрезентация ментальных структур человека – «субъекта познания», чья когнитивная деятельность носит многоуровневый характер [Болдырев 2009: 7]. Однако обучение нейросетей осуществляется на текстовом материале, поэтому можно говорить о том, что репрезентация ментальных структур знания происходит через посредничество первичного «человеческого» текста, использованного в обучении. Исследовательской перспективой является поиск ответа на вопрос, происходит ли трансформация знания при генерации текста?

На наш взгляд, этот процесс можно рассматривать как вариант вторичной репрезентации знания, так как вторичность здесь определяется тем, что только текстовый массив информации (без обращения к ментальным структурам) служит основой для создания нейротекста. Для искусственного текста отбираются те языковые фрагменты и структуры, которые оптимально соответствуют запросу. И если этот процесс эффективен при представлении шаблонной информации, то функция генерации новых смыслов отсутствует в силу конечности текстового обучающего материала. Вопреки большому количеству текстов, доступных для обучения нейросетей, уникальные и единичные репрезентации исключаются из текстов в первую очередь.

2. Необходимо уточнение статуса нейротекста как объекта исследования. Несмотря на легкость узнавания текста в повседневной жизни, вопрос о том, что считать текстом в филологической науке, не является простым. Определение И. Р. Гальперина, содержащееся в классической работе «Текст как объект лингвистического исследования» [Гальперин 2007: 18], не является исчерпывающим и подвергается критике, например, в силу того, что не все тексты состоят из сверхфразовых единств [Кубрякова 2001]. В нашем

случае существенно, что в разных определениях содержится понимание целенаправленности текста, обусловленной его замыслом. Важным является «понимание текста как информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова 2001].

Нейротекст создается как ответ на вербально сформулированное задание, в соответствии с запросом (промптом) и правилами языка. Именно это «техзадание» является репрезентацией авторского замысла и влияет на характеристики будущего нейротекста. При этом ряд технических параметров, которые при естественном процессе могли бы измениться (например, длина текста или эмоциональная окрашенность), строго соблюдаются нейросетью. Фактически, качественной характеристикой нейротекста становится соответствие результата запросу. От человека в этих условиях требуется формирование иного навыка – максимально точно формулировать запрос (промпт) для получения оптимального результата. Запрос может представлять собой набор произвольных характеристик, при этом все они будут учтены в тексте, поэтому вопрос об особенностях модальности, континуальности, когезии, ретроспекции, проспекции нейротекста нуждается в дополнительном исследовании.

3. Для человека текст наполнен смыслом потому, что он находится в области пересечения трех онтологических систем – онтологии мира, онтологии человеческого сознания, онтологии языка. Именно поэтому важно рассматривать текст как дискурсивную практику, так как согласно классическому определению Н. Д. Арутюновой, дискурсом является «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь «погруженная в жизнь»» [ЛЭС 1990: 136–137]. Под дискурсом понимается «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения» [Кубрякова 1997: 19–20], в связи с этим вполне оправдано рассматривать текст как проекцию дискурса [Иерусалимская 2016: 109].

Следует подчеркнуть идею познания как эволюционного процесса, который разворачивается в пространстве и времени. Анализ определений дискурса показывает, что в них зафиксированы такие качества феномена, как событийность, целенаправленность, процессуальность, что указывает на динамику, присущую дискурсу. Существует устойчивый взгляд на дискурс как на «коммуникативный и ментальный процесс, приводящий

к образованию некой формальной конструкции – текста» [Чернявская 2007: 144].

Нейротекст не является дискурсивной практикой в полной мере, так как он смоделирован на основе анализа текстов (разноплановых и разновременных), которые отвечают содержанию запроса (промпта). Текст генерируется как результат анализа только отвечающих требованиям последовательностей языковых объектов. Этот факт проявляется в отсутствии той динамики, о которой говорилось выше. В силу особенностей процесса генерации изображаемое событие, в частности, носит вневременной мифологизированный характер. В качестве иллюстрации может служить фрагмент текста про осень, созданный в рамках экспериментальной части исследования чат-ботом:

«Золотая осень – время перемен, окрашивающее мир в теплые, насыщенные тона. Воздух становится прохладнее, свежесть утра бодрит, а солнце, хоть и не такое жаркое, как летом, дарит мягкое, ласковое тепло. Листья деревьев, словно по волшебству, меняют свой зеленый наряд на багряный, золотистый, оранжевый и коричневый, создавая неповторимые пейзажи....

Осень – это не только пора увядания, но и пора сбора урожая. Яблоки, груши, тыквы, грибы – все это дары осени, радующие нас своим изобилием и вкусом. Это время для уютных посиделок с друзьями и семьей, для приготовления вкусных пирогов и варенья.

Осень – это пора размышлений и погружения в себя. Ее тишина и спокойствие располагают к созерцанию и анализу прошедшего года. Она учит нас ценить красоту простых вещей, наслаждаться моментом и готовиться к новому циклу жизни».

В данном тексте описаны прототипические признаки осени (цвет листвы, урожай и т.п.), присутствие авторского «Я» смоделировано через неопределенно-личное «МЫ» («она учит нас ценить красоту»), через упоминание деятельности, свойственной человеку («это пора размышлений и погружения в себя»). Вопрос о возможностях нейросетей имитировать в тексте репрезентацию индивидуального опыта нуждается в дополнительном исследовании, однако, уже первое сравнение нейротекстов и текстов, созданных человеком, показывает существенные различия.

Аналогичное задание по написанию текста про осень было предложено группе людей в возрастной категории 20–22 года (10 человек). Данные тексты обладают гораздо большей вариативностью и наличием интердискурсивных элементов. Например: «С малых лет, у каждого из нас закладывается представление об осени, как о грядущем армагедоне. Восемилетний мальчик видит, что сегодня 29 августа и ему сразу стано-

вится грустно, так и с теми, кто постарше... Давайте чуть погрузимся и откинем все лишние мысли. Первое ноября. За окном уже суровая осень. Я маленький и собираюсь, неохотно и сонно, в школу. Мама приготовила завтрак... Мы видим, хоть и холодные дожди и мерзкая слякоть за окном, в теплой семейной обстановке, даже не придаешь значения тому, что тебе придется выходить на улицу» (авторские орфография и пунктуация сохранены). Показательной является смена точек зрения – позиций, с которых осуществляется повествование: маленький мальчик – 3-е лицо, ед. ч., Я – 1-е лицо, ед. ч., мы – 1-е лицо, мн. ч.. Мы рассматриваем данную смену точек зрения как элемент интердискурсивности текста.

В силу свойства дискурсивности текст приобретает все те особенности, которые характеризуют дискурс. Категорию интердискурсивности принято определять как «конститутивную способность любого дискурса, благодаря которой он находится в отношениях с ансамблем уже произведенных дискурсов» [Георгинова 2014: 150]. «Интердискурсивность – явление не только стилевое, оно по определению предполагает слияние художественного и нехудожественного текстов: «перенос» в текст разных областей знаний, принципов мышления – художественного и нехудожественного (научного)» [Иерусалимская 2016: 109].

В задачи исследования на данном этапе не входил подробный лингвистический анализ нейротекста, важно было определение некоторых типологических различий и дальнейших перспектив исследования. В данном ключе следует сказать следующее: несмотря на то, что в тексте имитируется присутствие человека и изложение «от лица человека», очевидна некая усредненность и предсказуемость, одной из причин которых является отсутствие интердискурсивности. Именно интердискурсивность служит следствием отношения текста к реальности.

4. Изучение проблемы истинности можно рассматривать как одно из перспективных направлений анализа нейротекста. Так как нейросеть ориентируется при создании текста не на действительность, а на другие тексты, то понятие истинности неизбежно трансформируется. Традиционно истинностью считается «соответствие высказывания действительности, аксиомам; правильность отображения ... непротиворечие с действительностью». [ИС 1999]. Таким образом, истинность – это свойство высказывания или суждения, отражающее его соответствие реальному миру. В философии и логике истинность рассматривается как объективная характеристика, которая определяется через критерии проверяемости, доказательности и логической непротиворечивости. Истинное утверждение используется для прогнозирования и объяснения явлений, поэтому истинность является фундаментальной категорией познания.

Нейротексты, созданные с целью сбора информации, аналитической выборки или расчетов, как правило, отвечают требованию истинности. Автоматизация процесса создания подобных текстов действительно экономит массу человеческих ресурсов, при этом фактическая информация передается адекватно. Однако язык обладает большими возможностями для репрезентации абстрактных понятий, а также субъективной интерпретации событий и оценки. Не случайно особую трудность для нейросетей составляют ответы на этические вопросы. В этом случае возможен либо размытый ответ, либо ссылка на последние по времени размещения источники. При этом нейросеть стремится дать ответ на вопрос, даже если «не знает» его. Отдельную трудность представляет создание художественного текста, так как истинность художественного образа находится за пределами бинарной логики.

Таким образом, истинность нейротекста определяется не истинностью мира, а истинностью других языковых контекстов. И в этом аспекте следует говорить о факте вторичности. В когнитивной лингвистике вторичная репрезентация трактуется как языковое представление известного концептуального содержания в косвенной форме, за счет использования вторичных языковых средств [Болдырев 2001: 79]. Вторичная репрезентация предполагает вторичное осмысление знаков в процессах классифицирующей и оценочной интерпретации и реинтерпретации вербализованных знаний о мире. Это обеспечивает уникальную способность языка порождать своими средствами бесконечное множество смыслов и при этом создавать новые формы репрезентации этих смыслов в том же языке [Болдырев 2013: 27].

Относительно нейротекста трактовка вторичности будет несколько иной, так как вместо интерпретации смысла сознанием человека и порождения текста происходит моделирование текста из языковых структур в соответствии с запросом. Интерпретация и отбор нейросетью вербализованных смыслов для создания текста происходят на основании промпта. Следовательно, новый текст конструируется на основе языковых контекстов, которые демонстрируют наиболее оптимальное использование языковых единиц для репрезентации заданных смыслов.

В заключение следует сказать, что тексты, созданные нейросетью стали неотъемлемой частью современного информационного пространства и сфера их применения будет только расширяться. Зачастую нейротексты достаточно сложно идентифицировать без специальных навыков анализа. Однако их распространение может привести к трансформации ряда базовых категорий (восприятия пространства и времени, авторского «Я», дискурсивности, истинности и т.д.), которые были незыблемы в дотехнологическую эпоху.

Литература

Болдырев Н. Н. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 5. С. 79–86.

Болдырев Н. Н., Магировская О. В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7–16.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.

Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1 (1). С. 149–155.

Иерусалимская А. О. Интертекстуальность vs интердискурсивность как сложившийся дискурс // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 104–111.

ИС – Идеографический словарь русского языка. М.: Издательство ЭТС. Баранов О. С., 1995.

Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространств // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. науч. тр. / отв. ред-ры Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 72–81.

Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: мат-лы науч. конф. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19–20.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Стил, Белград. 2007. № 6. С. 11–26.

Шутёмова Н. В. К проблеме ритма в поэтическом переводе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 56–61.

Zh. N. Maslova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

GENERATED TEXT IN COGNITIVE ASPECT: AN ATTEMPT TO DEFINE APPROACHES TO ANALYSIS

The article deals with the phenomenon of neural network-generated text (neurotext) as an object of linguocognitive research. The author points out such problematic generated text (neurotext) as an object of linguocognitive s of further study of neurotext as the status

of the subject of cognition, interdiscursiveness, the concept of truthfulness, transformation of the author's point of view, referentiality. The article concludes that the expansion of the sphere of neurotext use will potentially lead to a shift in the fundamental principles of text generation and functioning.

Key words: discourse, interdiscursivity, neurotext, prompt, subject of cognition, text.

Е. А. Нильсен, И. К. Машко (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
janenilsen@mail.ru, mashkoignatius@gmail.com

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НОВОАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье анализируются типы атрибутивных конструкций, встречающиеся в поэтических текстах новоанглийского периода. Делается вывод о том, что наиболее частотными типами атрибутивных конструкций являются следующие: 1) атрибут выражен именем прилагательным; 2) атрибут выражен притяжательным местоимением (прилагательным) или существительным в родительном падеже; 3) атрибут выражен причастием или причастным оборотом (Participle I / II).

Ключевые слова: атрибутивные конструкции, атрибут, поэтический текст, новоанглийский период, Дж. Мильтон, диахрония.

Диахронические исследования языка вызывают неизменный интерес ученых, поскольку изучение истоков и специфики становления языков помогают понять современный строй и особенности языков намного глубже, разобраться в тенденциях развития того или иного языка и увидеть перспективы его дальнейшей эволюции.

Особый интерес представляет рассмотрение и описание структур, характерных для новоанглийского языка, поскольку именно в этот период происходит становление литературной нормы английского языка, язык постепенно приобретает современные черты на всех уровнях: от фонетики и орфографии до морфологии и синтаксиса.

Необходимо также учитывать то, что новоанглийский период делится на несколько этапов, каждый из которых имеет свои отличительные особенности. Так, например, ранний новоанглийский период характеризуется редукцией и утратой большинства флексий, которые ранее, в древнеанглийский и среднеанглийский периоды, были неотъемлемой частью структуры именных частей речи, становлением аналитических конструкций,

переходом к монологичности и т.п. В этот период также происходит великий сдвиг долгих гласных, который стал одним из ключевых изменений в фонетической системе английского языка, появление новых фонем, изменение правил чтения и т.д. На следующем этапе новоанглийского периода происходит окончательное становление национального английского языка; данный период также знаменуется появлением одного из самых известных словарей английского языка, опубликованного лексикографом Самюэлом Джонсоном в 1755 году. На современном этапе новоанглийского периода происходит активное заимствование лексики, особенно в результате британской политики колонизации и благодаря процессам глобализации, а также наблюдаются изменения как в плане произношения и орфографии, так и грамматики, специфичные для американского, британского и других вариантов английского языка.

Говоря о новоанглийском периоде необходимо отметить, что в это время происходило окончательное становление не только национального английского языка, но и английской литературной традиции. Появляются новые направления в литературе, такие как романтизм, реализм и модернизм. Литература этого периода отражала не только изменения в языковой системе, но и эволюцию культуры и социума.

Особое значение для английской литературы того времени имели произведения выдающихся британских поэтов, У. Шекспира и Дж. Мильтона, вклад которых в мировую литературу невозможно переоценить. Всесторонний анализ их творчества, как с точки зрения употребляемых ими лексических единиц, так и с точки зрения грамматических конструкций, представляется значимым и актуальным, поскольку позволяет выявить важные тенденции развития английского языка.

Одной из ключевых характеристик поэзии новоанглийского периода является использование атрибутивных конструкций, отвечающих за создание образности, символов, уточнение важных для повествования характеристик персонажей и событий, а также уникальной структуры произведений. Несмотря на то, что атрибутивные конструкции являются одним из наиболее распространенных типов словосочетаний в английском языке, данная категория еще недостаточно исследована, вследствие чего продолжает активно изучаться учеными не только в области лингвистики, но и философии, семантики, поэтики и других сфер научного знания (см., например, труды Д. А. Синкевича [Синкевич 2010], О. Н. Шалифовой [2014] и др.).

Существует большое количество подходов к описанию атрибутивных конструкций, которые формируют основные критерии их типологизации. В данной статье используется морфологическая классификация, осно-

ванная на типологии В. Л. Каушанской. В этой типологии атрибутивные конструкции подразделяются на несколько групп в зависимости от частеречной принадлежности атрибута. Само понятие «атрибут» в определении В. Л. Каушанской представляет собой «второстепенный член предложения, в роли которого может выступать существительное, местоимение или другая часть речи» [Каушанская 2008: 3]. В рамках данного подхода одной из главных особенностей атрибута является его способность находиться в пре- или постпозиции по отношению к ядру конструкции. Таким образом, в классификации В. Л. Каушанской в качестве атрибута могут выступать: 1) прилагательное (наиболее частотный тип атрибута); 2) местоимение (притяжательное, определительное, указательное и др.); 3) числительное (количественное и порядковое); 5) конструкции с предложной группой; 6) наречие (может находиться в пре- или постпозиции); 7) причастие первого и второго типов; 8) предложное сочетание или конструкция с предлогом и герундием; 9) инфинитив, инфинитивная фраза или инфинитивная конструкция [Каушанская 2008: 3].

Таким образом, использование морфологической классификации при описании атрибутивных конструкций в поэтических текстах новоанглийского периода является наиболее оптимальным с учетом задач данного исследования.

В ходе анализа поэтических произведений Дж. Мильтона с использованием метода сплошной выборки были выявлены 264 атрибутивные конструкции. По способу выражения атрибута они были распределены на следующие группы: атрибут выражен именем прилагательным – 116 конструкций; атрибут выражен любым местоимением, кроме притяжательного, – 1; атрибут выражен существительным в именительном падеже – 11; атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой – 22; атрибут выражен притяжательным местоимением (прилагательным) или существительным в родительном падеже – 71; атрибут выражен причастием или причастным оборотом (Participle I / II) – 41; атрибут выражен придаточным предложением – 2; Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы, наиболее часто встречающимся типом атрибутивной конструкции является такой, в котором атрибут выражен именем прилагательным, что может быть представлено формулой $N_1 + Adj_1$ или $Adj_1 + N_1$: Новонгл. – "Had doft her **gawdy trim**, / Совр. англ. – Had doffed her **gaudy trim**; Новонгл. – Unftain'd with **hoftile blood** / Совр. Англ. – Unstained with **hostile blood**" [Milton 1873; Milton 1909]. Данный вид атрибутивной конструкции составляет 44% от общего числа выявленных конструкций.

Столь значимое численное преимущество данного вида конструкций по сравнению с иными выявленными видами представляется вполне ожидаемым, учитывая тот факт, что наиболее частотным типом атрибутивной конструкции, используемым в английском языке на разных этапах его развития, является словосочетание $Adj_1 + N_1$, в котором имя прилагательное выполняет свою наиболее привычную функцию, а именно обозначение признака предмета.

Табл. 1. Распределение атрибутивных конструкций, выявленных в поэтических произведениях Дж. Милтона, в процентном соотношении.

Тип атрибутивной конструкции	Процент от общего числа выявленных конструкций
Атрибут выражен именем прилагательным	44%
Атрибут выражен притяжательным местоимением (прилагательным) или существительным в родительном падеже	27%
Атрибут выражен причастием или причастным оборотом (Participle I / II)	15%
Атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой	8%
Атрибут выражен существительным в именительном падеже	4%
Иные способы выражения атрибута	2%

Вторым наиболее часто встречающимся является тип атрибутивной конструкции, в котором атрибут выражен притяжательным местоимением $Pro_{poss.} + N_1$; притяжательным прилагательным $Adj_{poss} + N_1$ или существительным в родительном падеже $N_{1\ gen.} + N_2$: "He feels from **Juda's land**; The dreadfull judge in middle Air shall fspread **his throne**; With unexpreffive notes to **Heav'ns** new-born **Heir**" [Milton 1873; Milton 1909]. Первые два наиболее частотных типа атрибутивных конструкций суммарно составляют 71% от общего числа выявленных конструкций, что в значительной степени совпадает с результатами анализа произведений среднеанглийского периода за авторством Д. Чосера (см. статью «Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии» [Нильсен, Машко 2025]). Так, конструкции, в которых атрибут был выражен именами

прилагательными и притяжательными местоимениями, прилагательными или существительными в родительном падеже, составляют 66% от общего числа выявленных конструкций в ранее анализируемых текстах среднеанглийского периода. При этом доля атрибутивных конструкций $Adj_1 + N_1$ по сравнению со среднеанглийским периодом выросла на 7%, что может свидетельствовать о дальнейшем обогащении английского языка лексическими единицами, используемыми для характеристики и описания предметов и явлений.

Третьим наиболее распространённым среди выявленных типов атрибутивных конструкций (15% от общего числа) является тип, в котором атрибут выражен причастием или причастным оборотом (Participle I / II): “In vain the Tynan Maids their **wounded** Thamuz mourn; Trampling the **unfhowr’d** Grafte with lowings loud; Hath fixt her **polifht** Car” [Milton 1873; Milton 1909]. В сравнении с результатами анализа среднеанглийских поэтических текстов доля данного типа атрибутивной конструкции выросла на 12%, с 3% до 15% соответственно.

Атрибутивные конструкции, в которых атрибут выражен с помощью структуры с предложной группой, в исследуемых текстах составляют 8% от общего числа: “Th’enameld Arras **of the Rainbow** wearing; The brutifh **gods of Nile** as faft; With that twife batter’d **god of Paleftine**” [Milton 1873; Milton 1909]. В ранее проведённом анализе среднеанглийских поэтических текстов доля этого типа атрибутивных конструкций была существенно выше и находилась в диапазоне 15–16%, таким образом, в два раза превышая частотность употребления относительно произведений новоанглийского периода. Следовательно, в данном случае наблюдается процесс сокращения частотности употребления такого рода конструкций по сравнению с текстами среднеанглийского периода.

Иные типы атрибутивных конструкций, включая такие, в которых атрибут выражен существительным в именительном падеже, любым местоимением, кроме притяжательного, придаточным предложением и другими способами, суммарно составляют менее 10% от общего числа выявленных конструкций.

Анализ выявленных конструкций с точки зрения положения атрибута относительно ядра конструкции даёт следующие результаты: 222 атрибутивные конструкции располагают атрибут в препозиции относительно определяемого слова; 42 атрибутивные конструкции располагают атрибут в постпозиции относительно определяемого слова. Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций по признаку позиции атрибута относительно ядра конструкции представлено в таблице 2.

Табл. 2. Процентное соотношение атрибутивных конструкций, выявленных в поэтических произведениях Дж. Мильтона, по признаку позиции атрибута относительно ядра конструкции.

Тип атрибутивной конструкции	Процент от общего числа выявленных конструкций
Препозитивные атрибутивные конструкции	84%
Постпозитивные атрибутивные конструкции	16%

Результаты анализа фрагментов поэтических текстов новоанглийского периода наглядно демонстрируют диспропорцию в частотности употребления препозитивных конструкций по отношению к постпозитивным. Препозитивные атрибутивные конструкции в 5 раз превосходят по количеству постпозитивные конструкции. Схожая тенденция наблюдалась при анализе поэтических текстов среднеанглийского периода, однако диспропорция между этими двумя типами в среднеанглийских текстах значительно менее ярко выражена: 70% – препозитивные; 30% – постпозитивные. При этом важно учесть, что приблизительно 80% от числа препозитивных атрибутивных конструкций приходится на три наиболее частотных типа: 1) атрибут выражен именем прилагательным; 2) атрибут выражен притяжательным местоимением (прилагательным) или существительным в родительном падеже; 3) атрибут выражен причастием или причастным оборотом (Participle I / II). Однако были выявлены исключения среди атрибутивных конструкций, в которых атрибут выражен именем прилагательным: “Onely with *fpeeches fair*; When luch *mufick fweet*; While the *Creator Great*” [Milton 1873; Milton 1909]. В данных примерах атрибут находится в постпозиции относительно ядра конструкции, что не свойственно данному типу, и используется автором произведения для создания инверсии. Доля подобных исключений составляет порядка 4% от общего числа конструкций, что существенно меньше по сравнению с текстами среднеанглийского периода, где доля исключений составляла порядка 11–12%.

Таким образом, при анализе способов выражения атрибутов в новоанглийской поэзии были установлены 3 наиболее частотных типа атрибутивной конструкции: 1) атрибут выражен именем прилагательным; 2) атрибут выражен притяжательным местоимением (прилагательным) или существительным в родительном падеже; 3) атрибут выражен причастием или причастным оборотом (Participle I / II). Суммарно они составляют 86% от общего числа выявленных конструкций, при этом практически половина от этой цифры относится к конструкциям первого типа. Также

стоит отметить, что подавляющее большинство выявленных конструкций относятся к препозитивному типу (84%), что может указывать на наличие тенденции к сокращению постпозитивных конструкций в процессе развития поэтического английского языка. Дальнейшие исследования и более глубокий анализ эволюции форм атрибутивных конструкций в поэтических текстах английского языка на разных этапах его развития представляется крайне перспективным.

Литература

Каушанская В. Л. *A Grammar of the English Language* / под ред. проф. Е. В. Ивановой. М.: Айрис пресс, 2008.

Нильсен Е. А., Машко И. К. Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии // Дискурс. 2025. Т. 11. № 2. С. 158–170.

Синкевич Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 239–248.

Шалифова О. Н. Структурный тип постпозитивной атрибутивной конструкции и синтаксические функции ядерного слова в английском языке XVI–XVII в.в. // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 121–123.

Milton J. *Poems of Mr. John Milton, both English and Latin, composed at several times*, 1873. URL: <https://ia801307.us.archive.org/15/items/poemsofmrjohnmil00milt/poemsofmrjohnmil00milt.pdf> (дата обращения: 22.01.2025).

Milton J. *The Complete poems of John Milton with introduction and notes*. Volume 4: *The Harvard Classics* Edited by Charles W. Eliot, LL.D. P. F. Collier & Son Corporation NEW YORK, 1909. URL: <https://dn720300.ca.archive.org/0/items/completepoemsofj0004unse/completepoemsofj0004unse.pdf>

E. A. Nilsen, I. K. Mashko (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University of Economics

PECULIARITIES OF ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS FUNCTIONING IN EARLY MODERN ENGLISH POETRY

The article analyses the types of attributive constructions found in poetic texts of the Early Modern English period based on morphological classification. It is concluded that the most frequent types of attributive constructions are the following: 1) the attribute is expressed by an adjective; 2) the attribute is expressed by a possessive pronoun (adjective) or a noun in the genitive case; 3) the attribute is expressed by a participle or participle (Participle I / II).

Key words: attributive constructions, attribute, poetic text, Early Modern English period, J. Milton, diachrony.

Н. А. Трофимова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
nelart@mail.ru

ОТ ЗНАНИЯ К ТЕКСТУ: КУЛИНАРНЫЙ РЕЦЕПТ XVIII ВЕКА КАК КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

В статье рассматриваются рецептурные тексты 18 века на материале кулинарной книги семьи Мюнхгаузен. Автор анализирует рецепты не только как историко-культурное явление, но и как когнитивную структуру, отражающую способы систематизации и передачи знаний. Исследование выявляет ключевые языковые особенности кулинарных текстов: архаичную лексику, специфические единицы измерения, структуру предложений, использование глагола *lassen* как индикатора социального статуса и др. Рецепты интерпретируются как механизм культурной памяти, передающий информацию о гастрономических традициях, социальных ролях и прагматике кулинарного дискурса 18 в.

Ключевые слова: рецепт, фреймовая структура, когнитивный сценарий, когнитивная стратегия, гастрономическая терминология, Мюнхгаузен.

Кулинарные тексты представляют собой уникальный пласт письменной культуры, отражающий не только гастрономические традиции прошлого, но и когнитивные модели восприятия мира, зафиксированные в языке. Исследование рецептурных текстов позволяет реконструировать способы категоризации знаний, логические и прагматические структуры, а также выявить способы их передачи в обществе того или иного времени.

Материалом настоящего исследования послужили рецепты из кулинарной книги семьи Мюнхгаузен, записанные в 1733 году баронессой Сибиллой Вильгельминой фон Мюнхгаузен (матерью известного барона) для своей дочери. Эти тексты являются, безусловно, практическими инструкциями по приготовлению пищи, но кроме этого они выступают и как носители культурного кода, в котором отражаются повседневные практики, социальные нормы и коллективные представления об идеальной трапезе, вкусовых предпочтениях и самом процессе приготовления. Выявление и описание когнитивных механизмов хранения, организации и передачи знаний в рецептурных текстах 18 века и является целью настоящей статьи.

Новизна данного исследования обусловлена его методологией – рецепты из кулинарной книги семьи Мюнхгаузен анализируются как когнитивная структура, отражающая способы интерпретации и систематизации знаний о мире через язык. Фокус на когнитивном аспекте рецептов остаётся в настоящее время недостаточно изученным, несмотря на то, что кулинарные

тексты нередко привлекают внимание исследователей – традиционно основной акцент делается на историко-культурных аспектах кулинарии [Москалюк 2005; Третьякова 2013] или на их стилистике и жанровых особенностях [Буркова 2004; Кантурова 2012; Киреева 2013; Корбмахер 2019; Лазеева 2016; Саэтгараева, Гилязетдинова 2021]. Ключевыми подходами в настоящем исследовании является фреймовая теория (М. Минский, Ч. Филлмор), позволяющая рассматривать кулинарные тексты как фреймовые модели; концепция сценариев (Р. Шенк, Р. Абельсон), согласно которой рецепты можно представить как предписания к выполнению определенных действий с логической последовательностью их этапов; теория прототипов (Э. Рош), объясняющая, как рецептурные модели становятся репрезентативными для своего времени. Названные подходы когнитивной лингвистики позволяют нам выявить структурные, семантические и прагматические особенности кулинарных текстов 18 века, а также определить их роль в сохранении и передаче кулинарного опыта в рамках культурной памяти общества.

Рецептурный текст представляет собой формат, в котором сложный технологический процесс представляется в виде последовательности действий, что упрощает его усвоение и воспроизведение. Такой формат позволяет рассматривать рецепт как когнитивную модель с определенной фреймовой структурой, в которой знание о кулинарном процессе оформляется в виде устойчивых смысловых блоков: ингредиенты, обработка, температура, временные характеристики, конечный результат.

Анализ ключевых групп лексики, участвующих в когнитивном кодировании знаний в рецептах семьи Мюнгхаузенев, показывает наличие в рецептах терминов, обозначающих ингредиенты (слот *Ингредиенты*). Многие из них представляют собой региональные и архаичные лексемы, примерами которых могут служить *Aggroß* (крыжовник), *Morillen* (абрикосы), *Latwerge* (фруктовое пюре), *Weixel* (вишня), *Kap aune* (каплун – специально откормленный на мясо кастрированный петух) и др. Многие из слов этой группы ушли из употребления либо изменили свое значение. Примером изменения значения может служить лексема *Torte*, называющая блюдо, разнообразным рецептам приготовления которого посвящена вторая часть книги. Это блюдо не имеет ничего общего с современным тортом, оно представляет собой открытое или закрытое изделие из теста (сдобного или слоеного) с сытной начинкой.

Еще одной концептуальной особенностью лексики рассматриваемых текстов является факт, что выступающие в качестве ингредиентов обобщенные категории продуктов (сахар, яйца, мука, масло) представляют собой своего рода прототипические элементы, которые варьируются

в зависимости от рецепта: разновидностью ингредиента *Milch* являются *Obermilch, gute Milch, süße Milch, frische Milch, Milchrahm*; ингредиент *Mehl* реализуется в том числе и как *Mundmehl* или *gute Mehl*.

Важным аспектом является использование в рецептах архаичных и региональных единиц измерения (слот *Единицы измерения*), к которым относятся *Lot* (17,5 г), *Seidel* (0,35 л, названо по емкости, которой измеряли жидкости – пивная кружка с крышкой *Seidel*), *Quarta* (0,35 л – название «четверть» происходит от четвертой части 1,4-литровой пивной кружки *Maß*), *Quartierlein* (половина зейделя) и др. Эти старые единицы измерения были основными в немецкой кухне 18 в., ни в одном рецепте нам не встретились обозначения *Gramm* или *Liter* из современной кулинарной практики.

Не менее любопытной спецификой рецептов 18 века является разнообразие терминов, относящихся к посуде и кухонной утвари (слот *Посуда для готовки*). В кулинарных текстах того времени встречаются слова *Weidling* (глубокое блюдо с двумя ручками), *Reinel* (низкая широкая кастрюля), *Model* (форма для выпечки), *Tegel* (глубокая сковорода с длинной ручкой), *Reif* (кольцо с бортиками для выпечки), *Tortenpfanne* (сковорода с длинной ручкой и крышкой, которая использовалась для выпечки). Эти наименования демонстрируют не только специфику посуды, которая использовалась более двух веков назад, но и разнообразие кухонных инструментов, что отражает богатство кулинарных традиций того времени.

Наконец, следует отметить группу глаголов, обозначающих технологические процессы и их отдельные стадии, тоже играющих важную роль в когнитивном кодировании рецептов (*andicken lassen* – дать загустеть, *gewüfelt schneiden* – нарезать кубиками, *aufreiben* – взбивать, *sieden lassen* – дать покипеть и др.). Эти глаголы делают акцент на деталях процесса, как, например, глагол *rühren* используется не только как самостоятельная единица, указывающая на необходимость мешать ингредиенты, но и специфицируется приставками, показывающими важные нюансы: *durchrühren* – хорошо вымесить, *(hin)einrühren* – вмешать в смесь еще один ингредиент, *untereinander rühren* – перемешать ингредиенты друг с другом, *auf einer Seite rühren* – мешать в одном направлении, *abrühren* – помешивать. Так детали в описании формируют в своей совокупности культуру и традиции кулинарного искусства.

Текст рецепта можно также рассматривать как жестко структурированный сценарий – он построен на типовой последовательности действий, которые должны быть выполнены в строгом порядке: сначала готовятся и обрабатываются ингредиенты, затем они смешиваются, подвергаются термической обработке, далее, в зависимости от блюда, происходит охлаж-

дение и подготовка к подаче на стол или – как в рецептах приготовления варенья – раскладывание по банкам для хранения. Автор рецептов четко указывает на эту последовательность использованием временных маркеров как *alsdann*, *dann* и придаточных с союзом *wenn*: *Nimm Austern, tue sie auf und überbrate sie mit einer frischen Butter wie sonst, nimm sie aus der Schale und hacke sie gröblich, dann nimm ein wenig Zwiebeln, hacke sie klein und röste sie fein. ... Wenn alles fertig ist, so tue die Hühnel anfüllen und brate sie. Wenn sie gebraten sind, so lege sie in eine Schüssel und nimm noch frische Austern, <...>.* Эта последовательная организация действий подчеркивает алгоритмичность приготовления блюд, а также сходство рецепта с инструкцией, где логика приготовления обусловлена строгой временной и причинно-следственной структурой. Каждый рецепт заканчивается фразой *so ist es (gar/recht) gut* с небольшими вариациями. Этот элемент текста маркирует завершение процесса приготовления и подтверждает соответствие результата ожидаемому стандарту, он играет роль кодифицированного заключения и схож с финальной ремаркой в драматическом сценарии.

Многие рецепты описывают блюда, существующие в виде вариативных моделей – они включают в себя разные ингредиенты и способы обработки, но остаются при этом легко узнаваемыми (например, *Pastete* как общий термин для слоеных пирогов-пастетов, *Koch* как общий термин для пудингов, *Torten* – для пирогов и т.д.). Расположение рецептов в книге соответствует этой модели: в начале раздела дается описание процесса приготовления «прототипного» блюда (*Eine gute Krebstorte* – рецепт пирога с раками), а затем даются еще 7 вариантов приготовления такого пирога, обозначенные как *Auf eine andere Art* (Пирог из раков по-другому), *Krebstorte mit Mandeln zu machen* (Пирог из раков с миндалем), *Die Torte von Krebsen zu machen* (Пирог из раков) и под.

Одним из ключевых аспектов рецептурного текста является его прагматическая направленность, иначе говоря, он должен быть максимально понятным и удобным в использовании. Это достигается за счёт ряда когнитивных стратегий, одной из которых является, например, использование глаголов в повелительном наклонении во 2 л. ед.ч (*nimm*, *schlage*, *giß e* и др.). Такая форма подачи информации делает текст более инструктивным, «действующим», вовлекающим читателя в процесс: *Nimm ½ Pfund Mandeln, schäl, weich und stoß sie klein* (Возьми ½ фунта миндаля, очисти, размягчи и истолки). С другой стороны, форма фамильярного обращения к адресату текста показывает ориентированность изложения информации не на широкую публику, а на одного конкретного потребителя – дочь баронессы.

В отдельных случаях при описании сложного технологического процесса, например, при приготовлении бисквитов использовался глагол *lassen*: *Lasse eine Stunde rühren* (Вели мешать в течение часа). Конструкции с глаголом *lassen* безошибочно свидетельствуют о том, что автор текста – представительница аристократического сословия, не выполнявшая все кулинарные операции самостоятельно. Такая формулировка указывает на наличие слуг, которым поручались трудоёмкие процессы как длительное помешивание или взбивание яиц, очистка и разделка ингредиентов. Это подчёркивает статус автора как хозяйки, контролирующей приготовление пищи, но не всегда занимающейся этим напрямую.

Следует подчеркнуть, что информация в рецептах передаётся в сжатой форме, без лишних пояснений, что предполагает наличие у читателя предварительных знаний. Например, не объясняется, каким образом нужно взбивать яйца или какая консистенция считается достаточной (*mache die Fülle gar damit an, wie es halt in der Dicke recht ist* – используй эту смесь, чтобы довести начинку до нужной густоты) – эти знания воспринимаются как само собой разумеющиеся. По этой же причине в описании часто опускаются промежуточные этапы – вероятно, автор считает их очевидными: рецептурный текст строится не на полном разъяснении процесса, а на его оптимальной передаче в удобной для усвоения форме.

Примечательной когнитивной стратегией изложения текстов рецептов является специфический синтаксис – это, как правило, длинные сложносочиненные предложения, в которых последовательно перечисляются действия: *Nimm ein Ei, schlage es auf und gib es dazu, rühre es gut um und lasse es stehen* (Возьми яйцо, разбей его и добавь, хорошо размешай и оставь стоять). При этом точки в текстах за редким исключением отсутствуют – эта особенность тоже отражает когнитивные особенности организации знаний и восприятия процесса приготовления пищи как непрерывного, логически связанного потока. Отсутствие точек показывает плавное перетекание одного действия в следующее, создает единую динамическую инструкцию, в которой нет жестких границ в виде завершённых смысловых отрезков. При такой организации текста реализуется и принцип языковой экономии: в нем не требуется повторное уточнение субъекта или перехода к новым частям инструкции.

На эмпирический характер передачи знаний, основанный на личном опыте автора, указывает отказ от использования точных единиц измерения времени (минут и секунд). Вместо этого применяются оценочные параметры: *bis es gut ist* (пока не приготовится), *wenn es zu riechen anfängt* (пока не появится аромат), *bis es fein braunlich wird* (пока не подрумянится до золотистого цвета). Такая неопределённость обусловлена зависимостью

процесса от множества внешних факторов, включая интенсивность жара, свойства используемых продуктов и особенности кухонного оборудования. Эмпиричность инструкции проявляется также в стратегии отрицательной рекомендации, т.е. предостережения от нежелательных действий: *Nicht zu heiß backen* (Не выпекать при слишком высокой температуре), *Nicht zu lange rühren* (Не размешивать слишком долго). Эти формулировки ориентированы на практический опыт читателя, который должен самостоятельно определить границы правильного приготовления.

Наконец, следует отметить, что рассматриваемые рецепты XVIII века передают культурные коды эпохи, отражая образ жизни, статус и вкусы высшего сословия. В них прослеживается принадлежность автора к высшему сословию, об этом свидетельствует изысканный характер кухни и дорогие ингредиенты (лимоны, вино, мускат, каплуны), трудоёмкие методы обработки продуктов. Видна и интернациональность кухни: рецепты включают элементы французской и итальянской гастрономии, а некоторые рецепты прямо указывают на их происхождение (например, *Spanische Pastete*, *Englische Pastete*). Поскольку кухня в XVIII веке воспринималась как женская сфера, знание сложных рецептов повышало статус хозяйки, поэтому передача рецептов от матери (баронессы Мюнхгаузен) к дочери становилась важной частью культурной традиции.

Анализ рецептов из кулинарной книги баронессы Мюнхгаузен показывает, что концептуализация и категоризации знаний в них осуществляется через типичные сценарии приготовления пищи, отраженные в последовательности действий, а также через устойчивые фреймовые структуры, слоты которых включают типовые компоненты кулинарного процесса – ингредиенты, способы их обработки, временные и количественные параметры, кулинарные инструменты. Лексика рассматриваемых рецептов отражает особенности гастрономической терминологии того времени, а синтаксические конструкции строятся по характерным для того времени моделям структурирования инструктивных текстов.

Рецепты 18 века обладают не только фреймовой, но и сценарной организацией: они представляют собой последовательность действий, типичную для определенной кулинарной задачи, и включают предсказуемые этапы (подготовка, обработка, завершение).

Исследование доказывает, что рецепт как когнитивная структура демонстрирует также адаптацию знаний к конкретному социальному контексту, что позволяет рассматривать его как важный элемент лингвокультурного наследия. Изучение рецептов семьи Мюнхгаузенов дает представление о повседневной жизни того времени, о пищевых традициях и бытовых

особенностях дворянского сословия в Нижней Саксонии. Включение в описание приготовления дорогих ингредиентов и сложных технологий подчёркивает статусный характер аристократической кухни и её влияние на последующие традиции.

Литература

Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.

Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере жанра кулинарного рецепта): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012.

Киреева А. А. Структурная организация кулинарного рецепта // Университетские чтения-2013: материалы научно-метод. чтений, 10–11 января 2013 г. Пятигорск: Пятигорск. гос. лингвист. ун-т, 2013. С. 134–138.

Корбмахер Т. В. Композиционные и лингвистические особенности кулинарных рецептов российских немцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 4. С. 38–48.

Лазеева Н. В. Структурные и языковые особенности кулинарных рецептов поваренной книги “Cooking for Friends” Г. Рамзи // Инновационная наука. 2016. № 3–3. С. 176–179.

Москалюк Г. С. Становление типа текста «кулинарный рецепт»: на материале немецкоязычных кулинарных собраний XIV–XVI веков: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005.

Саетгареева Л. Р., Гилязетдинова Г. Х. Особенности структурной организации кулинарного рецепта в англоязычной поваренной книге второй половины XIX века // Ученые записки Казанского ун-та. Гуманитарные науки. 2021. С. 101–108.

Третьякова М. В. К вопросу об английской кухне второй половины XVI века. Рецептaрий 1575 г. // *Via in tempore*. История. Политология. 2013. № 8 (151). С. 41–48.

Erler C. Es ist sehr gut und schmeckt gar wohl! Holzminen: Verlag Jörg Mitzkat, 2023.

N. A. Trofimova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

FROM KNOWLEDGE TO TEXT: THE 18TH CENTURY CULINARY RECIPE AS A COGNITIVE MODEL

The article examines recipe texts of the 18th century based on the material of the Munchausen family cookbook. The author analyzes recipes not only as a historical and cultural phenomenon, but also as a cognitive structure reflecting the methods of systemati-

zation and transmission of knowledge. The study reveals key linguistic features of culinary texts: archaic vocabulary, specific units of measurement, sentence structure, the use of the verb *lassen* as an indicator of social status, etc. Recipes are interpreted as a mechanism of cultural memory that conveys information about gastronomic traditions, social roles and the pragmatics of culinary discourse of the 18th century.

Key words: recipe, frame structure, cognitive script, cognitive strategy, gastronomic terminology, Munchausen.

Д. Ю. Шебаршина (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
shebarshina-@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИСЕМИИ СОЮЗОВ НА ГРАММАТИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УСТНОМ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема устного синхронного перевода на синтаксическом уровне языковой системы, приводится характеристика данного вида перевода. В частности, особое внимание уделяется проблеме устного синхронного перевода многозначных союзов, даются примеры полисемии данной служебной части речи. Автор показывает, какая техника разрешения данной переводческой задачи используется на занятиях по устному синхронному переводу.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, полисемия, коммуникативная значимость, эквивалент, грамматический строй языка.

Согласно Н. А. Кобриной, в английском языке при общей системности в реализации порядка слов и их связей как средства выражения синтагматики, эти же средства одновременно используются в чисто коммуникативных целях и как результат само понятие связанности и зависимости не является однозначным [Кобрина 2010: 8]. Автор отмечает, что сами формы линейзации тесно связаны с типом языка и мотивацией порождения структур. При этом нарушение норм и установившихся традиций сочетаемости также всегда коммуникативно значимы [там же]. На наш взгляд, особый интерес для исследователей, в частности, для когнитологов, представляет нарушение норм и традиций сочетаемости в устном синхронном переводе, ведь данный вид переводческой деятельности не соотносится с традиционной когнитивной моделью процесса перевода. Так, синхронный перевод предполагает априорное избрание ключевой стратегии, а также *прогнозирование* когнитивного опыта переводчика [Шебаршина 2018: 888].

В нашем исследовании мы будем говорить об изменении синтаксических норм, о преломлении грамматического строя предложения ввиду коммуникативной значимости слагаемых элементов. В частности, речь идет об обучении навыку «раскраивания» предложений на занятиях по устному синхронному переводу. Нас заинтересовала именно данная проблематика, ввиду того, что, как справедливо утверждают профессионалы в области синхронного перевода, хороший синхронист мыслит быстро и логически: сопоставляет два языка, предполагает, как спикер завершит предложение, и выстраивает фразу с грамотным синтаксисом [<https://perevod.app/articles/kak-naiti-rabotu/>].

Устный синхронный перевод (УСП) представляет собой «двухязычную коммуникативно-речевую деятельность, осуществляемую в экстремальных условиях – мощных физических, психологических и семантических «помех», острого дефицита времени и внешнего контроля за темпами протекания деятельности» [Чернов 1978: 130]. Устный синхронный перевод представляет собой «системную интеллектуальную деятельность человека». Элементы этой деятельности связаны друг с другом системными отношениями, которые оказывают влияние на процесс и результат перевода. Деятельность синхронных переводчиков как участников этой системы подвержена воздействию со стороны целого ряда факторов внешнего характера: информационных, психологических, технологических, исторических, экономических, этических, эстетических и др. [Гарбовский, Костикова 2018: 18–19].

Комплексная природа работы синхронных переводчиков определяется рядом причин: параллельный характер процессов восприятия и порождения речи; высокий темп восприятия, обработки и воспроизведения поступающей информации; наличие объективных и субъективных дестабилизирующих факторов; экстремальные условия работы (в частности, однократное предъявление оригинала и повышенная нагрузка на оперативную память) [Зигмантович 2022: 17]. В. Н. Комиссаров характеризует устный перевод как «вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения» [Комиссаров 2001: 111]. В самом деле, в процессе устного синхронного перевода сообщение оратора поступает однократно, что не допускает повторного обращения переводчика к тексту оригиналу, следовательно, синхронный перевод невозможно воспроизвести в первоначальном варианте (переводчик будет производить новый текст при предъявлении одного и того же лингвистического материала, более того, степень знакомства с материалом

качественно изменит результат перевода); сам процесс можно разложить на составные части с точки зрения теории, но на практике изолировать его компоненты исключительно сложно, а выборка профессиональных синхронных переводчиков весьма ограничена [Конина, Черниговская 2018: 179].

Ввиду вышеизложенного, переводчик «вступает» только тогда, когда в его сознании слова оратора обрели определенный смысл, часто заключенный в речевом сегменте, содержащем более чем одно понятие [Гарбовский 2007: 200].

Так, в связи с линейно поступающей информацией, предъявляемой однократно, синхронный переводчик в ряде ситуаций вынужден «перекраивать» предложение, чтобы не оказаться в щекотливой ситуации перевода. В одних случаях это необходимо, потому что у синхрониста сформирована привычка использовать уже готовый эквивалент, поскольку при отработке навыка синхронного перевода обучающийся в процессе осваивает клише, которые и обеспечивают ему столь необходимый автоматизм при синхронном переводе. Так, известный переводчик-синхронист и преподаватель Монтерейской школы перевода Андрей Фалалеев отмечает, что «привычка подставлять слова приводит к тому, что у нас появляется желание иметь один готовый эквивалент на все случаи жизни, независимо от смысла фразы и контекста» [Фалалеев, Малофеева 2015: 81]. Автор в качестве иллюстрации приводит следующий пример: английское предложение *Although he had a strong headache, he went to work* при переводе с помощью готового эквивалента звучит как *Несмотря на то что, у него болела голова, он поехал на работу*, что не до конца привычно по форме слушателю на языке перевода. Автор показывает, что, подставив готовый эквивалент (*хотя; несмотря на то, что*), мы вынуждены продолжать подставлять слова в той же последовательности, что и в английском оригинале, до самого конца фразы. Отсюда фраза становится неуклюжей [там же].

Не идиоматично звучащая фраза на языке перевода – безусловное упущение синхрониста. Однако, есть и более серьезный случай, который ведет к полной подмене смысла предложения. Во многих ситуациях английские подчинительные союзы многозначны, что идет в разрез с грамматическими нормами русского языка. В самом деле, подчинительные союзы в русском языке строго разделяются по грамматическому значению, то есть, выделяют временные, причинные, целевые, условные, уступительные, следствия, сравнительные и изъяснительные подчинительные союзы. Таким образом, каждому союзу в русском языке присуще строго определенное грамматическое значение.

Совершенно иначе обстоит дело с подчинительными союзами в английском языке. Например, английский подчинительный союз *as* может

отличаться по грамматическому значению. Он может выступать в качестве противительного союза: *As newspaper companies across the developed world took a beating in the past few years, those in Japan merely struggled* – Газеты во всех развитых странах последние несколько лет несли большие убытки, а в Японии они, все-таки, сводили концы с концами. Далее, союз *as* может вводить и причинно-следственную связь: *As the number of young people declines, older people become a larger share of the overall population* – Молодежи становится меньше, и, как следствие, растет доля пожилого населения. Союз *as* также может отражать и временную связь: *As life expectancy keeps on rising, so is the proportion of old people in the population* – По мере того, как увеличивается продолжительность жизни, возрастает и доля пожилого населения.

Мы можем далее обратиться к еще одному неоднозначному союзу – союзу *while*. По аналогии с союзом *as* *while* может выступать в разных грамматических значениях. Обратимся к примерам его употребления: *While some migrant laborers work in their employer's houses, those that work in construction usually live in large work camps* – Некоторые работники-мигранты живут у своих нанимателей, но если они работают на стройке, то селятся обычно в больших лагерях для рабочих. Приведенный выше пример иллюстрирует противительное значение союза. *While African men were fighting and killing and raping and running their governments to the ground, the African women were in the fields, working* – Когда мужчины в Африке воевали, убивали, насиловали, свергали правительства, женщины в это время трудились в поле.

Вышеизложенный пример отражает временное грамматическое значение союза *while*. *While the US has some population growth contributing to its laborforce, other advanced nations are facing outright demographic decline* – В США наблюдается прирост трудоспособного населения, хотя другие развитые страны переживают явный демографический спад. Последний пример показывает грамматическое значение уступки упомянутого союза.

Следует заметить, что все вышеизложенные примеры взяты из пособия-самоучителя для синхронистов синхронного переводчика Андрея Фалалеева. Сам автор призывает к созданию контраста при переводе, ведь без контраста невозможно удержать слушателя, контраст обусловлен однозначностью перевода [Фалалеев, Малофеева 2015: 83]. Но возникает следующий вопрос: как осуществить однозначный синхронный перевод в условиях полисемии союзов? Для этого необходимо раскрыть структуру сообщения на языке оригинала, отказаться от мгновенного перевода союзов и союзных слов. Синхронисту необходимо начать переводить первую часть высказывания с подчинительной связью и лишь затем, перед тем как приступить к перево-

ду второй части, использовать соответствующий союз или союзное слово. Изложенные выше примеры профессионального синхронного перевода демонстрируют эту технику.

На занятиях по устному синхронному переводу мы неизменно руководствуемся этой техникой. Так на начальном этапе, на этапе становления навыка синхронного перевода основное внимание уделяется одновременному слушанию и говорению с определенным отставанием от оратора, далее студенты перенимают клише, которые в будущем помогут им довести до «медитативного» автоматизма навык синхронного перевода. Освоение клише – это тот самый спасательный жилет, который помогает синхронисту выиграть время и сосредоточиться на самых проблемных для перевода ситуациях. На этапе значительного освоения клише мы подводим студента к необходимости научиться правильно интерпретировать синтаксические единицы. В этой связи упражнения, направленные на отработку сложных синтаксических связей, выступают необходимым подспорьем для преподавателя устного синхронного перевода. В результате поэтапного обучения навыку синхронного перевода обучающийся доводит до автоматизма целый ряд механизмов и операций, таких как механизм вероятностного прогнозирования, переключения между языками, восприятия и понимания. Эти процессы синхронизируются, но в рамках доведенного до автоматизма навыка.

Таким образом, разный грамматический строй английского и русского языков приводит к тому, что проблемы перевода возникают уже на этапе грамматического значения союзов и союзных слов. В английском языке наблюдается очевидная полисемия союзов, которую необходимо учитывать при устном синхронном переводе. Отказ от мгновенного перевода союза на русский язык – это навык, который формируется на занятиях по синхронному переводу. Без освоения данного навыка синхронист рискует «оказаться в плену» привычных эквивалентов, которые либо приведут к созданию неидиоматичного высказывания на языке перевода, либо к совершенно некорректному высказыванию, что поставит под сомнение профессионализм синхронного переводчика.

Литература

- Гарбовский Н. К.* Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Гарбовский Н. К., Костикова О. И.* Перевод и общество // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 1. С. 17–40.
- Зигмантович Д. С.* Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале

речей американских политиков) // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. № 1. Т. 4. С. 16–24.

Кобрин Н. А. О дифференцированности связей и функциональной значимости компонентов модусного плана в рамках языковой единицы // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 8–16.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2001.

Конина А. А., Черниговская Т. В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 178–203.

Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Вертолет береговой охраны Самоучитель устного перевода с английского языка на русский. СПб.: Перспектива: Юникс, 2015.

Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Умилные мордочки енотов. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский. СПб.: Перспектива: Юникс, 2015.

Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978.

Шебаршина Д. Ю. Когнитивная составляющая синхронного перевода // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 888–891.

Электронные ресурсы

<https://perevod.app/articles/kak-naiti-rabotu/>

D. Y. Shebarshina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

THE INFLUENCE OF CONJUNCTIONS' POLYSEMY ON THE GRAMMATICAL STRUCTURE OF A SENTENCE IN ORAL SIMULTANEOUS INTERPRETING

The article examines the problem of oral simultaneous interpreting at the syntactic level of the language system and provides characteristics of this type of interpreting. In particular, special attention is paid to the problem of oral simultaneous interpreting of polysemantic conjunctions, examples of polysemy of this service part of speech are given. The author shows what technique for resolving this simultaneous task is used in classes on oral simultaneous interpreting.

Key words: oral simultaneous interpreting, polysemy, communicative significance, equivalent, grammatical structure of the language.

IV. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА И ЗНАНИЙ О МИРЕ В ЯЗЫКЕ

*Л. И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

ПОРОЖДЕНИЕ И РЕЦЕПЦИЯ ТЕКСТА КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ

Порождение и рецепцию текста как коммуникативного продукта предлагается анализировать на единой теоретической основе, трактуя оба процесса как интерпретацию (в статике и в динамике). Продюцент при порождении текста воспринимает, перспективирует, профилирует, т.е. интерпретирует, комплекс разнородных сведений о естественно-природном и социокультурном мирах, кодирует их, выбирая вербальные и/или невербальные средства и способы объективации своих коммуникативных стратегий из присвоенных и интериоризованных им в ходе своей социализации, и транслирует сведения реципиенту. Последний также интерпретирует воспринимаемое, основываясь на своем социокогнитивном опыте, на владении энциклопедическими, языковыми, интеракционными и иными видами знания, а также на результатах своей ментальной обработки воспринимаемого в актуальных для него условиях. Взаимопонимание устанавливается в опоре на знания, разделяемые всеми носителями языковой культуры, что однако не исключает различий в интерпретации воспринимаемого у каждого единичного субъекта.

Ключевые слова: интерпретация; когнитивные механизмы восприятия и обработки сведений о мире; когнитивные, номинативные, коммуникативные стратегии; культурные коды; средства и способы объективации сведений о мире.

Интерпретация – «<...> совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо элементам определенной теории <...>» [Философский ... 2002: 184], так разъясняет упомянутый выше термин словарь, довольно жёстко привязывая интерпретацию, изначально обозначающую истолкование, объяснение, к теоретической деятельности. Между тем очевидно, что сфера «бытования» интерпретации выходит далеко за пределы теоретической деятельности, она, по сути, становится источником для любого вида/типа/асpekта/рода деятельности человека.

Интересно сравнить с процитированной иную трактовку приведенного выше термина: «<...> истолкование, разъяснение смысла чего-нибудь» [Крысин 2008: 291], а также «<...> творческое раскрытие какого-нибудь художественного произведения, образа, определяющееся идейно-художественным замыслом и индивидуальностью <...>» [Крысин 2008: 291–292].

Поэтому процесс и результат **интерпретации** субъектом познания и коммуникации разнообразных объектов (в широком смысле) лежат в основе всей жизнедеятельности субъекта. Объекты с их многочисленными и разнообразными признаками, многомерными связями с другими объектами заполняют разные миры, в которые погружен мыслящий и действующий субъект: в естественный, т.е. в природу, и в искусственный, т.е. в культуру со всеми ее сложностями, гетерогенностью, всеохватностью, амбивалентностью. Тем самым очевидно, что интерпретация как «<...> когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [Демьянков 1997а: 31], востребована как при порождении, трансляции, структурировании, переструктурировании, кодировании, гетерогенных сведений о мире, так и при их восприятии, обработке, декодировании, категоризации и/или перекатегоризации, концептуализации, понимании. Неслучайно поэтому Н. Н. Болдырев, излагая когнитивную теорию языка, акцентирует: «Познание является исходно **интерпретирующим** процессом <...>, а когнитивные репрезентации – интерпретациями опыта <...>» [Болдырев 2019: 251]. (Выделено мною. – Л.Г.)

В качестве иллюстрации к сказанному целесообразно привести пример 1, понять который человек, знающий русский язык, может только тогда, когда и если он владеет определенными – довольно тонко дифференцированными – сведениями, которые известны всем носителям языка и культуры, а также если он знает, кто, когда, по какому поводу и почему так говорит, т.е. способен распознать, например, людическую коммуникацию, сопоставив ее с бытовой, научной, профессиональной и/или официальной:¹

Пример 1: *Супруга Геракла возмущалась, мол, что, опять на подвиги потянуло?* [Леонид Соколов] (Требуется знание о том, кто такой Геракл, а также знание о его подвигах. Необходимо также знание о функциональной сфере лексемы *супруга*.)

Словья басни не кормят, но самого Крылова они хорошо кормили. [Леонид Соколов] (Необходимо знание пословицы *Словья баснями не*

¹ О знании, разделяемом всеми носителями языковой культуры, и его значимости в коммуникации см., подробнее, например, [Демьянков 1997б].

кормят, а также знание о И. А. Крылове, его творчестве и привычках, о чревоугодии в частности.)

Сказанное справедливо и по отношению к коммуникативным ситуациям с иными когнитивными и коммуникативными доминантами (пример 2):

Пример 2: *В ней зарождался материнский капитал.* [Жульен Стебо] (Для адекватной интерпретации востребованы хотя бы самые общие знания о правилах получения материнского капитала.)

Анализ способов порождения и рецепции текста с целями, далекими от людических и/или рекреационных, позволяет убедиться в том, насколько значимым для «коммуникативного комфорта» коммуникантов является их умение выбирать средства и способы реализации своих когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий в тех или иных условиях при взаимодействиях с разными категориями интерактантов (см. пример 3):

Пример 3 (обсуждение серьезной, актуальной, важной и дискуссионной темы): *ВЭФ и так был излюбленным местом душевных встреч для глобалистов, но на фоне катастрофического обрушения западных скреп туда ринулись сверять часы и мочить слезами друг другу жилетки абсолютно все, кому есть что терять.*¹ [Lenta.ru] (Послание продуцента текста не будет адекватно интерпретировано, если реципиент не будет владеть знанием о способах и средствах реализации определенных коммуникативных стратегий, а также не будет обладать навыками варьирования способами решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи и/или принципами организации того или иного нарратива, принятого в конкретной коммуникативной среде.)

Поиски ответов на вопросы о том, как и почему все-таки реципиент может осмыслить воспринимаемый им текст более или менее адекватно задуманному продуцентом, побуждает вспомнить о двух обстоятельствах. Последние следует воспринимать как дополнительные параметры к детально описанным и охарактеризованным В. З. Демьянковым [Демьянков 1997а].

Во-первых, это размышления Н. А. Кобриной о функциях языковых средств разного уровня иерархии в языковой системе и о выборе средств и способов использования языковых средств как о когнитивной деятельности [Кобрина 2005; 2006; и др.]. Глубокий и тонкий анализ языкового материала, предпринимаемый Н. А. Кобриной, убедительно показывает, что функции верхнего уровня иерархии не дублируют функции нижнего уровня и не представляют собой арифметическую «сумму» функций нижних уровней.

¹ При цитировании примеров [Lenta.ru] здесь и далее сохраняется тип шрифта, орфография и пунктуация оригинала.

Поэтому понятно, что в приводимых в качестве иллюстрации примерах, несмотря на конвенциональную реализацию функционального потенциала единиц нижнего уровня иерархии, коммуникативный продукт «текст»¹ в конечном итоге позволяет продуценту порождать нечто принципиально новое, креативное, аттрактивное и тем самым оказывать на реципиента более сильное воздействие, чем это имеет место в конвенциональных случаях (см. пример 4):

Пример 4 (однозначное маркирование коммуникативного пространства по принципу «свой ó чужой»), реализация первичными и вторичными номинативными средствами парольной функции наряду с номинативной: *гуманистка, «нетвойнистка», борцунья с несправедливостью, ханжеством и дремучестью* [Lenta.ru]

Во-вторых, это понимание того, что все гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, воспринимаемые и концептуализируемые каждым носителем языковой культуры, складываются в целостную, членимую по самым разным основаниям, картину мира, объединяющую разные виды знания (см. подробнее различные интерпретации соответствующих комплексов знаний в [Кубрякова 1988; 2004; Постовалова 1987; 1988; Пищальникова 2021] и мн. др.). Большинство исследователей говорят о декларативных и процедуральных знаниях, разграничиваемых большинством исследователей на энциклопедические (тезаурус), языковые, интеракциональные. Некоторые обращают внимание на ассоциативные знания разной природы [Reischer 2002], а также на разнородные текстограмматические сведения [Fix 2008]. В ряде случаев акцентируется значимость для взаимодействия знаний прототипов ментальных категорий, паттернов взаимодействия [Antos 2017; Reischer 2002; Гришаева, Тарасова 2024], а также знаний о ценностных ориентациях и их прямых и опосредованных связей с комплексами сведений из иных сегментов картины мира [Antos 2017; Grischaewa 2022] и др. Все эти сведения – не независимо от их сущности, этиологии, характера функционального потенциала и способов кодирования – можно также разделить на группы: (1) регулярно объективируемые

¹ В данном контексте уместно напомнить, как Е.И. Шендельс, которая одна из первых грамматистов стала выявлять грамматические закономерности в организации текста, размышляла о перспективах грамматики текста: «Обращение к тексту как к продукту коммуникативной речевой деятельности и выявление новых коммуникативных единиц обогатило грамматику и сделало ее более «сильной», чем грамматика предложения. Прежде всего расширилось поле наблюдения, что дало возможность выявить новые свойства грамматических форм и структур, которые оставались скрыты в границах предложения; кроме того, обнаружили новые категории, возникшие из интеграции предложений» [Шендельс 2006: 311].

при взаимодействии носителей языковой культуры и (2) необъективируемые, но активируемые и со-активируемые в коммуникации,¹ а также на (1а) салиентные и (1б) несалиентные при достижении целей коммуникантов.

Поэтому «вклад» интерпретативного компонента когнитивной деятельности в процессы порождения и рецепции текста как коммуникативного продукта можно описать следующим образом.

При порождении текста продуцент воспринимает, перспективирует, профилирует, т.е. так или иначе интерпретирует, комплекс разнородных сведений о естественно-природном и социокультурном мирах. Он кодирует ментально обработанные сведения, выбирая вербальные и/или невербальные средства и способы объективации своих коммуникативных стратегий из набора тех, что он присвоил и интериоризовал в ходе своей социализации, и транслирует сведения реципиенту, адаптируя свои речевые и неречевые действия под актуально складывающиеся коммуникативные и когнитивные условия.

Реципиент в свою очередь также не может не интерпретировать воспринимаемое, основываясь на своем социокогнитивном опыте, на владении энциклопедическими, языковыми, интеракционными и иными видами знания, а также на результатах своей ментальной обработки воспринимаемого в актуальных для него условиях.

Взаимопонимание между продуцентом и реципиентом как носителями культуры – и тем самым как носителями общей для них в силу социализации в одно и то же культурное пространство коллективной идентичности – устанавливается в опоре на знания, разделяемые всеми носителями языковой культуры. Наличие, однако, знаний, разделяемых всеми в культуре ее носителями, разумеется, не исключает различий в интерпретации воспринимаемого у каждого единичного субъекта из-за особенностей в ментальной структуре личностной идентичности. Последние обнаруживаются прежде всего в конфигурации сведений о мире, в количественных и качественных различиях в структурах знаний на системном, субсистемном и суперсистемном уровнях, в ментальной структуре прототипов отдельных ментальных категорий, в характере салиентных для категоризации признаков у прототипов ментальных категорий, в организации паттернов взаимодействия, в характере связей между отдельными понятийными областями в целостной картине мира, в способах и средствах объективации соответствующих сведе-

¹ См. подробнее обоснование значимости сведений, не объективируемых, но активируемых и со-активируемых в коммуникации, описываемых через валентность понятий, например, у Фр. Кликса [Klix 1984].

ний в тех или иных условиях, в соотношении вербального и невербального способов объективации салиентных для коммуникации сведений¹ и др. (см. примеры 1–6).

Подтверждение в правомочности изложенной трактовки можно проследить на примере 5:

Пример 5: *Красная Шапочка*

Выхожу неспешно на полянку —

Волк — в кусты, его как будто нет,

Шапочка надета наизнанку.

Я сегодня Голубой берет. [Татьяна Кормилицына] (Для адекватной интерпретации содержания текста и послания продуцента необходимы, очевидно, следующие знания: сюжет сказки о Красной Шапочке, знание о принципах организации нарратива как класса текстов и его отдельных типов, знание классики (стихотворение *Выхожу один я на дорогу*), знание о военной форме и функционале соответствующих войск (голубые береты), а также знание о поведении демобилизованных «голубых беретов» в определенные дни по определенному поводу.)

Аналогичные отмеченным особенности использования языковых средств можно проследить и в другой языковой культуре (пример 6) (см. подробнее анализ реакций реципиента на обращение продуцентом к прецедентным феноменам в качестве вторичных номинативных средств в [Grischajewa 2022]):

Пример 6 (из рубрики «Нарочно не придумаешь»/Stilblüten; т.е. соответствующие высказывания порождаются не как людические тексты, а как результат решения номинативных задач как таковых в естественной коммуникативной среде):

Die Gebirge Skandaviens werden abgetragen und als Pflastersteine benutzt. [Krämer: 39] (нарушение семантической избирательности, некорректная перспективизация комплекса сведений о ситуации, некорректная категоризация) // *Горные массивы Скадинавии сносятся и используются в качестве материала для мощения улиц.*

Der Hahn nährt sich wie die Hühner von Brot, Erdäpfeln, Würmern und anderer menschlicher Nahrung. [Krämer: 39] (некорректное включение объ-

¹ В этом контексте интересно мнение З.А. Харитончик: «Отвергая видение языка как продукта автономной формальной структуры мышления и исходя из понимания языка как продукта действий различных общих когнитивных механизмов психики человека <...>, рассматривая языковые знания как важную составную часть познавательного процесса, когнитивная лингвистика сосредоточила свои усилия на изучении содержания человеческого знания, принципов его организации и специфики этой организации под влиянием социально-культурных факторов» [Харитончик 2015: 5] (Выделено мною. – Л.Г.)

екта в ментальную категорию) // *Петух питается, как и куры, хлебом, картофелем и другой человеческой пищей.*

Der Wal ist das größte Säugetier der Welt. Er ferkelt ein bis zwei Junge. [Krämer: 41] (нарушение семантической избирательности, некорректное использование гипонима (вместо гиперонима или иного гипонима из того же синонимического ряда), некорректная категоризация) // *Kum – самое большое млекопитающее в мире. Он поросится одним или двумя детенышами.*

Сопоставление примеров позволяет заметить наличие несколько потенциально вероятных случаев, характерных для интерпретации: когда (1) продуцент намеренно «играет» с возможностью по-разному интерпретировать воспринимаемые тексты (см. примеры 1, 2, 5), прогнозируя определенную реакцию реципиента, или (2) не очень осознает последствия от своего выбора номинативных средств (примеры 3, 4), либо (3) совсем не задумывается о реакции реципиента (пример 6). Сказанное побуждает поместить в фокус размышлений ряд вопросов, в частности: Что это за феномен, интерпретация? Насколько он регулярен для обыденных действий человека как субъекта познания и коммуникации? Какова его сущность и с каких позиций ее лучше изучать: Психологической? Когнитивной? Социальной? Антропологической? Культурологической? Лингвистической? Семиологической?

Прежде чем углубиться в поиски ответов на поставленные вопросы, следует, по всей видимости, обратить внимание на то, что среда бытования интерпретации как феномена оказывается намного шире, чем это предполагается «наивными лингвистами», т.е. носителями языковой культуры. В актуальных условиях сознательный учет возможности нелинейности восприятия, множественности интерпретаций воспринимаемого отнюдь не исчерпывается литературой и иными видами творчества (см. словарные дефиниции выше). Однако такой учет востребован как в бытовом, так и в научном общении, виртуальном общении и в медиaprостранстве, а также в социальных сетях и в креативных видах деятельности с помощью вербальных и невербальных средств фиксации и трансляции человеком результатов познания мира естественного и мира социального, реального и виртуального.

Поэтому и функционал интерпретации как когнитивной стратегии распространяется на различные типы манипулирования, оптимизацию коммуникации, конструирование фейков и пр. На свойствах интерпретации как феномена основываются возможности актуализации семантики, замалчивания определенных сведений для определенных целей, различия при разной перспективизации одного и того же комплекса сведений, намеренное варь-

рование конфигурированием сведений в пределах некоторой ментальной категории, а также и выбор средства объективации концептуализируемых сведений или же выбор способа взаимодействия между интерактантами.

На охарактеризованном фоне более выпуклыми становятся универсальные свойства интерпретации как феномена: гетерогенность сущности, разнообразие свойств, разнообразие среды бытования, необходимость в дифференциации функционала, многофакторность реализации функционала, множественность способов объективации результата интерпретативной деятельности субъектов познания и коммуникация. Тем самым максимально очевидным становится и способность адаптации соответствующей деятельности с помощью языковых средств, т.е. порождение и рецепция текста как продукта речевой и мыслительной деятельности, а именно специализация приемов осуществления и результата интерпретативной деятельности на формат общения, на тип текста, на характер решаемой задачи.

Вместе с тем нельзя не отметить и культурно специфический аспект в проявлении свойств интерпретативной деятельности. Это сказывается в первую очередь на характере специализации соответствующих приемов, на формате общения, выборе типа текста, которым фиксируется результат речемыслительной деятельности, на степени соотношения «конвенциональное ó окказиональное» при выборе средств и способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, на выборе способов объективации, предпочитаемых определенными категориями коммуникантов (см. примеры).

Обобщая, следует акцентировать всеобъемлемость интерпретации как когнитивной деятельности, являющейся неотъемлемой – причем как исходной, так и конечной – частью любого вида деятельности человека. Причиной подобного положения дел является единство мира при его очевидном разнообразии, а также единство природы человека при ее сущностной вариативности.

Учитывая неизбежную ограниченность в культуре кодов как таковых и конечность конфигурации их элементов на некотором этапе, с одной стороны, и неограниченность решаемых человеком задач, с другой, нельзя не предполагать поливариантность мотивов для деятельности одного и того же субъекта, поливариантность его решений, поливариантность выбора средств и способов решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи. Следствием такого положения дел не может не быть анализ соотношения «инвариант ⇔ варианты», «конвенциональность ⇔ окказиональность», «модель ⇔ реализация модели», а также по возможности исчисление и описание количественной и качественной вариативности решения той или иной задачи.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
- Гришаева Л. И., Тарасова Д. С.* Homo ludens как продуцент и реципиент настольной игры: текстограмматический ракурс анализа. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 16–29.
- Демьянков В. З.* Интерпретация (interpretation, Interpretation, Auslegung, Deutung, interprétation) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: МГУ, 1997. С. 31–33.
- Демьянков В. З.* Совместное знание vs общее или разделенное знание (shared knowledge vs. common knowledge; gemeinsames Wissen vs. allgemeines Wissen; connaissance communale vs. connaissance commune) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: МГУ, 1997. С. 174–175.
- Кобрин Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость/относительная автономность/неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.
- Кобрин Н. А.* Порядок слов в английском предложении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 75–83.
- Крысин Л. П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008.
- Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021.
- Постовалова В. И.* Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. М.: Наука, 1987. С. 65–72.
- Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
- Философский энциклопедический словарь.* М.: ИНФРА-М, 2002.
- Харитончик З. А.* В поисках сущности имен. Минск: МГЛУ, 2015.
- Шендельс Е. И.* Избранные труды: К 90-летию со дня рождения / сост. Л. А. Ноздрин. М.: МГЛУ, 2006.
- Antos Gerd.* Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: „Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt“ // Sprachdienst. 2017. № 1. S. 1–20.
- Fix Ulla.* Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008.

Grischajewa L. I. Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 120–144.

Klix Friedrich. Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984.

Reischer Jürg n. Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung Berlin, New York: Walter der Gruyter, 2002.

Источники примеров

Кормилицына Т. Сказочки. Литературная газета, 15–21 января 2025. № 1–2. С. 32.

Соколов Л. Литературная газета, 25 сентября–1 октября 2024 года. № 38. С. 32.

Стебо Ж. Одностишия. Литературная газета, 4–10 сентября 2024 года. № 35. С. 32.

Lenta.ru. Январь 2025.

Krämer W. Heiteres aus der Praxis. Aus den Aufsätzen der Kleinen für den Stammtisch der Großen. Unterhaching: Verlag Franz Scharl, 1965.

L. I. Grishaeva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

GENERATION AND RECEPTION OF A TEXT AS INTERPRETATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

It is proposed to analyze the generation and reception of a text as the product of communication on a single theoretical basis, treating both processes as interpretation (in statics and dynamics). When generating a text, the producer perceives, projects and profiles, i.e. interprets, a complex of heterogeneous information about the natural and socio-cultural worlds, encodes them by choosing verbal and/or non-verbal means and ways of objectifying their communicative strategies from those acquired and internalized during their socialization, and transmits the information to the recipient. The latter also interprets what is perceived using their sociocognitive experience, their mastery of encyclopedic, linguistic, interactive and other types of knowledge, as well as the results of mental processing of what is perceived in the relevant conditions. Mutual understanding is established on the basis of knowledge shared by all speakers of language sharing a culture, which, however, does not exclude differences in the interpretation of what is perceived by each individual subject.

Key words: interpretation, cognitive mechanisms of perception and processing of information about the world, cognitive, nominative, communicative strategies, cultural codes, means and methods of objectification of information about the world.

Л. А. Панасенко (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
laptop74@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматриваются функциональные возможности лексических средств с позиции их интерпретирующего потенциала как когнитивной основы формирования вторичных смыслов. На материале дискурса публичного выступления показан процесс активации схем интерпретации для разных когнитивных контекстов. Рассмотрены когнитивные механизмы формирования вторичных структур и их функции, специфика организации вербального контекста активации схем, обеспечивающего процесс инферирования смысла адресатом.

Ключевые слова: интерпретирующий потенциал лексики, схемы интерпретации, когнитивные механизмы, дискурс, вторичные структуры.

Традиционно исследование функциональных особенностей лексики в лингвистике было сосредоточено в области анализа речевых смыслов, механизмов семантической деривации, коннотативных компонентов, реализация которых связана с условиями коммуникативной ситуации и интенциями говорящего, когда индивидуальное значение слова «становится отягощенным модусными, социально-жанровыми и эмоционально-стилистическими коннотациями» [Кобрина 2001: 13]. В то же время высказывалась мысль о том, что изучение аспекта актуализации языковых форм дает возможность объяснить закономерности реализации их функционального потенциала. Так, Н. А. Кобрина отмечала, что «язык в целом, с его многогранностью, есть объект когнитивной деятельности, осуществляемой в коммуникации» [Кобрина 2009: 5].

В современной теории языка проблема функциональной специфики лексики рассматривается с позиции когнитивных основ порождения смысла и связывается с определением роли интерпретирующей функции человеческого сознания в этом процессе. Интерпретация, характеризующаяся структурированностью, схематичностью и ориентированностью на концептуальную систему индивида [Болдырев 2010], обуславливает диапазон речевых смыслов, актуализируемых лексикой, в том числе и вторичных смысловых структур. При этом способность лексических единиц выступать средством вторичной интерпретации определяется их функцией первичной интерпретации мира, в результате которой формируется исходное вербали-

зованное знание. В теории лингвистической интерпретации такое схематизированное знание, объективированное лексикой, получающее определенное конфигурирование в процессах вторичной интерпретации, называется интерпретирующим потенциалом [Болдырев 2019]. Интерпретирующий потенциал лексики описывается в терминах разных форматов знания, имеющих статус схем, к числу которых можно отнести, например, перцептивную, кинетическую, модификационную, экспериенциальную схемы интерпретации [Панасенко 2022].

Данные схемы, представляющие собой когнитивную основу лексических категорий и определяющие процессы ментального конструирования в речемыслительной деятельности, находят реализацию в дискурсе. Экспрессия схем как категоризирующих абстракций в конкретных языковых формах позволяет говорящему реализовать интенцию концептуальной ориентации адресата или репрезентации субъективного внутреннего опыта, что реализуется когнитивной операцией локализации концептуального содержания, определением его места в концептуальной системе адресата, или операцией рационализации субъективного представления фрагментов действительности, транслированием чувственных и психоэмоциональных ощущений. Эффективность коммуникативного акта, когда говорящий, прибегая к схемам интерпретации, реализует вторичные смысловые структуры, определяется его способностью учитывать фоновые знания адресата и прогнозировать возможность последнего адекватно декодировать вторичные языковые структуры, правильно инферировать оригинальный смысл. В основе логической операции инференции как смыслового вывода лежит активное восприятие адресатом языковых структур, обладающих интерпретирующим потенциалом, что предполагает реконструкцию пути генерирования сложных смыслов, понимание когнитивных механизмов, обеспечивших концептуальную деривацию.

Схемы, определяющие интерпретирующий потенциал лексики, часто активируются говорящим в дискурсе публичного выступления с целью обеспечить контакт с аудиторией в процессе подачи информации. От выбранного формата ментального конструирования, т.е. схемы интерпретации, зависит успех такой коммуникации. При этом говорящий может прибегать к разной степени языковой экспликации интерпретирующих структур знания, т.е. к более или менее детальной «прорисовке» ментальных проекций, устанавливаемых между областью-источником и областью-мишенью интерпретации. Далее на материале публичных выступлений, размещенных на платформе *TED talks*, где ученые, журналисты, представители области искусства рассказывают о результатах своих исследований и достижениях,

а также отдельных фрагментов научно-популярных текстов схожей тематики, обладающих соответствующим прагматическим потенциалом, рассмотрим специфику активации некоторых схем интерпретации, объективируемых в лексике, в разных когнитивных контекстах.

Схема КОНФИГУРАЦИЯ, которую можно определить как модель структурной или пространственной организации объекта/группы объектов, лежит в основе осмысления социальных и политических реалий, например:

1. *All of these factors are potentially dangerous for humanity and for our very social fabric because it can disintegrate* (URL: https://www.youtube.com/watch?v=-0rw2lOc7q0&ab_channel=TEDxTalks);

2. *A multipolar world is a world where there are multiple centers of power and influence, rather than one dominant superpower or a bipolar rivalry. Some examples of current or emerging poles of power in the world are the United States, China, India, Russia, the European Union, Japan, Brazil, and South Africa* (URL: <https://indiacsr.in/multipolar-world-meaning-evolution-pillars/>);

3. *And in 2019, I started an independent, nonpartisan news outlet called Tangle in response to the bias and partisanship that I saw flourishing in major newsrooms all across America. In fact, I started Tangle to solve the problem of what I like to call “news polarization.”*

(URL: https://www.ted.com/talks/isaac_saul_3_ideas_for_communicating_across_the_political_divide?trigger=15s);

4. *Now, the beauty of linguistic diversity is that it reveals to us just how ingenious and how flexible the human mind is. Human minds have invented not one cognitive universe, but 7,000 – there are 7,000 languages spoken around the world* (URL: [https://www.google.com/search?q=How+language+shapes+the+way+we+think+\(by+Lera+Boroditsky\)&oq](https://www.google.com/search?q=How+language+shapes+the+way+we+think+(by+Lera+Boroditsky)&oq)).

Данные примеры показывают, что схема КОНФИГУРАЦИЯ активируется в процессе осмысления онтологии сложных систем или процессов. Так, в примерах (1–3) метафорическая актуализация лексических единиц *fabric*, *multipolar*, *polarization* в когнитивном контексте СОЦИУМ формирует общественно-политические понятия – концептуальные образования, выполняющие роль когнитивных ориентиров для адресата: *social fabric*, *multipolar world*, *news polarization*. В примере (4) использование лексемы *universe* для осмысления природы языковой системы репрезентирует субъективное восприятие говорящим специфики организации языка, отражает характер индивидуальной ментальной модели объекта.

Схема ИНТЕРАКЦИЯ, которая представляет знание о разного рода взаимодействиях объектов, включая живых существ, оказывается наиболее продуктивной в когнитивных контекстах ПОЛИТИКА и СОЦИУМ. Например:

5. *Anarchy says that there is no higher authority above states. States are like balls on a pool table*

(URL: https://www.youtube.com/watch?v=m8WJP7gD3cQ&ab_channel=InternationalAssociationforPoliticalScienceStudents);

6. *Dealing with the trouble you try and make yourself as powerful as possible. You want to look like Godzilla, because if you're Godzilla in the international system you're really powerful it's highly unlikely that any other state will attack you* (там же);

7. *A well-prepared Machiavellian is like the lion you don't see and they've been planning their attack longer than you realize*

(URL: https://www.youtube.com/watch?v=v4TVV6_2K2M&t=569s&ab_channel=TEDxTalks);

8. *I'm training people to think: okay, this is a chess match, they have a lot of utility for me financially but are harmful emotionally, I'm going to focus on external gains here and plan my next move* (там же).

В примерах (5, 6) за счет использования сравнений *like balls on a pool table*, *like Godzilla* говорящий репрезентирует свою ментальную модель одного из аспектов мировой политической жизни – раскрывает специфику устанавливаемых в мире межгосударственных отношений. В примере (5) он обращается к нашему представлению о «поведении» шаров на бильярдном столе и показывает суть анархического миропорядка. В примере (6) активируется наше фоновое знание о Годзилле, гигантском монстре-мутанте, персонаже американских кинофильмов, обладающем способностью извергать разрушительную атомную энергию. За счет механизма импликации профилируется признак, создающий образ могущественного государства, статус которого на международной арене удерживает его потенциальных оппонентов от прямой конфронтации с ним.

В примерах (7, 8) сравнение *like the lion* и метафора *chess match* дают возможность говорящему донести до адресата специфику манипулятивного поведения человека, получившего в психологии название «Макиавеллизм», – так говорящий репрезентирует свое представление о возможном характере межличностных отношений, возникающих в разных социальных группах. Активация знания, стоящего за лексическими средствами *lion* и *chess match*, позволяет адресату инферировать смысловую модель говорящего. В примере (7) посредством аналогии с поведенческими особенностями хищника вербально смоделирована тактика манипулятора, в примере (8) раскрывается рекомендация говорящего по нивелированию негативного влияния манипулятора – адресату предлагается модель шахматной партии, где он, как игрок,

должен рационально просчитывать свои шаги в ходе взаимодействия с человеком-манипулятором.

Схема ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ, определяемая нашим опытом физических ощущений и психоэмоциональных переживаний, активируется в когнитивном контексте ПРОДУКТЫ КРЕАЦИИ, например, для конфигурирования онтологических особенностей новых реалий в области технологических новаций или объектов искусства:

9. *This has improved their abilities, but the systems still make mistakes. They often get facts wrong and will make up information without warning, a phenomenon that researchers call "hallucination." Because the systems deliver all information with what seems like complete confidence, it is often difficult for people to tell what is right and what is wrong* (URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/29/technology/ai-artificial-intelligence-musk-risks.html>);

10. *Classical music is just fun. I was saying that this is a moment where you do your preparation before. It's like packing the parachute before you jump out of the plane. You want to make sure you do a really good job. You prepare, you're very concentrated and then the moment where you have to jump out the plane don't be thinking about it, have fun, just jump and embrace that sensation and have the assurance that I've done a good job before*

(URL: https://www.youtube.com/watch?v=-0rw2lOc7q0&ab_channel=TEDxTalks).

В примере (9) метафорическая актуализация лексической единицы *hallucination* позволяет говорящему сформировать у адресата представление о свойстве систем искусственного интеллекта произвольно, без внешнего стимула, генерировать информацию. Выстраиваемая говорящим аналогия с таким проявлением человеческой психики как галлюцинация – искаженное восприятие окружающей действительности – служит ориентиром для ментального моделирования и дает возможность локализовать соответствующее понятие в концептуальной системе адресата. Пример (10) представляет собой экспликацию говорящим его восприятия классической музыки, сводящегося к опыту получения удовольствия, что на языковом уровне обеспечивается пропозициональным употреблением лексической единиц *fun*. Репрезентация субъективной модели осмысливаемого объекта сопровождается введением конкретизирующего контекста – сценария прыжка с парашютом, что способствует содержанию наполнению системно абстрактной единицы *fun* и тем самым «приближает» ее к адресату.

Схема КИНЕТИКА, основывающаяся на нашем опытном знании о двигательной активности объектов и интегрирующая разные паттерны

движения, активируется, например, в когнитивных контекстах ПСИХИКА и ФИЗИОЛОГИЯ, часто для локализации принятых понятий или спецификации новых:

11. *Because when you think about it, people are happiest when inflow, when they're absorbed in something out in the world, when they're with other people, when they're active, engaged in sports, focusing on a loved one, learning, having sex, whatever. They're not sitting in front of the mirror trying to figure themselves out, or thinking about themselves. These are not the periods when you feel happiest* (URL: https://www.ted.com/talks/nancy_etcoff_happiness_and_its_surprises);

12. *We can use a simple twisting action like this. It's called the serotonin twist. You can do it for eight seconds and then start to feel the change to calm and creativity and peaceful energy*

(URL: https://www.youtube.com/watch?v=PNlaOhbbzZw&ab_channel=TEDxTalks).

В примере (11) метафора *inflow* локализует понятие потокового состояния, принятое в психологии для описания состояния полного включения человека в процесс деятельности, которое используется говорящим для определения переживаемого опыта счастья. Кинетические характеристики потока служат основой для осмысления внутреннего психического состояния, непосредственно ненаблюдаемого. Пример (12) выступает контекстом спецификации понятия *serotonin twist*, предлагаемого говорящим для определения физиологического состояния, характеризующегося повышением уровня серотонина в организме человека. В основе интерпретации лежит механизм метафониции, при этом реализуется метонимическая модель причинно-следственного характера, раскрывающая условия образования гормона (выполнение определенного движения *twisting action*, запускающего физиологический процесс), а метафорический компонент раскрывает характер изменения гормонального фона.

Таким образом, функциональные возможности лексики определяются спецификой их языковой природы – в схематизированном виде объективировать в сознании человека представления об окружающем мире. При актуализации лексики в речи эти схемы служат когнитивной основой для осмысления новых фрагментов действительности, реализации оценки и мнения говорящего. При активации схемы в определенном когнитивном контексте происходит ментальное конструирование объекта мысли в заданном концептуальном формате, формируется смысловая структура, которая инферруется адресатом при условии наличия у него соответствующего знания или экспликации говорящим необходимого когнитивного фона.

Литература

Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 45–59.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Кобрина Н. А. Функциональная модель языка // Язык как функциональная система. Сб. статей к юбилею профессора Новеллы Александровны Кобриной. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С. 5–21.

Кобрина Н. А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 5–10.

Панасенко Л. А. Вторичная репрезентация знания на лексическом уровне: интерпретирующий аспект // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1(48). С. 202–220.

L. A. Panasenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FUNCTIONAL POTENTIAL OF LEXIS IN THE PERSPECTIVE OF THE LINGUISTIC INTERPRETATION THEORY

The article considers the functional possibilities of lexical means from the position of their interpretive potential as a cognitive basis for the formation of secondary meanings. The process of activation of interpretation schemas for different cognitive contexts is described on the material of public discourse. The author deals with the cognitive mechanisms of formation of secondary structures and their functions, specifics of verbal context for schemas activation enabling the process of meaning inferring by the addressee.

Key words: interpretive potential of lexis, interpretation schemas, cognitive mechanisms, discourse, secondary structures.

С. Н. Степаненко (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
sstepanenko@bsuedu.ru*

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛИЧЕСТВА: КОГНИТИВНЫЕ
И ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ
(НА ПРИМЕРЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В работе предпринимается попытка описать взаимосвязанные аспекты интерпретации знаний о количестве – когнитивные и языковые – на основе анализа средств, репрезентирующих универсальный, базовый концепт интерпретирующего типа QUANTITY на синтаксическом уровне. Автор анализирует роль языкового механизма формирования количественных значений, дополнительных лингвистических факторов, а также когнитивных механизмов формирования количественных смыслов, в совокупности обеспечивающих первичную интерпретацию количества, основанную на его первичной концептуализации.

Ключевые слова: (первичная) интерпретация, (первичная) концептуализация, количественный смысл, когнитивный механизм, языковой механизм, дополнительный лингвистический фактор, концепт QUANTITY.

Сегодня в лингвистических исследованиях, выполняемых в рамках теоретико-методологических постулатов когнитивной лингвистики, не оспаривается необходимость изучения проблемы представления знаний человека о мире с точки зрения выявления взаимосвязей и взаимозависимостей языковых и когнитивных составляющих.

На обозначенное положение в своих трудах неоднократно обращает внимание выдающийся ученый, доктор филологических наук, профессор Новелла Александровна Кобрина. Так, ученый подчеркивает, что язык, как сложная, многогранная, многоаспектная система, представляет собой объект когнитивной деятельности человека, реализуемой в процессе коммуникации, он является «отражением и материализацией ментальной деятельности» [Кобрина 2005: 60], «ментальная деятельность – это необходимое условие материализации средств коммуникации» [Кобрина, Гекман 2007: 61]. «Язык человека всегда основывается на когниции, т.е. ментальная деятельность и когнитивные процессы и механизмы отражаются в языке (и через него – в речи) <...>» [Кобрина 2009: 5].

С обозначенными положениями коррелируют результаты собственных исследований когнитивно-языковых соотношений представления знаний о количественных характеристиках действительности, окружающей

человека-носителя английского языка, при чем эта взаимосвязь изучается нами в 2-х направлениях: с одной стороны, прослеживается вектор «от уже сформированных языковых фактов к их осмыслению и концептуализации на ментальном уровне» [Кобрина 2005: 59], в нашем случае, от языковых средств, репрезентирующих количество в современном английском языке (обнаруживающих количественную семантику) и дополнительных лингвистических факторов, влияющих на формирование тех или иных количественных смыслов в конкретных коммуникативных контекстах, — к когнитивным составляющим его концептуализации: когнитивным механизмам, обеспечивающим его осмысление через актуализацию характеристик в содержании концепта QUANTITY (см., напр.: [Беседина, Степаненко 2010; Stepanenko, Perelygina 2020]); с другой стороны, получают описание ментальные составляющие вербализации знаний о количественных характеристиках окружающего мира: определенные характеристики, заключенные в содержании концепта QUANTITY, актуализация которых обеспечивается в результате активации различных когнитивных механизмов (см., напр.: [Stepanenko, Fedotova 2022]).

Достижение целевых установок настоящей работы также связано с пониманием языка как одной из когнитивных способностей, обеспечивающей взаимодействие человека с окружающим миром и передачу знаний о нем и приводящей к формированию двух взаимосвязанных картин мира человека — языковой (языкового сознания) и концептуальной (общей картины мира, в целом сознания человека) [Болдырев 2023: 8] — посредством познавательных процессов концептуализации и категоризации, всегда интерпретативных по своей природе, в силу антропоцентричности языка [Besedina 2020: 21].

Языковые средства, задействованные в интерпретации количества в системе английского языка, представлены целым спектром разноуровневых единиц (от лексических до синтаксических), которые в силу своей количественной семантики обозначают количество в самом широком смысле этого слова. Передача ими конкретных количественных смыслов (частного характера), обеспечивается при их употреблении в речи, в конкретных дискурсивных условиях, когда это обобщенное количественное значение получает уточнение и конкретизацию за счет дополнительных лингвистических условий коммуникации — контекста предложения-высказывания.

Такой широкий репрезентативный потенциал количества в системе английского языка, свидетельствует о реализации интерпретирующей функция языка, с одной стороны, и значительном интерпретирующем потенциале концепта QUANTITY, с другой. Последнее наблюдение (QUANTITY — универсальный, базовый концепт интерпретирующего типа, выступающий

«инструментом объяснения многообразия количественных свойств и отношений действительности» [Болдырев, Федяева 2020: 5]) подтверждают уже имеющиеся результаты исследований случаев первичной интерпретации количества в современном английском языке и его вторичной интерпретации, опирающихся на интерпретирующий характер первичной и вторичной концептуализации, соответственно (см., напр.: [Болдырев, Федяева 2020; Федяева 2020; Степаненко 2022]).

Специфичность первичной интерпретации количества на синтаксическом уровне системы английского языка определяется 3-мя составляющими (действующими одновременно, в совокупности):

1) количественной семантикой синтаксических конструкции *used + to Infinitive*, *would + Infinitive* и *be used to + Gerund* как языкового механизма формирования количественных смыслов общего характера;

2) когнитивными механизмами профилирования и фокусирования, задействованными в формировании общих и частных количественных смыслов;

3) контекстуальными условиями высказывания, как дополнительными лингвистическими факторами актуализации тех или иных количественных смыслов, уточняющего характера.

Количественная семантика (языковой механизм формирования количественных смыслов общего характера) отражена в значениях указанных синтаксических конструкции:

used + to Infinitive – shows that a particular thing always happened or was true in the past, esp. if it no longer happens or is no longer true;

would + Infinitive – used to talk about things in the past that happened often or always (CD).

be used to + Gerund – familiar with a condition or activity (CD); you use *be used to doing something* to talk about something that you are familiar with so that it no longer seems new or strange to you (OLD).

Следовательно, они имеют системное количественное значение: обозначают прошедшее действие, имевшее регулярный характер, но такой количественный параметр его совершения, как частотность, не определяется точно, о чем дополнительно свидетельствуют наречия always (= every time or all the time; at all times in the past (CD)) и often (= a lot or many times; frequently (CD)), приведенные в дефинициях первых двух конструкций.

Исходя из отмеченного, можно заключить, что данные синонимичные конструкции позволяют понимать и интерпретировать количественные характеристики событий в самом общем виде как неопределенное, неточное. Реализация обобщенного смысла «неточное количество» отражает

статический аспект первичной интерпретации количества в английском языке: она обеспечивается в результате действия когнитивного механизма профилирования – выделения определенного значимого участка когнитивного контекста: в данном случае, базовой характеристики “discreteness” в содержании концепта QUANTITY и характеристики “indefiniteness”, реализующейся в содержании концепта, лежащего в основе формирования категории неопределенности.

Динамический аспект первичной интерпретации количества предполагает учет дополнительных лингвистических факторов. В качестве такового на синтаксическом уровне выступает контекст предложения-высказывания, в рамках которого говорящий задействует, например, наречия, указывающие на частотность совершения обозначенного инфинитивом действия в прошлом, выполняющие функции обстоятельств образа действия. Например,

I used to pick up five dollars now and then ridin' guard. That is, I did until I threw in with Morg [Short 1971: 83].

Наречие now and then, имеющее значение “sometimes, but not very often” (CD), за счет собственной количественной семантики уточняет обобщенный количественный смысл «неточное количество», актуализированный языковым механизмом – синтаксической конструкцией *used to pick up*: происходит акцентуация дополнительного количественного смысла «не часто повторяющееся действие в прошлом», в данном случае, действия, связанного со взятием незначительных денежных сумм в период выполнения обязанностей охранника.

В предложении *My father saw this change with pleasure, and he turned his thoughts towards the best method of eradicating the remains of my melancholy, which every now and then would return by fits, and with a devouring blackness overcast the approaching sunshine* [Shelley: 131] обстоятельство образа действия, выраженное наречием every now and then (= sometimes, but not very often (CD)), указывающие на частотность совершения действия – возврата эмоциональных состояния меланхолии и уныния – также представляет смыслоформирующий компонент контекста: описываемые события интерпретируются как дискретные действия, имеющие место быть в прошлом, для которых характерна некая неопределенная (не точная) регулярность / частотность.

В предложении *She had been used to seeing many servants who made salaams to her <...>* [Burnett, 1996: 8] герундиальная синтаксическая конструкция *had been used to seeing*, образованная по модели *be used to + Gerund*, позволяет интерпретировать действия, обозначенные герундием (*seeing*), как дискретные, т.е. имевшие место как отдельные события в прошлом,

общее количество которых не определенное, не точное, но многократное, в результате чего, это действие и стало привычным: главная героиня произведения с детства привыкла видеть, как многочисленная прислуга приветствует её поклоном. При этом, существительное *salaam*, обозначающее действие приветствия – (esp. in Muslim countries) a way of greeting someone by bending low from the waist with the front of the right hand against the top of the face [CD] – употреблено в форме множественного числа, что также указывает на количественный параметр событий, выраженных анализируемой синтаксической конструкцией: их многочисленность и многократность.

В основе формирования выделенных смыслов лежат частные характеристики “repeatedness” и “frequency”, которые фокусируются (когнитивный механизм фокусирования связан с выделением любых участков когнитивного контекста, независимо от их значимости) в содержании концепта QUANTITY на фоне характеристик “discreteness” и “indefiniteness”.

Таким образом, конкретные количественные смыслы, реализуемые за счет конкретных когнитивных и языковых механизмов, задействованных в синтаксической интерпретации количества, отражают общее концептуальное содержание количества (точнее – учитывая вовлеченность в этот процесс языковых единиц других уровней английского языка – его часть) как способа интерпретации количественных параметров событий окружающего мира человеком, чья ментальная деятельность, по справедливому замечанию Н. А. Кобриной, создает «чрезвычайную сложность языка, масштабность его средств и ресурсов в сочетании с вариабельной функциональной реализацией <>» [Кобрина 2005: 59].

Литература

- Беседина Н. А., Степаненко С. Н. Концептуализация количества в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 20–29.
- Болдырев Н. Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5–15.
- Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.
- Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.
- Кобрина Н. А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 5–10.
- Кобрина Н. А., Гекман Е. В. Проблема соотносимости значения слова с его синтаксической функцией и сочетаемостью (номинативный потенциал прилагательных) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 61–68.

Степаненко С. Н. Интерпретационный потенциал количества (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 291–296.

Федяева Е. В. Количественная интерпретация качества в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2020.

Besedina N. A. Interpretation and morphology: a cognitive perspective // Philological Readings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. P. 20–28.

Stepanenko S. N., PereLygina T. A. Multi-Level Conceptualization of Quantity in Modern English // Philological Readings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. P. 660–671.

Stepanenko S. N., Fedotova O. V. Quantity Interpretation in the English Language // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 3. P. 75–84.

Словари

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/english>

OLD – Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/used-to?q=used+to>

Источники фактического материала

Burnett F. H. A Little Princess. London: Penguin Books, 1996.

Short L. Hurricane Range. London: Collins Clear-Type Press, 1971.

Shelley M. W. Frankenstein // Electronic Text Center, University of Virginia Library. URL: <https://web.archive.org/web/20080917154449/http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/SheFran.html>

S. N. Stepanenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

INTERPRETATION OF QUANTITY: COGNITIVE AND LINGUISTIC ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE SYNTACTIC MEANS)

The paper attempts to describe the interrelated aspects of interpreting knowledge about quantity – cognitive and linguistic – based on the analysis of the means representing the universal, basic concept of the interpretive type QUANTITY at the syntactic level. The author analyzes the role of the linguistic mechanism of the quantitative meanings formation, as well as the additional linguistic factors, cognitive mechanisms for the quantitative senses formation, which together provide the primary interpretation of quantity based on its primary conceptualization.

Key words: (primary) interpretation, (primary) conceptualization, quantitative sense, cognitive mechanism, linguistic mechanism, additional linguistic factor, concept QUANTITY.

Е. Д. Столяр (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
lenlen1@yandex.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЦЕНКИ

В настоящей статье исследуется интерпретирующая функция оценки. Определяется когнитивное основание оценочной интерпретации, обусловленное когнитивными процессами оценочной концептуализации и оценочной категоризации. Оценка рассматривается как модусная категория. Раскрывается структурная специфика оценочных концептов и категорий, определяющая интерпретирующий потенциал оценки. Описываются механизмы, лежащие в основе оценочной интерпретации окружающего мира.

Ключевые слова: оценочная интерпретация, модусная категория, оценочная концептуализация и категоризация, оценочное значение.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении и описании интерпретирующего характера оценочных структур знания, которые определяют специфику значений соответствующих лексических единиц. В качестве объекта исследования выступают сложные ментальные оценочные структуры, а точнее, их способность переструктурировать концептуальное пространство, что на языковом уровне реализуется за счет семантики оценочного значения, меняющего призму видения окружающего мира человеком. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть специфику процессов оценочной концептуализации и категоризации, установить особенности когнитивного основания соответствующих категорий, определить, в чем заключается интерпретирующий характер оценочной категоризации, описать языковые особенности интерпретирующей функции оценки.

В процессе взаимодействия с реальным миром у человека складывается определенная система знаний о нем: о вещах, событиях, явлениях, отношениях и т.д., а также видение себя, своего места в этом мире. Все эти знания человек получает, обрабатывает и хранит на ментальном уровне в виде определенных конструкторов (концепты, категории, фреймы, гештальты и т.д.). Объективация знаний ментального уровня может проходить разными способами. Одним из наиболее значимых и весомых является представление знаний посредством языка. Сложность системы языка, масштабность и богатство его ресурсов свидетельствуют о важности языка для жизнедеятельности человека. По мнению Н. А. Кобриной, язык представляет собой когнитивно-креативную деятельность человека, включающую в себя связь между субъективным видением мира и вариативностью языковых единиц.

Язык является отражением и материализацией ментальной деятельности человека [Кобрина 2005]. В рамках своих научных изысканий Н. А. Кобрина проявляет интерес к ментальной основе языка и последующему порождению языковых структур. Она утверждает, что отношения между ментальной деятельностью и языковой вербализацией очень сложные. При этом язык обеспечивает не только процесс коммуникации, но и создает способ интерпретации действительности при помощи языковых средств [там же: 60]. Данное положение очень значимо, так как свидетельствует о важности интерпретирующей функции языка.

О связи концептуальной, языковой систем и интерпретирующей деятельности человека пишет Н. Н. Болдырев. Он рассматривает интерпретирующую роль языка как особую функцию в отношении репрезентации знаний о мире. При этом к основным свойствам данной функции Н. Н. Болдырев относит ее структурированность, ориентацию на существующие коллективные схемы знания и индивидуальную концептуальную систему. Это означает, что языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл, т. е. являются результатом интерпретирующей деятельности человека, только в рамках определенной концептуальной системы. Профессор Н. Н. Болдырев исследует и описывает роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий [Болдырев 2011: 11]. В данной работе мы будем опираться на некоторые положения его исследований. Все вышесказанное указывает на необходимость учета интерпретирующего фактора при рассмотрении конкретных речевых оценочных смыслов.

Под интерпретацией в широком смысле в статье понимается когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых действий [КСКТ 1996: 31]. В узком смысле, интерпретация представляет собой познавательную языковую активность отдельного индивида, раскрывающую его субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев 2011а: 11]. Интерпретация так же, как и наше сознание, имеет определенную структуру. В качестве структурных элементов могут выступать общественные и субъективные отношения с миром вещей. При этом важно отметить, что языковая интерпретация является отражением ненаблюдаемых ментальных процессов познания окружающего мира таких, как концептуализация и категоризация. Результаты этих когнитивных процессов находят свое отражение в языковой категоризации: лексической, грамматической, модусной (интерпретирующей) [Болдырев 2011]. Последняя предполагает в большей степени индивидуальное осмысление человеком окружающей действительности. Отличительной чертой модусных категорий является то, что они объединяют различные предметы и явления на основе их общего

концептуального соотношения с определенной категорией. В данном типе категоризации проявляется антропоцентрическое начало познавательной и языковой деятельности человека, в основании которого находится весь опыт взаимодействия с миром, все, что составляет фоновое знание отдельного человека и общества.

Одним из наиболее ярких представителей модусного типа категоризации является оценка. Она невозможна вне интерпретации мира. В оценке объекта или явления действительности всегда задействованы два типа знаний: коллективное, основывающееся на общепринятых нормах, законах, традициях, обычаях и т.д., и индивидуальное, формирующееся у человека в процессе его жизнедеятельности и отражающее его личные предпочтения. Соответственно, оценочная интерпретация действительности всегда будет представлять собой слияние коллективного и индивидуального в оценочной номинации. При этом важно отметить, что в основе процесса оценочной категоризации, т.е. интерпретации объекта действительности и соотношения его с определенной оценочной категорией, всегда лежит соответствующий оценочный концепт как наиболее оперативная единица уровня ментальных репрезентаций.

Оценочный концепт имеет определенную специфику. Она заключается в его схематичной структуре, которая проявляется, главным образом, при языковой репрезентации. Языковая оценочная интерпретация предполагает не просто взаимодействие различных концептуальных структур на ментальном уровне, а наложение этих структур. При этом в ячейки схематической структуры оценочного концепта попадают наиболее существенные, конститутивные, центральные характеристики интерпретируемого объекта [Гаврилова 2005: 39]. В результате подобной схематизации, употребление оценочных значений в речи понятно всем носителям языка и не требует дополнительной конкретизации. При схематизации непрототипических, несущественных характеристик оцениваемого объекта требуется уточнение, которое на языковом уровне осуществляется, как правило, за счет семантики других языковых единиц. Сама оценка соотносится с интерпретирующим оценочным концептом, в то время как объект оценки представлен интерпретируемым концептом.

Важно отметить, что оценочный концепт не содержит в своей структуре конкретных, объективных характеристик. Иначе говоря, в реальном мире нет объектов и явлений, которые бы напрямую соотносились с оценочным концептом. Однако возможно предположить, что оценочный концепт даже отдельно от области определения структурирован. В качестве структурного элемента концепта может выступить общее знание об оценочной шкале.

Это знание не находит конкретной объективации в мире вещей, а лишь задает вектор движения интерпретации в сторону положительного или отрицательного, однако это коллективное знание и оно присуще всем членам общества.

Природа оценочного концепта заключается в его релятивном характере. Для него свойственна содержательная неопределенность. Это означает, что выявление структурных особенностей организации и конкретного содержательного наполнения оценочного концепта зависит от структуры и принципов организации того концепта, который репрезентирует объект оценки. Именно область определения оценочного концепта представляет собой базис для формирования разных оценочных смыслов в языке. Доступ к описанию и определению природы концептов обеспечивает сам язык [Jackendoff 1993], а значит, он и является одним из основных инструментов оценочной концептуализации мира.

Из вышесказанного следует, что при оценочной интерпретации объекта на когнитивном уровне происходит переструктурирование концептуального пространства, что влечет формирование абсолютно нового оценочного смысла в речи. Другими словами, оценочная интерпретация является вторичным способом представления знаний в языке. Это означает возможность образования вторичных структур знания (оценочная концептуализация) на основе первичного знания (концептуализация естественных объектов и явлений), которое подвергается интерпретации. Структурный характер оценочных концептов и соответствующих оценочных категорий определяется интерпретирующей функцией оценки. Она же определяет конкретное содержание оценочных концептов и категорий.

Специфика оценочного концепта, составляющего когнитивную основу для формирования соответствующей оценочной категории, определяет ее структуру и содержание. При этом возможно выделение общих оценочных категорий, например, GOOD и BAD, которые обнаруживают мозаичное строение [Гаврилова 2005]. Иначе говоря, они включают в себя различные частные категории типа *good person*, *good working skills*, *bad times*, *bad weather* и т.д. Частные категории предполагают разные принципы организации. Это зависит от структурной организации той категории, которая репрезентирует объект оценки в речи. Соответственно, частные оценочные категории могут иметь прототипическую структуру (*good / bad car*), быть организованными по инвариантно-вариантному принципу (*good / bad idea*) и т.д. Подобная организация частных оценочных категорий предполагает соотносительность оценки с первичным знанием (*car*, *idea*, *person* и т.д.), что способствует формированию необходимого оценочного смысла. Так,

в структуре общих оценочных категорий невозможно выделить одну существенную, прототипическую или инвариантную характеристику, что еще раз подчеркивает и определяет ориентированность данных категорий на систему ценностей человека. Подобная структурированность оценочной категории становится очевидной, главным образом, при языковой интерпретации объекта или явления.

Необходимо также отметить, что для оценочной интерпретации действительности и некоторых функциональных свойств объектов важное значение имеет выделение трех уровней оценочной категоризации: базового, суперординатного и субординатного. При этом способность человека к гештальтному восприятию объекта действительности соотносится с базовым уровнем оценочной категоризации. Многие ученые отмечают, что единицы данного уровня наиболее информативны, их целостное восприятие не требует осознанной дифференциации, так как они объединяют максимально релевантные для обывателя свойства предметов и явлений [Rosch 1978; Lakoff 1987; Ungere, Shmid 1996]. Единицы данного уровня являются наиболее когнитивно и лингвистически значимыми для коммуникации, а слова, репрезентирующие структуры базового уровня, как правило, являются короткими, структурно простыми и известными всем членам общества [Taylor 1995]. К этому уровню оценочной категоризации, вероятно, относятся концепты GOOD и BAD, репрезентируемые в речи соответствующими прилагательными. Это положение важно для работы, так как гештальтное восприятие интерпретируемого оценкой объекта свидетельствует о том, что в основе интерпретации лежит коллективная структура знания, составляющая фоновое знание всех членов общества и поэтому понятное и не требующее разложения на составные части. В случае оценочной интерпретации объекта с точки зрения личных предпочтений и идеалов человека, не соответствующих общественным нормам и правилам, оценка носит расчлененный характер. Подобное восприятие базируется на индивидуальном, субъективном знании и объективируется в языке различными языковыми средствами.

Язык конфигурирует оценочное знание концептуальной системы человека с целью конкретизации содержания, которое необходимо передать собеседнику. Подобная конфигурация осуществляется при помощи различных механизмов. Оценочная интерпретация обеспечивается механизмами сравнения, метафорического и метонимического сравнения, а также механизмом профилирования. В случае профилирования центральных характеристик объекта в языке оценочная интерпретация обеспечивается взаимодействием лексической семантики единиц, репрезентирующих саму оценку и ее объект,

т.е. оценочной номинацией объекта. При профилировании нецентральных, субъективных характеристик объекта в языке для конкретизации смысла высказывания могут использоваться средства лексической и грамматической языковой категоризации: описательные прилагательные, отдельные пропозициональные единицы, сравнительные и грамматические конструкции. Далее разберем действие одного из механизмов оценочной интерпретации действительности.

Так, оценочная интерпретация, которая базируется на механизме метонимического сравнения, предполагает взаимодействие на ментальном уровне двух концептуальных структур в рамках одной. Оценка ЦЕЛОГО может определяться оценкой его составных ЧАСТЕЙ. Например, оценка определенного временного отрезка или события может осуществляться через оценку событий, включенных в данный период времени или действий, составляющих событие.

At lunch they had a very bad time of it. People wanted them to sit on the grass, and the grass was dusty; the tree-trunks, against which they were invited to lean, did not appear to have been brushed for weeks; so they spread their handkerchiefs on the ground, and sat on those, bolt upright [Jerome 1993].

В приведенном примере оценка события (lunch time) получает отрицательную интерпретацию (bad) через экспликацию ряда ситуаций, включенных в определенный отрезок времени и имеющих отрицательную коннотацию (*grass was dusty; the tree-trunks did not appear to have been brushed for weeks; bolt upright*). Следовательно, отрицательная интерпретация данного события определяется лексической семантикой единиц, конкретизирующих его.

Таким образом, оценка – одно из наиболее важных, сложных и значимых явлений в плане лингвистических изысканий. Оценка, являясь модусной категорией, представляет собой специфический процесс познания окружающего мира. Основу для оценочной интерпретации составляют определенные структуры знания. При этом оценка базируется как на коллективном (фоновом), так и индивидуальном, субъективном знании. Оценочная интерпретация тесно связана с познавательными процессами оценочной концептуализации и категоризации. Последние обладают гибкой структурой и имеют релятивный характер. При этом интерпретирующая функция оценки определяет конкретное содержание и организацию оценочных структур. Интерпретирующий потенциал оценки позволяет перестроить восприятие действительности с обыденного, событийного на оценочное осмысление событий и явлений действительности и выразить это на функциональном уровне языковой репрезентации.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 11–16.
- Болдырев Н. Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 9–16.
- Гаврилова Е. Д.* Оценочные категории “good” и “bad” в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.
- Кобрина Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Jackendoff R.* X-bar Semantics // Semantics and the Lexicon. Dordrecht, 1993. P. 15–26.
- Jerome K. J.* Three men in a boat. London: Wordsworth Classics, 1993.
- Lakoff G.* Women, Fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: The Univ. of Chicago Univ. Press, 1987.
- Rosch E. H.* Principles of categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.
- Taylor J. R.* Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Ungerer F., Schmid H.-J.* An Introduction to cognitive linguistics. L., N.Y.: Longman, 1996.

E. D. Stolyar (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

INTERPRETATIVE POTENTIAL OF EVALUATION

The objective of this paper is to reveal the basic problems connected with the study of interpretative evaluate meanings. The present article also deals with the questions concerning the cognitive basis of evaluation, the peculiarities of its specifics and language representation. Great attention is also attached to the description of the nature and structure of evaluate concepts and categories. Evaluate concepts and categories are viewed as the most fundamental ones in the conceptual system and have great impact on the evaluate meaning formation in the language. The cognitive basis of linguistic evaluate interpretation is determined, due to the cognitive processes of evaluate conceptualization and evaluate categorization. The structural specificity of the evaluate categories, which determines the interpretative potential of the assessment, is revealed.

Key words: interpretative evaluation function, evaluate conceptualization and categorization, evaluate meaning.

Ю. В. Шарапова (Санкт-Петербург, Россия)

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
unijusharapova@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ В ЯЗЫКЕ: ИГРА СЛОВ И СМЫСЛОВ

В статье речь идет о когнитивных аспектах интерпретации знаний о мире в языке на примере безэквивалентной лексики, ложных друзей переводчика, диалектных и национально окрашенных языковых единиц. Особое внимание уделяется случаям когнитивного диссонанса, возникающим при попытке толкования таких феноменов ирландской культуры как “*Irish Wake*” («Ирландские поминки») и “*Christmas Pantomime\Panto*” («Рождественская пантомима»). Проводится лингвостилистический анализ отрывка из сценария пантомимы “*Bea y d th Bea t*” («Красавица и Чудовище»).

Ключевые слова: когнитология, безэквивалентная лексика, ложные друзья переводчика, диалекты, национально окрашенные языковые единицы, когнитивный диссонанс, ирландская культура.

Познавательная деятельность человека, начинающаяся с раннего возраста, предполагает параллельное развитие и преобразование когнитивных способностей, позволяющих успешно получать и интерпретировать потоки информации. В то время как в детстве процессы концептуализации и категоризации сведений о мире идут естественным путем через постижение родного языка, при знакомстве в дальнейшем с лингвистическими системами второго, третьего и других языков могут возникать некоторые затруднения, связанные с разницей, существующей в моделях выстроенных языковых картин мира.

Изучение «новых» языков влечет за собой преодоление различных когнитивных барьеров – грамматических правил, фонетических особенностей и нюансов лексического порядка, причем последние иногда могут вызывать проблемы при попытке их перевода на родной или другие языки, так как они принадлежат к категории безэквивалентной лексики. К примерам этого явления могут относиться следующие: «*мерак*» – слово, пришедшее в сербский язык (Сербия) в период Османской империи из турецкого, где «*mérak*» означает «интерес» или «увлечение», но на Балканах оно приобрело более широкое значение и превратилось в целую философию жизни, построенную на умении наслаждаться моментом и ощущать себя счастливым «здесь и сейчас» [Поухали 2024]; «*nakakahinayang*» – слово тагальского языка (Филиппины), описывающее чувство сожаления, испытываемое от того, что не удалось воспользоваться ситуацией или была упущена возможность достичь чего-то

по причине боязни «рискнуть, а у кого-то все получилось» [Silentium 2018]; «*isu*» – слово финского языка (Финляндия), говорящее о «бесстрашности и настойчивости перед жизненными невзгодами», которые многие считают «безнадежными или очень болезненными», но превозмочь их позволяет огромная внутренняя сила, ведущая к цели без отговорок [Плесканева 2021]; «*oroshiku*» – слово японского языка (Япония), которое имеет целый ряд значений, в общей сложности подразумевающих, что говорящий хочет сказать нечто важное, но у него не хватает смелости это конкретно озвучить или он не чувствует в этом необходимости, надеясь, что идея его посылка в целом и так ясна [UD 2025]; «*craic*» – слово ирландского языка (Ирландия), некогда заимствованное из северо-английских диалектов, но расширившее свое значение и теперь охватывающее множество «незабываемых и замечательных вещей, людей и впечатлений» [Шарапова, Васильева 2013: 104], кратко и емко передающее огромную палитру положительных эмоций.

Помимо безэквивалентной лексики нередко осложняют коммуникативную задачу в когнитивном ключе могут так называемые «ложные друзья переводчика» – термин, введенный в обращение в 1928 году М. Кесслером и Ж. Дероккини в книге «*Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs)*» [Koessler, Derocquigny 1928]. В. М. Панькин и А. В. Филиппов предлагают такое определение упомянутому понятию: «слова, сходные в двух языках внешне, но имеющие серьезные смысловые расхождения» [Панькин, Филиппов 2011], в то время как Л. Л. Нелюбин дает немного отличающуюся дефиницию: «слово (или выражение), полностью или частично совпадающее по звуковой или графической форме с иноязычным словом, но имеющее другое значение (или другие значения) при известной смысловой близости» [Нелюбин 2003]. К примерам данного явления на материале английского и русского языков могут относиться следующие, выстроенные по такой модели – «ложный друг переводчика > перевод > предполагаемое значение > перевод предполагаемого значения»: «*anecdote* > короткий рассказ из личного опыта > анекдот > *joke, funny story, compositor* > типографский наборщик > компози́тор > *composer*; *complexion* > цвет лица или кожи > комплекция > *constitution*; *Dutch* > голландский > датский > *Danish*; *replica* > копия > реплика > *remark, reply, cue (театр.)*» [LangTown 2021].

Кроме безэквивалентной лексики и ложных друзей переводчика камнем преткновения при совершенствовании когнитивных навыков может стать свод лексических единиц одного языка, имеющий ограниченный ареал распространения, то есть функционирующий в определенном значении преимущественно в рамках отдельно взятых диалектов, которые с течением времени иногда получают независимость. Примерами могут послужить следующие

слова из британского – ирландского – американского вариантов английского языка: *crisp* – *tʌ tʃ s/* – *chips* > чипсы; *toilet\loo –j acks – bathroom\restroom* > туалет; *trainers – runners – sneakers* > кроссовки; *pavement –foo p ath – sidewalk* > тротуар; *yokel\bumpkin – culchie – redneck\hillbilly* > деревенщина [CD 2025; MWD 2025; Sharapova 2023: 107; Шарапова 2006: 26].

Немалый интерес, с точки зрения когнитологии, вызывает колорит, который приобретает вполне обычное существительное с «универсальным» значением, сопровождаемое прилагательным, указывающим на определенную национальность или культуру. Пожалуй, наилучшим примером такого рода, способным привести к сильному когнитивному диссонансу, может быть понятие – *“Irish Wake”* – «ирландские поминки», славящиеся своей «экстравагантностью». Речь здесь идет о вечеринке, предполагающей ритуал бдения по почившему, «где все молятся, скорбят, пьют, едят, курят, разговаривают, шутят, слушают музыку, поют», куда приходят родственники, друзья, соседи, друзья друзей, соседи родственников, соседи соседей и т.д. [Шарапова, Васильева 2013: 108]. По словам Т. Иглтона, автора книги *“The Truth about the Irish”*, когда-то поминки «<...> могли превратиться в настоящий кутеж, учитывая количество выпитого алкоголя. Можно было вложить покойнику в руку бутылку виски, сунуть ему в рот курительную трубку или, если разыгралось настоящее веселье, даже потанцевать с ним в обнимку. Все это было не проявлением неуважения, а знаком дружеского отношения к усопшему» [Eagleton 2006: 170]. Смерть считается частью ирландской массовой культуры, которая характеризуется как «грубая, бесцеремонная и неудержимая» [Eagleton 2006: 171]. Ввиду вышесказанного, ирландцев можно назвать «настоящими экспертами по воспеванию как смерти, так и жизни» [Шарапова, Васильева 2013: 109].

К довольно неожиданным культурным феноменам с большим потенциалом для создания когнитивного диссонанса относится и еще одно «ритуальное действие», которое можно лицезреть ежегодно обычно с ноября по январь почти исключительно в Великобритании и Ирландии, причем в последней оно может приобретать особенно впечатляющий формат – *“Christmas Pantomime”* – «Рождественская пантомима» или просто *“Panto”* – «Панто». Данное представление (визуально или вербально не имеющее никаких отсылок к христианскому празднику, если не считать его основной морали – добро всегда побеждает) даже отдаленно не напоминает то, что принято именовать термином «пантомима», под которым в большинстве стран мира подразумевается: спектакль, где артист выражает себя жестами, мимикой, позами и танцевальными движениями [DDFL 2025; DW 2025]; «вид сценического искусства, в котором для передачи содержания <...>

используются пластически выразительные движения тела, жест, мимика; иногда сопровождается музыкой, ритмическим аккомпанементом» [НСИС 2009]. Характерные цвета таких постановок входят в триаду основных – черный, красный, белый.

Однако в понимании британцев и ирландцев «пантомима» – это яркое, бушующее всевозможными красками эксцентричное музыкальное фарсовое комедийное шоу, целевой аудиторией которого являются семьи, нередко в своей целостности – от мала до велика. Повествовательная линия всегда выстраивается вокруг героев хорошо известных сказок («Аладдин», «Белоснежка и семь гномов», «Золушка», «Кот в сапогах», «Красавица и Чудовище» и др.), сюжет которых немного видоизменяется, в том числе благодаря вводу дополнительных персонажей. К последним относятся несколько ключевых фигур, а именно – “*Panto Horse\Cow\Camel*” (животное – лошадь, корова или верблюд – исполняемое двумя актерами комедийного жанра, пытающимися согласовать движения их общего тела), “*Panto Sidekick*” (веселый напарник – помощник одного из главных персонажей, разговаривающий непосредственно с аудиторией и нередко выступающий в роли рассказчика) и, конечно, “*Panto Dame*” (пожилая женщина, часто мать главного героя, в роли которой всегда занят мужчина в вызывающем костюме, сложном парике и с обильным макияжем; сердечная и забавная, эта дама активно пользуется выражениями с двойным смыслом, недомолвками, намеками и шутками с сексуальным подтекстом, которые оказываются за пределами досягаемости присутствующих в большом количестве детей) [SeatPlan 2022]. В дополнение к вышеупомянутому, для «Панто» характерны еще несколько примечательных элементов: вовлеченность в происходящее аудитории, которая может громко и шумно общаться с артистами, подпевать, пританцовывать; буффонада и гротеск; привлечение известных личностей в качестве исполнителей тех или иных партий; адаптация сценария к текущим политическим и социальным событиям; включение в музыкально-танцевальную часть популярных песен как в оригинальной версии, так и с переработанным текстом [SeatPlan 2022; Obee, Evans 2003: 90–91].

По мнению журналиста ирландской радиостанции “*Newstalk*” и его собеседников, «Панто» – это наивысшая форма искусства, сочетающая в себе «все и вся», тем самым достигающая по мере воздействия практически шекспировских масштабов, являясь при этом «зеркалом для общества» [McKean 2024]. Многие британцы и ирландцы не представляют себе зимних праздников без посещения описанных мероприятий. Эта традиция позволяет продюсерам окупить огромные затраты на постановку шоу. Более того, благодаря прибыли от проката одного такого спектакля в рождественско-

новогодний период многие театры держатся на плаву в течении оставшегося года, что особенно важно для небольших заведений [Whyte 2024], не имеющих сторонней поддержки.

Существуют также коллективы, собирающиеся непосредственно для создания и показа подобных зрелищ в соответствующий сезон, а остальное время занимающиеся другой деятельностью как в сфере искусства, так и в смежных отраслях. Примером самой успешной компании такого рода в Ирландии является “*The Stadium Panto*” (“*Panto.ie*”), принадлежащая Алану Хьюзу (телеведущему и актеру) и Карлу Бродеру (сценаристу и автору песен), в 2023 году отметившим 25-летний юбилей совместного творчества [Ryan 2023] по выпуску лучших ирландских пантомим, согласно многочисленным отзывам профессиональных критиков, фанатов со стажем, а также зрителей впервые увидевших и услышавших результаты коллаборации этих выдающихся мастеров и их сплоченной команды, куда с 2012 года входит еще одна легендарная личность – Роб Мерфи (актер, режиссер, хореограф) [Gallagher 2023]. Дуэт Алана Хьюза (“*Panto Sidekick*” > “*Sammy Sausage*”) и Роб Мерфи (“*Panto Dame*” > “*Buffy*”) завораживает органичностью их сценического взаимодействия, балансирующего между спонтанностью и четким следованием либретто. Ниже – небольшой отрывок из пантомимы “*Beauty and the Beast*” («Красавица и Чудовище»), где “*Sammy Sausages*” – лучший друг Красавицы Белль, тогда как “*Buffy*” – служит у Чудовища:

SAMMY: *A party! There's gonna be jelly and ice cream and. . . balloons! Buffy!* || BUFFY: *Yes Samuel. I'm here, I'm here.* || SAMMY: *Buffy, there's gonna be a big. . . huge. . .* || BUFFY: *Party! I know! I know everything, Sammy. I am the eyes and the ears of this castle.* || SAMMY: *Well you're certainly the mouth. C'mon, we have to convince Belle to go to this party, so they can start falling in love.* || BUFFY: *(Heavy sigh)* || SAMMY: *What's wrong? Are you jealous that the Master likes Belle?* || BUFFY: *Noooooo. How can you say that? I am SHOCKED. I am APPALLED. I am AVAILABLE. Why couldn't he pick me? But I'm not jealous. I swear on my hair!* || SAMMY: *Ya what?* || BUFFY: *I swear on my hair that I am not jealous of Belle. I just want what she's got – and I don't want her to have it.* || SAMMY: *Jealous!* || BUFFY: *Oh Sammy! Am I over the hill?* || SAMMY: *Well it's better to be over the hill than buried under it! Now c'mon. . .* [Valentine 2015].

Стилистически, данный диалог выстраивается в юмористической тональности, что соответствует атмосфере всего шоу. Устойчивое метонимическое словосочетание “*the eyes and the ears of something*” модифицируется, для того, чтобы дать более точную характеристику “*Buffy*”, которая порой отличается избыточной говорливостью (“*you're certainly the mouth*”).

Градация, граничащая с ретардацией в конструкции с параллелизмом (“*I am SHOCKED. I am APPALLED. I am AVAILABLE.*”), звучащая в ответе “*Buffy*” на вопрос, «не завидует\ревнует ли она» (“*Are you jealous?*”) включает определенную двусмысленность, подкрепленную риторическим замечанием (“*Why couldn't he pick me?*”). Собственное видение отсутствия у нее зависти\ревности она формулирует через саркастически парадоксальную антитезу (“*I just want what she's got – and I don't want her to have it.*”). Идиома «*be over the hill*», используемая для обозначения человека, достигшего определенного возраста и, возможно, утратившего какие-то свои преимущества, здесь обыгрывается посредством затейливого каламбура эвфемистического содержания (“*Well it's better to be over the hill than buried under it!*”). И все это подкрепляется произнесенной дважды коронной фразой “*Buffy*” – “*I swear on my hair*”, которая стала ее визитной карточкой и на протяжении всего спектакля может использоваться десятки раз.

Таким образом, когнитивная деятельность, связанная с концептуализацией и категоризацией знаний о мире, может иметь определенные сложности, истоки которых находятся в не полном совпадении языковых картин мира у носителей разных языков. Интерпретация отличающейся лингвокультурологической информации может осложняться по причине наличия безэквивалентной лексики, «ложных друзей переводчика», диалектных единиц, национально-культурных особенностей конфигурации смыслов универсальных понятий.

Литература

- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. URL: https://pervodovedcheskiy.academic.ru/793/ложные_друзья_переводчика
- НСИС – Новый словарь иностранных слов. EdwART, 2009 // URL: <https://dic.academic.ru>
- Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. URL: https://language_contacts.academic.ru/296/Ложные_друзья_переводчика
- Плесканева А. 13 иностранных слов, емко описывающих сложные вещи. URL: <https://heroine.ru/13-inostrannyh-slov-emko-opisyvayushhih-slozhnye-veshhi/>
- Пухляк С. М. Что такое «мерак» и почему он важен для сербов? URL: https://dzen.ru/a/Zwek1FxeTxz0IRaV#merak_что_это_значит
- Шарапова Ю. В. Языковая картина Ирландии. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006.
- Шарапова Ю. В., Васильева М. П. К вопросу о национальном характере ирландцев // Ирландское культурное наследие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2013. С. 103–117.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

- DDFL – Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr>
- DW – Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de>
- Eagleton T.* The Truth about the Irish. Dublin: New Island Books, 2006.
- Gallagher K.* Panto star behind outrageous Christmas stage character admits to liking the quiet life // Buzz.ie // 10.12.2023 // URL: <https://www.buzz.ie/culture/panto-star-behind-outrageous-christmas-31636184>
- Koessler M., Derocquigny J.* Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs). Paris: Vuibert, 1928.
- LangTown.* Сайт для профессиональных лингвистов, переводчиков. URL: <https://langtown.ru/blog/English/171.html>
- McKee H.* The Power of the panto // Newstalk. URL: <https://www.newstalk.com/podcasts/highlights-from-the-hard-shoulder/the-power-of-the-panto-henry-mckee-reports>
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>
- Obee B., Evans V.* Upstream upper-intermediate. Student's book. Express Publishing, 2003.
- Ryan K.* Alan Hughes on creating 25 years of panto magic and the 'special' plans for this year's milestone // RSVP Live. URL: <https://www.rsvpive.ie/news/celebs/alan-hughes-creating-25-years-31580295>
- SeatPlan. What is a pantomime and why do they play at Christmas? URL: <https://seatplan.com/backstage/what-is-a-pantomime/#panto-traditions>
- Sharapova Ju. V.* The Irish: Jackeens, Culchies and Travellers // Вестник научных конференций. 2023. № 2–1 (90). С. 106–108.
- Silentium. Слова со сложным смыслом в разных языках мира. URL: <https://ok.ru/silenti/topic/67778330110790>
- UD – Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com>
- Valentine A.* Writing panto is no joke – I swear on my hair // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/life-and-style/people/writing-panto-is-no-joke-i-swear-on-my-hair-1.2454380?mode=amp>
- Whyte B. J.* Oh yes it is...the Christmas panto... // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/culture/2024/12/21/oh-yes-it-is-the-christmas-panto-and-how-it-keeps-irelands-theatre-community-going>

J. V. Sharapova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

INTERPRETATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD IN LANGUAGE: A PLAY ON WORDS AND MEANINGS

The article deals with the cognitive aspects of interpreting knowledge about the world in language using the example of non-equivalent vocabulary, translator's false friends, dialectal and nationally coloured linguistic units. Special attention is paid to cases of

cognitive dissonance that arise when trying to interpret such phenomena of Irish culture as “Irish Wake” and “Christmas Pantomime\’Panto”. A linguistic and stylistic analysis of an excerpt from the script of the pantomime “Beauty and the Beast” is carried out.

Key words: cognitive science, non-equivalent vocabulary, translator’s false friends, dialects, nationally coloured linguistic units, cognitive dissonance, Irish culture.

Л. А. Фурс (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

liudmila.furs@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается интерпретационная специфика такого сложного языкового явления, как оценочное противопоставление. Установлено, что в актах употребления конструкций с оценочным противопоставлением реализуется стратегия когнитивного вуалирования, которая направлена на обработку передаваемой информации таким образом, что большая ее часть представлена ассоциативно. В этих процессах задействованы когнитивные механизмы разновекторного и линейного фокусирования. Разновекторное фокусирование направлено на оценку разных объектов, а линейное фокусирование предполагает оценку одного объекта. При этом достигается эмоциональная вовлеченность собеседника в обсуждение рассматриваемого события.

Ключевые слова: интерпретация, когнитивное вуалирование, когнитивный механизм, оценочное противопоставление.

Н. А. Кобрина с присущей ей проницательностью наметила в своих работах многие вопросы, требующие нового осмысления. В частности, ученый отметила, что владение системой языка «стимулирует у носителей языка особое «асистемное» использование ее средств и моделей для получения необычного эффекта экспрессивности с разной коммуникативной и модусной направленностью» [Кобрина 1999: 48]. В ряду таких вопросов находится и конструкции с оценочным противопоставлением.

Оценочное противопоставление как многоаспектное явление может быть разъяснено в рамках когнитивно-прагматического подхода, который, будучи междисциплинарным, открывает возможность учета структур формируемого знания и воздействующего потенциала средств репрезентации этого знания (подробнее см.: [КСКТ 1997: 63; Кубрякова 2004; Фурс 2022]). Исследованию прагматических аспектов языка был дан импульс в теории имплицатур Грайса [Grice 1975] и теории косвенных речевых актов Серля

[Searle 1975]. Существенным является и принцип релевантности в речемыслительной деятельности, на который указывают Д. Уилсон и Д. Спербер, отмечая, что говорящий «неосознанно стремится к максимальной релевантности, т. е. к максимальному когнитивному эффекту при минимальных усилиях при переработке» [Wilson, Sperber 1988]. При таком исследовательском ракурсе представляется возможным описать когнитивную основу оценочного противопоставления и особенности его интерпретации с учетом имплицитно выраженных смыслов. В качестве объекта исследования оценочное противопоставление выбрано на основании его комплексной природы и смысловой неопределенности, что требует детального анализа. В самых общих чертах противопоставление считается отношением «между смысловыми противоположностями», «между значениями, которые фундаментально несовместимы друг с другом» [Israel 2004: 702]. Целью исследования является рассмотрение интерпретационной специфики оценочного противопоставления с учетом ее когнитивной основы.

В отношении интерпретации Р. И. Павилёнис отмечает, что в ее основе лежит концептуальная система, с опорой на которую мы способны «схватить» и осмыслить объективную реальность [Павилёнис 1986: 383]. В этой связи Н. Н. Болдыревым была отмечена такая характеристика, как «антропоцентрическая релятивность», предполагающая способ конфигурирования знания во взаимосвязи с ценностями самого интерпретатора [Болдырев 2022: 41]. С учетом данных положений представляется важным раскрыть интенции говорящего в процессах конструирования оценочного противопоставления и описать имплицитные им структуры знания.

Анализ фактического материала позволил выявить стратегию когнитивного вуалирования, активизируемую говорящим с целью достижения эмоционального воздействия. Характеристики когнитивного вуалирования включают: 1) интенциональность; 2) субъективность; 3) ассоциативность (подробнее см.: [Фурс 2023: 147–148]). Данное положение подчеркивает роль намеренного формирования конструкции с оценочным противопоставлением таким образом, что она репрезентирует различные ассоциации, выводимые на основе ситуативного контекста. Интерпретация этих ассоциаций и позволит эксплицировать оценочное знание, репрезентируемое такими конструкциями. Отметим, что значимость исследования заключается не в определении стилистического эффекта данных конструкций, определяемых в традиционной лингвистике как конструкции с антитезой или оксюморонам. Напротив, задачей является раскрытие вуалируемой информации, способствующей эмоциональному вовлечению собеседника в обсуждение той или иной объективной ситуации.

Как показывает анализ конкретных примеров в использовании оценочного противопоставления задействованы механизмы разновекторного и линейного фокусирования. В первом случае оценка сфокусирована на разных объектах обсуждаемой ситуации, а во втором – на одном и том же объекте. Рассмотрим действие данных когнитивных механизмов на примере конструкций с оценочным противопоставлением:

(1) разновекторное фокусирование

My work desk is an organised mess (<https://byjus.com>).

Данное оценочное противопоставление включено в структуру предложения на основе разновекторного фокусирования. Беспорядок соотносится с рабочим местом, а упорядоченность спроецирована на субъект. В результате репрезентируется позитивная оценка субъекта, который хорошо ориентируется на своем рабочем месте, так как все организовано в нужном для него порядке. За счет разновекторной оценки удастся сгладить возможную критику со стороны наблюдателя.

Parting is such sweet sorrow (<https://byjus.com>).

В этом случае также реализуется когнитивный механизм разновекторного фокусирования. Компонент *sorrow* (a feeling of great sadness [CD]) указывает на отрицательную эмоцию, негативный потенциал которой снижается за счет прилагательного *sweet* (a pleasant or gratifying experience, possession, or state [MWD]). При этом сам факт расставания как финальный этап общения оценивается с точки зрения отрицательно окрашенной эмоции, испытываемой наблюдателем, а позитивная оценка направлена на партнера по общению, который не номинирован в структуре предложения, но эксплицируется за счет аналогии по смежности «расставание – участники». Тем самым удастся подчеркнуть, насколько приятным было предшествующее расставанию общение.

В следующем примере, в отличие от предыдущих, первый компонент оценочного противопоставления репрезентирует отрицательный фокус, и это приводит к усилению эмоциональной напряженности:

Euthanizing their pet dog was considered as an act of cruel kindness (<https://byjus.com>).

Эвтаназия, проводимая на законных основаниях для облегчения предсмертных страданий неизлечимо больных животных, расценивается как акт сострадания. Прилагательное с противоположной оценочной коннотацией *cruel* (extremely unkind and intentionally causing pain [CD]) сфокусировано на владельце животного и выражает негативную этическую оценку, так как в ситуативном контексте подчеркивается, что животное – это как член семьи, который всегда рядом и заслуживает доброго отношения. В этом случае критикуется владелец животного за согласие на эвтаназию.

(2) линейное фокусирование

*After an entire day of continuous practice, the participants looked as if **they were walking dead*** (<https://byjus.com>).

Фокус оценки наблюдателя направлен на физическое состояние субъекта. Прилагательное *dead* употребляется в конструкции противопоставления не в своем буквальном значении, а в качестве указания на крайнюю точку шкалы, символизирующую человеческую жизнь, а именно ее финальный этап. Это позволяет подчеркнуть степень усталости практикантов и описать созданную ассоциацию – «устать так, что быть буквально без признаков жизни». В данном случае за счет эффекта шкалирования усиливается экспрессивность высказывания.

*Their restlessness was **prj ected like a silent scream** for help* (<https://byjus.com>).

Здесь в фокусе внимания наблюдателя находится состояние беспокойства, которое испытывает субъект. Характерно, что сочетание лексем с противоположным значением *silent* (without any sound [CD]) и *scream* (to make a loud, high sound [CD]) позволяет представить большой объем информации минимальными средствами. Второй компонент символизирует восприятие перцептивного сигнала, тогда как первый компонент указывает на отсутствие какого-либо звука. В результате выводится ассоциация – «и без слов понятно, насколько они обеспокоены».

*It is always a **love-hate relationship** between us* (<https://byjus.com>).

Объектом оценки в данном примере являются отношения между людьми. Композит, построенный на основе противопоставления, репрезентирует оценочное суждение о вариативности личностных отношений, когда чувство симпатии сменяется антипатией. За счет этого оценочного противопоставления удастся емко передать характер отношений между партнерами за счет ассоциации – «то в мире и согласии, то как враги».

Таким образом, в актах употребления конструкций с оценочным противопоставлением реализуется стратегия когнитивного вуалирования, которая направлена на обработку передаваемой информации таким способом, что большая ее часть представлена ассоциативно. К тому же за счет этой стратегии наблюдателю удастся передать свою оценку определенного положения дел минимальными средствами. В этих процессах задействованы когнитивные механизмы разновекторного и линейного фокусирования. В случае с разновекторным фокусированием оцениваются разные объекты, а линейное фокусирование предполагает оценку одного объекта. При этом достигается эмоциональная вовлеченность собеседника в обсуждение рассматриваемого события. Данные положения составляют интерпретационную специфику оценочного противопоставления как сложного языкового явления.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 19–79.

Кобрин Н. А. Лингвистическая эстетика // Филология и культура. Ч. 3. Матлы II Международной конференции 12–14 мая 1999. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. С. 47–49.

КСКТ – Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Павилёнис Р. И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 380–388.

Фурс Л. А. Междисциплинарные аспекты когнитивного анализа в синтаксисе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2(49). С. 103–107.

Фурс Л. А. Прагматическая двусмысленность как способ когнитивного вуалирования // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 146–150.

Byjus. URL: <https://byjus.com>

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

Grice P. Logic and conversation // Speech Acts, Syntax and Semantics / ed. by Cole P., Morgan J. L. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Israel M. The pragmatics of polarity // The Handbook of Pragmatics. Blackwell. Oxford, 2004. P. 701–723.

MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>

Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Speech Acts / ed. by Cole P., Morgan J. L. New York: Academic Press, 1975. P. 59–82.

Wilson D., Sperber D. Representation and relevance // Mental Representations: The Interface between Language and Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 133–153.

L. A. Furs (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

INTERPRETATIONAL SPECIFICITY OF EVALUATIVE OPPOSITION

The article examines the interpretative specificity of such a complex linguistic phenomenon as evaluative opposition. The results have proved that in acts of using constructions with evaluative opposition, a strategy of cognitive veiling is implemented, which is aimed at processing the transmitted information in such a way that most of it is

presented associatively. These processes involve the cognitive mechanisms of multi-vector and linear focusing. Multi-vector focusing is aimed at assessing different objects, while linear focusing involves assessing one object. This achieves the emotional involvement of the interlocutor in the discussion of the event in question.

Key words: interpretation, cognitive veiling, cognitive mechanism, evaluative opposition.

V. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ

Л. В. Бабина, И. Н. Толмачева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru, i_tolmacheva@mail.ru*

МЕТАФОРА И СРАВНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Статья посвящена рассмотрению интерпретационного потенциала метафор и сравнений, используемых в социальной экологической рекламе. Показывается, что создание и восприятие данной рекламы обеспечивается процессом дискурсной интерпретации, реализуемой с помощью когнитивных механизмов «концептуальная метафора» и «концептуальное сравнение». Анализируются вербализованные и визуально реализованные метафоры и сравнения, находящиеся во взаимодополняющей или взаимозависимой корреляции.

Ключевые слова: социальная экологическая реклама, дискурсная интерпретация, интерпретационный потенциал, вербализованные и визуально реализованные метафоры и сравнения, взаимозависимая и взаимодополняющая корреляции.

В ситуации, когда вопросы экологии, вызывающей опасение, требуют внимания населения всех стран, мощным инструментом, влияющим на ценностные ориентации, поведенческие установки людей, их экологическую культуру, становится социальная реклама. Особое внимание уделяется созданию и восприятию социальной экологической рекламы, позволяющей формировать экологическое сознание населения. В одних исследованиях анализируются формы и способы передачи информации в социальной экологической рекламе. Так, С. А. Бунько, В. В. Дементюк отмечают определенную специфику социальной рекламы в разных странах, которая проявляется в освещении тех проблем, которые наиболее актуальны для той или иной страны (например, в России достаточно много рекламных плакатов, направленных на борьбу за чистоту улиц), в направленности на определенные эмоции – позитивные или негативные, а также в преобладании определенных форм передачи информации (экологическая пропаганда, экологическое

просвещение, экологическое информирование) [Бунько, Дементеев 2022]. В других работах выделяются стратегии и средства воздействия в социальной экологической рекламе, такие как контраст [Reyes-Rincón, Baquero-Velásquez 2019], метафоры, символы [Явинская 2017; Додукова, Анисимова 2019] и т. п. В рамках когнитивного направления, которое, как отмечает Н. А. Кобрина, рассматривает язык как «отражение человеческого знания с учетом прагматической ориентированности или заинтересованности, ситуативного плана, а также психологических и индивидуальных особенностей человека, его модусной ориентированности» [Кобрина 2009: 136], социальная экологическая реклама также становится объектом изучения.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса, определяющего создание и восприятие рекламы, интерпретационного потенциала вербализованных и визуально реализованных метафор и сравнений, используемых в социальной экологической рекламе, а также способов их взаимодействия.

Интерпретация, как отмечает Н. Н. Болдырев, – это «процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2012: 87]. Выявляются первичная и вторичная интерпретации знаний о мире в языке, приводящие к созданию языковой системы и ее структуры. Вместе с тем интерпретация обеспечивает также формирование и восприятие текстов, что позволяет говорить о дискурсной интерпретации, поскольку создатель текста не просто дает представление о реальной, возможной или выдуманной модели мира, а пропускает предмет сообщения через свое индивидуальное мировоззрение, стремится оказать определенное воздействие на воспринимающего текст субъекта. На наш взгляд, как создание, так и восприятие социальной экологической рекламы определяется процессом дискурсной интерпретации, которая направлена не только на передачу «авторского отношения к происходящим событиям, людям или объектам в процессе речевой деятельности» [Беляевская 2016: 20], но и на формирование ценностной ориентации людей, их поведенческих установок. В качестве механизмов, обеспечивающих дискурсную интерпретацию, выступают «концептуальная метафора» и «концептуальное сравнение», специфика которых в социальной экологической рекламе заключается в том, что они предполагают взаимодействие вербального и визуального компонентов текста социальной экологической рекламы.

Исследователи отмечают интерпретационный потенциал метафоры, который определяется тем, что она способна репрезентировать субъек-

тивное видение человека, его эмоционально-эстетический опыт. В тексте социальной экологической рекламы используются метафоры разных семиотических систем, вступающие друг с другом в разные типы взаимодействия. В данной работе учитывается классификация В. А. Сенцовой, выделяющей тексты с вербально-доминирующей корреляцией, тексты с невербально-доминирующей корреляцией, тексты со взаимозависимой корреляцией, тексты с оппозиционной корреляцией и тексты с взаимодополняющей корреляцией [Сенцова 2017].

В результате исследования было выявлено, что в текстах социальной экологической рекламы могут использоваться антропоморфные, фитоморфные, зооморфные, артефактные вербализованные и визуально реализованные метафоры, которые могут находиться во взаимозависимой и взаимодополняющей корреляции. Пытаясь сформировать у населения ответственное отношение к проблеме охраны природы создатели рекламы используют метафору, позволяющую передать идею об общности человека и окружающего его мира, показать, что он часть этого мира. Нанося вред окружающей его природе, человек наносит вред самому себе.

Рассмотрим пример антропоморфной метафоры (рис. 1), в которой вербализованная и визуально реализованная метафоры находятся во взаимодополняющей корреляции. Визуально реализованная метафора представляет собой картинку, в которой из очертаний объектов окружающего человека мира – деревьев, камней, ручья – вырисовывается лицо человека. Вербализованная метафора построена на том, что жизнь человека приравнивается существованию окружающего его мира.

Рис 1. Preserve your world. Preserve yourself.

Как средство воздействия при формировании ответственного отношения к природе может использоваться фитоморфная метафора. В представленной рекламе используется визуально реализованная метафора, в которой пальцы человека изображены как деревья, что позволяет передать идею того, что, нанося вред природе, человек наносит вред самому себе. Она сочетается с вербализованной метафорой, в которой за счет наречия *больно* «причиняя боль, ощущая боль (физическую или душевную)» [<https://kartaslov.ru>] проводится аналогия между физической и душевной болью, которую человек должен испытывать, вырубая деревья. Представляется, что в данном случае вербализованная и визуально реализованная метафоры находятся во взаимозависимой корреляции, поскольку вербальный и визуальный компоненты тесно взаимосвязаны.

Рис 2. Разве тебе не больно?

В целом ряде текстов социальной экологической рекламы используется зооморфная метафора. При создании визуально реализованной метафоры прибегают к приему «компози́тинг», предполагающему совмещение двух изображений в одном. Одно изображение на рис. 3, которое показывает деятельность человека, отрицательно влияющую на природу Арктики, совмещено с изображением белого медведя. На рис. 4 изображение деятельности человека, которая направлена на вырубку леса, совмещено с изображением оленя. Совмещение осуществлено таким образом, что создается впечатление постепенного исчезновения животных по мере того, как уничтожается экология местности, на которой они проживают. Подобного рода совмещение позволяет наглядно и емко передать взаимосвязь между живыми организмами и окружающей средой, влияние деятельности человека на окружающий его мир. Вербализованная метафора проводит аналогию между неживой и живой природой. Вербализованная и визуально реализованная метафоры находятся во взаимодополняющей корреляции.

Рис. 3, 4. Destroying nature is destroying life.

Интересно отметить, что подобного рода изображения встречаются в русскоязычной социальной экономической рекламе, однако в текст включается еще и статья из конституции РФ, что вызывает дополнительные ассоциации, связанные с законом, правом, обязанностями.

Рис. 5, 6. Разрушая природу, Ты разрушаешь жизнь.

Интерпретационным потенциалом обладает также сравнение, которое позволяет по-новому охарактеризовать «тот или иной объект, устанавливая черты его сходства и отличия по отношению к другому объекту» [Блохина 2024: 5]. В социальной экологической рекламе, созданной в рамках кампании против массового вымирания животных и загрязнения окружающей среды, используются вербализованные и визуально реализованные сравнения, которые находятся во взаимозависимой корреляции.

Начнем с рекламы, пытающейся изменить экологическое сознание населения за счет изменения отношения к животному миру. На рис. 7, 8 вербализованное сравнение – это прилагательное *terrifying* “causing terror or apprehension” [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/terrifying>] в положительной и сравнительной степени. Визуально реализованное сравнение представляет собой на рис. 7 фотографию водной поверхности, над которой виднеется плавник акулы, и фотографию, на которой его нет; на рис. 8 – фотографию ветки с хищной птицей – орлом и фотографию, на которой его нет.

Сравнение направлено на то, чтобы передать идею о том, как страшно то, что сегодня мы не знаем, какой следующий, может быть даже крошечный, шаг приведет к необратимым последствиям – исчезновению этих животных.

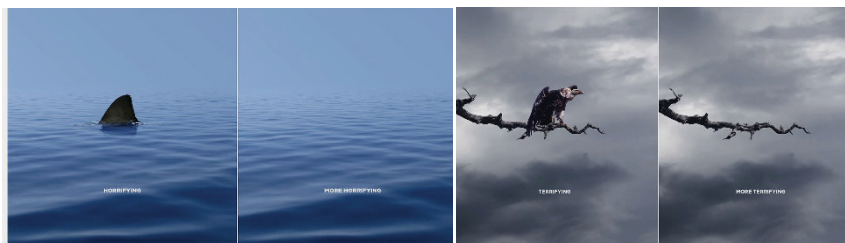

Рис. 7, 8. Terrifying. More terrifying.

Следующие примеры демонстрируют социальную экологическую рекламу, которая пропагандирует то, как важно перерабатывать отходы жизнедеятельности человека. На рис. 9, 10 вербализованное сравнение позволяет понять, что для того, чтобы выбросить пластиковую бутылку или пластмассовый контейнер в специально отведенное место, потребуется одна секунда, в то время как почти 450 лет или сотня лет потребуются, чтобы они разложились, если они попадут в почву. На рис. 9 визуальный компонент текста рекламы позволяет сравнить бутылку на поверхности и бутылку, погруженную в песчаную почву. На рис. 10. визуальный компонент текста рекламы сравнивает пластиковый контейнер на поверхности и пластиковый контейнер, попавший в почву.

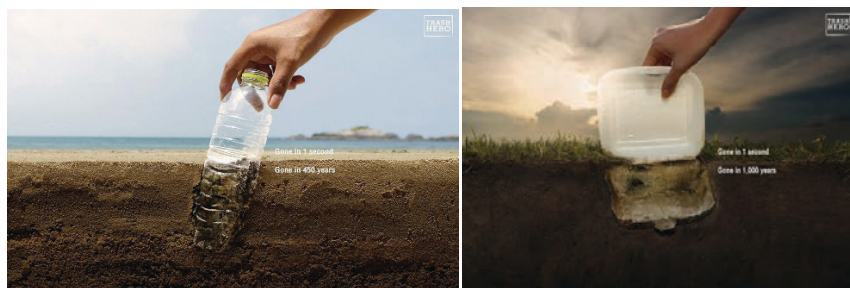

Рис. 9. Gone in one second, gone in 450 years. Рис. 10. Gone in one second, gone in 1,000 years.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что при создании и восприятии социальной экологической рекламы используется дискурсная

интерпретация, которая осуществляется с помощью механизмов «концептуальная метафора» и «концептуальное сравнение». В текстах социальной экологической рекламы метафора и сравнение реализуются при помощи вербальных и визуальных компонентов текста, которые находятся во взаимодополняющей или взаимозависимой корреляции. Визуальные компоненты текста дополняют вербальные, усиливая содержание, делая его более явным, интересным или добавляют информацию. Используемая в социальной экологической рекламе метафора может быть разных типов: антропоморфная, зооморфная, фитоморфная, артефактная.

Литература

Беляевская Е. Г. Дискурсивная интерпретация и реинтерпретация знаний о мире в языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 19 (758). С. 18–27.

Блохина Е. Д. Сравнение как способ вторичной интерпретации мира в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2024.

Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 17–120.

Бунько С. А., Дементьев В. В. Социальная реклама как инструмент формирования экологического сознания населения. 2022. URL: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/36696/3.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Додукова Е., Анисимова Т. В. Метафора в системе средств воздействия социальной рекламы (на примере плакатов экологической тематики) // International Journal of Professional Science. 2019. № 6. С. 18–29.

Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru>

Кобрина Н. А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони. СПб.: «Нестор-История», 2009. С. 135–137.

Лучшая социальная реклама. URL: https://primorsky.ru/authorities/local-government/terneisky/ekologiya/luchshaya-sotsialnaya-reklama/index.php?special_version=Y&bitrix_include_areas=N (дата обращения: 28.12.2024).

Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень): дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2017.

Явинская Ю. Метафоры и символы в социальной рекламе // Журналістыка-2017: стан, проблеми і перспективи: матеріялы 19-й Міжнар. навук.-практ. канф. Вып. 19. Мінск: БДУ, 2017. С. 164–167.

Merriam-webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/terrifying>

Reyes-Rincón J.H., Baquero-Velásquez J. M. Contrast as a Persuasive Strategy in Social Advertising: A Case Study of Four Advertisings // Matices en Lenguas Extranjeras. 2019. № 13. P. 332–361.

L. V. Babina, I. N. Tolmacheva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

METAPHOR AND COMPARISON IN SOCIAL ENVIRONMENTAL ADVERTISING: INTERPRETATIVE POTENTIAL

The article is devoted to the interpretative potential of metaphors and comparisons used in social environmental advertising. The authors show that the creation and perception of this advertising is provided by the process of discourse interpretation, realized through the cognitive mechanisms of “conceptual metaphor” and “conceptual comparison”. Verbalized and visually realized metaphors and comparisons, which are in a complementary or interdependent correlation, are analyzed.

Key words: social environmental advertising, discourse interpretation, interpretative potential, verbalized and visually realized metaphors and comparisons, interdependent and complementary correlations.

E. B. Белоглазова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
evbeloglazova@herzen.spb.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭКЗОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В фокусе исследования находится специфика концептуализации реалий культуры, внешней по отношению к языку описания. На примере концептуальной доминанты романа О. Грушин CHANGE рассматривается стратегия концептуализации русской реалии с опорой на регулярный лексикон английского языка. В статье показано, как, переосмысляясь под влиянием дискурсивного окружения, “change” расщепляется в понятийном субстрате произведения на противопоставленные концепты CHANGE / REVOLUTION, приобретая несвойственные слову смыслы и устанавливая связь с инокультурными понятиями.

Ключевые слова: (ре)концептуализация, концептуальная доминанта, культуроним, иноязычное описание культуры, транслингвальная литература.

1. Введение

Диалектическое единство речепорождения и речевосприятия и принципиальную возможность человеческой коммуникации обеспечивает ментальность – ментальный субстрат, лежащий в основе языка [Кобрина 2013: 10]. Это несомненно объясняет ситуацию коммуникации в пределах одной общей лингвокультуры, при которой ментальный субстрат объединяет коммуникантов.

Однако представляется, что эту дефолтную ситуацию на данном этапе развития когнитивной лингвистики и реальной коммуникативной практики следует дополнить введением в исследовательскую модель как минимум двух дополнительных факторов.

Во-первых, перспективным представляется рассмотрение в когнитивном ключе транслингвального / транскультурного общения, при котором коммуниканты принадлежат к разным лингвокультурам, оперируют несовпадающими понятийными категориями, и, несмотря на это, достигают определенного взаимопонимания. И, во-вторых, в этой связи традиционный для лингвистов-когнитологов фокус на соотношение «концепт → вербализация» [Кобрина 2013: 13] важно дополнить вторым звеном – «вербализация → концепт».

В настоящей статье мы хотели бы попытаться описать процесс концептуализации, т.е. реконструкции концептуально-понятийного субстрата текста, отсылающего читателя к экзокультурной, следовательно малознакомой ему реальности.

2. Методологический фундамент исследования

Теоретическим базисом для настоящего исследования послужили достижения лингвистической школы РГПУ им. А. И. Герцена.

Так, в понимании природы концептуально-понятийного субстрата текста и его соотношения с поверхностно-языковым уровнем мы опираемся на положения когнитивной лингвистики, сформулированные, в частности, Н. А. Кобриной, постулирующие такие свойства концептов, как диффузность и многоярусность (в отличие от единиц поверхностно-языкового уровня, которым свойственны дискретность и линейность), а также возможность их частичного наложения и перекрывания [Кобрина 2000: 24]. Именно благодаря означенным свойствам оказывается возможной вторичная культурная ориентация языка, при которой в результате семантических сдвигов происходит реконцептуализация языковых средств.

Механизмы иноязычного описания культуры впервые были систематически описаны В. В. Кабакчи [Кабакчи 1987]. Наблюдения исследователя были верифицированы на материале больших объемов данных [Кабакчи,

Белоглазова 2018], разных языков [Белоглазова et al 2023] и жанров, включая художественную литературу [Белоглазова 2022; Чемодурова 2023; Чемодурова 2024].

Методологически, исследование опирается на авторские методики интерлингвокультурологического анализа (В. В. Кабакчи) и стилистики декодирования (И. В. Арнольд).

3. (Ре)концептуализация в тексте вторичной культурной ориентации

Проблема осмысления представителями одной лингвокультуры уникальных фактов иной лингвокультуры является краеугольной в межкультурной коммуникации, теории перевода и интерлингвокультурологии: не случайно наименования культурных реалий (культуронимы) традиционно именуются в переводе *безэквивалентной лексикой*: не имея, по определению, параллелей в иных культурах, они являются, строго говоря, непереводаемыми. Именно на таком принципиальном непереводе культуронимов уникальных культур, за которыми стоят уникальные для описываемой культуры концепты, настаивает Э. Аптер [Apter 2013]. Этот подход был последовательно применен в «Словаре непереводаемости» [Cassin 2014]; и в труде, выполненном в жанре справочной литературы и реализующем сугубо информативную функцию, он был безусловно уместен, в отличие от литературы иных жанров, в частности, художественной литературы, преследующей иные цели и иначе параметризующей своего адресата.

Художественная литература – как традиционная, так и транслингвальная – не отказывается от заимствования при описании экзокультурных реалий, но при этом она вовсе не обречена на языковую гибридизацию. Это убедительно показывает Ч. Ачебе, приводя два контрастных способа построения нарратива – традиционный и транслингвальный, при этом не выходя за рамки лексикона и грамматики стандартного английского языка ни в одном, ни в другом [Achebe 1965].

Подобную стратегию реконцептуализации средств языка повествования использует и современная русско-американская писательница О. Грушин в романе “The Line”.

Одной из концептуальных доминант романа является CHANGE, единца, встречающаяся в тексте 46 раз в различных морфологических статусах, в синтаксических функциях и значениях.

Рассмотрим две контрастные выборки микроконтекстов:

(1)

Her usual street was flooded with a spontaneous citizens’ parade celebrating the thirty-seventh anniversary of the Change.

Dreams had an unpredictable, shimmering quality to them, seemed to her to be cut from the same illusory, wavering, precarious essence as life before the Change”

...(they had been celebrating Three Glorious Decades since the Change, and the city had shaken with garlands of festive flags mauled by the November wind) ...

Her mother had rented that house the last summer before the Change.

...before the Change ...

... the first yeas after the Change ...

... at the time of the Change ...

... but after the Change the State endorsed ...

Yet another anniversary of the Change ...

Ever heard of the Change?

... through another celebration of the Change ...

... in the brief years before the Change ...

(2)

... if she could change one thing...

The melody he had once believed would change his whole life...

... but nothing ever changes

... this concert changes everything, he thought.

Don't you miss your youth ... before everything changed?

And as soon as I have the ticket in my hand, my life will change, my life will change.

...his life irrevocably hardening into a fixed, unchangeable shape of many bleak years to come...

...the day before everything changed...

Their suspended expressions did not change.

Anna felt all at once overwhelmed – overwhelmed by an irrational and terrible certainty that something momentous was about to be said ... –something that would change her life in some enormous new way she could not possibly foresee or expect”

...unchangeable, forever unchangeable now.

...an infinite, tedious, hopeless exchange...

She was with a sure presentiment of a change...

В выборке (1) помимо неожиданного графического выделения капитализацией, *change* отличает очень характерный набор коллокатов: “before the Change” (5 раз), “after the Change” (4 раза), и “anniversary” (2 раза).

Помимо описанного узкого контекста отметим широкий контекст, представленный:

1. антропонимами-русизмами (Tatyana Alekseyevna, Emilia Khristianovna);
2. своеобразным политическим лексиконом (demonstration, parade, (un)patriotic, slavery, prerevolutionary);
3. стилизациями советского дискурса (номинация “District Teacher of the Year”, название стихотворения “Ode to the Industrial Accomplishments of the Eastern Region”, тема сочинения “The Revolutionary Hero I Would Most Like to Meet”);
4. отсылками к русской/ советской литературе (перевод начала стихотворения А. Ахматовой «Я живу, как кукушка в часах»: “I live like a cuckoo in a clock, I don’t envy birds in forests, They wind me, and I sing”);
5. многочисленными репрезентантами концепта COLD, одной из концептуальных доминант руссо-центрического дискурса (“snow” 80 раз; “cold” 52 раза; “frozen” 22 раза; “icy” 10 раз; “wintry” 3 раза);
6. характерной цветовой палитрой (“red”, “lead-coloured”; “gray, like the bottom of some northern sea”; “earth-colored”; “darker than usual”; “drained of colour”).

Оказавшись в этом дискурсивном окружении, в конструкциях, типичных для слова “revolution”, в приглашающем к реинтерпретации графическом облике, Change реконцептуализируется.

Этот процесс можно реконструировать в два этапа:

1. Осмысление семантической переклички CHANGE – REVOLUTION на основе близости словарных значений: change – “a dramatic and wide-reaching change in conditions, attitudes, or operation” (Oxford English Dictionary);
2. Актуализация графикой семантического варианта the Revolution – “the class struggle which is expected to lead to political change and the triumph of communism” (Oxford English Dictionary);
3. Актуализация контекстуального значения “the Soviet / Bolshevik Revolution”.

В выборке (2) “change” функционирует выражено иначе: слово не капитализируется, в основном реализует глагольную парадигму, значимыми коллокатами оказываются “life”, “every-/ nothing”.

За “change”, таким образом, автор выстраивает концептуальную оппозицию: революция / перемена; государственное / личное; случилось / ожидается с надеждой. Герои романа существуют в ожидании перемен, но единственная перемена уже случилась; мир замер в абсурдном безвременье.

Эта сложная игра смыслов была бы невозможной избери автор иной способ вербализации экзокультурного концепта РЕВОЛЮЦИЯ.

4. Заключение

Возвращаясь в заключение к обозначенной в начале статьи цели, попытаемся сформулировать наблюдения и выводы относительно механизма концептуализации экзокультурного понятийного субстрата текста.

Реализуемая автором стратегия выраженно контрастирует с решениями, лежащими в основе других произведений ее же авторства, также отсылающих к советской реальности. Здесь нет ни одной прямой отсылки к месту или времени событий, и тем не менее читатель однозначно считывает отсылку к сталинскому советскому прошлому России. Ключом к хронотопической реконструкции является концепт CHANGE, расщепляющийся в понятийном субстрате произведения на противопоставленные концепты. “Change” реконцептуализируется в контексте романа, приобретая несвойственные слову смыслы и устанавливая связь со смежными, но явственно иными, в том числе, инокультурными понятиями.

Экзокультурные реалии концептуализируются в романе с опорой на исконно-английский лексикон, который меняет свое значение и культурную отнесенность. Т.е. концептуализация, фактически, принимает характер реконцептуализации.

Литература

Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 49–59.

Белоглазова Е. В., Осьмак Н. А., Шувалова Е. К. Формальные маркеры и содержательные доминанты руссоцентрического дискурса: кросс-языковое корпусное исследование // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 1. С. 105–119.

Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.

Кабакчи В. В. Внешнекультурная коммуникация: проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры: дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1987.

Кобрин А. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах / под ред. О. В. Труновой. Вып. 3. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2013. С. 10–22.

Кобрина Н. А. Язык как когнитивно-креативная деятельность человека // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica*. № 9. СПб.: Изд-во Тригон, 2000. С. 23–29.

Чемодурова З. М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 24–37.

Чемодурова З. М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 133–158.

Achebe Ch. The African writer and the English language // *Transition*. 1965. № 18. P. 27–30.

Apter E. Against world literature: On the politics of untranslatability. London, New York: Verso, 2013.

Источники

Grushin O. The Line. Apple Books.

Oxford English dictionary. Version 2.3.0 (268). 2005–2020 Apple Inc

E. V. Beloglazova (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

CONCEPTUALIZATION OF EXOCULTURAL REALIA IN TRANSLINGUAL LITERATURE

The research focuses on the specific nature conceptualization might take, when dealing with realia of an external culture. Basing on the conceptual milestone of O. Grushin's novel "The Line", we reconstruct the strategy of reconceptualizing English words to refer to Russian realia. The paper describes how, driven by the context, "change" gets split in the conceptual substratum of the novel to shape an opposition of concepts CHANGE / REVOLUTION, acquiring new meanings and coming to refer to exocultural realia.

Key words: (re)conceptualization, conceptual milestone, culturonym, language of secondary cultural orientation, translingual literature.

С. А. Виноградова (Мурманск, Россия)

*Мурманский арктический университет
svetvin@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОТЫМЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена семантико-когнитивному процессу метафоризации отыменных прилагательных английского языка, образованных от прецедентных имен. Анализируются источники метафоры, выявляются проекционные и семантико-трансформационные процессы. Выявляются тенденции развития вторичных значений, основанные на разворачивании импликационных связей, заложенных в семантике исходных имен.

Ключевые слова: когнитивно-семантические преобразования, относительные прилагательные, прецедентные имена, семантическая структура.

Новелла Александровна Кобрина в своих работах рассматривала лингвистические проблемы в перспективе функционирования языка, связывая язык и его ментальную основу, при этом когнитивно-семантические преобразования считала результатом деятельности человеческого сознания. Ученый подходила к языку как к средству «доступа ко всем ментальным процессам человека, включая его поведение, взаимодействие с окружающими, индивидуальную ментальную и творческую деятельность» [Кобрина 2009: 172]. Сегодня когнитивная семантика строится на принципах, разработанных в том числе в работах этого выдающегося лингвиста. Это позволяет рассматривать, как в языке проявляется познавательная деятельность человека, как закрепляются определенные модели семантических процессов в результате обобщения когнитивной деятельности, как возникает база для эвристического прогнозирования семантической трансформации.

При изучении семантических особенностей и характерных черт семантических преобразований отсубстантивных относительных прилагательных английского языка были выявлены механизмы возникновения их тропеических значений. В отличие от признаков прилагательных относительные являются производным подклассом и это накладывает серьезный отпечаток на сущность их семантических процессов.

В целом, в современной семантике утвердилась идея проективности семантических структур производного слова, которое «передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» [Кубрякова 1981: 6]. Другими словами, установлено, что вторичные значения исходных мотивиру-

ющих баз сохраняются, пусть в урезанном виде, в семантической структуре производного. В случае отсубстантивных прилагательных было отмечено, что они «дублируют тропические процессы и семантическую структуру соответствующего существительного, сообщая им признаковую функцию» [Никитин 1997: 283]. Отметим, однако, что дальнейший анализ показал, что не только атрибутивная функция, но и семантика слов меняется в результате транспозиции. В результате актуализируется их адъективная специфика, прилагательные «доопределяются», достраивают свою семантику, развивая вторичные потенциальные метонимические и метафорические значения по признаковым моделям. Это приводит к значительному усложнению механизмов и диверсификации моделей метафорического переноса [Виноградова 2025: 5]. Однако данный аспект не является темой данной статьи. В данном случае мы рассматриваем только те прилагательные, которые в классификации М. В. Никитина относились к аргументно-признаковым [Никитин 2007: 258] и обладали проекционной семантикой, то есть семантическими структурами, унаследованными от существительного. Так, прилагательное *flowery* заимствует у исходного существительного значение ‘figure of speech’, в результате проявляя его в виде стертого метафорического употребления: *flowery language, flowery speaker*, etc. В свою очередь прилагательное *diplomatic* заимствует у существительного *diplomat* значение ‘a person, who can deal with others in a sensitive and tactful way’ [ABBYY], преобразовывая его в значение ‘having or showing an ability to deal with people in a sensitive and tactful way’ [ABBYY]. Проецирование метафорических значений исходных слов могут происходить в форме простого копирования.

Однако в некоторых случаях процессы проецирования вторичных значений от производных слов могут осложняться в силу определенной специфики исходных слов. В данной статье речь пойдет о семантико-когнитивных свойствах производных прилагательных определенной группы. Это относительные прилагательные, деривационной базой которых послужили существительные, обозначающие некое прецедентное историческое событие, факт или имя. Семантика таких дериватов осложняется шлейфом информации, не проявленной в семантической структуре этих слов. Триггером для запуска ступенчатой импликации, выявляющей информационную базу метафорических преобразований, будут служить признаки, находящиеся в импликационной связи с ядром значения. Проекция их значений может происходить не напрямую, требует определенных мыслительных усилий, через актуализацию в сознании энциклопедического знания об обозначаемом денотате. Примером таких прилагательных могут служить *antediluvian, Biblical, Edwardian, Elizabethan, Victorian, pre-Mahometan, patriarchal*

и другие, несомненно обладающие разветвленными семантическими структурами, включающими два и более зарегистрированных словарями словозначения и ряд дискурсивных вариантов, отмеченных корпусами и чатом ChatGPT [Виноградова 2025: 186]. Так, для прилагательного *antediluvian* помимо прямого значения «существовавший до потопа» отмечаются: «принадлежащий или свойственный давно прошедшим эпохам»; «очень устаревший, примитивный»; «древний, архаичный, немодный, вышедший из употребления», соответственно, в отношении людей – «имеющий примитивные допотопные представления о жизни». Отношение к «допотопному» периоду, разумеется, явилось бы гиперболизацией несовременности описываемых объектов, усиливая своей отсылкой ироническую окраску. При этом информационной базой, сферой-источником признаков метафорического преобразования, как видим, является не значение греческого существительного *diluvium* «потоп», а соответствующие библейские события конкретного содержания. Проективность семантики производного слова в данном случае состоит не в сохранении участка семантической структуры исходного слова, а в обращении к импликациональному содержанию его лексического значения, к информационному шлейфу соответствующего концепта. Ключевой признак этих событий – отнесение к давним временам – становится транспозиционным толчком к импликационным преобразованиям уже вполне признакового характера: допотопный – стародавний – примитивный – немодный и т. д. Дальнейшее приобретение словом пренебрежительного оттенка значения также не связано с семантикой исходного существительного, а возникает в ходе семантических преобразований, опирающихся на признак давности данного события.

Такой характер семантической проективности, сочетающий, с одной стороны значение, унаследованное от семантической структуры деривационной базы, с другой стороны, вовлекающий в семантические преобразования когнитивные процессы активации энциклопедических знаний о денотате, характеризуют целый ряд так называемых прилагательных, произошедших от прецедентных имен.

Замечательным примером является прилагательное *biblical*, обладающее помимо прямого непроизводного значения – ‘of or relating to the Bible’ метафорическим значением ‘very great’, зарегистрированным словарями [OED]. Источником этого метафорического значения прилагательного и в этом случае является не прямая проективность семантики исходного слова, не отнесение, например, к величию и важности или размерам священной книги, а, по всей вероятности, аллюзия на величайшее событие, описанные в ней – Всемирный потоп, отсюда ‘of biblical proportions’, ‘on a biblical scale’, а так-

же *'with biblical fury'*. В иных случаях, когда прилагательное в дискурсивном варианте используется для описания чего-то эпического, легендарного или внушающего благоговейный трепет, например, при описании впечатляющего природного явления, проявляется проекционное другое вторичное значение, которое также является отражением аллюзий на события, описанные в Книге книг. Такое значение в силу его значительного эмоционально-оценочного характера в современном слэнге может подвергаться дисфемизации, обозначая нечто претенциозное, чрезмерное и т.д., что является дальнейшим развертыванием семантико-деривационного процесса.

В какой-то мере иллюстрацией семантического преобразования с актуализацией латентной импликациональной информации в процессе метафоризации может служить прилагательное *idyllic*. Оно происходит от *'idyll'*, то есть относит к идиллии как типу короткой описательной поэмы, в процессе семантической деривации происходит развертывание картины идиллической поэмы, обычно полной естественного простого обаяния и живописности, присущей такого типа поэмам простоты и пасторальности. Проективно-трансформационный характер семантики производного вызывает образование значений прилагательного «счастливый, беззаботный», а далее «простой, неиспорченный» [OED, ROD], эти значения, являющиеся имплицативными консеквентами, обрастают эмотивными и оценочными оттенками в конкретных употреблениях: *...an idyllic setting for a summer romance...*, *If you want old world tradition in an idyllic setting, this is the hotel for...* [ABBYU]. Мы не предполагаем, что для использования прилагательного в описываемом значении необходимо энциклопедическое знание, но именно оно является изначально основой метафорического сдвига, и в таком значении слово закрепляется в словарях и может не требовать дополнительного когнитивного усилия. С другой стороны, наличие у носителя эрудиции позволяет использовать прилагательное в различных дискурсивных сочетаниях, при этом могут возникать уточняющие смыслы типа: «райский», «идеальный» и т.п.

Схема семантических преобразований, включающих скрытое импликационное развертывание может быть связана со знаниями, касающимися отдельных исторических или мифологических личностей и событий, с ними связанных. В таком случае не само прецедентное имя становится базой метафорических сдвигов образованного от имени прилагательного, а события, нравы соответствующей эпохи, черты характера жителей того времени и т.д.

Нами было рассмотрено прилагательное *Victorian*, обладающее развитой семантической структурой с достаточным количеством вторичных значений. Рассматривая метафору данного прилагательного, обратим внимание, что

имеющиеся метафорические значения '*prudish, strict*', отражают не черты, свойственные собственно королеве Виктории, а особенности, характерные для жителей прежней эпохи, их чопорность, жеманность или строгость нравов. Дальнейшее развертывание семантико-трансформационного процесса дает значения '*old-fashioned, out-dated*' [OED], отражая историческое отстояние от современности викторианских стандартов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что процессы семантического развития производных «прецедентных» прилагательных требуют внимательного рассмотрения. Источником их метафорических значений становятся не просто семантические структуры исходных прецедентных существительных, а среда сферы-источника, образующая информационное поле для последующих мыслительных операций. Поступенчатое развитие импликаций позволяет закодировать или декодировать возникающие метафорические смыслы, которые могут постепенно закрепляться узусом или оставаться дискурсивными вариантами, придавая речи яркий живой характер.

В процессе анализа семантико-когнитивных процессов становится очевидной не простая проективность семантики производных прилагательных, образованных от прецедентных имен, а их сложный характер, заключающийся в развертывании комплексного процесса, включающего энциклопедические знания говорящих, эрудированность и эвристические способности.

Обращает на себя внимание своевременно отмеченный Н. А. Кобриной аспект функциональных проявлений лексической системы языка, задействующий ментальную и творческую деятельность человека в развитии семантических процессов. Связывая язык и его ментальную основу, с одной стороны, можно говорить о моделях семантической деривации как о результате обобщения когнитивной деятельности, с другой – как о базе для эвристического прогнозирования семантической трансформации и декодирования возникающих окказиональных дискурсивных вариантов значений.

Литература

Виноградова С. А. Семантика английского прилагательного: монография. М.: ООО «Русайнс», 2025.

Кобрина Н. А. О единицах метаязыка, характеризующих оценочную функцию фразеологических предикатов // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 172–177.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Источники

ABBYY Lingvo / Электронный словарь [Electronic resource]. © 2014 ООО «Аби продакшн». Академик. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] URL: https://universal_en_ru.academic.ru/1335153/idylli (Дата обращения: 13.05.2025).

OED – Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press, 2009. URL: <http://www.oed.com>

S. A. Vinogradova (*Murmansk, Russia*)
Murmansk Arctic University

COGNITIVE ANALYSIS OF PRECEDENT DENOMINAL ADJECTIVES

The article is devoted to the semantic and cognitive process of metaphorization of denominal adjectives of the English language formed from precedent names. The sources of metaphor are analyzed, projection and semantic-transformational processes are revealed. The trends in the development of secondary meanings based on the unfolding of the implication relationships embedded in the semantics of the original names are discussed.

Key words: cognitive-semantic transformations, relative adjectives, precedent names, semantic structure.

Е. В. Волкова (*Тула, Россия*)
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
volhelena@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ **(на примере концепта GEMÜTLICHKEIT)**

Целью данного исследования выступает изучение когнитивных аспектов аксиологического поля германских языков на базе концепта GEMÜTLICHKEIT с акцентом на реализацию оценочных характеристик, представленных на разных языковых уровнях. Методология исследования содержит концептуальный, этимологический и сопоставительный анализы, которые репрезентируют наиболее детальное понимание поведения, исследуемого лингвоконцептуального аксиологического объекта в германской языковой среде. Результаты исследования показали, что субъектная специфика концепта GEMÜTLICHKEIT, выступающего в качестве базового не-

мецкого понятия, приводит к противоречивым выводам о «двойном семантизме» при рассмотрении на синхроническом срезе немецкого языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, аксиология, *Gemütlichkeit*, германские языки, культурная идентичность, эмоциональные ценности, концептуальный анализ, двойной семантизм.

По мнению Н. Н. Болдырева, когнитивная семантика является одним из центральных разделов когнитивной лингвистики «когнитивная семантика – это многоуровневая теория значения, специфика которой заключается в том, что значения языковых единиц в ней анализируются в контексте всех значений и опыта человека, а не только языковых знаний» [Болдырев 2014: 33]. Концепция аксиологического лексического поля представляет собой совокупность лексем, терминов, ментальных образований, имплементирующих в себе существенные признаки предметов или явлений, а также связанных с ними ассоциаций. В современном обществе данные термины являются важными для понимания ценностных ориентиров и моральных норм, принятых в определенной культуре, в нашем случае германской, а также используются для выражения оценочных суждений: моральных, этических, социальных или культурных. Они напрямую связаны с тем, как общество оценивает те или иные явления, действия, события. В качестве примера такой лексики в германских языках выступает концепт *GEMÜTLICHKEIT*. Данный аксиологический термин можно рассматривать как часть более широкой концептуальной структуры германского социума, которая охватывает идеи и убеждения, определяющие его мировоззрение. Эта концептуальная структура включает в себя как философские и моральные категории, так и конкретные представления о мире, истории и социальной жизни. Концепты, которые входят в аксиологическое поле, отражают процесс развития интеллектуальной и духовной культуры народа. Эти термины изменяются со временем в зависимости от изменений в обществе и культурной эволюции. О. Д. Вишнякова, В. И. Суслов, Е. А. Вишнякова, Э. В. Маргания в работе “Linguistic Representation of the “British Identity” Concept Dynamics in the Discourse of Political Journalism» пишут, что лингвистическая идентичность и концепт являются основополагающими категориями лингвокультурологии, “expressing the awareness and mind of the average natural language speaker” [Vishnyakova et al 2024: 346].

Анализ аксиологических лексем позволяет понять, как происходят изменения в ценностях и как эти изменения отражаются в языке. Обратимся к словарной дефиниции лексической единицы *Gemütlichkeit*: в онлайн-словаре немецкого языка *Netzverb Gemütlichkeit* имеет следующие значения: *Bedeutungen des Substantivs Gemütlichkeit*: 1) *Gefühl der*

Vertrautheit Geborgenheit, und Sicherheit, Heimeligkeit; 2) ruhige, unehrgeizige Herangehensweise, Gemütsruhe, Seelenruhe, Phlegma, Faulheit; 3) Situationen und besonders Gespräche, die auf das Gemüt einwirken. В данном случае основной семантической константой лексической единицы является значение «чувства уюта и защищенности», что наиболее приближено и является межъязыковым эквивалентом русского «уют». Однако, исходя из анализа следующих значений, можно сделать вывод, что “Gemütlichkeit” отражает только часть его семантической составляющей. В следующей части толкования словарной дефиниции мы сталкиваемся с имеющей в определенном смысле, противоположное значение семантикой лексемы “Gemütlichkeit”, а именно «спокойствие, не амбициозный подход, спокойствие ума, душевное спокойствие, лень, флегма». В данном случае мы имеем дело с более широким значением термина, которое связано с внутренним состоянием индивида: спокойствие, душевное равновесие, лень и флегма. Семантический образ данного толкования имплементирует в себе не столько физическую атмосферу, как в случае с уютом, а скорее эмоциональное состояние, которое может быть связано с расслаблением, отсутствием напряженности или стрессов. Это менее характерно для концепта GEMÜTLICHKEIT в нашем понимании, однако, имеет схожие аспекты с концептом KOMFORT, не связанного с действием. Онлайн словарь Netzverb дает следующую коннотацию лексеме “Faulheit”: “Bedeutungen des Substantivs Faulheit. Bedeutung Substantiv Faulheit: innere Grundstimmung oder Geisteshaltung, nichts Mühsames tun zu wollen; Arbeitsscheu; Arbeitsunlust; Bequemlichkeit; Faulenzerei“. Семантическая нагрузка аксиологического концепта FAULHEIT понимается в данном случае как «внутреннее настроение или умственная установка, при которой не хочется делать что-либо трудоемкое; лень; отсутствие мотивации к работе; комфорт; безделье». Словарная статья, таким образом, содержит в себе термин с «двойной семантической ролью» [Апресян 2017: 1]. Термин “Faulheit” действительно обладает двойственным значением, что делает его семантику многозначной и контекстуальной. Как видно из толкования в словаре Netzverb, лень может быть понята как состояние внутреннего покоя и бездействия, которое может привести к отсутствию мотивации к работе или к безделью.

На наш взгляд, двойной семантизм лексемы “Faulheit” проявляется, в первую очередь, внутренним состоянием или умственной установкой индивида и характеризуется нежеланием выполнять трудные, утомительные задачи. Это состояние можно понять как определённое психологическое препятствие для активности, проявляющееся в отсутствии мотивации. С другой стороны, лексема «Faulheit» репрезентируется состоянием, когда человек,

напротив, находит удовлетворение в отдыхе, бездействии, предпочитая спокойствие и комфорт вместо активности, обозначая более пассивную форму «уют», наиболее приближенную к концепту «комфорт».

Обратимся к этимологии лексемы *Gemütlichkeit*, раскрывающую её многослойное значение и развитие, начиная от обозначения внутреннего мира человека до становления ключевым понятием в культурной и художественной традиции Германии. Данный термин происходит от лексемы “*gemütlich*”, которая с немецкого переводится как «уютный», «комфортный», «общий», «социально принятый». Корень *gemüt* имеющий значение «душа», «сердце» и «ум», является дериватом существительного *Gemüt*, которое в «старогерманский период (в ahd. *gimuoti*, mhd. *gemüete*, *gemuote*) обозначало внутренний мир человека в целом, включая такие аспекты, как воля, разум и чувства (*Wille, Vernunft und Gefühle*, противопоставленные телесной оболочке (*Körper und Leib*))» [Кирсанова 2014: 84].

В XVIII веке значение лексемы *Gemüt* подвергается значительной редукции: в понятийной составляющей концепта остается только ретрансляция определенного рода настроения и эмоциональных переживаний “*gefühlsmäßige Empfindungen und Stimmungen*”. [Кирсанова 2014: 84]. В процессе эволюции немецкого языка концепт *GEMÜT* претерпел значительные изменения, исключив из своего состава такие элементы, как интеллект и рациональность. Эти изменения свидетельствуют о смещении фокуса на эмоционально – атмосферные аспекты, которые репрезентируются в использовании прилагательного “*gemütlich*”, являющегося диахроническим деривантом лексемы “*Gemüt*”, и имеющего на современном этапе развития германских языков следующий синонимический ряд: *idyllisch, heimelig, angenehm, behaglich, geruhsam*. Оно, несмотря на своё происхождение, стало ассоциироваться с комфортом, уютом и благополучием, что отражает социальные и культурные реформы, происходившие в XVIII веке. Введение этого термина в словарь Аделунга в 1775 году может интерпретироваться как одна из наиболее важных вех в закреплении изменений семантического поля “*Gemüt*” и в формировании новых представлений о человеческих чувствах и восприятии окружающей среды. Необходимо отметить, что в начале XVIII века европейская поэзия переживала значительные изменения, ключевым процессом которых стал переход от барокко к классицизму, и от классицизма к романтизму, также происходило активное развитие стихотворных форм и литературного языка в целом, что отразилось на семантике лексемы *gemütlich*, начавшей использоваться к тому моменту в качестве репрезентанта концепта *EMPFINDLICHKEIT* в противовес *RATIONALITÄT*. Знаменитый этимологический словарь братьев Якоба

и Вильгельма Гримм “*Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854–1961*” содержит много слов и выражений, вышедших из употребления в современном немецком языке, но активно использовавшихся в XVI–XVII вв. в нем мы можем найти дериванты, образованные от корня *Gemüt*: “*gemütlichkeit, gemütlos, gemütlosigkeit, gemütsabmattung, gemütsadel* и др.”. В данном случае происходит расширение значения и употребления лексемы *gemütlichkeit* в таких смыслах как: эмоциональное истощение, душевное благородство и др. В дальнейшем, с семантическим полем произошел обратный процесс, в результате которого произошло сужение, сжатие значения термина “*gemütlichkeit*”, его семантика приобрела современный оттенок, репрезентирующий душевные потребности человека. Brigitta Schmidt-Lauber в своей работе “*Gemütlichkeit Eine kulturwissenschaftliche Annäherung*” указывает на то что термин “*Gemut*” исторически является деривантом от “*Mut*” (древневерхненемецкое *muot*), обозначающего «смелость, мужество, отвагу, расположение духа». Тем не менее, вследствие сужения значения, о котором говорилось выше, лексема стала репрезентировать исключительно эмоционально-психическую сферу индивида, тем самым, закрепив репрезентацию дихотомии физического и психического [Шмидт-Лаубер 2003: 16]. Так, немецкий писатель, критик и философ Ф. Шлегель дал дефиницию лексеме “*Gemütlichkeit*”: «теплота внутреннего чувства», которое стало центральной темой эпохи бидермейера. Концепт *GEMÜTLICHKEIT* в данном контексте фокусирует внимание на эмоциональной стороне человеческого бытия, представляя это понятие как хранилище для глубинных эмоций, изначально ассоциированных с внутренней теплотой и чувствительностью. Эмоциональная составляющая, согласно Ф. Шлегелю, тесно связана с тем, что в рамках эпохи Бидермайера воспринималось как важнейший элемент человеческой жизни, имплементируя ощущение душевного покоя, интимности и гармонии. Л. В. Чеснокова отзывается об эпохе Бидермайера следующим образом: «стиль Бидермайер, существовал в Европе в 1815–1848 гг. В этом стиле отражены буржуазные ценности: трудолюбие, честность, семейственность, индивидуализм. Важную роль играет сфера приватного как пространства уюта, покоя и гармонии, защищающая человека от конфликтов и угроз внешнего мира. Регулярная работа, стремление к рациональности, притязания на экономическое вознаграждение, социальный престиж и политическое влияние, стремление к самостоятельности и особая ценность семьи как сферы приватной жизни» [Чеснокова 2017: 3]. Таким образом, стиль Бидермайер можно охарактеризовать как поэтизированное направление, связанное у германского социума с концептами *HARMONIE* и *GEMÜTLICHKEIT*,

олицетворяемое эстетическим акцентом на домашний комфорт, что отражало идеалы среднего класса германского социума того времени, а во внутреннем убранстве германских жилищ, оформленных в стиле Бидермайер, отчетливо просматривалась тенденция к созданию уютной и уединенной атмосферы, где особое внимание уделяется удобству и практичности. Этот стиль и его элементы репрезентируют лексему *Gemütlichkeit* как материальный признак уюта. «... in dem sich die familiäre bürgerliche Gemütlichkeit entfaltete, war der Raum, den wir heute als Wohnzimmer nennen... в котором нашла отражение семейная буржуазная Gemütlichkeit, был тот зал, который мы сейчас называем гостиной» [Шмидт-Лаубер 2003: 3]. Б. Шмидт-Лаубер в своем исследовании отмечает, что прилагательное *gemütlich* долгое время не привлекало внимания лексикографов, несмотря на его важность в культурном контексте. В XVIII веке лексема *gemütlich* практически не имела четких определений в словарях, что указывает на ее неоднозначное восприятие в языке и культуре того времени. Это может свидетельствовать о том, что аксиологический концепт *GEMÜTLICHKEIT*, репрезентируемый лексемой *gemütlich*, был настолько глубоко укоренен в повседневной жизни и личных переживаниях индивида, что не требовал специального описания. Термин *gemütlich* был связан с внутренним, субъективным состоянием человека, и, возможно, из-за своей интимной, эмоциональной природы не стал предметом систематического лексикографического анализа до тех пор, пока не приобрел свое культурное значение в XIX веке. Хотя в некоторых значениях “*Gemütlichkeit*” можно провести параллель с русским «уютом» особенно в контексте чувства безопасности и комфорта в доме, немецкая лексема также включает в себя аспекты, которые не всегда пересекаются с традиционным русским понятием. Это расширяет границы концепта, таким образом, у лексемы “*Gemütlichkeit*” в немецком языке появляется более широкий спектр семантических репрезентаций, что отражает различные аспекты комфортного существования и душевного состояния, в то время как русский концепт УЮТ обычно фокусируется исключительно на семантике физического комфорта и безопасности. Таким образом, аксиологическая интерпретация концепта *GEMÜTLICHKEIT* в немецкой культуре акцентирует внимание на ценности внутреннего комфорта и гармонии, что является важной частью культурной идентичности Германии. Это отражает общую тенденцию к преобладанию эмоционального благополучия, гармонии и отсутствию стресса как ключевых аксиологических ориентиров, что делает *GEMÜTLICHKEIT* важным элементом национальной немецкой идентичности.

Таким образом, “*Gemütlichkeit*” проходит путь от обозначения внутреннего мира человека до термина, тесно связанного с культурными

и эстетическими практиками, описывающими атмосферу комфорта и домашнего уюта. Аксиологическое поле германских языков позволяет понять, как через язык выражаются моральные и культурные ценности общества, а концептологические сущности, составляющие его, помогают не только репрезентировать социальную реальность, но и формировать ее. Анализ аксиологических лексем дает возможность изучать, как меняются концепты в германском языковом сообществе, а также как эти изменения отражаются в языке и культуре.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Вишнякова О. Д. Анализ культурного концепта в контексте фамильного сходства // Вестник Поморского университета. 2009. № 2. С. 43–48.

Курсанова Т. В., Малыгин В. Т. The concept Gemütlichkeit in the Austrian linguistic culture // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83. С. 84–85.

Чеснокова Л. В. Бидермайер: эпоха буржуазной приватности в европейской культуре // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 5. С. 6–7.

Sanders E. F. Lost in Translation: An Illustrated Compendium of Untranslatable Words from Around the World. Berkeley: Ten speed press, 2014.

Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit eine kulturwissenschaftliche. Frankfurt am Main: Verlag press, 2023.

Vishnyakova O. D., Suslov V. I., Vishnyakova E. A., Margania E. V. Linguistic representation of the ‘British Identity’ concept dynamics in the discourse of political journalism // Issues in Journalism, Education, Linguistics. 2024. Vol. 43 (3). P. 343–354.

E. V. Volkova (Tula, Russia)

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University

COGNITIVE ASPECTS OF REPRESENTATION OF AXIOLOGICAL CONCEPTS IN THE GERMANIC LANGUAGES (based on the concept GEMÜTLICHKEIT)

The primary aim of this research is to analyze the cognitive aspects of axiology in the Germanic languages through the concept GEMÜTLICHKEIT. The study explores the evolution of this key cultural and linguistic concept within German-speaking societies,

emphasizing its connection to emotional and existential values. By examining the historical development and contemporary usage of the term “Gemütlichkeit”, the paper investigates how it reflects broader cultural, social, and psychological trends. The research methodology includes cognitive linguistic analysis, conceptual analysis, and cross-cultural comparison, allowing for a deeper understanding of how GEMÜTLICHKEIT as a concept conveys warmth, comfort, and a sense of belonging in both everyday life and literature. The findings demonstrate that GEMÜTLICHKEIT serves not only as a linguistic construct but also as an axiom that embodies core cultural values in German-speaking communities. These values are intricately linked to emotional well-being, social cohesion, and a collective sense of comfort that transcends mere material comfort. The paper concludes that the concept GEMÜTLICHKEIT is an essential element in understanding the Germanic worldview and remains a central component of cultural identity.

Key words: cognitive linguistics, axiology, Gemütlichkeit, Germanic languages, cultural identity, emotional values, conceptual analysis, cross-cultural comparison.

Ю. Ю. Зелинская (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
yzelinska@gmail.com

КОГНИТИВНО-АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ОНИМОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ВЕНЫ

Статья посвящена исследованию онима как когнитивного стимула, способствующего декодированию языка городского пространства двух этносов. Основу исследования составляет анализ результатов ономастического ассоциативного эксперимента, целью которого было выявление доминирующих типов ассоциативных реакций на антропонимы, ойкодонимы, годонимы и ресторонимы Санкт-Петербурга и Вены. Выявленные реакции отображают сформированный ментальный ономастикон респондентов.

Ключевые слова: язык городского пространства, когнитивная ономастика, стимул, фрейм, ассоциативный эксперимент, ассоциативная реакция.

Введение. Онимы в городском пространстве выполняют функцию некоего когнитивного хранилища, в котором систематизируются накопленные знания и культурные ценности поколений. Их изучение требует когнитивного подхода, поскольку он позволяет объяснить механизмы формирования этого своеобразного языка, а также необходимость структурирования культурного и языкового сознания его носителей. В этом контексте всё больший интерес вызывает не только значение онима, но и процесс его образования.

Когнитивный подход к языку обусловлен, по мнению Н. Н. Болдырева, «пониманием и изучением языка как средства формирования и выражения

мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев 2004: 19]. В рамках когнитивной ономастики, которая, по определению В. В. Робустовой, представляет собой «научное направление, изучающее способы представления, хранения и передачи информации/знания в именах собственных» [Робустова 2014: 42], исследуются семантические и прагматические аспекты онимов. Среди ученых, внесших значительный вклад в развитие этого направления, можно назвать Е. С. Кубрякову, Н. В. Васильеву, Е. Ю. Карпенко, Е. Ф. Ковлакас, А. С. Щербак, В. И. Супруна и др. Их работы посвящены анализу содержания онимов, выявлению смысловых и мотивационных факторов, определяющих их использование.

Онимы представляют собой знаки или символы, зашифрованные в рамках конкретного этноса, при этом их образование и интерпретация зависят от ситуации и личного опыта информанта. В связи с этим актуален постулат Р. Лангаккера о том, что «семантическое значение включает в себя как внутренние свойства объекта, так и мысли субъекта об этом объекте» [Лангаккер 1992: 10]. Следовательно, можно говорить о формировании образной модели, включающей как эмоциональный компонент, так и критическую оценку.

Этот вывод подтверждается исследованиями Ю. А. Лотмана, который рассматривает знак как результат взаимодействия чувственного и рационального мышления [Лотман 1992: 46–57]. А. А. Грицанов определяет символ как «понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [Грицанов 2003: 899]. Однако Н. Н. Болдырев предлагает альтернативный взгляд и акцентирует внимание не на чувственной стороне образной модели, а на «способности по-разному понимать структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области» [Болдырев 2001: 32].

Одной из целей нашего ассоциативного эксперимента было исследование онимического фрейма как части ментального лексикона информанта при идентификации онима или слова-стимула. Согласно мнению Е. Ю. Карпенко, оним, попадая в ментальный лексикон, становится концептом, то есть абстрактной единицей, отражающей приобретенные знания и опыт человека [Карпенко 2020: 30]. Е. С. Кубрякова также отмечает, что концепт является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. Таким образом, ассоциативный эксперимент

позволяет выявить механизмы концептуализации онима и установить спектр ассоциативных связей, формирующих его когнитивное содержание в ментальном лексиконе носителей языка.

Анализ реакций на онимы-стимулы. Материалом исследования послужили по 5 русскоязычных и немецкоязычных онимов Санкт-Петербурга и Вены. В ассоциативном эксперименте приняли участие информанты от 20 до 40 лет, являющиеся как коренными жителями, так и мигрантами.

В рамках онимического фрейма “*Санкт-Петербург*” были выбраны следующие онимы-стимулы: антропоним “*Романовы*”, ойкодонимы “*Зимний дворец*” и “*Мариинский театр*”, годоним “*Невский проспект*”, рестороним “*Пышечная на Большой Конюшенной*”.

В рамках онимического фрейма “*Вена*” были выбраны следующие онимы-стимулы: антропоним “*die Habsburger*”, ойкодонимы “*Hofburg*” и “*Wiener Staatsoper*”, годоним “*Ringstraße*”, рестороним “*Demel*”.

Выбор перечисленных онимов-стимулов продиктован историческим и культурным сходством Санкт-Петербурга и Вены, что позволяет сравнить столицы некогда двух империй через когнитивную призму языка городского пространства.

Принимая во внимание исследования онимов Е. Ю. Карпенко и К. Д. Долбиной [Карпенко 2020; Долбина 2014] для нашего анализа была сформулирована классификация реакций, в которую входят следующие типы, в зависимости от онима-стимула: гиперонимичная реакция, меронимическая реакция, квалитативная реакция, событийная реакция, локативная реакция, персонализированная реакция, символическая реакция. Следует отметить, что один из информантов опроса по онимам Вены сформулировал свой отказ от участия в нем следующим образом: “*Bist du sicher, dass nicht jemand irgendwelche daten abgreifen will?*”.

Проанализируем типы реакций, в зависимости от пар онимов-стимулов.
1. “*Романовы*” (29 реакций) – “*die Habsburger*” (24 реакции).

Представленная лексика демонстрирует наличие следующих типов ассоциаций на антропонимы-стимулы: **гиперонимический** (*Россия; Англия; династия; семья; руководитель; правители; монархия; аристократия; Geschichte; Fürsten; adeliges Geschlecht; Dynastie; Menschen; Architektur; Österreich; Österreich-Ungarn*); **меронимический** (*Петр Первый; Гатчинский дворец; Царское село; Schönbrunn; Franz Joseph I und Sisi*); **событийный** (*Распутин; убийство; свержены; жертвы; Invasoren in der Schweiz im Mittelalter*); **символический** (*Белая гвардия; Kiefer*); **квалитативный** (*последние; mächtig*).

2. “*Зимний дворец*” (34 реакции) – “*Hofburg*” (25 реакций).

Наблюдаются следующие типы ассоциаций на ойкодонимы-стимулы: **гиперонимический** (Санкт-Петербург; мировое наследие искусства; картины; живопись; замок; *Exkursion; Bundespräsident; Wien*), **меронимический** (Эрмитаж; Галерея 1812 года; *Wiener Hofburgkapelle; Kaiser; Sitz der Adeligen; Sisi-Museum; Residenz der Habsburger, Sisi*), **событийный** (революция; Временное правительство; Штурм Зимнего дворца), **символический** (величие; символ; резиденция; зима; горельеф; анфилада; карточка города; *Barockstil; Pracht*), **квалитативный** (золото; зеленый; *groß; maj estätisch; faszinierende Atmosphäre; nicht günstig; sehenswert und elegant; beeindruckend*), **локативный** (центр; Нева; площадь), **персонализированный** (требуется ремонта).

3. “Невский проспект” (37 реакций) – “Ringstraße” (26 реакций).

Продемонстрированы следующие типы ассоциаций на годонимы-стимулы: **гиперонимический** (*das Stadtzentrum; das Zentrum von Wien; Straße um das historische Zentrum; Adel*; прогулка; туристы; люди; исторический центр города; главная улица; главная магистраль, архитектура; движение; энергия), **меронимический** (достопримечательности; Дом Зингера; Адмиралтейство; Гостиный двор; Думская; Казанский собор; бутики; рестораны; дворцы; кофейня; метро; клубы; каналы; шопинг; *Uni Wien; Karlskirche, Kaffeehäuser; historische Sehenswürdigkeiten; historische Gebäude; traditionelle Restaurants*), **кватитативный** (неполнен; быстрый темп; *imperial; lang; besonderer Stil; einfach schön*), **символический** (родное место; белые ночи; вывески; *gemütliche Spaziergänge; Old-Money-Energie; Haupttreffpunkt*), **событийный** (Proteste), **персонализированная** (*kann mich nicht erinnern*).

4. “Мариинский театр” (34 реакции) – “Wiener Staatsoper” (25 реакций).

Получены следующие типы ассоциаций на ойкодонимы-стимулы: **гиперонимические** (искусство; балет; опера; сцена; ложа; пьеса; постановки; мировая культура; культура *das Zentrum von Wien; Tanzen; Aufführungen; Opernhaus; Ballett und Oper; die Kunst, die Kultur; die Tradition; die Architektur; das Kulturhaus, Klaassik*), **меронимический** (Генриетта; русский балет; *Wiener Ball; Mozart*), **символический** (красота; старейший театр Санкт-Петербурга; белые ночи; тусовка для любителей оперы и балета; *high society; Wiener Symbol*), **локативный** (университет; *Ringstraße*), **квалитативный** (дорогие билеты; прекрасен; лучший; *weltbekannt; weltberühmt; Prachtbau*), **персонализированный** (историческую сцену срочно ремонтировать, подарок; *erste Liebe; gepflegte Anzüge*).

5. “Пышечная на Большой Конюшенной” (33 реакции) – “Demel” (27 реакций).

Получены следующие типы ассоциаций на ресторонимы-стимулы: **гиперонимический** (*сладости; пышка; кофе; сгущенка; сахарная пудра; кафе; Wiener Kaffeehaus; Tradition; Pralinen und Schokolade; Schnitzel*), **меронимический** (*кот Рыжик; Hofzuckerbäcker; Wiener Melange; Sacher; Kaiserin Elisabeth*), **символический** (*очередь; очередь, но колоритно; огромные очереди; место, где продают булочные изделия; всегда существует; Stühle; советские годы; культ СССР; история; das älteste Café*), **квалитативный** (*забавная; неуютно; плохие салфетки; кофе как в детском саду; Luxus; Gemütlichkeit*), **персонализированный** (*не была; не попробовать обязательно; keine; kenne ich nicht; Nostalgie; Sommer; reiner Genuss; Preise; Feiertage*), **локативный** (*Fluss; Kohlmarkt; Zentrum*).

Исследование когнитивно-ассоциативного поля носителей языка демонстрирует схожесть когнитивных механизмов при формировании образной модели, что подтверждается не только наличием типологически схожих ассоциативных реакций (гиперонимические, меронимические, символические, квалитативные) в обоих городах, но и идентичными ответами на соответствующие стимулы-субфреймы (*цари – die Könige; резиденция царской семьи – die Residenz; центр – das Stadtzentrum; культура – die Kultur; всегда существует – das älteste Café; Гергиев – Mozart*).

Языковая картина мира информантов представлена в большинстве своем в виде гиперонимических и меронимических реакций, что объясняется естественной попыткой распознать ключевую составляющую явления, путем его категоризации и концептуализации, о чем также пишет Е. Ю. Карпенко [Карпенко 2020: 35]. Таким образом, можно говорить о ментальном ассоциативно-стереотипном лексиконе информанта, который базируется в большей степени не на личном эмоциональном опыте, а на обобщенных или частично проанализированных представлениях о том или ином явлении. Ведь онимы “разговаривают” с жителями той или иной местности особыми символами, которые не всегда верно или точно декодируются теми, кто не знаком с историей и культурным кодом конкретного места. Например, на стимул “Зимний дворец” была дана реакция “Замок”.

Эмоционально-оценочные ассоциаций, которые также описываются Т. В. Федотовой и Т. Т. Черкашиной [Федотова, Черкашина 2022], ярче всего представлены символическими, квалитативными и персонализированными реакциями. Полученный языковой материал сформирован на основе пережитых личных событий (*подарок; erste Liebe; Feiertage*), широты полученных знаний (*свержены; Белая гвардия; Штурм Зимнего дворца; Invasoren in der Schweiz im Mittelalter*) и характерных впечатлений (*тусовка для любителей*

оперы и балета; пробовать обязательно; грязные салфетки; gepflegte Anzüge; Old-Money-Energie).

Следует отметить, что классификация ассоциативных реакций нуждается в более четкой терминологической структуризации. Так, например, символические реакции часто переходят в персонализированные, меронимические в символические, качественные в персонализированные. То же отмечается при анализе событийных и локативных ассоциаций, которые соотносятся с символическими или персонализированными. Следовательно, главным отличительным критерием при анализе пограничных ассоциативных реакций в данном исследовании была зависимость ассоциации от ситуативного фрейма, который ограничивала её вариативность или обобщающий потенциал.

Выводы. Проведенный ассоциативный эксперимент позволяет оценить специфический ментальный ономастикон носителей языка, а также определить комплексную структуру онима-концепта и его образную модель. Т. В. Федотова и Т. Т. Черкашина, ссылаясь на В. В. Робустову, говорят о двух главных составляющих топонима-концепта, а именно информационной и ассоциативно-эмоциональной [Федотова, Черкашина 2022: 39]. В рамках данного анализа когнитивно-ассоциативное поле онимов представлено тремя основными компонентами, раскрывающими языковую картину мира информантов: общим информационным (обобщающая информация об объекте), специфически информационным (контекстуально ограниченная информация) и личностно-ориентированным (персонифицированные символы, вызывающие определенные воспоминания или эмоции).

Литература

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 25–36.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Грицанов А. А. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. Минск: Книжный Дом, 2003.

Краткий словарь когнитивных терминов / под. общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996.

Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика М.: ИНИОН, 1992.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992.

Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.

Федотова Т. В., Черкашина Т. Т. Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 32–41.

Долбина К. Д. Когнітивні аспекти функціонування зоонімних пропріальних одиниць: дис. ... канд. філол. наук. Одеса, 2014.

Карпенко О. Ю. Ергономія: асоціативний аспект // Одеська лінгвістична школа: кола реконструкцій: кол. монографія / За. заг. ред. Т. Ю. Ковалевської. Одеса: ПолиПринт, 2020. С. 29–38.

Iu. Iu. Zelinskaia (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

COGNITIVE-ASSOCIATIVE FIELD OF ONYMS IN ST. PETERSBURG AND VIENNA

The article focuses on the study of the onym as a cognitive stimulus that facilitates the decoding of the language of urban space across two ethnic groups. The research is grounded in the analysis of results from an onomastic associative experiment, aimed at identifying the dominant types of associative responses to anthroponyms, oikodonyms, hodonyms, and restoronyms in St. Petersburg and Vienna. The identified responses reflect the respondents' mental onomasticon.

Key words: language of urban space, cognitive onomastics, stimulus, frame, associative experiment, associative response.

О. В. Емельянова (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный университет
o.emelianova@spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ

В статье рассматривается формирование и вербализация лингвокультурного типажа как разновидности лингвокультурного концепта – ментального образования, в котором содержится культурно маркированный признак, существенный для понимания того или иного этнического сообщества. Показано, что главная роль в этих процессах принадлежит оценочным характеристикам и наличию особого языка, объединяющего членов сообщества орнитологов-любителей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, лингвокультурный типаж, ценности, национальный характер.

Многочисленные ученики и последователи Н. А. Кобриной неизменно отмечают необычайную широту научных интересов, позволившую ей сформировать свой собственный взгляд на природу языковых явлений, концептуально предвосхитивший основные тезисы когнитивно-дискурсивного подхода. Среди них важное место занимали ментальные процессы, обеспечивающие сложное соотношение и взаимодействие разных уровней языковой системы, в частности, роль ментального субстрата, лежащего в основе системы языка, и сложные процессы формирования и вербализации концепта, безусловно признаваемого ментальным образованием [Кобрина 2005: 62–63]. Концепт как центральное понятие когнитивной лингвистики изучается в рамках разных лингвистических направлений. В последние десятилетия широкое распространение получил лингвокультурный подход к пониманию концепта, оформившийся в виде особого направления – лингвокультурологии, изучающей отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные лингвокультурными концептами [Воркачев 2014: 12–14]. В рамках этого направления выполнен целый ряд исследований, посвященных отдельным аспектам данной проблематики (см., например: [Макарова 2019]). Так, в разработанной В. И. Карасиком теории лингвокультурных типажей (далее ЛТ) типаж понимается как разновидность лингвокультурного концепта – ментального образования, в котором содержится культурно маркированный признак, существенный для понимания того или иного этнического сообщества. Содержанием ЛТ является узнаваемое и широко распространенное представление об особом социально-историческом типе личности, символизирующем определенную культуру в целом [Карасик 2005, 2006]. Выделяются концепты, объединяющие большие группы людей по возрастному, гендерному, образовательному, сословному признаку, и концепты, идентифицирующие малые группы носителей той или иной субкультуры – от объединений по интересам до семьи. К последним можно отнести типаж – хобби, одним из ярких примеров которого является, на наш взгляд, ЛТ АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ (*birdwatcher*). Перечень наиболее характерных хобби англичан неизменно включает, наряду с садоводством, коллекционированием и пр., наблюдение за птицами, о правомерности чего свидетельствует, например, следующее утверждение: (1) *The Brits are obsessed with birds. It is part of our cultural DNA and dates, in part, back to the late Victorian era. Our connection to nature and landscape is rooted in our eco-cultural past and is shaped by a host of social factors,*” said Dr Lambert (<https://cardiffjournalism.co.uk/life360/birdwatch-why-do-people-in-the-uk-love-it/>). Чтобы стать частью «культурной ДНК», хобби должно быть не просто развлечением, а отражением личности и ценностей человека,

а в некоторых случаях – и национального характера и менталитета. Для англичан характерны, с одной стороны, индивидуализм, независимость, здравый смысл и практичность, а с другой – стремление принадлежать к определенной социальной группе, ценности и нормы которой они разделяют. Именно ценностный компонент играет важнейшую роль в изучении лингвокультурных концептов и моделировании лингвокультурных типажей, которое подразумевает также выявление понятийных и образно-перцептивных характеристик [Карасик 2005, 2006].

Понятийная сторона ЛТ АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ представляет собой языковую репрезентацию концепта, его описание и дефиниции, зафиксированные в словарях. Birdwatcher – это человек, посвящающий свободное время наблюдению за птицами в составе группы таких же любителей или в одиночку, с использованием специальной аппаратуры; основное внимание при этом уделяется редким птицам. Категория “birdwatcher” неоднородна, среди них выделяются подтипы *ringers*, *stringers*, *twitchers* и т.д.

Перцептивно-образная сторона типажа – это зрительные, слуховые, тактильные характеристики; это его внешность, возраст, пол, социальное происхождение, речевые особенности, манера поведения и пр. Для описания вербализации ЛТ АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ следует обратиться к анализу художественных текстов и сайтов, посвященных любительской орнитологии.

Показательно следующее утверждение: (2) *Birdwatching has historically been associated with wealthy, white, and male individuals* [<https://www.fastslang.com/twitcher>]. Женщины действительно составляют меньшинство в этой группе (3) *They were predominantly men, in groups, wearing oiled green jackets and woolen hats, despite the weather. There was the occasional resigned wife and bored, tetchy girlfriend* [Cleeves].

Возрастной состав, социальный и финансовый статус бёрдвотчеров неоднороден, равно как и степень вовлеченности в эту деятельность: (4) *Locals, beginners, looked with envy and excitement at the expensive binoculars and telescopes, listened to the talk of birding exploits, understanding only half the jargon, as strangers talked of “stringers,” “dipping out,” being “gripped off”* [Cleeves].

Последний пример дает возможность выявить чрезвычайно важный аспект, позволяющий говорить о лингвокультурном типаже АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ, несмотря на разнохарактерность его составляющих. Специфической чертой группы типаж-хобби является особый сленг или жаргон, используемый участниками. Существует целый ряд сайтов типа <https://learnbirdwatching.com/birdwatching-slang/>, которые раскрывают

непосвященным тайны лексикона бёрдвотчеров: (5) *Bird Watching Slang: Secret Codes Revealed! Bird watching slang is like a hidden language that makes spotting birds even more exciting.* Данная особенность коммуникативного поведения широко отражена в романах современной английской писательницы Энн Кливз: (6) *Have you heard these birdwatchers talk to each other? It's like another language, as if they belong to a secret society. When I listen to Adam talking on the telephone to one of his friends, I can't understand a word. How could an outsider persuade one of these fanatics to talk to him reasonably and rationally?*" [Cleeves]. В этой связи нельзя не упомянуть Э. Сепира, считавшего язык важнейшим средством социализации: «Он говорит как мы» равнозначно утверждению «Он один из наших» [Сепир 1993: 232]. Через употребление таких выражений как *hidden language*, *secret society* реализуется оппозиция «свой-чужой», где непосвященные (*outsiders*) воспринимают бёрдвотчеров как чужих (*strangers*), фанатиков, неспособных выражаться *reasonably and rationally*.

По мнению В.И. Карасика, лингвокультурный подход представляет собой конкретизацию изучения культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента. Имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры [Карасик 2005: 10]. Моделирование лингвокультурных типажей невозможно без учета оценочных характеристик. Судя по исследованному материалу, одним из ключевых слов, выражающих в английском социуме отношение к орнитологам-любителям – *obsession* и однокоренные с ним глаголы и прилагательные: (7) *They're all obsessive, these birdwatchers* [Cleeves]. (Ср. также (8) *Twitcher is a slang term used to describe someone who is obsessed with birdwatching* [<https://www.fastslang.com/twitcher>]). Вновь можно упомянуть об оппозиции «свой-чужой», где «свои» – это обитатели облюбованных бёрдвотчерами районов Англии и Шотландии, а «чужие» – сами бёрдвотчеры, получающие следующую оценку: (9) *They think we're a bit mad* [Cleeves]. «Чужие» – объект ненависти «своих»: (10) *They hate the birdwatchers* [Cleeves]; они часто приводят местных жителей в недоумение и замешательство своим неумным энтузиазмом на грани одержимости (11) *...the intense enthusiasm, the fanaticism puzzled them* [Cleeves]. Встречаются и более мягкие оценки типа (12) *'Birdwatching seems to be such a silly habit for a grown man'* [Cleeves]. Да и сами бёрдвотчеры осознают пагубное влияние своей всепоглощающей страсти на собственную психику; один из персонажей сравнивает ее с наркотиком, понимая, насколько опасным может стать то, что он сам называет *overwhelming passion for rare birds*, которая обесценивает человеческую жизнь и может привести к убийству (13) *He*

had always considered his obsession for birds to be relatively harmless, but now his own experience showed that it could alter mood, sense, even personality, like a drug. Did it also have the power to make a person mad enough to commit murder? [Cleeves]. В общем и целом, судя по исследованному материалу, в современном британском социуме бёрдвотчеры получают нейтральную или, чаще, отрицательную оценку, актуализованную такими существительными и прилагательными как *obsession, fanatic, fanaticism, invasion, hostility, damage, lack of privacy, dangerous, killer, murder, mad, insane*, характеризующими как самих орнитологов-любителей, так и производимый ими нежелательный эффект на жизнь местного населения.

Сообщество бёрдвотчеров кажется непосвященным своего рода закрытой сектой, членов которой объединяет одержимость своим хобби – психическое состояние, при котором человек увлекается чем-то до такой степени, что все остальные аспекты жизни перестают иметь значение, формируется практически полное отсутствие интереса к чему-либо помимо их главного интереса: (14) *Like lots of twitchers, he didn't have any social life outside birding* [Cleeves] (Ср также: (15) *"Did any of them become your friends?" She tried to look amused. "They hardly seemed to notice that I was there. They only ever talked about birds"* [Cleeves]. Подобная «зацикленность», по мнению психологов, может превращаться в механизм преодоления. Люди сосредотачивают свое внимание на том, что заставляет их чувствовать себя более расслабленно, приносит радость, помогает выбраться из повседневной рутины, забыть о насущных проблемах: (16) *That was the attraction of twitching: the escape from anxious parents, lectures and essays, work and families, the knowledge that, despite all the effort and the movement, in the morning the bird might have gone* [Cleeves].

Наконец, следует отметить еще одну важную составляющую моделирования ЛТ АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ – имеющийся в группе типаж-хобби своего рода особый свод правил, регулирующий функционирование этого сообщества – это специальный документ – *A birdwatching code of conduct: How to respect our wetland nature while still getting the most out of your birdwatching experience* (<https://www.wwt.org.uk/news-and-stories/blog/a-birdwatching-code-of-conduct-how-to-respect-our-wetland-nature-while-still-getting-the-most-out-of-your-birdwatching-experience>), первым из пунктов которого является *Bird welfare comes first*. Писанные и неписанные правила поведения хорошо знакомы членам сообщества, правда, они не всегда их соблюдают, что вызывает неприязнь и отторжение у их «правильных» товарищей: (17) *They both abhorred the "tick and run" type of twitcher. Twitching was about getting to know and appreciating new birds* [Cleeves]. Многие

бёрдвотчеры воспринимают эти правила очень серьезно, подводя под них определенную теоретическую базу, однако чрезмерное следование им также не приветствуется: (18) *“It’s all a matter of ethics,” he said. “Twitchers’ ethics. Tom was a great believer in twitchers’ ethics, wasn’t he? We were always taking the piss. He had a rule for every occasion and no one ever took any notice”* [Cleeves]. Т.е. найти правильный баланс в этой сфере не так просто.

Что же определяет в английском социуме необычайную популярность и высокую значимость любительской орнитологии (The Brits are obsessed with birds. It is part of our cultural DNA...) и лингвокультурного типажа АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ? По всей видимости, причина заключается в отраженных в данной сфере ценностях английской лингвокультуры, которые определяют национальный характер жителей Англии. Это индивидуализм, независимость – и в то же время стремление быть членом группы, разделять ее нормы и правила – прагматизм, соревновательность, некоторую эксцентричность, любовь к природе, внимание к экологическим проблемам и мн. др. Есть все основания полагать, что лингвокультурный типаж АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ является знаковым концептом английской лингвокультуры и позволяет более адекватно представить доминанты английского национального сознания и коммуникативного поведения.

Литература

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12–20.

Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.

Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудака». М.: Гнозис, 2006.

Кобрин Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Макарова Е. В. К проблеме определения понятия «лингвокультурологический концепт»: теоретический обзор // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 276–279.

Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1993.

Источники примеров

Cleeves Ann. A Bird in Hand. New York, 1998. URL: <https://archive.org/details/birdinhandgeorge00annc>

URL: <https://www.wwt.org.uk/news-and-stories/blog/a-birdwatching-code-of-conduct-how-to-respect-our-wetland-nature-while-still-getting-the-most-out-of-your-birdwatching-experience>)

URL: <https://www.birdspot.co.uk/bird-watching-for-beginners/what-is-a-twitcher>:

URL: <https://cardiffjournalism.co.uk/life360/birdwatch-why-do-people-in-the-uk-love-it/>

URL: <https://learnbirdwatching.com/birdwatching-slang/>

O. V. Emelianova (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

LANGUAGE ACTUALIZATION OF THE CONCEPT ENGLISH BIRDWATCHER

The article deals with the formation and verbalization of linguocultural type as a kind of linguocultural concept – mental construct, which contains a culturally marked attribute, essential for understanding of an ethnic community. It is shown that the main role in these processes belongs to evaluative characteristics and the presence of a special language that unites members of the community of amateur ornithologists.

Key words: linguocultural concept, linguocultural type, values, national character.

Д. А. Малышев (*Санкт-Петербург, Россия*)
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
reddydragonqew@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается лексическая репрезентация эмоций в новелле “All Systems Red” Марты Уэллс. Исследуется весь репертуар лексических средств: лексика, называющая эмоции, лексика, описывающая эмоции, эмотивная лексика (в терминологии В. И. Шаховского). Выводы исследования могут быть экстраполированы и на другие научно-фантастические тексты.

Ключевые слова: научная фантастика, эмотивная лексика, эмоциональность, эмотивность, оценочность.

Эмоции как универсальная часть опыта человека, оказываются предметом интереса современной антропомерной науки вообще, и лингвистики в частности. Проблема эмотивности активно обсуждается в лингвистике

на протяжении нескольких десятилетий, и, тем не менее многие аспекты проблемы остаются дискуссионными. В свою очередь, эмотивность в художественном тексте позволяет нам получить доступ к картине мира автора, и прежде всего, к авторской оценке образов в тексте.

Следует разграничивать понятия «эмотивность» и «эмоциональность», которые в ряде лингвистических работ употребляются как синонимичные. Под эмоциональностью принято понимать свойство психики человека, заключающееся в способности переживать эмоции и эмоционально откликаться на внешние события. Эмотивность же представляет собой языковое воплощение эмоциональности. Иными словами, посредством языкового выражения эмоций эмоциональность – как психологическое явление – приобретает форму эмотивности – явления языкового, которое отображает совокупность эмоциональных характеристик языковой личности и обеспечивает возможность эмоционального взаимодействия в коммуникации [Ленько 2015].

Е. М. Вольф определяет оценку как один из видов модальности, оценочное отношение, которое имеет значение хорошо/плохо [Вольф 1985: 11–12]. А. В. Кунин понимает оценку как «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин 1984: 181].

Ряд исследователей подчеркивает наличие связи между понятиями «оценочность» и «эмотивность», но не их взаимозаменяемость. Так, Е. М. Вольф трактует эмотивность как форму чувственной оценки объекта [Вольф 1985]. Схожую позицию занимает и И. В. Арнольд, отмечающая: «эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать» [Арнольд 1990: 108]. Тесная связь между оценочностью и эмоциональностью также была освещена в трудах таких ученых, как Л. Г. Бабенко (1989), Н. А. Лукьянова (1986), И. И. Квасюк (1983), В. И. Шаховской (2008), Н. А. Красавский (2008).

В. И. Шаховский, один из ведущих лингвистов, изучающих эмоции, предлагает классификацию лексических средств, отражающих эмоциональную сферу говорящего коллектива, выделяя три основных группы: лексику, называющую эмоции (номинация), лексику, описывающую эмоции (описание эмоциональной кинесики, фонации и просодии), и лексику, выражающую эмоции (манифестация, демонстрация), т.е. эмотивную лексику. Под последней понимается «особая группа языковых единиц, предназначенных для типизированного выражения эмоций» [Шаховский 2008]. В рамках его концепции эмотивы одновременно передают как эмоциональное состояние, так и поня-

тие, с ним связанное. Эта концепция может применяться для исследования эмотивности в художественных текстах (см., например: [Курникова 2011]).

Д. Сувин характеризует научную фантастику как «литературный жанр, необходимыми и достаточными характеристиками которого являются взаимодействие отчуждения и рационального познания, и главным формальным инструментом которого является образная структура, отличная от эмпирической среды автора» [Сувин 1989: 17]. В данном определении под отчуждением подразумевается механизм «остранения», о котором писал В. Б. Шкловский, – способ освободить восприятие читателя от шаблонности, представить знакомое в необычном, «странном» свете [Шкловский 1970: 230]. Эмпирическая среда автора, в этом контексте, трактуется как совокупность его личного опыта и знаний об окружающем мире. Следовательно, как и любой вид фантастики, научная фантастика предполагает выход за границы обыденного, однако её специфику определяет именно связь «чуждого» с логикой и рациональностью. Приёмы остранения в рамках жанра научной фантастики не только апеллируют к научным постулатам, знакомым читателю, но и формируют внутренне согласованную, логически непротиворечивую модель мира.

Одним из таких элементов является размытие границ образа человека. Художественный образ подразумевает использование средств различных уровней языка для эмоционально-эстетического воздействия на читателя, и в то же время реализует авторскую интенцию и является элементом репрезентированной в тексте картины мира. Художественный образ человека отождествляется в художественном тексте с образом персонажа, который как субъект внутритекстовой коммуникации реконструируется в сознании читателя постепенно, в результате серии последовательных появлений, или серии вербальных презентаций. Для изучения эмоциональной оценки персонажа автором произведения необходимо изучить языковые средства репрезентации эмоций персонажа, а также проанализировать текст с точки зрения принципов выдвижения. Выдвижение – способ организации структуры текста путем вынесения определенных его элементов в сильные позиции, что содействует фокусированию внимания читателя на этих отрезках текста [Арнольд 2002: 62]. И. В. Арнольд, в качестве главных и наиболее изученных типов выдвижения выделяла сцепление, конвергенцию и обманутое ожидание [Арнольд 2002: 100–112].

В настоящей статье объектом исследования является новелла “All systems red” Марты Уэллс, относящаяся к текстотипу научной фантастики. Специфика произведения заключается в том, что персонаж, от лица которого ведется повествование, является андроидом, т. е. антропоморфным персонажем, и эксплицируются его специфические когнитивные процессы. Эффект

обманутого ожидания создается за счет выбора такого антропоморфного персонажа и демонстрации разницы в структуре когнитивных процессов читателя и персонажа, при сохранении знакомых элементов, и прежде всего, эмоций. Одной из наиболее значимых характеристик персонажа является его страх при общении с людьми, о чем свидетельствует многократное повторение и многочисленные репрезентации этой эмоции.

Страх персонажа, как и другие эмоции, в основном эксплицируются методом прямой номинации, через лексемы разных частей речи: *awkward, paranoia, nervous, horrified*. В свою очередь, другие когнитивные процессы также эксплицируются с использованием глаголов восприятия и ментальной деятельности. На важность именно эмоционального аспекта указывает конвергенция стилистических средств во внутренней речи персонажа при описании эмоций, при фактологичности описания других когнитивных процессов. Рассмотрим первый пример эмоциональной оценки персонажем собственных попыток общения с людьми. *“So, I’m **awkward** with actual humans. It’s not **paranoia** about my hacked governor module, and it’s not them; it’s me. I know I’m a **horrifying** murderbot, and they know it, and it makes both of us **nervous**, which makes me even **more nervous**”*. Здесь мы видим упомянутую ранее прямую номинацию эмоций, как и конвергенцию стилистических средств. Парцелированная речь с многократным повторением лексем, называющих страх, призвана оказать эмоциональное воздействие на читателя и реализует авторскую интенцию передать важность данной эмоции для персонажа.

Во втором примере: *“I’d given a tiny piece of myself away. **That can’t happen**. I have too much to hide, and letting one piece go means the rest isn’t as **protected**”*. мы можем увидеть лексику, выражающую те же эмоции имплицитно. *“That can’t happen”* является выражением страха перед последствиями события, *“isn’t as protected”* также говорит об отсутствии безопасности и наличии страха. *“I’d given a tiny piece of myself away”* также говорит о значимости этого события для персонажа, а соответственно интенсивности переживаемой эмоции, что подтверждается образностью высказывания. Вновь при описании страха используется конвергенция стилистических средств.

Рациональные когнитивные процессы, в свою очередь, описываются полностью эксплицитно, и использование средств ограничивается характерными для персонажа речевыми приемами, как видно из примеров ниже.

“Conflicting commands filled my feed but I didn’t pay attention”.

“When I woke up, I was mostly all there again, and up to 80 percent efficiency and climbing”.

Это говорит об относительной неважности данных элементов образа, несмотря на то что именно они изначально способствуют обману читательских ожиданий и возникновению чувства острашения. Несмотря на то, что фантастический элемент произведения во многом определяется именно измененными когнитивными процессами персонажа-рассказчика, им уделяется меньше внимания по сравнению с эмоциями.

Из анализа новеллы можно сделать следующий вывод: в образе персонажа и в образе человека для автора наиболее значимо эмоциональное, а не рациональное начало. Антропоморфный персонаж, не являющийся человеком, и обладающий значимыми отличиями в мышлении и восприятии, тем не менее уподобляется человеку за счет своей эмоциональности. Данная тенденция, оценка эмоционального аспекта как наиболее важного в образе человека, также заметна и при исследовании других научно-фантастических текстов.

Литература

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник. М.: Флинта: Наука, 2002.

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990.

Болотов В. И. Проблемы теории эмоциональности воздействия текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Курникова Е. П. Языковые средства выражения эмоциональной информации в художественном тексте (на материале романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») // Филология и культура. 2011. № 4 (26). С. 194–198.

Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с ней понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 84–91.

Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica* – 9. СПб.: Тригон, 2000. С. 6–22.

Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 1996.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Шкловский В. Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970.

Suvin D. *Metamorphoses of science fiction: on the poetics and history of a literary genre.* New Haven: Yale University Press, 1979

D. A. Malyshev (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

LEXICAL REPRESENTATION OF EMOTIONS IN THE INNER SPEECH OF SCIENCE FICTION CHARACTERS

The paper deals with lexical representation of emotion in the novella “All Systems Red” by Martha Wells. The research covers lexical units that represent emotion in all of their aspects: lexics nominating emotion, lexics, describing emotion, and emotive lexics (following the terminology of V. I. Shakhovsky). The findings of this research can be extrapolated on other science fiction texts.

Key words: science fiction, emotive lexics, emotionality, emotivity, evaluation.

Л. А. Манерко (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МЕТАФОРЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В статье раскрывается функциональная значимость метафоры, участвующей в создании атрибутивного комплекса в научном дискурсе на английском языке. Автор отмечает расширение возможностей создания сложных слов и словосочетаний на основе метафоры и показывает концептуальные составляющие номинативно-синтаксического процесса, когда наблюдается когнитивная корреляция между областью-источником и областью-целью. Материал статьи навеян деятельностью Н. А. Кобриной, которая задумывалась о том, как происходит создание элементов на синтаксическом уровне. В материале представлены механизмы ввода метафоры в текст, позволяющие определить те самые компоненты, которые участвуют в формировании ПРОФИЛЯ как объяснение ОСНОВАНИЯ метафорического образа. Автором показываются специфические черты создания концептуальной метафоры в научном дискурсе на англоязычном материале, при этом учитывается то, что автор научной статьи в процессе ее создания в своем сознании соединяет элементы старого и нового знания, используя метафору.

Ключевые слова: научный дискурс, субстантивные конструкции, композиты, английский язык, концептуальная метафора, перевод.

В современной когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания одним из важных вопросов выступает вопрос об отражении

человеческого фактора в языке, напрямую связанный с понятием «языковая личность». Такая личность представляет собой «самоорганизующийся эмоционально зрелый интеллектуально-познавательный организм» [Елизарова 2010: 28], который взаимодействует с другими коммуникантами в разнообразных жизненных ситуациях, которые могут быть обусловлены социальными связями, культурой, при этом особенностями индивида выступают, особенно в научной сфере, новые идеи в процессе научного поиска, что обусловлено его творческим подходом в обработке информации и умению создавать новое в своей области знания. Данное понятие языковой личности оказывается чрезвычайно важным для понимания определенной совокупности профессионального знания, так как эта личность активно участвует в восприятии, понимании и интерпретации функционирования конкретных единиц в языке для специального общения.

В разных работах Новелла Александровна Кобрина проявляет себя как вдумчивый исследователь и профессиональная личность. На протяжении своего научного, творческого и педагогического пути она осваивала и успешно реализовывала разные по сложности виды деятельности, делаясь наработками со своими учениками и коллегами. Одна из проблем, разрабатывавшихся Н. А. Кобриной, – о разнице дифференцированности связей в грамматике и синтаксисе и о модификациях статуса слов в речи. Этот вопрос связан с отражением мотивации порождения определенных структур и передаваемых смыслов в зависимости от категориального и прагматического ранга языковых единиц на уровне индивидуального отражения мира в дискурсе науки. И хотя точность, абстрактность, связность в целостном тексте, использование аргументации, логика и объективность изложения так и остаются теми чертами, которые напрямую указывают на функционирование научного текста. При этом номинативные, синтаксические, лингвокреативные, интерпретирующие и иные механизмы выходят на первый план, так как способны раскрыть особенности семантики слов и их связей в речемыслительной деятельности индивида в новом свете.

Среди употреблений особое место занимает «сочетание полновесных лексем», значение и слитность которых может меняться, в результате чего происходит образование нового смысла. Н. А. Кобрина приводит сочетание лексемы *still* в составе более сложных синтаксических единиц, ср.: *still lake* «тихое озеро» (первый компонент является прилагательным); *still life* «пейзаж» (также прилагательное в качестве первого элемента); *There is still no proof* (союзное наречие «однако», «все же»); *He got still more excited* (усилительная конструкция) [Кобрина 2010: 8, 14]. К этому ряду примеров

можно добавить и еще несколько других фраз: *a still place* «тихое место» (прилагательное), *stillwater* «стоячая вода» (прилагательное), *still water* – вода естественно низкой минерализации, применяемая как основа для ежедневного употребления (прилагательное). Каждый пример из атрибутивных употреблений указывает на определенное значение, выявляемое в процессе функционирования – значение «тихий и спокойный» характерно для указания на какое-либо место (place): *still lake* или *still place*, а при указании на воду выделяются два способа написания – слитного написания в составе сложного слова *stillwater* в значении «стоячая вода» и словосочетания *still water* как «негазированная вода», а также спокойная или неподвижная вода. Но еще более интересный пример относится к сфере искусства – *still life* “a picture of an arrangement of objects, esp. (a) painting of flowers and fruit” [LDCE 1992. Vol. 2: 1038], когда происходит переосмысление всего сочетания в рамках специальной коммуникации.

Другим интересным случаем, который имеет отношение к единицам «малого синтаксиса» [Александрова, Комова 2013: 149], выступают субстантивные конструкции (N+N), которые отличаются от известных неустойчивых сочетаний типа *stone wall*, *rose garden* и др. в английском языке. Нас интересует совсем не неустойчивые комплексы, а особенности употребления метафоры в атрибутивном компоненте словосочетания, используемого в академическом дискурсе. Кроме того, интересны случаи, когда происходит переосмысление в глагольном элементе или фразовом глаголе, который опирается на существующий контекст в академическом дискурсе. Попытаемся показать, как осуществляются функциональные связи элементов друг с другом и что за ними стоит.

Метафора – это особое средство языка и человеческого мышления, связанное с двумя процессами – один состоит в изменении семантики языковой единицы, а другой представляет собой ментальный механизм, при котором один концептуальный отрезок действительности посредством трансфера знаний соединяется с более абстрактной областью. В работе американских ученых [Лакофф, Джонсон 2014] указывается, что когнитивная корреляция (*cognitive mapping*) – это то, что способно осуществить трансфер посредством метафоры. Данный ментальный механизм помогает лучше раскрыть сущность номинации в рамках разных видов общения. Подобное явление было названо учеными концептуальной метафорой, соединяющем конкретные представления с формированием более абстрактных идей. В научной речи подобная асимметрия сопряжена со значительными преобразованиями смысла, и эволюция в конечном итоге направлена на формирование совершенно иного понимания знакового комплекса.

Описание метафоры и процессов, которые с ней связаны, мы находим в работах российских и иностранных авторов. Целая плеяда ученых и научных исследовательских групп разрабатывала аспекты трансфера знаний из одной области в другую, которая представляет конкретное и осязаемое явление, отражающее результаты освоения действительности, запечатленные в физическом опыте, в другую сферу. Изучение метафорических проекций и представление вербализации знания в разных типах дискурса были представлены ранее в ряде работ (см. [Манерко 2014, 2018]).

Среди создаваемых метафорических выражений значимую роль играет естественно-научная сфера деятельности человека, ср. примеры определительных или номинативных конструкций с предлогом в текстах биологической направленности, ср.: *Leaves exposed, attached to the parent plant...*, *Evolution's most enthralling insight is that brehtaking complexity...*, *One reason they are powerhouses of evolution*. Обычно метафора в атрибутивном элементе сложного субстантивного единства специально никак не выделена, но иногда мы наблюдаем выделение кавычками атрибутивного элемента перед существительным: *This 'stress' condition is known as proteinhibition...*, *'tree theory' in computer science*. Появление кавычек способствует созданию ярких и запоминающихся образов, которые не воспринимаются реципиентами как метафоры. Сходные случаи можно обнаружить в разных концептуальных областях знания: *tree of life* («древо жизни»), причем оно может использоваться как в кавычках, так и без них), *tree structure/model* (в языкознании, психологии, математике, информатике), *big bang theory* (теория «большого взрыва»), *mind window* («человеческое сознание») и др.

В естественной области знания образное выражение с участием метафоры используются для развития нового знания, причем в нем мы наблюдаем пересечение как обыденных, так и научных типов знания. Переносное выражение фиксируется в отдельном субстантивном или глагольном элементе, фразовых глаголах, двусоставных композитных лексемах, фразеологически связанных выражениях и свободных аналитических конструкциях. Отметим некоторые примеры из выделенных категорий:

ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ – *The other reason viruses are engines of evolution is that they are transport mechanisms for genetic information; a crucial photochemical machine; makes use of a more precise antiviral mechanism; viruses are engines of evolution;*

ИНСТРУМЕНТ, СРЕДСТВО – *molecular scissors with which bacteria cup up viral genes; brain must have software capable of simulating a three-dimensional world;*

ХАРАКТЕРИСТИКИ – *p itch darkness*; it retains its *crescent* shape; hair's breadth of accuracy; a *make-believe* world of balls;

ОРГАНИЗМ – actions of *swarms* of tiny, attacking *replicators*; the *blind watchmaker* has equipped you with the capacity to read;

ПРОЦЕСС – the viruses themselves may be *hacked*; humanity's unique, virus-chiselled consciousness *opens up new avenues*; our brains are *wired up* as they are.

Обыденные, а иногда наивные представления активируются для создания ярких образов в виде мыслительных структур в физическом опыте человека для создания нужного смысла. Реципиент следует за автором, чтобы распознать требуемые пути для понимания вложенных в выражение смыслов, он понимает отношения между компонентами, нанизываемых друг на друга. Ср. *the box* of our evolution, to *break out the box* of our evolution, Our brains are versatile and expandable that we can train ourselves ... В моделях номинации, где описаны деривативные единицы разных видов от производных до сложных и многосоставных конструкций реляционный предикат помогает осознать, как ономаσιологический базис и ономаσιологический признак связаны друг с другом. Тщательно описанные в трудах Е. С. Кубряковой, ее учеников и последователей, они отсылали к предыдущим повседневным знаниям и к понятию производности, новому и создаваемому в процессе акта номинации, предикации, создания дискурсивной практики. Отдельная лексема опирается на отсылки к метафоризированным элементам в текстовой фразе-абзацу научного плана, чтобы облегчить реципиенту более легкое схватывание информации и ее осмысление. Внутренние связи и отсылка к связям в сознании позволила ученым упоминать про «отображение пропозициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [Лакофф, Джонсон 2014: 158]. Может быть поэтому выявление когнитивных корреляций напрямую поднимает вопрос о предикативных связях в человеческом сознании, опирающихся на конкретные концептуальные составляющие. С. Л. Мишланова, исследуя метафоры в корпусе медицинской разновидности дискурсивного пространства, основывается на четырех основных доменах [Мишланова 2002]. Это ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА, которые выделяют четыре концептуальные трансферные модели, а именно: 1) Человек как социальный объект; 2) Человек как биологическое существо; 3) Живая природа; 4) Неживая природа. Яркие примеры в русскоязычном медицинском дискурсе включают примечательные описания, которые разнообразят текст образами, ср.: «Симптом ВЕРШИНЫ АЙСБЕРГА. Изображение жировой части

дермоидной кисты яичника в виде конуса или БУГОРКА, окруженная жидкостью, характерен для доброкачественной дермоидной кисты (тератомы) яичника смешанного типа; ХРУСТАЛИК – прозрачная двояковыпуклая линза..., имеющая переднюю и заднюю поверхности, которые переходят одна в другую в области экватора» [Мишланова 2002].

Таким образом, в данной короткой статье мы постарались показать функциональную значимость использования концептуальных метафор в составе простых и сложных средств в научном дискурсе, была подчеркнута роль концептуальной проекции из зоны источника, который значительно проще и конкретнее по содержанию, в зону цели, более богатую по наполненности смыслом. В процессе метафоризации происходит, как отмечала Новелла Александровна Кобрина, «расширение возможностей и функциональной конгруэнтности» единиц [Кобрина 2010: 8], выступающих в основном в качестве компонентов сложных конструкций, а иногда и всей конструкции в целом.

Литература

Александрова О. В., Комова Т. А. Современный английский язык: морфология и синтаксис = Modern English Grammar: Morphology and Syntax: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Изд. центр «Академия», 2013.

Елизарова Г. В. О необходимости развития понятия и феномена межкультурной компетенции // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: сб. статей к юбилею проф. Н. А. Кобриной. СПб: ЛЕМА, 2010. С. 27–29.

Кобрина Н. А. О дифференцированности связей и функциональной значимости компонентов модусного плана в рамках языковой единицы // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: сб. статей к юбилею проф. Н. А. Кобриной. СПб: ЛЕМА, 2010. С. 8–16.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2014.

Манерко Л. А. «Воплощенность» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 92–101.

Манерко Л. А. Мульти-modalность в англоязычном академическом дискурсе // Терминология и знание / отв. редакторы С. Д. Шелов, Е. Цисун. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова; Мин-во образования КНР; Хэйлундзянский университет, 2018. С. 157–167.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002.

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English: Словарь современного английского языка: с 2-х т. М.: Русский язык, 1992.

L. A. Manerko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

FUNCTIONAL RELEVANCE OF METAPHOR IN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE AND ITS CONCEPTUAL PARTICIPANTS

The article reveals the functional relevance of metaphor in creation of the attributive complex in English scientific discourse. The author notes the widening of possibilities in compound words and word-combinations on the basis of metaphor and describe conceptual peculiarities of this process, when there is a cognitive mapping between a source domain and a target domain. The material of the article is influenced by the Novella Kobrina's research activity: in her papers she showed the use of words on the syntactical language level. The article represents the mechanisms of metaphor insertion in the text, which are able to indicate elements in the PROFILE as the explanation of BASE in the metaphoric image. The author demonstrates the peculiarities of conceptual metaphor in English scientific discourse and highlights the fact that to understand metaphor we are to compare the old and new knowledge in the mind.

Key words: academic discourse, nominative constructions, compounds, the English language, conceptual metaphor, translation process.

Т. П. Третьякова (Санкт Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
trityakova.tp.50@gmail.com

МОДУС ОЦЕНКИ В АНГЛИЙСКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИДИОМАХ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЯХ

Статья посвящена сравнению процедурных преобразований в когнитивно-лингвистических моделях коммуникативных идиом, т.е. стереотипных высказываний, относящихся к уровню языка/речи, обладающих свойством быть репрезентантами коммуникативной ситуации. Используя понимание оценочной диспозиции говорящего представлены интерактивные модели, в которых рассматриваются модусы положительной и отрицательной оценки в ответных английских высказываниях, представленные в диалоге и в чат боте.

Ключевые слова: коммуникативные идиомы, речевые стереотипы, модус положительной и отрицательной оценки, когнитивная модель, чат-бот.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, каким образом возможно представить значение английских коммуникативных

идиом, т. е. стереотипных устойчивых единиц, значение которых связано с коммуникативно-речевым типом концептуализации в оценочном дискурсе. Этот дискурс к первой четверти XXI века представлен двумя полями – реальной коммуникацией и коммуникацией виртуальной. Представляется, однако, что сам принцип стереотипной коммуникативной идиомы и его лингвистическая теоретическая интерпретация требуют постоянного обновления.

Если идиома как фразеологическая единица является прежде всего единицей языка, то коммуникативная идиома – это единица языка /речи, свойства которой в динамических корреляциях модусных значений. Под модусом понимается отношение говорящего субъекта к предмету речи по шкале положительного или отрицательного значения. При этом оценочные значения коммуникативных идиом во многом зависят от повторяющейся интерпретации стереотипной коммуникативной ситуации, в которой употребляется идиома. Например, коммуникативная идиома, построенная по структурной модели двусоставного предложения *I like that!* с переносным значением, означает отрицательное отношение, несогласие, протест, а вопросительное высказывание *How about that?* – призыв одобрить действие или событие, т. е. представление положительной оценки. При этом данный тип высказываний всегда характеризуется общностью понимания определённого социума. В этом сказывается также их стереотипный характер.

Высказывания могут приобретать новые значения в зависимости от коммуникативной ситуации. В частности, Н. А. Кобринa отмечает, что регулярность структур не всегда играет определяющую роль в реализации передаваемого смысла. «Так, фраза «*Ну и ну!*» может означать нетерпеливую просьбу о продолжении сообщения, но может также выражать крайнее удивление и возмущение [Кобринa 2005: 60]. В этом отношении можно говорить о том, что нарастание функциональных смыслов свидетельствует о неоднозначности соотношения ментальной деятельности и вербализации [Кобринa 2005; 2009]. Второй особенностью коммуникативных идиом является выполнение ими метапрагматических функций, под которыми понимается указание на причастность к социально-культурному параметру коммуникативного процесса и на обращённость к рефлексивной оценочной деятельности коммуникантов. Эта функция является репрезентантом взаимосвязи речи с познавательными и мыслительными структурами человека в контексте социальных закономерностей, управляющих общением. Коммуникативные идиомы закреплены за стереотипными прагматическими контекстами, интерпретацией которых владеют участники коммуникации.

Помимо способности участвовать в коммуникативном процессе, быть индексами этого процесса, коммуникативные идиомы являются репрезентантами коммуникативной системы при соблюдении условий культурно-социального характера.

Если обратиться к оценочным высказываниям как единицам речевого поведения, их возможно представить в русле схем дискурсивных стратегий, которые проверяются по принципу приемлемости/неприемлемости, желательности/нежелательности или по шкале хорошо/плохо [Третьякова 2015]. При этом они образуют в коммуникативной грамматике особый пласт языковых единиц. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «языковая единица приобретает свое значение в результате выделения и высвечивания конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области, что предполагает структурирование этой области с помощью той или иной схемы. При этом данные схемы являются психологической реальностью, а не конструктами лингвистической теории, что подтверждается экспериментальными данными...» [Болдырев 2018: 297–298].

Диспозициональная функция, фиксирующая ожидания говорящего, обозначает предрасположенность субъекта мыслить вполне определенным способом под влиянием ценностно-оценочных соображений и наличия эмоционального опыта субъекта. Здесь же хотелось бы подчеркнуть тот факт, что когнитивная модель коммуникативной идиомы практически всегда соотносима с категорией стереотипа, поскольку модель позволяет в упрощённой форме ориентироваться в коммуникативном процессе, в ней отражается устойчивость составляющих, социальная обобщённость и не отражаются индивидуальные особенности.

Представление таких моделей – это создание схемы интерактивного знания. В зависимости от модуса оценки, т. е. в зависимости от диспозиции говорящего, когнитивная модель коммуникативной идиомы может быть представлена с учётом шкалы оценок – положительной или отрицательной – которые возникают в процессе ответной реакции на начальный коммуникативный стимул.

В современных подходах к стереотипным форматам общения ближе всего стоят форматы современных нейросетей. В частности, нейросеть Perplexity.ai прежде всего отмечает учёт контекста общения в рамках сетевой, линейной, транзакционной или интерактивной модели; наличие обратной связи с положительным или отрицательным ответом. Именно интерпретация получателя и формирование ответа с помощью коммуникативной идиомы становится предметом исследования.

Процедурно-ценностные характеристики реализуются в рамках взаимодействия двух типов интеракций – в положительных ответах, в которых

отражается тождественность мнений участников коммуникации с прототипной ситуацией *<I agree with you>*, так и в спонтанных реакциях, возникающих как выражение эмоционального состояния говорящего субъекта [Третьякова 2015]. В качестве процедурных преобразований с точки зрения совпадения оценочных ответных реакций собеседников при вопросительной или директивной инициальной реплике согласие выполнить действие выражается словами-предложениями *Yes* и *OK* функциональная семантика которых является не идиоматическим относится к архетипным способам формирования положительного и отрицательного ответа.

Среди ответных высказываний самыми распространенными являются согласие, подтверждение и одобрение. Фреймовый сценарий ситуации можно представить в виде схемы: [прескрипция {запрос/ приказ/призыв/ предостережение/приглашение} + положительная оценка > высказывание положительной оценки {согласие/подтверждение/одобрение}]

Согласие – самое распространенное выражение предпочтения – определяется такими интегративными компонентами значения как достижение консенсуса. На вопрос о фрейме английского стереотипного согласия чат-бот ответил следующее: во-первых, готовность согласиться *I agree with you 100%. Absolutely. That's so true. You're absolutely right. Exactly.* Первое высказывание – прототипная номинация, а остальные с номинацией истинности, (*true, right*). К этой группе нами были отнесены также следующие идиомы из современных словарей: *Can do./ No Problem/Done/. I don't mind if I do.* Например, – *I'd like to book the table for six this evening: about 7:30. – Can do.* Достаточно часто употребляется согласие в выражении *Say it again: Must have been a fiddly job! – Say it again!* Интересно что выражение *you bet* – это выражение согласия, а *I bet* – это тип положительной ответной оценки в класс подтверждений (см. ниже).

Выражение согласия соотносимо также с *подтверждением*. Разница между согласием и подтверждением заключается в том, что говорящий интегрирует контекст в высказывание, подтверждая сходство оценочной позиции собеседников. Эта интеграция характеризуется наличием экспрессивных компонентов, позволяющих смягчать категоричность высказывания или усиливать его разнообразными лексическими интенсификаторами. К таким идиомам относятся: *you bet; and that's a fact; and no mistake; and how!*. Например, *Is a drinking song essential? – And how!* Индексальные местоимения также часто участвуют в построении коммуникативных идиом подтверждений подтверждается также актуализацией дейктических слов: – *You got married, right? Yeah, that's it!* Выборка подтверждений, представленных чат-ботом касалась усилителей согласия: *Totally! Absolutely!*

Completely! I couldn't agree more! Sure! Sure thing! That's for sure! “Эти коммуникативные идиомы могут выступать и как независимые высказывания и как сопровождающие. Например, с антиципацией содержания: *Sure thing! I'll be there at ten o'clock*. Ещё одно направление интерпретации английских подтверждений связано с определением процедуры вероятности совершения действия.

Например, *No problem! No Kidding! I bet!* В современном английском языке коммуникативная идиома *I bet* может переходить в разряд эмоционально-оценочных высказываний, выражая раздражение или большую степень удивления: *I'd like to ask you something, I said – I bet you would!* Коммуникативные идиомы могут выступать и в формате смягчения коммуникативного намерения. Например, высказывание *I am afraid so* смягчает форму согласия-подтверждения, так как собеседник надеется услышать отрицательный ответ и говорящий понимает это. Например, – *You are not going out, are you? – I am afraid so.* (см. также [Третьякова 2012; 2015]).

Универсальный фрейм *одобрение* связан как с ответным модусом положительной оценки, так и со спонтанной реакцией позитивное суждение. В чат-бот, например, представление универсального фрейма одобрения начинается не с ответных высказываний, а с инициальных устойчивых выражений: *I fully approve of.../ I wholeheartedly support... /I am in favour of...* которые можно интерпретировать как архетип ситуации одобрения, когда стимулом его появления становится «внутренняя потребность» говорящего в положительной оценке происходящего. Главным становится ценностное отношение говорящего к обсуждаемой ситуации. Схема представления данного типа высказываний предпочтения имеет следующий вид: [*{поступки/ситуация} +эмоциональная реакция положительного переживания {радость/удовольствие} > одобрение/восхищение*]. Процедурные преобразования выражений предпочтения определяются положительными эмоциями и их отражением в эмотивных спонтанных высказываниях.

Цифровой контекст диктует метаморфозы коммуникативных идиом положительной оценки помимо использования кнопки “лайк”. Например, из обсуждённых выше коммуникативных идиом в цифровом контексте остаётся – *bet*; *Ikr*, который расшифровывается как *I know, right?*; *FS* вместо *for sure*;», при этом *Fair enough; I hear you* остаются без сокращений и добавляется *No diggity*, означающее точное подтверждение.

Перейдём к обсуждению отрицательного модуса оценки, проявляющегося в отрицательных ответах. Архетипом ситуации <I don't agree with you>

обозначает полярность мнений участников коммуникации. Отрицательный ответ распределяется по шкале <несогласие – возражение – осуждение>, а когнитивная модель модуса отрицательной оценки выглядит следующим образом: – [прескрипция {запрос/ приказ/ призыв/ предостережение/ приглашение} + {отрицательная реакция + оператор отрицания} несогласие/ неодобрение/отказ/возражение].

Коммуникативная идиоматика распределяется с номинацией оператора отрицания *No* (*No chance! No way!*) и *Not*, который в основном употребляется с интенсификаторами (*Certainly not! Of course not! Not really*) или в имплицативной структуре *-Not if I can help it!* В последнем случае – это означает отказ сделать что-либо:

I'll see you later – Not if I can help it! В некоторых случаях форма отрицательного ответа представлена высказыванием, выражающим безразличие, но в постоянно повторяющейся ситуации с модусом отрицательной оценки, например, как реакция на приветствие *Can't complain!* – «не могу пожаловаться, но всё обстоит не так хорошо, как хотелось бы» [Третьякова 2023].

В тех случаях, когда коммуникативная идиома отрицательной оценки строится без оператора отрицания, несогласие выражается с помощью оценочных высказываний, часто выражающих *отказ* выполнить действие: *Fat chance! Hard cheese! Baloney! Fiddlesticks!*

Высказывания *возражения* более вежливому регистру речи и часто строятся по линии контрадикторных высказываний: *Yes... but: She is entitled to her personal money— Yes, but she doesn't earn any money!* Цифровой контекст также предлагает в качестве возражения именно эту структуру: *"I see your point, but I think..."*

Достаточно популярной является идиома *Ask me another!* обозначающая неправомерность обращения с каким-либо вопросом. К достаточно грубым возражениям относятся высказывания *Get along! Go off the cloud!* И ругательное *go to hell!* Цифровой контекст ситуации отрицательной оценки скорее представлен фразами из английских учебников. В некоторых случаях представлены контексты вежливого высказывания отрицательной оценки, с комментарием, что в английской коммуникации прямое отрицание не рекомендуется использовать, чтобы не восстановить против себя собеседника. В качестве самых «прямых» коммуникативных идиом с модусом отрицательной оценки можно привести следующие: *No way; Speak for yourself; I beg to differ*, т. е. высказывания возражения. Цифровой сленг несогласия представлен высказыванием *smh* (*shaking my head*); *lol* (*laughing out loud*), т. е. высказываниями скорее фигуративного комментария.

В заключение хотелось бы отметить, что коммуникативные идиомы как речевые стереотипы связаны с языковой картиной мира и в настоящее время репертуар идиом меняется под влиянием цифровой среды. При этом когнитивно-дискурсивные модели, отражающие оценочные диспозиции говорящих, демонстрируют конфигурации, формирующие идиоматику коммуникативного взаимодействия.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК. 2018.

Кобрин Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Кобрин Н. А. О единицах языка, характеризующих оценочную функцию фразеологизированных предикатов // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 172–177.

Третьякова Т. П. К вопросу о кодификации согласия в современном английском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 2. С. 229–235.

Третьякова Т. П. Прагматика стереотипных высказываний предпочтения // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 753–758.

Третьякова Т. П. Когнитивные основы комментирующих высказываний: от коммуникативной идиомы к тексту // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1 (54). С. 299–302.

T. P. Tretyakova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

THE EVALUATIVE MODUS IN ENGLISH COMMUNICATIVE IDIOMS AND ITS IMPLEMENTATION IN COGNITIVE MODELS

The article concerns comparing procedural transformations in cognitive-linguistic models of communicative idioms, i.e., stereotypical utterances related to the language/speech level that function as representatives of communicative situations. Using the understanding of the speaker's evaluative disposition, interactive models are presented, which examine the modes of positive and negative evaluation in responsive English utterances, as represented in dialogues and chatbots.

Key words: communicative idioms, speech stereotypes, mode of positive and negative evaluation, cognitive model, chatbot.

И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chekulai@bsuedu.ru, olgitsa2010@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАНИЙ О МИРЕ

Данная статья касается вопросов метафорической интеграции и познания мира. В ней утверждается идея, что метафора-это не единственное средство представления и анализа реальной действительности. Наряду с ней в этом процессе участвуют и другие механизмы, в частности метонимия, антономазия, контраст и некоторые другие. Также отмечается, в познании и категоризации мира велика роль категории количества, в частности представлены средства вербализации меры.

Ключевые слова: метафора, метонимия, антономазия, контраст, категоризация, количество, мера.

Как и любая система, система языка сочетает в себе доступные к прямому, можно сказать, математическому исчислению её параметров (например, частотность употребления единиц определённого яруса языковой системы, замеры динамических характеристик артикулируемой речи при помощи соответствующих приборов и др.), так и стохастичные, нелинейные характеристики, которые определены сугубо механикой языковых структур, обусловленной опытом пользования языковым кодом в пределах определённого языкового социума. Именно ко второму, неисчислимому, порой «неправильному» ракурсу рассмотрения языковых единиц относится большинство проблем, связанных с исследованиями плана выражения языкового знака, т.е. со значениями языковых единиц и наводимыми ими смыслами.

Как отмечает Н. А. Кобрин, «в языке ... имеются и явные случаи отсутствия прямой соотносимости между ментальностью и языковой вербализацией, которые требуют объяснения и осмысления сущности этих механизмов. Это ... намеренно образная, метафорическая вербализация, т.е. использование слов и образование сочетаний, в которых комбинируются слова, значительно отдалённые по сферам их обычного употребления» [Кобрин 2005: 82]. Безусловно, метафора как семантический процесс является одним из центральных механизмов создания новых смыслов, в свою очередь ведущих к новому, более широкому и в то же время более глубокому пониманию человеком внешнего по отношению к нему миру, о чём уже неоднократно было заявлено различными исследователями лингвокогнитивных аспектов существования и варьирования человеческого языка и речи как реализации системных языковых знаний в коммуникации. Более того, метафора была

поставлена в центр познавательных механизмов, о чём свидетельствуют различные продолжения положений, выдвинутых в монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Metaphors We Live By*” [Lakoff, Johnson 1981].

Как представляется, придание метафоре роли ведущего средства познания и на этой основе категоризации мира в общей когнитивно-языковой картине человеческого бытия является несколько преувеличенным. Именно в данной связи представляется как нельзя уместной сдержанность определения такой роли в приведенной выше цитате Н. А. Кобриной, что такие случаи «нелинейного» переосмысления явлений мира имеются. Но это ещё не означает, что они являются важнейшим механизмом в познании мира и в отражении его в единицах и структурах языка и речи. Имеются и другие, не менее важные для адекватного познания мира категории, определяющие значительные участки нашего языкового мышления, нежели метафорические и метонимические переносы категориального содержания. В виду имеются категории количества и бытийности.

Безусловно, сторонники абсолютной роли метафорических процессов в познании мира могут заметить, что именно категория количества занимает своё незыблемое место в парадигме ориентационных метафор в структуре *More is up, less is down* [Lakoff, Johnson 1981:15–16], и тем самым данная категория неотделима от метафоры как предполагаемого ведущего процесса познания. В то же время факты свидетельствуют о том, что количественные измерения формируются не на основе метафоры, а в результате иных процессов. Обратимся к ним.

Объективным критерием верификации категории количества в языке являются имена числительные, а также категория числа, распадающаяся на единственное и множественное, а в ряде языков к ним, как известно, добавляется двойственное. Но в этом случае мы должны различать категории численного измерения и меры. Мера – это в первую очередь отношение количества необходимых для нормальной жизнедеятельности человека веществ, предметов, других людей, прочих живых существ, абстрактных понятий и других сущностей, имеющих концептуальное содержание и категориальное выражение. Превышение или дефицит мерности, определённой из представленных выше или иных сущностей, отрицательно или даже губительно сказывается на нормальной жизнедеятельности человека, имеющего в этот момент действительности отношение к определённым сущностям. Даже сущности, не имеющие непосредственно эмпирически наблюдаемого эффекта воздействия на человека (такие как радиация, магнитное поле, радиоволны и т.п.), интересуют человека, если его здоровье или даже жизнь зависит от интенсивности воздействия этих веществ на его

организм. Тем самым ведущим фактором во взаимоотношениях человека и количества вещей и явлений вокруг него является ценностное отношение между ними и человеком. В то же время нетрудно заметить, что онтологически направленность ориентационных моделей Лакоффа-Джонсона носит ярко выраженный аксиологический характер, однако конкретная формулировка *Radiation* (или же для метеозависимых людей *Atmospheric pressure/Magnetic field is up* явно не вписывается в общую когнитивную канву «формулы» *Good is up, bad is down*.

В то же время, объективность категории количества не может вызывать сомнения, но человек познаёт её и пользуется ею в ориентации на свои нужды и потребности. На наш взгляд, с этих позиций следует определить такой аспект соотношения людей и количества, как измерения, которые представляют собой числовые шкалы соотношения веществ и предметов в связи с нуждами и интересами человека. Представляется парадоксальным, но в реальности является логически обусловленным тот факт, что традиционные измерения народов не имели математически точных соотношений, к которым человечество пришло относительно недавно в виде международных систем СИ и СГС. В принципе, в случае многих культур происходили совпадения мерных единиц, но это было обусловлено естественными причинами: если большая точность не требовалась, то гораздо легче было отмерить расстояние в пределах видимости в шагах, нежели изобретать для этого какой-то измерительный инструмент. Тем не менее, у разных культур имелись и соответствующие инструменты. Но дело не в точности измерений, а в том, в каких диапазонах пространственных измерений, объёма, веса люди их производят.

Проанализировав такие меры в различных европейских и азиатских культурах, нам удалось установить, что все измерения в указанных областях человеческой жизни производятся в трёх основных диапазонах. Для выполнения повседневно-бытовых работ и удовлетворения основных потребностей (приготовления еды, работы в поле или в саду, плотницкие или крупные слесарные работы (например, ковка металла), уход за больным, передвижения по дому и т.п. необходимы пространственные измерения приблизительно до 1–1,5 метров, весовые – до 2–3 килограммов и объёмные от 0,5 до 10 литров. Для специальных работ, требующих достаточной точности исполнения (например, пошива одежды, дозировки лекарственных препаратов, изготовления украшений и ювелирных изделий) предусматривались более тонкие изменения в дюймах, пядях, унциях, гарнцах, каратах. Наконец, для работ масштабных (перевозки грузов на достаточно дальние расстояния, большого количества стройматериалов, наполнения бассейнов водой, в практике морской навигации) требовались и соответствующие измерения в верстах, милях, пудах, баррелях

и галлонах. Для дальних расстояний и больших мер веса и объёма данные единицы просто умножались, и, следовательно, потребности в дальнейших единицах измерения не возникало. Таким образом, не метафора, а практическая потребность исторически является основным критерием категоризации измерений в индивидуальном и коллективном человеческом сознании (см. [Чекулай и др. 2019]). Кстати, производными от таких мер могут быть и невербальные, паралингвистические метафоры. Например, очень малое количество можно показать щепотью, а большой размер – широко разведёнными руками.

В то же время следует отметить, что в случае номинации измерений действует другой когнитивный процесс, идущий «бок о бок» с метафорой. В виду имеется метонимия. Действительно, подавляющее большинство традиционных и некоторых современных наименований измерений восходит к тем объектам, при помощи которых производились измерения в те времена, когда специальные измерительные приборы отсутствовали. Таковы, например, используемые до сей поры в англоязычных культурах лексико-семантические варианты, передающие единицу измерения, такие как *foot*, *pound*, *stone*, традиционные русскоязычные *локоть* и *сажень* и другие. Безусловно, нельзя отрицать наличие семантики сходства в этих наименованиях, поскольку, например, в словосочетании *длиной с локоть* можно допустить его интерпретацию в терминах сравнения. В то же время нельзя и отрицать исторически нивелировавшуюся семантику смежности, когда локтями, ступнями или шагами реально измеряли длину предметов, а камнями (англоязычное *stone*, мера веса приблизительно 4 килограмма) – их вес. Иными словами, сказать наверняка, реализуются ли здесь признаки сходства или смежности, или, иными словами, когнитивные механизмы метафоры и метонимии, однозначно сказать трудно.

В то же время некоторые другие когнитивные механизмы проявляют подобную неоднозначность в определении их метафорического или метонимического статуса. Таковы, например, некоторые случаи антономазии, т. е. использование имён собственных для обозначения нарицательных понятий или типичных ситуаций, или отношений людей. В большинстве случаев исследователи определяют это явление как частную разновидность метафорического переноса значения, в то время как ряд исследователей, прежде всего в области стилистики языка, относят его к промежуточному процессу между метафорой и метонимией (например, М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев). Основания для такого разделения есть, поскольку отношение «один человек как символ тысяч – а порой миллионов людей проявляет ярко выраженные отношения партитивности, что является характерным именно для метонимии как явления языка и познания.

Но не только мера как категория сознания, имеющая языковое выражение, указывает на то, что количество постигается отнюдь не метафорическими средствами. В частности, использование в речи количественных числительных не оставляет места для переосмыслений точных числовых данных. В принципе, то же следует сказать и о порядковых числительных, однако следует заметить, что именно порядок следования может выступать областью-источником метафорического оценочного переосмысления в оценочно-характеризующей модели «первый – последний», которая является если не абсолютной, то, по крайней мере, фиксируемой во многих языковых культурах универсалией, как в следующем англоязычном примере:

*...but Ellsworth told him that they were **not the last word in sculpture** and that he should look into the merits of the ancients (Th. Dreiser).*

Другой важной областью познания, основанной не на метафорическом переосмыслении, а на контрасте, является своего рода бытийная оппозиция, которую вербально можно обозначить как «сущность/явление: его отсутствие», или же, в философских терминах, «бытие: небытие». Безусловно, не часто, но именно так, через отсутствие ожидаемого феномена, познаётся некая сущность. Дело даже не в случаях детской псевдокатегоризации понятий, подобно тому как девочка в рассказе Л. Пантелеева настойчиво повторяла, что «раз есть яблоко, то должно быть и тыблоко». Пожалуй, сущность такого явления лучше всего была показана в следующей сентенции ВоLANDa из «Мастера и Маргариты»:

Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шапки. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

Безусловно, в данном случае концепт тени служит своего рода областью-источником для понимания этой оппозиции, но она не охватывает многих частных случаев. Например, в камере Вильсона наличие электрона можно проследить не по его непосредственному присутствию, а по оставляемому следу. В то же время оппозиция «белый – чёрный» является асимметричной в плане метафорических переосмыслений этих цветов. Так, можно сказать «среди бела дня» при аномальности *«среди чёрной ночи» при узуальных «тёмной ночью», «глухой ночью» и т.п. В этих случаях, безусловно, имеют место метафорические переосмысления, но, во-первых, они имеют отличные от цветовой парадигмы области-источники, и, во-вторых, являются средствами не когнитивной деятельности, а явлениями стилистики.

Необходимо отметить ещё одну сферу, где, казалось бы, статус метафоры как основного средства познания мира утверждается как нельзя аргументировано, однако наблюдения в разных языковых культурах за областями-целями вызывают определённые размышления о некоторой абсолютизации этого статуса в современной литературе по когнитивной лингвистике. В виду имеются онтологические метафоры, в которых, судя по их терминологическому наименованию, трудно придумать какие-либо дополнительные аналогии. В большинстве случаев такие частные случаи метафорических переосмыслений в плане номинаций области-источника совпадают в различных лингвокультурах, если речь идёт о предметах с определённым внешним видом, выполняемыми функциями и т.п. Так, компьютерное координатное устройство для управления курсором во всех лингвокультурах метафорически именуется «мышью», поскольку действительно это устройство с проводом дистанционного управления очень напоминает домашнего грызуна с хвостом. Однако в другом, казалось бы, незыблемом с позиций метафорического наименования случае наблюдается различие в разных лингвокультурах. В частности, рубчатая граната оборонительного действия Ф-1 известна носителям русского языка как «лимонка», и основания такой номинации очевидны – по форме она является вытянутой вдоль оси сферой, каковыми являются не только лимоны, но и плоды киви, слив, надутая обшивка дирижабля и т.п. В то же время в западном англоязычном мире её европейский аналог МК-2 имеет столь же распространённое метафорическое неформальное наименование “pineapple”, т.е. дословно «ананаска». Кстати, это название больше подходит к номинации этой конструкции гранат, поскольку их рубчатая форма похожа на рисунок поверхности ананаса. Тем не менее, в разных языковых культурах закрепились названия из разных предметных областей-источников, и в случае расхождения наименований «лимонки» и «ананаски» их метафорические переосмысления являются скорее не «ориентационными», а «дезориентирующими».

Все эти факты свидетельствуют о том, что в целом состоятельная и безусловно элегантная в плане подачи материала исследования теория когнитивной метафоры, представленная в указанном произведении Дж. Лакоффа и М. Джонсона, нуждается в прозаическом уточнении некоторых её отдельных положений и выводов. Признавая в целом безусловное новаторство в понимании механизмов метафорических и метонимических переносов содержательных признаков с одних объектов действительности на другие и оригинальность этой работы и последовавших в качестве реакции на неё публикаций других авторов, мы, тем не менее, стоим за уточнение не только её отдельных положений, но и ряда ключевых моментов в понимании данных неоднозначных в силу своей когнитивной специфики процессов.

Как представляется, такое уточнение достижимо за счёт углубленного анализа не только основных сфер метафорического и метонимического переносов, но и конкретизацией описания номинативных и глагольных метафорических моделей, обращения к ситуативным параметрам переносов значения, дальнейшего изучения специфики метафорических переносов как в пределах отдельно взятых языковых культур, так и в сопоставлении определённых моделей метафорических переносов содержания отдельно взятых концептуальных сущностей. Безусловно, подавляющее большинство исследований сегодня проводится на материале одного языка или одной лингвокультуры, однако наука глобализуется вместе с экономикой и политикой, и необходимость сравнительного изучения языковых и мыслительных феноменов является настоятельным требованием современности.

Литература

Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 77–94.

Чекулай И. В., Прохорова О. Н., Кучмистый В. А. Мера как категория осмысления мира и особенности её языковой репрезентации // Межкультурная коммуникация и мировая политика: современные проблемы. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. С. 38–42.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1981.

I. V. Chekulai, O. N. Prokhorova (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

METAPHORIC INTERPRETATION OF THE KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

The article deals with the problems of metaphorical interpretation and understanding of the real world. It claims that metaphor is not the only way to represent and analyze the real world. Besides metaphor there are other mechanisms such as metonymy, antonomasia, contrast, and others. Also it is stated and shown that the category of quantity plays an important role in categorization and understanding of the real world, in particular the ways of verbalization of measure.

Key words: metaphor, metonymy, antonomasia, contrast, categorization, quantity, measure.

VI. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖУРОВНЕВОГО И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
berezinaolga@gmail.com*

ПУНКТУАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА КАК ТРИГГЕР КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Средства пунктуации как одной из подсистем языка редко становятся объектом исследования в аспекте выявления их функционально-семантического потенциала, однако, в последнее время интерес к их описанию среди исследователей немного возрос. В основном вопросы вызывает соотношение системной нормативности в области пунктуации и узуальных девиаций. Что же касается когнитивных процессов, получающих объективацию в формате пунктуационных средств в письменной речи – этот вопрос пока остаётся открытым.

Ключевые слова: пунктуация, пунктуационные знаки, комический эффект, триггер, когнитивный подход.

Научное наследие Новеллы Александровны Кобриной исключительно разнообразно в плане охвата исследовательских направлений, из которых магистральной линией выделяется грамматика английского языка во всех аспектах. Одним из таких аспектов является пунктуация, что получило воплощение в издании «Английская пунктуация» [Кобрина, Мороховский 1961], представляющем подробное описание использования пунктуационных знаков в составе различных синтаксических структур, с опорой на фонетические исследования и с богатым иллюстративным материалом, впервые в отечественной лингвистике посвящённое описанию данного аспекта английской грамматики.

Пунктуационные средства оформления письменного текста не столь часто попадают в фокус исследовательского интереса. Как отмечают лингвисты, это было связано с тем, что пунктуация рассматривалась как «вспомогательная семиотическая система», «периферийная область при-

кладной лингвистики» [Шубина 2014: 121–124], а также с локализацией пунктуации «на периферии графической системы языка (система письма)» и рассмотрением этой подсистемы языка как дополнительного средства «для правильного отражения синтаксических отношений» [Ким 2019: 302–303]. Также пунктуация часто лишается статуса самостоятельного аспекта в описаниях грамматических систем языков и рассматривается либо как раздел орфографии, либо как раздел синтаксиса. Однако, в конце XX – начале XXI пунктуация заинтересовала лингвистов в некоторых аспектах. Так, среди современных направлений в исследовании пунктуационных средств на материале различных языков наиболее интенсивно разрабатываются несколько направлений. Первоначально интерес к пунктуационным средствам проявился в отдельных исследованиях индивидуально-авторского пунктуационного оформления художественного текста в аспекте описания авторского стиля, а с развитием интернет-коммуникации – в направлении описания тенденций в сфере использования пунктуации в интернет дискурсе (с акцентом на гибридном характере интернет-коммуникации). Также в последнее время появляются исследования, посвящённые функциям пунктуационных средств в СМИ (выявляются, как правило, игровая и экспрессивная функции). Данные аспекты в исследовании пунктуационных средств стимулировали изучение соотношения нормативных предписаний в области пунктуации и узуальных девиаций в аспекте установления путей эволюции конвенциональных параметров в этой области (см. обзор в: [Шубина 2014]).

Обращаются исследователи и к общим параметрам (системным свойствам, признакам, функциям) пунктуации как сегмента языковой системы. Так, Н. Л. Шубина в своём исследовании пунктуации русского языка рассматривает соотношение нормативных предписаний в использовании пунктуационных знаков и отклонений от нормы – последнее рассматривается как ингерентное свойство функционирования пунктуационных средств. Исследуя феномен вариативности пунктуации в узусе, Н. Л. Шубина связывает это явление с динамическим характером нормы в области пунктуации, её обусловленностью коммуникативной ситуацией, с её сферой реализации – текстом. Исследовательница предлагает рассматривать пунктуационную норму как «коммуникативно-прагматическую», а вариантность и колебания в области пунктуации как важный фактор эволюции данной системы и способ разрешения внутрисистемных противоречий [Шубина 2014: 124]. Н. Л. Шубина предлагает отказаться от оценочных понятий «правильно – неправильно» в отношении функционирования системы пунктуационных знаков, предлагая сделать акцент на субъективном характере пунктуационной нормы: «неправильно то, что непонятно или то, что вызывает разное толкование»

[Шубина 2014: 127]. Исследовательница делает особый акцент на том, что пунктуационная норма заключается не в освоении некоторого репертуара жёстких правил, но является объектом интерпретирующей мысли [Шубина 2015: 54–55]. Так, можно проиллюстрировать семантический потенциал средств пунктуации при интерпретации смысла высказывания известным примером [Truss 2003: 9]:

- (1) A woman without her man is nothing.
- (2) A woman, without her man, is nothing.
- (3) A woman: without her, man is nothing.

Пример (1) представляет собой предложение без пунктуационной разметки. Далее представлены две альтернативные формулировки с применением нормативно адекватных способов использования пунктуационных знаков в предложениях (2, 3), однако тот или иной пунктуационный «рисунок» в каждом случае коррелирует с двумя различными интерпретациями, которые порождают различный (даже противоположный) смысл. Данный пример явно отражает мысль Н. С. Валгиной о системности пунктуации – качестве, которое выявляется в билатеральности функциональной значимости пунктуации: последняя должна рассматриваться с двух сторон – ономасиологической стороны (пунктуация от пишущего) и семасиологической стороны (пунктуация для читающего) [Валгина 1983: 12], (также см. [Ким 2021: 252–260]).

В своих работах другой исследователь, И. Е. Ким, также рассматривающий пунктуацию как важный и значимый сегмент языка, настаивает на применении к исследованию пунктуации функционально-системного подхода (являющимся ведущим и наиболее разработанным в применении к другим подсистемам языка, однако, не включающим пунктуацию). Свой функционально-системный подход исследователь основывает на концепциях Б. С. Шварцкопфа, который разработал функциональный подход к пунктуации, где основная функция пунктуационных знаков выявлялась в графической организации и членении письменного текста, и А. Вежибцкой, которая разрабатывала текстоцентрический подход в исследовании пунктуации (и не только) – в исследованиях метатекста А. Вежибцкая рассматривала пунктуацию как одно из средств организации и членения текста [Ким 2019: 305]. Особенность пунктуационных знаков в сопоставлении с иными вербальными средствами, по мнению И. Е. Кима, заключается в том, что «они, будучи сегментными письменными элементами, не соотносимы с сегментными элементами звучащей речи», в этом исследователь видит близость пунктуационных средств и иных параграфемных средств, используемых в письменной речи [Ким 2019: 306]. Таким образом, письменная форма

языка обладает средствами, не имеющими коррелятов в устной форме. Возросший интерес к функционально-семантическому потенциалу пунктуации, а также к вопросу о характере нормы в области пунктуации, по мнению И. Е. Кима связан с развитием интернет коммуникации, а именно с вовлечённостью в процесс порождения письменных текстов, адресованных широкой аудитории читателей, «рядовых» носителей языка, в то время как в эпоху до возникновения феномена интернет-коммуникации на «самостоятельность пунктуационных решений ... могли претендовать «элитарные» речедетатели» [Ким 2021: 254].

В исследованиях семантического потенциала пунктуационных средств, как правило, в центр внимания попадает просодия. Исследователи рассматривают возможности пунктуационного кодирования различных просодических эффектов (см.: [Сапунова 2021; Холодковская 2014]). Однако семантический вклад средств пунктуации в общий смысл текста значительно шире. Что касается понимания психологической стороны теории пунктуации, с ономазиологической стороны, пунктуация не является чем-то автоматическим, поскольку является не автоматическим навыком, а умением, в актуализации которого ведущую роль играют когнитивные процессы сознания, ибо: «пунктуационные действия – это всегда акт метаязыковой рефлексии» [Сигал 2024: 88]. С семасиологической стороны при декодировании смыслов, выраженных пунктуационно, всегда активизируются интерпретационные процессы в сознании [Шубина 2015]. Таким образом, невозможно не принять во внимание когнитивный субстрат, получающий объективацию в форме пунктуационного оформления текста. Когнитивный подход к исследованию единиц различных подсистем языка, в частности, и самих подсистем, в общем, мог бы, на наш взгляд, расширить научное знание о типах знания и путях его объективации в формах пунктуационных средств, однако, лингвисты-когнитологи не обращались пока к этому вопросу. В этом направлении видится перспектива дальнейших изысканий в данном вопросе.

Рассмотрим роль пунктуационных средств в функции актуализаторов комического эффекта на материале английского языка в русле когнитивного подхода. Как известно, когнитивный подход в исследовании комического основан на фреймовой теории М. Минского, суть которого заключается в идее резкой смены фреймов в коммуникативном процессе, которая и порождает комический эффект. Далее на этом постулате основывали свои теории комического А. Кёстлер, который ввёл понятие «бисоциация», В. Раскин, обосновавший концепцию триггера при переключении фреймов, а также С. Аттардо, обосновавший репертуар факторов, определяющих

порождение комического эффекта (см. об этом подробнее в: [Березина, Ильенкова 2023; 2024]). В данном исследовании в фокусе описания будет находиться триггер, или переключатель – некоторая единица вербального характера, которая маркирует переход от одного фрейма в процессе коммуникации к категориально другому, порождая комический эффект. Как правило, при рассмотрении классов единиц, способных выступать в роли триггера, исследователи в основном отмечают единицы лексической подсистемы языка (см.: [Казакова 2013]). Триггеры, классифицируемые как принадлежащие иным подсистемам языка, гораздо реже становятся фокусом исследовательского интереса. Исследований, рассматривающих пунктуационные средства в этом качестве нет вовсе. Однако рассмотрим пример, которым иллюстрирует важность пунктуационной подсистемы языка британская писательница и исследовательница Линн Трасс в своей очень известной научно-популярной книге “Eats, Shoots & Leaves. The Zero Tolerance Approach to Punctuation” [Truss 2003]. Пояснение названия книги (Eats, shoots and leaves) – это аллюзия к истории, основанной на реальном случае пунктуационной ошибки в учебнике о живой природе, которая не была интенциональным средством создания комического эффекта, однако этот случай впоследствии был описан в анекдоте:

A panda walks into a café. He orders a sandwich, eats it, then draws a gun and fires two shots in the air. “Why?” asks the confused waiter, as the panda makes towards the exit. The panda produces a badly punctuated wildlife manual and tosses it over his shoulder. “I’m panda,” he says, at the door. “Look it up.” The waiter turns to the relevant entry and, sure enough, finds an explanation. “Panda. Large black-and-white mammal, native to China. Eats, shoots and leaves.” [Truss 2003].

Ключевой фрагмент в этом тексте, где происходит порождение комического эффекта – это статья в учебнике о живой природе, которой герой-панда поясняет официанту кафе своё поведение (зашёл в кафе, поел, достал ружье и выстрелил, а затем направился к выходу), в которой была одна лишняя запятая (*Eats, shoots and leaves*, вместо *Eats shoots and leaves*). Данный знак пунктуации в этом предложении вызвал сразу несколько эффектов, которые в совокупности и стали средством создания комического эффекта – лексическая омонимия (*shoots* – *побеги* vs *стреляет из огнестрельного оружия*; *leaves* – *листья* vs *уходит*); грамматическая омонимия (формант *-s*, который маркирует значение единственного числа глаголов в настоящем времени, и формант регулярной формы множественного числа имён существительных), переход двух лексем в иной частеречный класс (имя существительное – глагол), изменение синтаксической организации предложения (вместо

Vs + Npl and Npl актуализировалось Vs+Vs and Vs). Однако все эти лингвистические процессы и единицы в данном случае невозможно рассматривать в качестве триггера – они порождаются исключительно пунктуационным средством, которое и продуцирует смену сценариев: «кормовая база панды (побеги – *shoots*; листья – *leaves*)» – «последовательно осуществляемые действия панды» (ест, стреляет, уходит – *eats, shoots, leaves*), при этом актуализируется оппозиция «реальное (еда панды – побеги и листья) – нереальное (панда является животным, поэтому не может осуществить действие «стрелять из огнестрельного оружия»)».

Таким образом, при исследовании многомерных, комплексных прагматических эффектов, каким в частности является комический эффект, видится необходимым производить учёт взаимодействия всех уровней и подсистем языка. Игнорирование отдельных подсистем и их единиц в силу их периферийности приводит к неточности в описании исследуемых явлений и процессов и, как следствие – к потенциальной неполноте научного знания в избранной исследовательской области.

Не вызывает сомнения тот факт, что, с одной стороны, вербальный юмор как один из аспектов проявления креативной способности человеческого мышления не может быть полноценно описан без привлечения исследовательских процедур когнитивно-лингвистической парадигмы. С другой стороны, пунктуация, как убедительно показано исследователями, также вовлекает в функциональном плане интерпретативную составляющую, поэтому является продуктом осознанной работы мышления – как со стороны пишущего (в ономаσιологическом аспекте), так и со стороны читающего (в семасиологическом аспекте), что так же представляет интерес в рамках когнитивно-ориентированных исследований в этой области. Это обусловлено тем, что «чрезвычайная сложность языка, масштабность его средств и ресурсов в сочетании с вариабельной функциональной реализацией, иерархичность в системе и в структурном построении, комплексность в структурах и в формировании значений как в слове, так и при реализации общего смысла более сложных построений и многие другие присущие языку факты свидетельствуют, что за всем этим стоит человек и его ментальная деятельность» [Кобрина 2005: 59].

Литература

Березина О. А., Ильенкова Е. А. Грамматические средства создания комического эффекта // Язык и культура в глобальном мире. СПб.: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2024. С. 83–90.

Березина О. А., Ильенкова Е. А. Когнитивный подход в исследовании средств создания комического эффекта // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 818–821.

Валгина Н. С. Трудные случаи пунктуации: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983.

Ким И. Е. Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономазиологический и семасиологический подход в пунктуации // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 1. С. 252–260.

Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 302–318.

Кобрин Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Кобрин Н. А., Мороховский Л. В. Английская пунктуация. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961.

Сигал К. Я. Устойчивые сравнения, пунктуация и узус // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 1. С. 82–99.

Шубина Н. Л. Русская пунктуация как объект нормализации // Университетский научный журнал. 2014. № 9. С. 120–130.

Шубина Н. Л. Текстовая пунктуация как объект интерпретирующей мысли // Научное мнение. 2015. № 4. С. 54–61.

Truss L. Eats, Shoots & Leaves. The Zero Tolerance Approach to Punctuation. London: Profile Books Ltd. 2003.

*O. A. Berezina (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

PUNCTUATION MARKS AS TRIGGER FOR COMIC EFFECT

The means of punctuation as one of the language subsystems has rarely been investigated in order to describe their semantics or functional capacity. Yet, lately they have taken their place within the field of researchers' interest. Most investigations involving punctuation aim at describing the correlation between the prescribed norm within the language system and deviations in usage. Nevertheless, cognitive approach towards investigating the processes and mechanisms which are involved in producing certain usage patterns for the punctuation marks has a vast area to investigate.

Key words: punctuation, punctuation marks, comic effect, trigger, cognitive approach.

Е. И. Голованова (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет
terminolog2011@rambler.ru

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТЫЙ – ЗАКРЫТЫЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются особенности реализации идентифицирующей функции общеупотребительных прилагательных в профессиональных языках на примере составных терминов с атрибутивным компонентом ОТКРЫТЫЙ – ЗАКРЫТЫЙ. Выявлены ключевые признаки (идентификаторы) для распознавания и фиксации с помощью данных прилагательных специальных объектов в профессиональной среде: ‘не имеющий ограничений’ – ‘имеющий ограничения’. Установлены основные области (параметры) ограничений, обусловленные конкретной сферой функционирования терминологии, определена наиболее востребованная в терминологических сочетаниях область ограничений.

Ключевые слова: идентифицирующая функция, идентификатор, профессиональный язык, коммуникация, составной термин, прилагательное.

Новеллу Александровну Кобрину весьма привлекала проблема соотношения ментальной сферы и вербализации, интересовали мотивы конкретизации широкого по объему концепта в языковой единице в зависимости от целей и типа номинации, прагматичности в использовании, вопросы изменения объема значения, функциональной и категориальной вариативности и т.д. (см., напр.: [Кобрина 2005]). Полагаем, что многие наблюдения ученого в этом ракурсе могут быть экстраполированы на сферу профессиональной коммуникации. В частности, адекватного осмысления требует ментальная основа профессиональных единиц, особенности вербализации в них когнитивного содержания, реализация идентифицирующих функций отдельных частей речи в составе терминосочетаний.

Под *идентификацией* в языке понимается «отождествление, установление идентичности чего-н.» [Крысин 2006: 288], т.е. установление полного соответствия чего-либо чему-либо по определенным признакам. В процессе идентификации очень важны критерии, признаки, по которым устанавливается совпадение одного объекта с другим (другими) или соответствие того или иного объекта чему-либо. Такие признаки носят название *идентификаторов*. Точное определение этого слова дано в «Большом толковом словаре русского языка»: идентификатор – «признак, служащий для идентификации распознаваемого предмета» [БТСРЯ: 374].

Настоящая статья посвящена роли прилагательных в наименовании признака, служащего для идентификации специальных предметов и явлений в сфере профессиональной коммуникации. В качестве объекта исследования избраны соотносительные прилагательные *открытый* – *закрытый*, которые весьма часто используются в качестве атрибутивного компонента терминологических сочетаний в самых разных сферах знания и деятельности (выбор указанных прилагательных связан также и с тем, что они относятся к общелитературному фонду русского языка, ср.: [Голованова 2024]).

Так, в терминологии пожарной безопасности представлены единицы *открытый огонь* (процесс окисления, сопровождающийся излучением в видимом диапазоне и выделением тепловой энергии, опасные факторы которого не ограничены в пространстве [Энциклопедия-справочник пожарного]), *закрытый огонь* (огонь в исправной печи с закрывающимися дверками и дымовой трубой; инсинераторе, крематории [Земский и др. 2020: 47]). Кроме того, наименование *закрытый огонь* может означать «особый вид пожара, возникающий в замкнутом пространстве, в котором отсутствует доступ кислорода» [Огонь, виды, свойства и применение].

В приведенных определениях репрезентированы, на наш взгляд, ключевые признаки (идентификаторы) для распознавания и фиксации с помощью данных прилагательных специальных объектов в профессиональной среде, а именно: *‘не имеющий ограничений’* – *‘имеющий ограничения’*.

Область ограничения определяется конкретной средой (сферой) функционирования терминологии. Проведенный нами анализ специальных наименований, включающих в свой состав прилагательные ОТКРЫТЫЙ – ЗАКРЫТЫЙ, позволил выделить следующие области (параметры) ограничений:

- в пространстве (*‘без покрытия сверху’* – *‘с покрытием сверху’*, *‘без заграждения по сторонам’* – *‘имеющий заграждения’*);
- по доступности (*‘общедоступный’* – *‘с ограничениями для доступа’*);
- в образовании или функционировании (*‘без смыкания’* – *‘со смыканием’*, *‘способный к продолжению’* – *‘строго фиксированный’* и др.);
- в обмене веществом, энергией и информацией (*‘свободно обменивающийся’* – *‘замкнутый’*);
- в восприятии, наблюдении (*‘явный’* – *‘не явный’*);
- в отношении ко времени (*‘не завершённый’* – *‘завершённый’*).

Примером наименований, реализующих первую область (параметр) ограничений, могут служить устойчивые словосочетания, носящие консубстанциональный характер (т.е. представленные как в терминологии, так и в общеупотребительном языке): *открытый каток*, *открытая сцена*,

открытый пирог, *открытая железнодорожная платформа* (в каждом случае отсутствует покрытие сверху; ср. *закрытый пирог*), а также специальные обозначения: *камин открытого типа*, *камин закрытого типа*, *открытый полигон* (у денотатов отсутствуют или, наоборот, имеются заграждения). В медицинской терминологии с нарушением кожного покрова связаны термины *открытая черепно-мозговая травма*, *открытый перелом*; противоположные понятия (без нарушения кожного покрова) выражаются терминами с компонентом *закрытый*.

К этой же области ограничений можно отнести наименования, в которых, помимо отсутствия покрытия и ограждений, актуализируется признак ‘находящийся вовне, снаружи’: *открытый космос*, *открытая горная выработка*. Особенность данных наименований в том, что они не имеют соотносительных единиц с антонимичным прилагательным (**закрытый космос*, **закрытая горная выработка*).

Вторая область ограничений, связанная с доступностью чего-либо, в современных специальных терминологиях является весьма востребованной (прежде всего в подязыках сферы ИТ, образования и маркетинга). Покажем это на конкретных примерах.

ОТКРЫТЫЙ

Открытое дистанционное образование – «форма дистанционного образования, доступная **любому желающему** без оценки его исходного уровня знаний (без вступительных экзаменов или тестирования <...>)» [Белова, Рублева 2017: 44].

Открытые образовательные ресурсы – «цифровые учебные материалы (материалы в электронной форме), размещенные **в публичном доступе** <...>. Это могут быть материалы для преподавателей, контент для учащихся: конспекты лекций, содержание видеокурсов, коллекции учебных и научных журналов и публикаций (например, ресурс «Киберленинка», который представляет собой открытую электронную библиотеку научных публикаций)» [Там же].

Открытая лицензия – простая, неисключительная лицензия на использование объекта авторских, смежных или патентных прав, при которой он доступен **неопределенному кругу лиц** [Там же].

Открытые торги – международные торги, к участию в которых приглашаются **все желающие** фирмы и организации [Маркетинг: 84].

Открытый биометрический образ – биометрический образ человека, **общедоступный** для наблюдения [Цифровой мир: 278].

Открытый ключ – ключ, используемый в асимметричном криптографическом алгоритме, который может быть сделан **общедоступным** [Там же].

Открытые стандарты и спецификации – стандарты и спецификации, являющиеся **доступными** и не требующими разрешения и оплаты за их использование [Там же].

Открытые банковские интерфейсы – **общедоступные** интерфейсы прикладного программирования (API), которые предоставляют разработчикам программный доступ к финансовым данным в финансовых сервисах [Там же].

Открытая среда применения – среда для взаимодействия в определенной предметной области, в которой **свободно** могут принимать участие **независимые** стороны без необходимости заключения двусторонних соглашений [Там же].

Открытая сборочная среда – сборочная среда, в которой применяются **доступные** и общепризнанные открытые стандарты, при этом максимально реализуются возможности **свободного** программного обеспечения [Там же].

Открытый формат – свободная от лицензионных ограничений при использовании **общедоступная** спецификация (стандарт) хранения цифровых данных, позволяющая переносить их с одной программной платформы на другую без искажения формы, структуры, содержания [Там же: 279].

Открытая библиотека искусственного интеллекта – набор алгоритмов, предназначенных для разработки технологических решений на основе искусственного интеллекта, описанных с использованием языков программирования и размещенных **в сети Интернет** [Там же: 277].

Открытое акционерное общество – акционерное общество, акции которого котируются на бирже и могут быть проданы **любому** покупателю [Морковкин, Богачева, Луцкая 2023: 719].

Открытый урок – урок в школе, даваемый с целью обмена опытом, на который приглашаются другие учителя, методисты [Там же: 718].

Открытая лекция – «**доступная** для посторонних, для всех» [БТСРЯ: 749].

Открытое письмо – письмо публицистического характера, **публикуемое** в печати [ТСРЯ: 589].

Открытое учебное заведение – посещаемое также проходящими слушателями [БТСРЯ: 749].

Открытое море – часть мирового океана, которая не является исключительным владением одного государства [Морковкин, Богачева, Луцкая 2023: 548] и «находится в общем пользовании всех государств в целях навигации, промысла и пр.» [БИЭ: 345].

Ср. также: *открытые источники, открытая информация, открытые данные, открытая олимпиада школьников.*

ЗАКРЫТЫЙ

Закрытые торги – торги, к участию в которых приглашается **ограниченное** число фирм и консорциумов. Объявления о проведении таких торгов не публикуются, приглашения направляются в индивидуальном порядке [Маркетинг: 43].

Закрытые скидки – ценовые скидки, которые предоставляются на продукцию, обращающуюся в **замкнутых** экономических единицах (во **внутрифирменных** поставках, во **внутренней** торговле международных замкнутых группировок), или на товары, поставляемые **по специальным** межправительственным соглашениям [Маркетинг: 43].

Закрытое акционерное общество – акционерное общество, акции которого распространяются **только между учредителями** и не поступают в открытую продажу [Морковкин, Богачева, Луцкая 2023: 325].

Закрытое море – морское пространство в пределах какого-либо государства [Там же: 548].

Сравните также: *закрытое судебное заседание, закрытое совещание, закрытый город, закрытый поселок, закрытый клуб, закрытая школа* и т.п. За всеми сочетаниями данного типа стоит информация об ограниченном доступе на данные территории, объекты или мероприятия (действует особый порядок доступа, особый режим).

Третья область ограничений, связанная с образованием и функционированием специальных объектов, задействована в лингвистической, музыкальной и некоторых других терминологиях. Например, в лингвистике используются термины: *открытый слог* – «слог, оканчивающийся на гласный звук» [БТСРЯ: 749]; *закрытый слог* – «слог, оканчивающийся на согласный» [Ахманова 2007: 428]; *предложения открытой структуры* – *предложения закрытой структуры* (различаются тем, что одни могут иметь неограниченное число частей, другие – состоят из двух частей, структурно и семантически взаимообусловленных). Ср. также лингвистические термины: *открытый словесный ряд, открытая конструкция*.

В терминологии, обслуживающей вокальное искусство, используются наименования *открытый звук* и *закрытый звук*. В первом случае имеется в виду «перенесение речевого звучания гласных в пение (например, при исполнении народных песен)» [Вокал: 235], во втором случае подразумевается звук, который «образуется при пении с закрытым ртом» или «с открытым ртом вследствие опускания небной занавески, перекрывающей вход в ротовую полость» (применяется в качестве аккомпанемента солисту, а также в работе над дыханием, выравниванием строя и в процессе постановки голоса) [Там же: 235].

В медицинской терминологии представлено обозначение *открытый прикус* – нарушение прикуса, при котором верхние и нижние зубы не смыкаются при закрытии рта, создавая зазор между зубными рядами [Открытый прикус].

В терминологии международного воздушного права снятие ограничений зафиксировано в наименовании *открытая зона* (ср. англ. free zone) – «часть территории <...> государства, где любые ввезенные товары, с точки зрения импортных пошлин и налогов, рассматриваются как находящиеся вне таможенной территории» [СТМВП: 109].

Если вернуться к терминологии пожарной безопасности, то в помещениях здесь различают открытые и закрытые пожары. *Открытым пожарам* свойственно свободное выгорание горючих материалов без перехода во взрыв (вспышку). Эти пожары развиваются при полностью или частично открытых вентиляционных проемах, характеризуются высокой скоростью распространения горения с преобладающим направлением в сторону открытых проемов и переброса через них факела пламени, вследствие чего создается угроза перехода огня в верхние этажи и на соседние здания. *Закрытые пожары* протекают при полностью закрытых проемах, когда газообмен осуществляется только вследствие инфильтрации воздуха и удаляющихся из зоны горения газов через неплотности в ограждениях, притворах дверей, оконных рам, при действующих системах естественной вытяжной вентиляции без организованного притока воздуха, а также в отсутствии систем вытяжной вентиляции. Для закрытых пожаров характерны опасность перехода пожара во взрыв (вспышку), а также опасность разрушения строительных конструкций [Виды пожаров].

Что касается ограничений при обмене информацией, то в переводоведческой терминологии разграничиваются два типа адресата: *открытая аудитория* – финальный адресат в коммуникации с переводом, при которой переводчик видит и слышит реакцию на свои действия [Нелюбин 2018: 134], и *закрытая аудитория*, которая характерна для средств массовой коммуникации (прессы, радио, телевидения) и отличается отсутствием немедленной обратной связи [Там же: 55].

В общенаучном дискурсе *открытыми системами* называют системы, которые могут обмениваться с окружающей средой веществом и энергией. К таковым относятся, например, химическая и биологическая системы, в которых непрерывно протекают химические реакции за счет поступающих извне веществ, а продукты реакции выводятся из системы [БИЭ: 345]. Типичным представителем открытой системы является живой организм.

Наличие ограничений в обмене веществом, энергией и информацией репрезентировано также в наименованиях *закрытый рынок* – состояние

рынка, при котором курс покупателя равен курсу продавца [Маркетинг: 44], *закрытое учебное заведение* – учебное заведение, где учащиеся не только учатся, но и живут, питаются, обеспечиваются всем необходимым [Морковкин, Богачева, Луцкая 2023: 325].

Область ограничений, связанных с восприятием специальных объектов, возможностью наблюдать их, можно проиллюстрировать примерами из лингвистической и медицинской терминологии. В лингвистике используется понятие *открытая категория*, под которым понимается категория, обладающая регулярностью своего выражения в языке (например, категория лица выражается личными формами глагола или сочетаниями глагольных форм с местоимениями) [ЛЭС: 271]. Явный характер изменения положения речевых органов, обусловленный последовательной сменой артикуляции или сменой состояний их покоя и работы, отмеченный перерывом (т.е. закрытием голосовой щели) между следующими друг за другом звуками, обозначается термином *открытый переход* [Ахманова 2007: 320]. *Закрытый переход* – это неявный переход, характеризующийся отсутствием перерыва на стыке следующих друг за другом звуков [Там же].

В медицинской терминологии *открытая форма туберкулеза* – это явно выраженная форма (при которой больной с мокротой выделяет палочки Коха) [БТСРЯ: 749]. Противоположное явление – скрытая, не проявленная форма заболевания – носит название *закрытой формы туберкулеза* [Там же: 329].

Наконец, термин деловой коммуникации *открытое голосование* служит для обозначения голосования, осуществляемого простым поднятием рук [Морковкин, Богачева, Луцкая 2023: 718]; ему противопоставлено *закрытое голосование*, или тайное голосование, т.е. такое, которое осуществляется путем подачи бюллетеней [Там же: 325].

Ограничения, связанные с временным параметром (завершенностью или незавершенностью предусмотренного цикла операций), представлены в таких терминах, как *открытый счет* – одна из форм расчетов во внешней торговле, заключающаяся в отправлении в адрес иностранного покупателя товара и товарных документов, оплату которых импортер осуществляет в течение обусловленного в контракте срока [Маркетинг: 85], а также *закрытая позиция* – в финансовой терминологии завершение расчетов по сделке с ценными бумагами, выкуп проданной бумаги или продажа купленной.

Таким образом, анализ особенностей реализации идентифицирующей функции прилагательных ОТКРЫТЫЙ – ЗАКРЫТЫЙ в составных терминах позволил выявить ключевые концептуальные признаки для распознавания

специальных объектов и определить значимые в профессиональной среде области (параметры) ограничений, обусловленные спецификой конкретных сфер знания или деятельности.

Литература

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007.
- Белова Н. В., Рублева Е. В.* Краткий словарь IT-терминов для специалистов по языковому образованию. СПб.: Златоуст, 2017.
- БИЭ – Большая иллюстрированная энциклопедия: в 32 т. Т. 20. М.: АСТ: Астрель, 2010.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.
- Виды пожаров // Энциклопедия пожарной безопасности. URL: <https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/enc/vidy-pozharov> (дата обращения: 17.01.2025).
- Вокал. Краткий словарь терминов и понятий / сост. Н. А. Александрова. СПб.: Лань: Планета музыки, 2015.
- Голованова Е. И.* Реализация семантического потенциала общеупотребительной лексемы в составных терминах (на примере прилагательного «прямой») // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (137). С. 7–14.
- Земский Г. Т., Ильичев А. В., Зуёков В. А., Кондратюк Н. В. Аверкина Н. Б.* Термины в пожарных нормативных документах. Помещения // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2020. № 4 (6). С. 42–50.
- Кобрина Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 77–94.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Маркетинг: Толковый терминологический словарь-справочник. М.: Инфоконт, 1991.
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М.* Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: АСТ-ПрессШкола, 2023.
- Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2018.
- Огонь, виды, свойства и применение. URL: <https://m-focus.ru> (дата обращения: 20.01.2025).
- Открытый прикус: причины, последствия и методы лечения. URL: <https://wl-clinic.ru/patients/otkrytyy-prikus-prichiny-posledstviya-i-metody-lecheniya/> (дата обращения: 22.01.2025).
- СТМВП – Англо-русский словарь терминов и понятий международного воздушного права / под ред. В. В. Воробьева. М.: Прометей, 2023.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008.

Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов / под ред. И. Р. Бегишева. М.: Проспект, 2024.

Энциклопедия-справочник пожарного и не только. URL: <https://fireman.club/enciklopediya-pozharnoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 19.01.2025).

E. I. Golovanova (*Chelyabinsk, Russia*)
Chelyabinsk State University

IDENTIFYING FUNCTION OF ADJECTIVES *OPEN* – *CLOSED* IN PROFESSIONAL LANGUAGES

The article views implementation of the identifying function of adjectives in professional languages on the example of compound terms with the attributive component *OPEN* – *CLOSED*. With the help of these adjectives special objects in a professional environment can be recognized and stated, the key features (identifiers) for this being ‘*unlimited*’ – ‘*limited*’. The article points out the main parameters of restrictions caused by the specific area of terminology functioning, and determines the area (parameter) of the restrictions most in demand in terminological combinations.

Key words: identifying function, identifier, professional language, communication, compound term, adjective.

С. В. Киселева (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
svkiseljeva@bk.ru

В. А. Родин (*Санкт-Петербург, Россия*)
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
rodin.valentin2014@yandex.ru

ЯВЛЕНИЕ МЕТАФТОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА»

В настоящей статье проводится анализ механизмов метафтонии в терминологических фразеологизмах англоязычной терминосистемы «Строительная техника». Рассмотрены терминологические фразеологизмы *digging paw* и *running road*, созданные для описания принципов работы механизмов *grab-bucket* (ковш захвата) и *track* (гусеница). Объяснены причины появления данных терминологических фразеологизмов в рамках изучаемой терминосистемы, а также проанализированы

и описаны когнитивные механизмы метафоры и метонимии, образующие блендинг в процессе их создания.

Ключевые слова: метафтонимия, терминологический фразеологизм, термино-система, строительная техника, когнитивный подход.

Механизмы метафоры и метонимии, часто рассматриваемые в когнитивной лингвистике с точки зрения особенностей их воздействия на мышление человека, являются предметом многочисленных дискуссий. Актуальным остается вопрос о концептуальном взаимодействии (блендинге) метафоры и метонимии, именуемым метафтонимией [Goossens 2002: 350]. До сих пор исследователи явления метафтонимии не могут прийти к единому мнению относительно того, каким именно образом и по каким законам образуется метафоро-метонимический блендинг. Метафора и метонимия являются сложнейшими когнитивными механизмами, суть которых заключается в одновременном выполнении различных задач. Метонимия призвана идентифицировать то или иное явление в сознании человека как нечто независимое (создание общего образа). Метафора, в свою очередь, направлена на характеристику этого явления с точки зрения его существенных особенностей (раскрытие образа). Вследствие этого, любая попытка описать метафтонимический блендинг, в сущности, сводится к выявлению первичного и вторичного механизмов (метафорического или метонимического) в процессе их актуализации, что априори является лишь субъективной позицией ученого.

В науке существует немалое количество подходов к исследованию метафоро-метонимического блендинга. Так Л. Гуссенс, закладывая основу изучения метафтонимии, выделяет четыре ее типа: *«метафора из метонимии; метонимия внутри метафоры; метафора внутри метонимии; деметонимизация»* [Goossens 2002: 351]. Р. И. Устраханов несколько расширяет исследование Л. Гуссенса и выделяет пять случаев взаимодействия метафоры и метонимии: *«пропорциональная метафтонимия со свободным сочетанием метафорического и метонимического элементов; многоплоскостная интеграция концептуальных элементов; метафора на базе метонимии с блокированием метонимического элемента; метонимия на базе метафоры с сохранением метафорического элемента; метафора на базе метонимии с сохранением метонимического элемента»* [Устраханов 2006: 19]. Ф. Руиз де Мендоза, в этом аспекте, также дополняет исследования Л. Гуссенса и описывает логику взаимодействия метафоры и метонимии следующим образом: *метонимическое расширение сферы-источника метафоры, метонимическое сужение сферы-источника метафоры, метонимическое расширение сферы-цели метафоры, метонимическое сужение сферы-цели метафоры* [Ruiz de Mendoza 2011: 6].

Разнятся и точки зрения относительно того, какие связи (метафорические или метонимические) априори являются доминантными (очевидными для восприятия) в сознании человека. Так, большинство ученых полагает, что в основе любой метафоры заложены метонимические связи (A. Barcelona, F. Ruiz de Mendoza, G. Radden, A. B. Соколов). Метафорические же связи практически не воспринимаются учеными как доминантные, однако, в противовес первенству метонимии, высказывается точка зрения о равнозначности обоих механизмов в некоторых контекстах (Р. И. Устраханов, С. А. Хахалова, J. Taylor).

Крайне значимым также представляется тезис С. В. Киселевой и И. Б. Руберт о том, что «возможность одновременной реализации метафоры и метонимии в одном выражении определяется тем, что метонимические переносы изначально формируются на уровне ощущения, а метафорические – на уровне восприятия» [Киселева, Руберт 2019: 424]. Восприятие, будучи сложным когнитивным процессом, в качестве одного из основополагающих свойств, предполагает оценку действительности путем сравнения и сопоставления различных его элементов, имеющих схожие механизмы воздействия на сознание. Подобное сравнение в качестве основной цели имеет нахождение устойчивой когнитивной и психологической опоры, позволяющей впоследствии сформировать то, что принято называть системой мышления человека. Ощущение, в свою очередь, позволяет сфокусироваться лишь на отдельном качестве или свойстве предмета, которые воздействуют на конкретный анализатор (зрительный, обонятельный, слуховой и т.д.) [Там же]. Потребности в каком-либо сравнении и поиске опор не требуется.

Таким образом, метонимия не предполагает выхода за рамки одной концептуальной области, в то время как при метафоризации это является необходимостью [Pesina et al 2021: 249]. Метафтонимия представляется наиболее сбалансированным и естественным способом кодирования и декодирования информации об окружающей действительности.

Явление метафтонимии может быть зафиксировано в рамках различных терминологических систем. Однако форма, которую «принимает» метафтонимия, зачастую едина. Очевидно, что однословного термина не может быть достаточно для того, чтобы выявить в нем какой-либо блендинг. Как правило, данное явление фиксируется в так называемых терминологических сочетаниях, представляющих собой как минимум две лексические единицы. Вслед за В. П. Даниленко, в настоящем исследовании терминологические сочетания разделяются на свободные (разложимые) и несвободные (неразложимые) [Даниленко 1977: 37]. В свободных терминологических сочетаниях каждый компонент представляет из себя отдельную устойчивую терминологическую

единицу, способную функционировать независимо. В несвободных сочетаниях один из компонентов может не являться термином. Иными словами, под несвободными сочетаниями ученым понимаются явления, именуемые терминологическими фразеологизмами [Там же]. Именно в них, с нашей точки зрения, чаще всего фиксируется явление метафтонимии.

Термины-фразеологизмы обладают особым статусом в науке. Причина их появления кроется в необходимости вербальной конкретизации свойств объекта или явления, которые априори, по ряду причин, не могут поддаваться абстрагированию [Голованова 2013: 72]. Следовательно, терминологический фразеологизм предполагает выход за рамки той или иной концептуальной области в целях создания необходимых ассоциаций в сознании человека. Мотивация к абстрагированию обуславливается появлением в составе термина-фразеологизма элемента, самого по себе не являющегося термином.

Следует отметить, что явление метафтонимии отнюдь не характерно для каких-либо технических терминосистем. Действительно, в контексте стремления к точности и однозначности формулировок, терминологические фразеологизмы внутри технического терминополья зачастую выглядят неуместно и нарушают научный стиль. Однако, несмотря на все вышесказанное, подобное явление иногда замечается внутри тех или иных технических терминосистем. Строительно-техническая терминосистема, несмотря на свою крайне узкую специализацию, не является исключением. В последние 10 лет в руководствах по эксплуатации к различным типам строительных машин, а также в англоязычных лингвистических корпусах все чаще появляются термины-фразеологизмы, содержащие метафтонимию. Перед тем как провести детальный анализ подобного явления, следует, на наш взгляд, обосновать причину его появления внутри изучаемого терминополья.

За последние 10 лет сфера строительной техники претерпела кардинальные изменения, которые заключаются в появлении все более новых видов навесного и рабочего оборудования для строительных машин. В связи с этим, возросла необходимость в описании принципов работы данных механизмов. Особое внимание технических специалистов привлекло оборудование, принципы работы которого в значительной степени отличались от привычных, за счет внедрения новых технологий, применимых для работы на строительной площадке.

Также, в отдельных случаях появилась потребность уточнить принципы действия некоторых уже существующих механизмов. К работе были привлечены представители лингвистической науки. Задача, поставленная перед ними, заключалась в нахождении такого способа описания принципов работы новых элементов, которое, не нарушая стиль технической документации,

незначительно раздвинуло бы его границы в целях облегчения понимания необходимой информации для соответствующих специалистов. В связи с этим метафора, как когнитивный механизм, предполагающий участие двух концептуальных областей (исходной и целевой), оказалась нерелевантной для использования. Получившиеся терминологические фразеологизмы (и далее представленные для анализа), являются удачным метафоро-метонимическим блендингом (метафтонимией). Их структура не нарушает стиль технической документации, а незначительное метафорическое расширение из метонимии позволяет понять принцип работы того или иного нового механизма, за счет создания необходимых ассоциативных связей в сознании.

Рассмотрим терминологическое сочетание “digging paw”, которое используется для описания работы нового механизма, именуемого grab bucket «ковш-захват»: “A **grab bucket** should be used for this work. Make sure that no one is near the machine. The **digging paw** should be positioned at a slight angle...” [JCB JS200 2015: 42] «Для этой работы следует использовать **ковш-захват**. Следите за тем, чтобы рядом с машиной никого не было. **Копаящая лопата** должна располагаться под небольшим углом...» (Перевод В. А. Родин).

Основная цель метафтонимии здесь заключается в связи терминологического фразеологизма *digging paw* с работой нового механизма *grab bucket*. Слово “digging”, образованное от глагольного термина «to dig» (копать ковшом), является основой метонимического переноса с механизма (навесного оборудования) на его функцию (ковш – копающий механизм). Однако затруднения вызывает слово «grab» в исходном терминологическом сочетании. При компонентном анализе, в значении термина “grab” выделяются следующие компоненты: *hold* захват; *handle* «поручень»; *hook* «крюк»; *clamp* «скоба» [Construction machinery glossary]. Определить, какой из вышеперечисленных компонентов является доминантным, становится сложной задачей для специалистов, впервые столкнувшимися с таким механизмом. В связи с этим, в дополнение к метонимическому переносу, требуется также метафорическое расширение для возможности определить функцию нового механизма на ассоциативной основе. Слово “paw” (лапа – лопата) наиболее полно отражает принцип действия механизма *grab-bucket*. Данный ковш, подобно лапе животного с когтями, способен захватывать различного рода объекты для переноса их по строительной площадке. Также следует отметить, что данный механизм, в основном, предназначен для земляных работ, что относит его к сфере животного мира, представители которого инстинктивно копаются в земле. Таким образом, компонент *hold* в термине *grab* (захват), является доминантным и релевантным для описания принципа работы ковша-захвата.

Далее обратимся к терминологическому фразеологизму “running road”, описывающему работу гусеничного механизма (track). Здесь, в отличие от предыдущего примера, механизм метафтонимии не используется с целью уточнить принцип действия самого механизма, поскольку он не только известен каждому специалисту, но и является базовым для большинства строительных машин. Данный блендинг позволяет избежать тавтологии в связи с необходимостью многократного повторения одного и того же термина в рамках одного абзаца в руководстве: “*Sprockets are of integral castings and able to correctly engage with track. Sprockets located at rear part of excavator, shortening the tensioner part and relieving the track abrasion, wear and power consumption. Each running road is equipped with a tensioner, adjusting the tension and reducing the track vibration noise, abrasion, wear and power loss*” [Catetpillar D6R 2014: 33] «Звездочки изготовлены из цельного литья и могут правильно входить в зацепление с гусеницей. Звездочки расположены в задней части экскаватора, что сокращает длину натяжителя и снижает истирание гусеницы, износ и энергопотребление. Каждая гусеница оснащена натяжителем, регулирующим натяжение и снижающим вибрацию, шум, истирание, износ и потерю мощности» (Перевод В. А. Родин).

Однако анализ показывает, что принцип метафоро-метонимического блендинга здесь является идентичным описанному выше. Слово “running” образовано от глагольного термина “to run” (двигаться) и также является основой метонимического переноса с механизма (гусеница) на его функцию (гусеница – движение). Метафорическое расширение из метонимии, достигнутое с помощью слова “road”, способствует возникновению ассоциации с широкой асфальтированной дорогой.

В сущности, в приведенных примерах метафоро-метонимического блендинга в терминологических фразеологизмах наблюдается такой тип взаимодействия, который в исследовании С. В. Киселевой, Н. А. Трофимовой и М. Ю. Мироновой называется «комбинированием» [Киселева, Трофимова, Миронова 2020: 211]. В нем метафора и метонимия действуют внутри терминологического фразеологизма практически независимо друг от друга, находясь на равных условиях в отношении воздействия на когнитивные механизмы реципиента.

Также, следует обратить особое внимание на структурные особенности вышеописанных терминологических фразеологизмов. Оба из них имеют двухкомпонентную структуру: *V (ing) + noun*, которая является популярной в технических терминосистемах, в целом, и в строительнотехнической терминологии, в частности. Часто в руководствах встречаются

двухкомпонентные терминологические единицы, такие как: *travelling motor* (ходовой двигатель), *working equipment* (рабочее оборудование), *slewing support* (поворотная опора), *connecting rod* (соединительная штанга) и т.д. [Bobcat B30 2021: 59]. Данные лингвистического корпуса COCA позволяют подтвердить частоту употребления этих терминов в контексте строительной техники. На это указывают индексы частотности употребления каждого из перечисленных терминов, где первой цифрой обозначается количество употреблений в рамках строительной техники, а второй цифрой – общее количество упоминаний данного термина в рамках технического дискурса: *travelling motor* (97/250), *working equipment* (120/300), *slewing support* (30/50), *connecting rod* (15/40) [COCA Construction machines 2025]. Что касается терминологических фразеологизмов *digging paw* и *running road*, то они не встречаются в лингвистическом корпусе (индекс равен 0/0), поскольку, как уже было сказано выше, являются окказионализмами, употребление которых в рамках строительно-технической терминосистемы в будущем ставится под сомнение. Более того, такие сочетания встречаются только в двух руководствах по эксплуатации, что подтверждает локальный характер их появления. Однако благодаря использованию двухкомпонентной структуры *V (ing) + noun* можно ошибочно предположить, что данные терминологические фразеологизмы являются часто употребляемыми в сфере строительной техники.

Таким образом, задача экспертов в области лингвистики по созданию новых терминологических фразеологизмов была достигнута. Благодаря их совместной работе с техническими специалистами, были созданы такие терминологические фразеологизмы, которые дали возможность обогатить строительно-техническую терминологию с помощью явления метафтонимии.

Литература

Голованова Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 69–75.

Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.

Киселева С. В., Трофимова Н. А., Миронова М. Ю. Метафтонимическое комбинирование как основа формирования значения // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах. Курган: Курганский государственный университет, 2020. С. 211–215.

Руберт Н. Б., Киселева С. В. Когнитивные механизмы метафтонимии // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 419–426.

Устарханов Р. И. Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.

Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* / ed. by Rene Dirven; Ralf Pörings. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 349–378.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Pesina S. A., Vinogradova S. A., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Rudakova S. V., Baklykova T. Yu. Functioning of metaphor through the prism of invariant theory of polysemy // *Applied Linguistics Research Journal*. 2021. T. 5. № 4. C. 247–252.

Ruiz de Mendoza F., Galera Masegosa A. Going beyond metaphtonymy: metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation // *Language Value*. 2011. № 3. P. 1–29.

Источники

Construction Machinery Glossary. URL: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary.html> (дата обращения: 08.02.2025).

Bobcat B30 Operating Manual: Atlet company, 2021.

Caterpillar D6R Operating Manual: Atlet company, 2014.

JCB JS200: Operating Manual: Atlet company, 2015.

COCA – Corpus of contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 08.02.2025).

S. V. Kiseleva (Saint Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University of Economics

V. A. Rodin (Saint Petersburg, Russia)
A. S. Pushkin Leningrad State University

THE PHENOMENON OF METAPHTONYMY IN THE TERMINOLOGICAL PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH-LANGUAGE TERMINOLOGICAL SYSTEM “CONSTRUCTION MACHINERY”

This article analyzes the mechanisms of metaphtonymy in terms of terminological phraseological units of the English-language terminological system “Construction machinery”. The terminological phraseological units “digging up” and “running road”, created to describe the principles of operation of the grab-bucket and track mechanisms are considered. The reasons for the appearance of these terminological phraseological units within the framework of the studied terminological system are explained, as well as the cognitive mechanisms of metaphor and metonymy that form blending in the process of their creation are analyzed and described.

Key words: metaphtonymy, terminological phraseological unit, terminological system, construction machinery, cognitive approach.

Е. Е. Максимова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
Fusionek@yandex.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема взаимодействия лексического значения глагола и категориального значения морфологической формы на примере видо-временной формы перфекта в английском языке.

Ключевые слова: композиционность, предикат, категориальное значение, лексическое значение.

Профессор Новелла Александровна Кобринa внесла большой вклад в исследование проблемы взаимодействия лексических значений глаголов и категориальных значений принимаемых ими морфологических форм. Подход Новеллы Александровны к изучению механизма формирования интегрального значения предиката был основан на синтезе нескольких направлений современной лингвистики: когнитивной грамматики, морфологического и семантического синтаксиса, а также лексической грамматики в функциональном аспекте. Идея композиционности, или интегрированности, значений разных уровней стала лейтмотивом исследований учеников Новеллы Александровны последних лет. В своих работах они развивали концепцию Новеллы Александровны, в которой постулировалось следующее: вне синтаксиса морфология не может реализовать весь спектр значений, поскольку сама языковая система, по мнению автора, отличается высокой степенью креативности, выраженной способностью языковой личности «приспосабливать старые средства к новым целям» [Кобринa 1981: 30]. Новелла Александровна отмечала, что принцип актуальности для конкретной ситуации является главной чертой языка и характеристикой речепорождения, поэтому допустимо переосмысление, имплицирование, сужение и расширение значений и смыслов (см. подробнее: [Кобринa 2002; 2005; 2007]).

Перфект английского языка понимается как отдельная категория, совмещающая темпоральные и аспектуальные характеристики и поэтому занимает промежуточное положение между видовой и временной. Так, предшествование моменту временной отнесенности является временной характеристикой перфекта, а результативность есть видовая, или аспектуальная, характеристика данной морфологической формы. Поэтому в некоторых современных грамматических источниках перфект называют категорией «ретроспективной координации» (*retrospective coordination*). Любой из дан-

ных компонентов категориального значения перфекта может выходить на первый план в зависимости от контекста. Так, в предложении *I haven't seen you for ages* в приоритете находится временная характеристика, а в предложении *I haven't seen you since we took our last exam* на первый план выходит видовая характеристика (координация события, выраженного перфектом, относительно другого события, выраженного неперфектной формой).

С точки зрения взаимодействия лексического значения глагола и категориального значения перфекта интерес представляет группа предельных глаголов. В современном английском языке данные глаголы имеют тенденцию к неупотреблению в формах перфекта, поскольку значение результативности имплицировано в их семантической структуре: *I left my notebook at home*. То же самое происходит с глаголами, выражающими физическое и ментальное восприятие. Так в предложении *Sorry, I forgot your name* говорящий, скорее всего, сделает выбор не в пользу категории перфекта. Непредельные глаголы в форме перфекта приобретают характер предельных: *I have never loved anybody like this before*. Таким образом, следует подчеркнуть, что предельный/непредельный характер глагола может уточняться и даже модифицироваться в зависимости от его семантического окружения, что также подтверждает тезис об интегральном характере значения предиката как результате взаимодействия категориальных и лексических компонентов семантики участников этого взаимодействия.

При использовании в форме перфекта глаголов нереализованности действия возникает семантическая избыточность. Дело в том, что глаголы данной группы уже имеют характеристику результативности в своей семантической структуре, поэтому перфект для них неактуален. Взаимодействие лексического значения глагола и категориального значения морфологической формы для данных глаголов происходит по типу дублирования компонентов значения и формы. Следовательно, если говорящий выбирает морфологическую форму перфекта, например, в предложении *I have failed*, можно предположить, что данное высказывание будет, как минимум, более эмоционально окрашенным, чем в случае с нейтральным *I failed*.

Релятивные, эпистемические глаголы, а также глаголы одобрения, согласия, эмоциональной связи, интенции представляют особый интерес в плане исследования их употребления в морфологической форме перфекта. Следует отметить, что, в целом, глаголы указанных выше подклассов имеют тенденцию к неупотреблению в видо-временной форме перфекта ввиду отсутствия в их ядерной семантике такой характеристики, как акциональность (все представители указанных выше групп выражают преимущественно состояние, а не действие). Взаимодействие семантических компонентов

происходит в данном случае «по типу модификации, или частичной неконгруэнтности» [Максимова 2015: 590]. Это значит, что в разных контекстах, разных ситуациях общения, будут особым образом актуализироваться разные значения в зависимости от наличия/отсутствия характеристики акциональности конкретного лексико-семантического варианта глагола.

Например, у глагола *to approve* (подкласс глаголов согласия и одобрения), согласно словарю современного британского варианта английского языка Oxford Advanced Learner's Dictionary, существуют следующие лексико-семантические варианты:

1. to think that smb./smth. is good, acceptable or suitable.
2. to officially agree to a plan, proposal, request, etc.
3. to say that smth. is good enough to be used, or correct.

Лексико-семантические варианты (2) и (3) имеют в структуре сему акциональности, в то время как лексико-семантический вариант (1) является статальным. При этом лексико-семантический вариант (3) имеет пометку *often passive*.

Предположим, что проявление указанных выше категориальных значений будет влиять на диапазон использования глагола *to approve* в морфологической форме перфекта. Обратимся к корпусу британского варианта английского языка The British National Corpus (BNC) и обнаружим, что из 65 контекстов *has approved*, зафиксированных в корпусе, все 65 представляют собой актуализацию лексико-семантического варианта (2), подразумевающего проявление акциональной семантики. Статальные значения выражения в перфекте не находят, вероятно, потому что неконгруэнтны категориальной семантике морфологической формы перфекта.

В качестве еще одного примера рассмотрим глаголы, выражающие эмоции (*feel, regret, doubt*). В корпусе британского варианта английского языка The British National Corpus зафиксировано только 1 пример формы *has regretted* и 2 примера формы *has doubted* в сравнении с 34 примерами формы *has felt*. Чем же объясняется подобная разница в диапазоне употребления глаголов одной и той же группы в морфологической форме перфекта? Рассмотрим значения глаголов согласно словарю Oxford Advanced Learner's Dictionary.

Regret:

1. to feel sorry about smth. you have done or about smth. you haven't been able to do.
2. used to say in a polite or formal way that you are sorry or sad about a situation.

Doubt:

1. 1. to feel uncertain about smth.

2. 2. to not trust smb./smth.

Мы видим, что данные глаголы не проявляют сильного разнообразия в своих лексико-семантических вариантах, кроме того ни в одном из них не выражается семантика акциональности. Следовательно, диапазон их использования в морфологической форме перфекта довольно ограничен.

Что касается глагола *feel*, то в словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary приводится 9 значений, некоторые из которых акциональные. Например: *to search for smth. in your hands; to deliberately move your fingers over smth. In order to find out what it is like; to experience the effects or results of smth.* Семантика акциональности позволяет использовать глагол *feel* в данных лексико-семантических вариантах в морфологических формах, выражающих видовые характеристики, то есть в длительных и перфектных.

Таким образом, можно заключить, что диапазон использования глагола в морфологической форме перфекта зависит от лексической и категориальной семантики конкретного глагола, а точнее, его лексико-семантического варианта (то есть значения, актуализированного в конкретный момент времени в конкретном контексте). Чем больше в семантической структуре глагола или в контексте представлена характеристика акциональности (то есть, действия), тем шире диапазон использования данного глагола в соответствующем лексико-семантическом варианте в морфологической форме перфекта. Это иллюстрирует идеи Новеллы Александровны Кобриной о том, что ведущим принципом при формировании значения предиката является принцип композиционности, а лексико-грамматическое взаимодействие имеет своим следствием «формирование нового смысла, основанного на определенном способе интерпретации исходного вербализованного знания» [Беседина 2015: 564].

Литература

Беседина Н. А. Лексико-грамматическое взаимодействие в языке: когнитивный взгляд на проблему // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 563–565.

Вяльях К. Э., Максимова Е. Е. Имплицированные смыслы в псевдоусловных предложениях как отражение креативности системы языка // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 506–509.

Кобрина Н. А. Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 30–45.

Кобрина Н. А. Несоотнесенность структурная и содержательная как средство повышения экспрессивности // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1986. С. 54–62.

Кобрина Н. А. Сущность композиционных процессов при взаимодействии одноуровневых и разноуровневых составляющих // Проблемы когнитивной семантики. *Studia Linguistica* XI. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 20–28.

Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Кобрина Н. А. Вопрос о соотношении между лексическим значением глагола и полнотой его парадигм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 40–43.

Максимова Е. Е. Принцип композиционности как когнитивная основа взаимодействия значений // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 589–591.

BNC – The British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000.

***Е. Е. Maksimova** (Saint Petersburg, Russia)*
Saint Petersburg State University of Film and Television

MENTAL BASIS OF LEXICAL AND CATEGORIAL MEANING INTERACTION IN LANGUAGE

The article deals with the problem related to the integration of lexical meaning of the verb and grammatical meaning of its morphological form. The author analyses the lexicon and grammar interaction in the English Perfect tense-aspect form.

Key words: compositional meaning, predicate, lexical meaning, grammatical meaning.

***Е. В. Трощенко** (Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru

ИГРА С ПЕРСПЕКТИВОЙ В ОСМЫСЛЕНИИ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ ИНФЛЮЕНСИНГА

В статье на основе когнитивно-коммуникативного подхода в лингвистике затрагиваются особенности понимания практик инфлюенс-маркетинга самими участниками сообщества инфлюенсеров. Рассматривается кейс обсуждения в Youtube канале одного из инфлюенсеров 8 недавних скандалов, связанных с взаимодействием инфлюенсеров и брендов, вызвавших яркий негативный отклик потребительской аудитории. Показано, как многочисленные переключения перспективы видения ситуации позволяют сформировать у аудитории ощущение сбалансированного и объективного подхода блогера к анализу спорных ситуаций. Продемонстрировано, как,

конструируя одни ментальные пространства, блогер намеренно дистанцируется от дискредитировавших себя практик инфлюенсинга, а в других случаях, аккуратно сопрягает свою перспективу и перспективы представителей аудитории, тем самым солидаризируясь с их оценками и выводами.

Ключевые слова: инфлюенсинг, критика инфлюенс-маркетинга, перспектива, ментальное пространство, солидаризация и дистанцирование.

Стратегии современного маркетингового продвижения все больше опираются не только на классические каналы коммуникации, но и на технологические возможности цифрового пространства, делая ставку на сотрудничество брендов с инфлюенсерами – блогерами, имеющими достаточно большую и лояльную аудиторию в социальных сетях, чтобы через их рекомендации можно было продвигать товары и услуги, достигая более эффективного и личностного взаимодействия с потребителем [Lamberton, Stephen 2016: 146; Писарева 2023: 86; Терещенко 2024: 53]. Сотрудничество с инфлюенсерами позволяет брендам влиять на выбор и реакции потребителей из-за высокого доверия к источнику информации и парасоциальных отношений – феномена, когда у пользователей в одностороннем порядке возникает ощущение эмоциональной близости с медиаперсоной [Wu 2020: 36].

Одновременно в последнее время все более явным становится стремление внутри самого сообщества инфлюенсеров к осмыслению собственной коммуникации с аудиторией: набирают популярность видео, где блогер осуществляет анализ деятельности других блогеров и/или самоанализ. В совокупности, такого рода контент – это богатый материал, отражающий коллективные метакогнитивные и метарепрезентативные процессы внутри дискурса инфлюенсинга. Поэтому его анализ с позиций когнитивно-коммуникативного подхода в лингвистике дает возможность описать особенности осмысления практик инфлюенсинга «изнутри», непосредственными их участниками, рассмотреть специфику формирования разделяемого внутри группы знания.

Один из существенных аспектов совместных знаний, согласно М. Томаселло, заключается в том, что «они позволяют людям подняться над собственной эгоцентрической точкой зрения» [Томаселло 2011: 80]. И здесь важную роль играет перспектива, которую М. Томаселло определяет как возможность помещать одну и ту же сущность в разные концептуальные категории для разных коммуникативных и иных целей [Tomasello 1999:118]. В частности, умение смотреть на ситуацию с перспективы Другого (perspective-taking) определяется как когнитивная способность рассматривать мир с иных точек зрения, которая позволяет человеку предвидеть

поведение и реакции других людей; это предполагает способность выйти за пределы своих личных, предвзятых рамок отсчета и снизить эффекты эгоцентрического восприятия ситуации, не в ущерб при этом собственным интересам [Galinsky et al. 2008: 378–379; Davis 1983: 115].

С этих позиций в настоящей статье рассматривается кейс (время звучания видео 40:29, использовался автоматически сгенерированный площадкой, далее вручную отредактированный транскрипт), в котором инфлюенсер (Jen Phelps) на своем Youtube канале обсуждает ряд громких скандалов 2024 года (8 шт.), связанных с взаимодействием брендов, инфлюенсеров и пользовательской аудитории. Материал интересен активной игрой с перспективой при разборе каждого из скандальных случаев и конструированием большого количества ментальных пространств. «Ментальные пространства в концепции Ж. Фоконье и М. Тернера используются на разных уровнях, облегчая механизмы языкового понимания, осуществляя ментальное конструирование ситуации, обеспечивая процесс их кодирования и последующего декодирования в языковой форме» [Кобрина 2008:114].

Используются методы количественного анализа переключений перспективы и качественного лингвистического анализа этих переключений с точки зрения языковых и иноmodalных элементов, которыми они вводятся в текст видео, рассматриваются лексические особенности речи, формирующие оценочный аспект сообщения и обуславливающие его прагматический потенциал. Основной фокус – функционирование переключений перспектив с точки зрения того, как они работают на осмысление современных практик инфлюенс-маркетинга блогером, непосредственно включенным в эти практики.

Идея непредвзятости обзора поддерживается не только самим фактом, что разным участникам ситуации дают «право высказаться», но и тем, как это многоголосие вводится в подачу информации от автора. Для этого посмотрим внимательнее на используемые «порождающие операторы» (space builders), т. е. те лингвистические средства, при помощи которых автор маркирует смену точки зрения на ситуацию и появление в речи нового ментального пространства. В большинстве случаев автор представляет чужую точку зрения без прямой оценки со своей стороны, лишь через нейтральные глаголы речи типа *say, tell*, обозначающие переход к прямой (чему отдается предпочтение) или (реже) косвенной речи других участников ситуации в дополнителном придаточном: **Пр. 1** *one post on Reddit said; Creator Moren Kelly had this to say to Rolling Stone; she also told the New York Times; she said; Millie said; in their mind all they're seeing is <...>; one person said; the next one says; Patrick Ta ended up going on Tik Tok with his own video explaining*

why they were so expensive; a Creator named Avonna Sunshine made a video calling out Patrick Ta for not paying black creators; then here's the second one that he posted; this is what she had to say; she came out and said; so a cosmetic chemist over on Tik Tok had this to say about her products. Также из-за того, что в видео часто включается нарезка из других видео с иным говорящим, новое ментальное пространство может задаваться через императивные конструкции с призывом обратить внимание на информацию в данной части видео: **Пр. 2** *let's take a look at the first one; let's watch; let's take a look; So let's take a look at this video from Michaela.* Чужие письменные комментарии в социальных сетях зачитываются, но дополнительно оформляются на экране в виде скриншотов, не только маркирующих переход в другое ментальное пространство, но и подтверждающих, что автор не выдумала чью-то точку зрения. Тем самым подача информации выглядит подчеркнуто не манипулятивной – автор пытается добиться у аудитории впечатления противоположного тому, с которым в последнее время часто ассоциируется деятельность инфлюенсера.

Таб.1 Количественные данные о переключениях перспективы в интерпретации и оценке произошедшего

Обсуждаемый скандал	Количество переключений на чужую перспективу видения ситуации	
Tarte Bora Bora Trip	8	В рассматриваемом кейсе инфлюенсер стремится создать у аудитории обоснованное впечатление сбалансированного, непредвзятого подхода к обсуждению скандальных ситуаций, поэтому строит свой рассказ о скандале на полифонии разных точек зрения: бренда, инфлюенсера, взаимодействовавшего с брендом, верных подписчиков инфлюенсера, других пользователей разных социальных сетей, не являющихся фанатами инфлюенсера или бренда и т.д
Tarte Hermes Bracelets	7	
Patrick Ta Eyeshadow Mold	4	
Patrick Ta Duos	11	
Patrick Ta – Avonna Sunshine	6	
Blake Brown Beauty	11	
Youthforia Foundation	5	
TirTir	7	
Итого переключений с личной точки зрения автора видео	59	

Таким образом, будучи в реальности инфлюенсером, автор принципиально дистанцируется от тех практик инфлюенс-маркетинга, которые осмысляются как недобросовестные, добавляет в речь оговорки (hedges), делающие подачу информации менее агрессивной и прямолинейной: **Пр. 3** *So again, this is just speculation, we don't really know exactly why he uploaded a video, deleted it – which it seemed perfectly fine – and then he posted the second one; we're not sure but that's kind of what everybody's thinking because in the first video he was just very like monotone when he delivered the apology, and then, in the second one, he almost like starts to break down to cry towards the end.* Автор активно пользуется *honestly* как вводным словом (см. пр. 4, 6).

Быстрое переключение перспективы (туда и обратно, несколько раз, как в пр. 4) позволяет создать впечатление более взвешенного подхода к оценке произошедшего, эффект того, что автор не принимает однозначно чью-то одну точку зрения, а проявляет заботу как о долгосрочных интересах потребителей, так и брендов, а также о сохранении доверительных отношений между инфлюенсерами и аудиторией: **Пр. 4** *honestly, it makes complete sense if you look at it from the company's perspective, she's creating loyal influencers who are never going to speak bad about the brand again, and in fact they're going to continue to promote Tarte's products in the hopes that they'll get invited again next year. So, I can see how this is a very effective strategy right now but how is it making the customers feel over the long term. Yes, it's a great way to get people talking about your brand, but over time consumers are just growing wary of these trips and every year it seems like the negativity gets worse and worse. So yes, influencers are going to be continuing to talk about their brand but is anybody going to be listening after a while and then it gets worse.*

Тем не менее, в действительности автор аккуратно дистанцируется от некоторых из используемых перспектив и солидаризируется с другими (**Пр. 5** *it gives us this feeling that Tarte is playing to the influencers rather than the customers; the comments switched from being really excited to Super negative: the first one says <...>, the next one says <...>, another one <...>, or one of my personal favorites <...>; he's comparing his eyeshadow Duos to the cost of some other expensive single eyeshadows, and, yes, those are expensive, but those two things can exist at the same time. **No one is saying that those prices are okay either.***). В примере 5 видно, как автор объединяет себя с настроениями потребительской аудитории через использование соответствующих местоимений (us, no one; см. также пр. 8), проявляет согласие с заявленной негативной оценкой события от аудитории – причем здесь стоит обратить внимание, как эта солидаризация (one of my personal favorites) вводится лишь после серии нейтральных переключений перспективы. Обратные

переключения на авторскую перспективу также обычно оценочно окрашены и позволяют солидаризоваться с определенными точками зрения среди множества представленных: **Пр. 6** *honestly, I think, Goloria's video just sparked a much needed conversation about how brands can't just say that they're inclusive without actually putting in the work.*

В примере 7 можно наблюдать, как автор в заключительной части своего видео влетает отсылку к собственному опыту работы не инфлюенсером – “when I worked at my regular 9 to 5 job” – в то, что в целом подается как перспектива широкой потребительской аудитории (a lot of people in, a lot of people, in people, many people) с их негативной оценкой взаимодействия брендов и инфлюенсеров, поскольку в нынешнем формате такое взаимодействие создает чувство несправедливости и зависти, подчеркивает растущий социальный разрыв в обществе в ситуации ухудшающейся экономики и тяжелого финансового положения широких слоев населения: **Пр. 7** *I saw a lot of people saying online that the one that she got cost around \$30,000 which again it seems very extravagant but other people were saying that she probably made the brand way more money than that, because of her influence and her reach. So, for the brand it probably didn't impact their bottom line that much to send Michaela and other influencers a Birken bag. Again, it's just the optics of how it looks: a lot of people are struggling to get by, they're working nine-to-five jobs sometimes two or three jobs and it can be really tough to watch an influencer who you know is perceived to have a very easy job. And I'm not saying, it's easy, but is it easier than when I worked at my regular 9 to 5 job in many ways. Yes, it is. So, it can be really hard to watch someone who is able to work from home, make their own schedule and talk about makeup as a job, getting showered with all of these gifts. It creates jealousy in a lot of people and hard feelings, and I don't know, if it's the right approach for these Brands to be doing this when it's creating negative feelings in people. Yes, there is the shock value of getting their name out there, I think pretty much everybody knows who TirTir is now as a brand, and before this happened, I don't think a lot of people knew, unless you're into Korean makeup brands. So, in that way it served its purpose, but circling back to the beginning of the video like with Tarte, maybe it worked in the short term, but going forward how many people are going to just start getting turned off by this, if you're not already and then just stop paying attention to these brands all together.*

Блогер уже в заголовке видео и его текстовом описании на своем канале, а далее в речи в видео четко обозначает негативную оценку определенных аспектов деятельности брендов со стороны широкой аудитории потребителей

(Пр. 8 *most out of touch makeup brands; gave us the ick; tone-deaf marketing; problematic response; shocking controversy; left us collectively cringing; backlash*). Видео посвящается, по сути, тому, чтобы отследить, как и почему это негативное отношение распространяется и на сообщество инфлюенсеров и какие последствия это может иметь для инфлюенс-маркетинга. Переключения на перспективу ряда критикуемых инфлюенсеров позволяют особенно ярко подчеркнуть степень оторванности некоторых представителей этого сообщества от аудитории, на доверительных отношениях с которой изначально основывался успех инфлюенс-маркетинга. На первый план выводится разрыв между демонстративным потреблением богатых инфлюенсеров, имеющих дорогие контракты с брендами, и их высокомерным отношением к собственной аудитории (Пр. 9 в частном самолете, везущем их на Бора Бора, они напевают “*oh if you ain't got no money take your broke ass home*”) и основной массой потребителей, вынужденной тяжело работать за небольшие деньги на «обычной» работе по 8 часов в день (Пр. 10 *60% of America lives paycheck to paycheck*).

В целом, анализ многочисленных переключений перспективы показывает усилия блогера отстраниться от дискредитировавших себя практик инфлюенсинга. Видна попытка восстановить впечатление объективного, взвешенного и критического подхода к отношениям «инфлюенсер – бренд» и, одновременно, максимально солидаризироваться с потребительской аудиторией, тем самым «реставрировав» фундаментальные отношения «инфлюенсер – аудитория», где доверие аудитории к мнению инфлюенсера – это база его работы и основное условие сохранения лояльности подписчиков, благодаря чему инфлюенсер и получает соответствующий статус и возможности влияния и зарабатывания денег. В представленном многообразии точек зрения на ситуацию автор видео неизменно старается сопрягать собственную перспективу с перспективой аудитории, показав, что хорошо понимает негативные чувства потребителей по отношению к нечистоплотным практикам взаимодействия брендов и некоторых инфлюенсеров, разделяет это общественное негодование и поддерживает идеалы того, что инфлюенс-сообщество должно в первую очередь обращать внимание и отстаивать интересы и потребности своей аудитории, а не брендов.

Литература

Кобрин Н. А. Формирование типа глагольной имплицативной валентности в зависимости от структуры предложения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 113–116.

Писарева Е. В. Инфлюенс-маркетинг как инструмент эффективной коммуникации в цифровой среде // *BENEFICIUM*. 2023. № 4(49). С. 85–91.

Тереженко Д. А. Роль контент-маркетинга и инфлюенс-маркетинга в повышении эффективности отдела продаж // *Практический маркетинг*. 2024. № 8 (326). С. 52–54.

Томаселло М. Истоки человеческого знания / пер. с англ. М. В. Фаликман и др. М.: Языки славянских культур, 2011.

Davis M. H. Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Issue 44. P. 113–126.

Galinsky A.D., Maddux W.W., Gilin D., White J. B. Why it pays to get inside the head of your opponent: the differential effects of perspective taking and empathy in negotiations // *Psychological Science*. 2008. Issue 19 (4). P. 378–384.

Lamberton C., Stephen A. T. A Thematic Exploration of Digital, Social Media, and Mobile Marketing: Research Evolution from 2000 to 2015 and an Agenda for Future Inquiry // *Journal of Marketing*. 2016. Vol. 80. No. 6. P. 146–72.

Phelps J. These OUT OF TOUCH Makeup Brands Gave Us the ICK in 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=E_VMWivutZA&ab_channel=JenPhelps (дата обращения 14.12.2024)

Tomasello M. The Cultural Origins of Human Cognition. London, Cambridge: Harvard University Press, 1999.

Wu Sh. An empirical research on social media marketing and consumer responses // *The Kyoto Economic Review*. 2020. Vol. 87. No. 182. P. 34–63.

E. V. Troshchenkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

PLAYING WITH PERSPECTIVE-TAKING IN MAKING SENSE OF INFLUENCING MARKETING STRATEGIES

Based on the cognitive-communicative approach in linguistics, the article touches upon the peculiarities of understanding the practices of influencer-marketing by the members of the influencer community. The article considers a case of discussing in an influencer Youtube channel 8 recent scandals related to the interaction between influencers and brands, which caused a highly negative response of the consumer audience. It is shown how multiple switches of perspective allow the audience to form a sense of the blogger's balanced and objective approach to analyzing controversial situations. It is demonstrated how, while constructing some mental spaces, the blogger deliberately distances herself from discredited practices of influencing, and in other cases, carefully juxtaposes her perspective and the perspectives of the audience, thus solidarizing with their evaluations and conclusions.

Key words: influencing, critical attitude to influence-marketing, perspective, mental space, solidarization and distancing.

Е. В. Федяева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
fedyaeva_lena@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЫДЕЛЕННОСТИ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

В статье рассматривается проблема *выделенности* качественных характеристик, которая исследуется на примере изменения порядка слов в предложении и конструкции N+Adj в английском языке. В работе показано, что интеграция языковых механизмов (модификация порядка слов в предложении; конструкция N+Adj) и когнитивных механизмов (фокусирования, дефокусирования) является инструментом акцентированности ситуативно релевантных для говорящего качественных характеристик.

Ключевые слова: качество, салиентность, порядок слов, когнитивные механизмы, языковые механизмы.

Центральное место в многолетней научной деятельности доктора филологических наук, профессора Новеллы Александровны Кобриной занимали проблемы теоретической и практической грамматики английского языка, а также проблематика грамматического строя языка в разных ее аспектах в целом. Именно «Ее Величеству Грамматике» Новелла Александровна служила всю свою жизнь. Знаком глубокого уважения к научным заслугам Новеллы Александровны является продолжение этой темы в данной статье.

Изучение любых вопросов в области исследования языка, в том числе, вопросов, касающихся его грамматической подсистемы, всегда связано с обращением к общему контексту знаний о языке, связанных с его природой, устройством, выполняемыми им функциями, типологическими характеристиками того или иного языка и т.п. В этом смысле известно, что функция лексикона языка заключается в именовании предметов мысли, тогда как функция грамматики языка заключается в оформлении этой мысли в процессе выстраивания высказывания, ее «упаковывании» в соответствии с грамматическими нормами и правилами каждого языка и арсеналом имеющихся в распоряжении этого языка грамматических средств. Грамматика, таким образом, обуславливает особый «покрой» (“a certain cut”) языка, отличающий его от других языков [Sapir 2004: 97]. В этом усматривается и доминантный характер грамматики по отношению к лексике [Болдырев 2020].

Одной из специфических характеристик английского языка является, как известно, строго фиксированный порядок слов. В одной из своих

работ «Порядок слов в английском предложении и его функциональные модификации» Н. А. Кобрина отмечает, что «для языка с фиксированным порядком слов возможности коммуникативных модификаций ограничены самими строевыми особенностями языка. Однако они существуют, и поэтому их изучение особенно важно для характеристики языка в целом» [Кобрина 2007: 137]. Автор отмечает, что «формирование смысла в языках с более свободным порядком слов может происходить независимо от модели линеаризации и соблюдения нормативной модельности ...» [Там же: 133]. Так, например, в русском языке, по словам В. Г. Гака, свободный порядок слов является значимым инструментом коммуникативных модификаций и эффективным средством достижения экспрессивности наряду с живописными словами конкретного значения (приставочными глаголами, существительными с оценочными суффиксами) [Гак 2006: 258]. Важность содержательного аспекта изменения порядка слов в предложении отмечал и С. Д. Кацнельсон, подчеркивая, что в основе таких преобразований лежат ментальные процессы превращения «глубинных синтаксических структур в поверхностные» (в актах порождения речи) и «поверхностных синтаксических структур в глубинные» (в актах восприятия речи) [Кацнельсон 1972: 116]. Изменение порядка слов в предложении как один из вариантов преобразований, расширяющих коммуникативные модификации, обусловлен тем фактом, что «при производстве речевого акта коммуниканты выбирают то или иное лексическое или синтаксическое средство, которое, по их мнению, наилучшим образом отвечает требованию салиентности, т. е. сфокусированы на тех свойствах объекта, которые наиболее значимы для говорящего и слушающего на данный момент» [Ирисханова 2014: 29]. Другими словами, качественные характеристики, которые для говорящего являются значимыми, *когнитивно-выделенными*, репрезентируются при помощи определенных языковых механизмов, в том числе, изменением порядка слов в предложении. Отметим, что феномен *выделенности*, по словам Т. Г. Скребцовой, «характеризует большинство (если не все) языковые явления. Это неудивительно: выделенность в языке восходит к выделенности как свойству организации концептуальной системы человека, объединяющей как вербальные, так и невербальные сущности. Именно в силу своей универсальности, принадлежности концептуальной системе, выделенность в языке пронизывает все уровни и распространяется на самые разные феномены» [Скребцова 2018].

Выделенность, или салиентность того или иного фрагмента действительности увязывается с феноменом распределения внимания, избиратель-

ностью внимания. Представляется, что изменение порядка слов и разные типы инверсии в английском языке являются одним из языковых средств выражения процесса перефокусировки внимания и выделения говорящим значимых для него фрагментов высказывания. Это может объясняться тем фактом, что в контексте теории прототипов Э. Рош предложения с инверсией относятся скорее к периферийным, а не центральным членам категории, образующим ее прототип – конвенциональным, часто воспроизводимым и легко узнаваемым единицам языка. Будучи периферийными членами категории, предложения с измененным порядком слов встречаются реже и, следовательно, больше привлекают внимание своей нестандартностью на фоне центральных членов.

Одним из результатов модификации порядка слов в предложении в английском языке, по словам Н. А. Кобриной, может стать «акцентированность действия или качественной характеристики» [Кобрина 2007: 139], или, другими словами, когнитивная выделенность действия или качественной характеристики, обусловленная изменением порядка слов в предложении. Приведем пример:

1) *Never, in the history of this country, have worriers had such a decade as the seventies. Each year has produced a bumper crop of worriers larger than the year before and this year promises to be even better* (E. Bombeck. *If Life Is a Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits*).

В приведенном контексте за счет изменения порядка слов и вынесения наречия в сильную начальную позицию (языковой механизм) в фокусе внимания оказываются специфические качественные характеристики определенного временного периода, степень их интенсивности (когнитивный механизм фокусирования).

Представляется, что наряду с изменением порядка слов в предложении существуют и другие способы репрезентации в языке когнитивно выделенных признаков. Так, высокая степень номинативности как одна из типологических особенностей английского языка проявляется в тенденции к использованию номинативных конструкций, что способствует компрессии формы и смысла, более экономному способу представления информации. Эта тенденция к номинализации английского языка обуславливает высокую частотность функционирования словосочетаний с существительным. Например, сочетания типа **N+Adj** указывают на наличие у характеризуемого объекта / лица определенного специфического признака и используются как средство языковой акцентуации этого признака. В качестве когнитивных механизмов задействуются механизмы фокусирования/дефокусирования, сравнения, операция категоризации по эталону, т.е. поиску наилучшего об-

рица (N) в отношении этого признака (Adj), который является ситуативно значимым (выделенным) для говорящего. Приведем следующий пример:

2) *The newcomer was fully armoured too, but his steelware was **mirror-bright** and gleaming, and he was leading a **Persil-white** horse by the bride* (T. Holt. May Contain Traces of Magic).

В приведенном контексте словосочетания N+Adj (*mirror-bright*, *Persil-white*) как составляющие структуры предложения могут рассматриваться в качестве конструкции, которая в результате сложившейся практики употребления в определенном лингвокультурном сообществе закрепились в языковом сознании его представителей в виде определенной конвенциональной схемы (“thought patterns” – термин Р. Джеккендофа; “thought-grooves” – термин Э. Сепира). Существительные *mirror* и *Persil*, помещаемые в данную грамматическую конструкцию, вторым элементом которой являются прилагательные *bright* и *white* меняют свое значение (семантику): выделенными становятся периферийные качественные признаки лексем *mirror* и *Persil* (например, «блестящий», «чистый» и «белый»), в то время как ситуативно нерелевантные для говорящего ядерные понятийные признаки данных лексем («предмет с гладкой поверхностью, дающей отражение» и «моющее средство», «стиральный порошок») отходят на второй план. Это становится возможным за счет действия когнитивных механизмов фокусирования/дефокусирования, сравнения и когнитивной операции категоризации по эталону. Отметим, что данные конструкции представляют собой, с одной стороны, модели свертывания смыслов, отвечая общему принципу экономии, а, с другой, – являются инструментом акцентуации и выделения качественных признаков.

Подводя итог, можно говорить о том, что *выделенность* качественных характеристик в английском языке осуществляется за счет интеграции различных когнитивных и языковых механизмов. Гибкость человеческого сознания и интерпретирующая функция языка позволяют говорящему при переходе от концептуальных структур к языковым расставлять индивидуальные акценты в процессе оформления мысли, что обуславливает перспективность дальнейшего исследования природы языка как уникальной когнитивной деятельности.

Литература

Болдырев Н. Н. Доминантная роль грамматики в системе языка и его использовании // Язык. Культура. Личность: сборник научных трудов, посвященных юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Козловой / под науч. ред. И. Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 24–34.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник. М.: КомКнига, 2006.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972.

Кобрин Н. А. Порядок слов в английском предложении и его функциональные модификации // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. Т. III. Ч. 1. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. С. 133–148.

Скребица Т. Г. Когнитивная выделенность: языковые манифестации // *Музыка – Философия – Когнитивистика* – 2018. Памяти М. Г. Арановского. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 46–51.

Sapir E. *An Introduction to the Study of Speech*. Courier Corporation, 2004.

Список источников иллюстративного материала

Bombeck E. *If Life Is a Bowl of Cherries – What Am I Doing in The Pits*. NY.: Ballantine books, 1978.

Holt T. *May Contain Traces of Magic*. URL: https://books.google.ru/books?id=5BXYQV_oilUC&pg

E. V. Fedyaeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE *SALIENCE* OF QUALITY: COGNITIVE AND LANGUAGE MECHANISMS

The article refers to the problem of the *salience* of quality which is investigated on the example of word order modification in a sentence and N+Adj construction in English. The author shows that the integration of language mechanisms (modification of word order in a sentence; N+Adj construction) and cognitive mechanisms (focusing, defocusing) is a tool for emphasizing the qualitative characteristics that are situationally relevant for the speaker.

Key words: quality, salience, word order, cognitive mechanisms, language mechanisms.

И. А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
schirova@yandex.ru*

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ПРАВСТВЕННОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕДИНЯЮЩИХ ИДЕЙ ЭКОЛОГИИ

В статье рассматриваются проблемы экологии, экологического мышления, экологической культуры и сравнительно недавно появившейся научной дисциплины – лингвоэкологии. Содержательное наполнение и развитие этого понятия исследуются с учётом двух факторов: взаимоотношения человека и природы и «экспансия» экологии в разные области жизнедеятельности человека и коммуникативные сферы. Важные фокусы описания образуются проблемами экологии человека, культуры, науки как части культуры и языка. Взаимоотношения природы и человека оцениваются с позиции нравственности

Ключевые слова: человек, среда, экология, язык, лингвоэкология, экспансия, токсичный текст, манипуляция, этос.

Сравнительно недавно появившаяся область научного знания – лингвоэкология – относится к отраслям языкознания и носит междисциплинарный характер. Интегративный характер лингвоэкологии подтверждается появлением на её основе новых, интердисциплинарных направлений исследования, например, этической лингвоэкологии или эмотивной лингвоэкологии.

Состояние языка как сложной семиотической системы, являясь предметом изучения лингвоэкологии, оценивается в нем с экологических позиций и определяется экстралингвистическими факторами, негативно или позитивно влияющими на язык и языковое сознание его носителей. Лингвоэкология фокусируется на путях и способах «не только защиты языка от негативных влияний среды его обитания, но и обогащения и совершенствования языка» [Сквородников 2019: 12].

Основу экологического мышления составляет «...понимание системных взаимосвязей разнородных явлений и включение в исследовательский инструментарий понятия среды» [Ионова 2011: 87].

В современных научных концепциях под средой понимается совокупность внешних условий, системы внешнего окружения, свойства которого накладывают отпечаток на объект изучения и изменяются под влиянием находящегося в нем объекта. Различаются виды среды и подходы к её изучению. Так, формулируя основы коммуникации как биологического бытия человека, У. Матурана и Ф. Варела утверждают, что человек формируется и существует в непре-

рывной структурной взаимосвязи с другими системами окружающей его среды. Соответственно, познание мира является собой его «непрерывное сотворение» и осуществляется через процесс самой жизни» посредством конструирования. [Матурана, Варела 2001: 1]. Эйнар Хауген, с именем которого связывается появление лингвоэкологии, распространяет взаимосвязь организма и среды на взаимоотношения языка и общества, в котором используется язык [Haugen 1972: 325]. Здесь уместно вспомнить образ Е. А. Гончаровой, согласно которой современная лингвистика изучает язык «в проекции на человека». Он же реализует свою познавательную и коммуникативную деятельность и себя как личность, через «осваиваемый <...> и присваиваемый им язык» [Гончарова 2023].

О взаимосвязи языка и человека в их сущностных началах убедительно рассуждает С. М. Пашков, объясняя закономерность познания языка через человека, а человека через язык [Пашков 2023: 3].

Обозначенные идеи активно обсуждаются в эпоху когнитивно-коммуникативной парадигмы и вносят очевидный вклад в разработку понятий коммуникации и коммуникативной среды, неэкологичного (отрицательного) и экологичного (позитивного) общения, различных вариантов токсичности и пр. Нередко предметом внимания исследователей становится интегративный характер лингвоэкологии. Основоположник отечественной школы эмотивной лингвоэкологии В. И. Шаховский, анализируя особенности развития понятия и предмета экологии, характеризует их как «экспансию» в разные виды человеческой жизнедеятельности и в разные коммуникативные сферы. Целью лингвоэкологии при этом признаётся разработка параметров экологичного и неэкологичного общения «во всех дискурсах», а также вкладывание их через научающую коммуникацию в эмоциональную и эмотивную компетенцию коммуникативной личности [Шаховский 2021: 142]. Эмоции, считает В. И. Шаховский, формируют «неотъемлемую часть» человека и среды его обитания, а экологическая функция языка неотделима от экологии человека говорящего и его эмоционального пространства [там же]. Эмотивная лингвоэкология работает в пределах коммуникативного круга (или коммуникативной триады) «человек, язык, эмоции» [Шаховский 2018: 22] и использует для разработки своего объекта научные интересы иных дисциплин: лингвистики эмоций, экологии и валеологии [там же].

Аналогичную направленность рассуждений об общих тенденциях в развитии экологии обнаруживаем у С. В. Ионовой. Рассматривая особенности развития экологии как науки, С. В. Ионова обращает внимание на сопровождающие его трансформации от науки о взаимодействиях организмов

с окружающей средой (см. выше) до интегративной науки, охватывающей «широчайший круг вопросов» [Ионова 2010: 87]. Так, взаимоотношения «человек-природа» осмысливаются с позиции нравственности, о чём свидетельствует появление экологической этики. Важное место в экологических исследованиях занимают вопросы экологии культуры и экологии слова. Так, Д. С. Лихачев различает экологию биологическую и экологию культурную (нравственную), напоминая, что если убить человека биологически может несоблюдение законов экологии биологической, то убить его нравственно может несоблюдение законов экологии культурной [Лихачев 1996: 26]. Лингвисты занимаются вопросами культуры в самых разных дискурсивных практиках. Сошлёмся на Новеллу Александровну Кобрину, которая указывает на активность человека в литературе и искусстве, общественной жизни и науке, образовании, воспитании и морали (см. [Кобрина 2008]). Язык и культура, рассуждает учёный, являются продуктами ментальной деятельности. Они тесно связаны и в процессе развития воздействуют друг на друга. Влияние культуры, с точки зрения ее роли в жизни человека, многомерно, особенно в сфере социального поведения и норм общения [Кобрина 2008: 168]. В современной лингвистике (в первую очередь, когнитивной) язык не выделяется в автономный объект исследования. Часто утверждается, что мышление и язык, концепты и языковые формы отражают реальность (*concepts and language forms reflect reality*), однако, они так же относятся и к абстрактным идеям, к сущностям и событиям, к несуществующим фантастическим вещам; могут передавать отношения (психическое, эмотивное, этическое), в т. ч. к разным проявлениям культуры. Язык является объектом влияния культуры, но и сам оказывает «незаменимое влияние» на её развитие. Культура не может развиваться без языка: “Language is an object of its influence, but is also an indispensable influence in the development of culture, for culture cannot develop without language” [там же]. Язык – это способ существования культуры, искусства, литературы и духовных ценностей.

Современному учёному интересны вопросы экологии науки, трактуемой как часть культуры. Они закономерно коррелируют с понятием научного этоса и его ключевой составляющей – стремлением к истине. Искажение институциональной нацеленности науки посредством нарушения её главного нравственного императива нарушает экологичность академического общения и добавляет токсичности сообщениям коммуникантов. Тексты, на примере которых исследуются такие процессы, оправданно признать *токсичными*, т. е. в той или иной степени деструктивными для адресата. Упомянем, что сама эта метафорическая номинация оценивается неоднозначно.

Примерами токсичных текстов служат тексты, интоксикация которых объясняется стремлением адресанта манипулировать адресатом посредством дезинформации (см. подробнее [Гурочкина, Щирова 2022: 41]). Дезинформирующие тексты нарушают «экологически чистые» правила общения членов научного сообщества и норму, соотносимую с этосом науки. Согласимся с Н. В. Потаповой: если отсутствие манипуляции можно признать честной коммуникацией, поскольку её участники имеют общие интересы, то манипуляция субъектом имеет в виду односторонне выгодное общение [Потапова 2015: 18]. Внедрение в сознание адресата дезинформации под видом истинной научной информации означает несоблюдение общего постулата Качества, по Грайсу: «Старайся, чтобы твоё высказывание было искренним» [Грайс 1985: 222] и конкретных постулатов: «Не говори того, что считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [там же]. Реализация манипулятивных намерений может осуществляться разными способами. Ссылки на авторитет, чьё мнение в научном сообществе оценивается как аксиоматичное при одновременном отсутствии самостоятельных наблюдений; недобросовестное цитирование или цитирование из вторых рук вместо обращения к первоисточнику; замена количественных подсчетов аппроксиматорами при целесообразности использования точных методов, – все эти способы академического общения «загрязняют» его, вводят в заблуждение, придают видимость основательности исследованию, которое таковым не является. Тексты, содержащие неоправданно большое количество однородных иллюстративных примеров; необоснованные повторы слов и идей, вызванные желанием предложить информацию большего объема; перегруженность обзорных теоретических разделов ненужными сведениями (по той же причине) позволяют говорить о нарушении общего постулата Количества: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется»; и «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [Грайс 1985: 222], а также общего постулата Способа и частного постулата: «Будь краток, избегай ненужного многословия» [там же: 223].

Подтверждая объединяющую силу идей лингвоэкологии, приведённые способы прагмалингвистического моделирования односторонне выгодной коммуникации [Потапова 2015: 18] органично включаются в контекст проблем научного языка, научной культуры, научного сообщества и научного этоса, обращенного к моральным принципам и нравственным устоям. Особенности развития современного социума и интегративный характер лингвоэкологии свидетельствуют: вопросы экологии человека и эмоций, языка и речи, а также созданного на основе языка текста сохраняют свою

актуальность, практическую и теоретическую ценность. Экология выходит в разные области гуманитарного и естественного знания, вступает в междисциплинарные союзы. К ней применяются новые научные подходы, единые в понимании *значимости* взаимосвязей природы, человека и языка.

Литература

Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. С. 180–191.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.

Гурочкина А. Г., Щирова И. А. Толерантность, понимание и интерпретация в кросс-культурных взаимодействиях // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 05–06 апреля 2022 года. М: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 39–41.

Ионова С. В. Основные направления эколлингвистических исследований: отечественный и зарубежный опыт // Вести Волгоградского государственного университета. 2010. № 1(11). С. 86–93.

Кобрин Н. А. Language and Culture // Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. Studia Linguistica XVII. СПб.: Политехника-сервис, 2008. С. 167–171.

Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. Введение. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Лихачев Д. С. Без доказательств. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996.

Наука. Искусство. Величие. Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/index.htm?ysclid=mi20a5ddc547942452>

Пашков С. М. О религиозной функции языка (в контексте современных тенденций функционального описания языка) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 2. С. 3–10.

Потапова Н. В. Прагматическое моделирование сообщения как способ манипуляции // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 4. С. 17–20.

Сквородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 12–26.

Сквородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: Специализированный Вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 70–78.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек. Язык. Эмоции. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет (ВГПУ). Лаборатория «Язык и личность», 2016.

Шаховский В. И. М. Н. Эпштейн об экологии текста и ее перспективах // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 141–175. URL: http://tverlingua.ru/archive/063/11_63.pdf

Шаховский В. И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 14–27.

Щирова И. А., Гурочкина А. Г. Лингвистика на междисциплинарных перекрестках: интегративные научные исследования как объективная необходимость // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 48–55.

Haugen E. The Ecology of Language. Essays / Selected and Introduced by Anwar S. Dil. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. P. 325–339.

I. A. Schirova (*Saint Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University

LANGUAGE, CULTURE AND MORALITY AS THE UNIFYING IDEAS OF ECOLOGY

The article dwells on the issues of ecology, ecological culture, ecological thinking and a relatively new scientific discipline – lingvoecology. The author describes this notion as well as its development, taking into account two factors: the relationship between a human being and nature and the “expansion” of lingvoecology into various areas of human activity and communicative spheres. Ecology of nature, culture, science as part of culture and language form important focuses in the description suggested. The relationship between a human being and nature is also assessed from the standpoint of morality.

Key words: a human being, nature, ecology, language, lingvoecology, expansion, toxic (texts) manipulation, ethos.

VII. КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

***И. Л. Ашмарина** (Москва, Россия)*

Московский государственный институт международных отношений

irina_ashmarina@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ КАК ЖАНР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются тексты административных объявлений Великобритании как жанр институционального дискурса. Анализируются формально-структурные, прагматические и дискурсивные особенности административных объявлений. Выявляется специфика участников данного жанра дискурса, его хронотоп, цели, стратегии и ценности. Отмечается роль параграфемии в реализации прагматических установок административного дискурса, которые носят комплексный характер и не ограничиваются речевыми актами прохибитива и директива.

Ключевые слова: административное объявление, институциональный дискурс, речевой акт, речевые стратегии, параграфемика.

Предметом исследования являются языковые особенности административных объявлений, собранных полевым методом в общественных местах Великобритании – музеях, транспорте, парках, кафе и т.д. Административные объявления (далее АО) инициируются различными общественными институтами – государственными органами, социальными учреждениями и пр. – и адресованы всем членам социума, пользующимся муниципальной инфраструктурой. По своей структуре АО могут состоять как из одного слова (“Exit”), так и из одного или нескольких абзацев. АО обладают персуазивной силой и чаще всего являются мультимодальными, или поликодовыми, текстами.

Анализ исследуемого материала позволяет утверждать, что, несмотря на малый размер и формально-структурную недIALOGичность текста, АО могут быть рассмотрены как жанр институционального дискурса. При использовании термина «дискурс» мы исходим из определения В. И. Карасика, согласно которому дискурс – это текст, который существует в ситуации реального общения [Карасик 2002:451]. В рамках концепции институционального дискурса, предложенной тем же исследователем, выделяется администра-

тивный дискурс, имеющий статусную ориентацию, поскольку он представляет собой речевое взаимодействие членов социальных групп и институтов согласно сложившимся в обществе статусно-ролевым сценариям [Карасик 2000: 28; Карасик 2002: 291]. АО обладают чертами, объединяющими их с другими разновидностями институционального дискурса и одновременно отличающими их от этих жанров.

Прежде всего, отметим формально-языковые, или структурно-жанровые, особенности АО. Они представляют собой малоформатные письменные и, реже, звучащие или движущиеся тексты (бегущая строка в метро, голосовое объявление), часто содержат элементы параграфематики, или графические и визуальные средства выделения информации [Карасик 2002: 435; Шубина 2009: 185]. Далее проанализируем особенности АО по параметрам, предложенным В. И. Карасиком: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [Карасик 2000: 29; 2002: 314].

Для АО как жанра статусно-ориентированного институционального дискурса характерна определенная коммуникативная асимметрия участников: один участник (инициатор АО, агент в терминологии В. И. Карасика) создает вербальное сообщение, а второй участник – реципиент – принимает его к сведению и соблюдает или не соблюдает рекомендацию или запрет, моделирует свое поведение согласно полученному предупреждению. То есть, с одной стороны, наблюдается неравенство партнеров по коммуникации, типичное для институционального дискурса [Карасик 2002: 307], с другой стороны, несимметричны условия протекания речевого акта – один участник высказывается, для другого речевой акт протекает только в акциональной сфере [Кустова 2011: 232]. М. Стаббс и П. Серио отмечают такие свойства дискурса в целом, как интерактивность и диалогичность. По П. Серио дискурс – это беседа (цит. по [Карасик 2002: 286]). В этом плане «беседа», создаваемая АО, имеет, скорее, более широкую семиотическую, а не только языковую природу. Она акциональна: словесный стимул-посыл автора высказывания ведет к акциональному ответу реципиента.

Кроме того, необходимо отметить финитность, или конечность АО. Этот дискурс существует в двух фазах: 1) предъявление/восприятие вербального сообщения, 2) акциональный ответ реципиента в виде действия (или, наоборот, бездействия).

Хронотоп АО своеобразен. Значение сообщения актуализируется для реципиента здесь и сейчас: “It is dangerous & forbidden to jump, dive or swim from *the pier*”. Для АО характерна частотность дейктических

слов – “No smoking past *this* point”, “This way”. «Прототипными местами» (в терминах В. И. Карасика) дискурса являются любые административно управляемые общественные пространства. Для АО характерна экстралингвистическая контекстность – смысл АО может быть понят, когда оно размещается в конкретном ландшафте и имеются «ситуативные ключи» [Карасик 2002: 366] к его пониманию, а именно стрелочные указатели, пиктограммы и др. семиотические средства. Так, текст объявления “No drinking on this side of the street” понятен и имеет иллюкутивную силу, если реципиент имеет возможность сопоставить предъявляемый ему текст с «здесь и сейчас» коммуникации: объявление размещено на ограде престижной частной резиденции, напротив которой через дорогу расположен паб.

Что касается целей, то АО призваны заставить индивида следовать определенному поведенческому паттерну в социуме, то есть выполняют регулирующую функцию во избежание:

- а) социального конфликта (“Watson Court residents parking only”);
- б) физического увечья или материального ущерба (“No cycling No littering No sleeping No dog fouling No dogs on the grass”);
- в) поправки общественных ценностей (“This memorial commemorates those who died serving their country Please respect their memory Do not sit on the memorial or grass”).

Как можно заметить, тексты АО выше носят предписательный характер, однако прохибитивами и директивами интенции агента в британских АО не исчерпываются. Так как в стране много мигрантов, дети и подростки могут не знать правил неvirtуального этикета, а представители старшего поколения часто испытывают трудности с цифровыми технологиями в современном урбанизированном пространстве, то сообщения на инфошитах и прочих носителях информации часто выполняют объяснительную, социализирующую и даже образовательную функцию:

We love dogs, but we also have an open kitchen... So they must stay outside, sorry! (на дверях кафе в Гайд-парке);

Please be advised that train doors may close 30 seconds prior to departure (на ж/д платформе).

В целом, примерно половина текстов АО в выборке является простыми прохибитивами или директивами, другая половина в дополнение к указанным четко выражает интенцию объяснения. Небольшая часть является пермиссивами и речевыми актами приглашения, извинения [Ашмарина, Игнатьева 2021: 127]:

Please try on the Roman helmet (приглашение в музее примерить экспонат);

Try praying (объявление на ограде церкви);

Imperial Arcade is open for business as usual during refurbishment. We apologise for any inconvenience caused (инфоцит на лесах ремонтируемого здания).

Т. В. Шмелева предложила концепцию речевых жанров, во многом сопоставимых с жанрами дискурса. Каждому жанру соответствует, среди прочего, образ автора, образ адресата и образ будущего, понимаемые автором как обобщенные модели [Шмелева 1997: 91–97]. Для британских АО образ агента-автора характеризуется чрезвычайной вежливостью. Благодаря семантическим операторам вежливости *please, thank you, sorry, apologize, welcome* в высказывание вводится пресуппозиция «Я уважаю адресата», «Я не хочу нарушить личное пространство адресата», «Я рассчитываю на сотрудничество с адресатом», «Адресат разумен и заслуживает уважения» и пр. Благодаря пресуппозиции «Я рассчитываю, что Вы сделаете, как я прошу» создается образ будущего как «выход на следующий эпизод общения» [Шмелева 1997: 91–97]: “Please use the bins provided – thank you”. Благодаря создаваемым пресуппозициям обеспечивается, по выражению Т. А. Фоминой, устойчивое, безкризисное взаимодействие [Fomina 2024: 225].

Как известно, стратегии дискурса состоят из последовательности интенций [Карасик 2002: 332]. Прототипические АО представлены короткими высказываниями типа “No littering”, “Keep off the grass” и характеризуются простой интенцией прохибитива или побуждения. Чем более развернут, избыточен текст АО, тем многограннее интенции высказывания. В примере объявления, размещенного рядом со складными стульями в лондонском музее обнаруживаем стратегию приглашения или разрешения, сменяющуюся просьбой-инструкцией: “Tired feet? Why not borrow a seat? Please return it before you go”.

Поликодовость АО помогает осуществлять контактоустанавливающую стратегию. По мнению Н. Л. Шубиной, параграфемика участвует в реализации прагматических интенций текста не меньше, чем чисто вербальные средства [Шубина 2009: 187–188]. Контакттоустанавливающую стратегию обслуживает и актуализация в АО принципа вежливости с максимами симпатии, одобрения, такта Дж. Лича [Leech 1983]. Помимо отмеченных выше семантических операторов вежливости для британских АО характерно обилие ценностных операторов *discover, enjoy, support, help, respect*.

Welcome to the Level Scatepark Open 8 am 10 pm daily Please help us keep this scatepark safe and pleasant for all to enjoy;

Discover our other venue (приглашение посетить другой музей).

Ценностные семантические операторы и операторы вежливости стали появляться и в русскоязычных АО, например, «Спасибо, что закрываете за собой дверь».

Целый ряд исследователей отмечает все менее официальный характер, интимизацию институционального общения, большую личностную обращенность жанров институционального дискурса, и даже новое тонально-жанровое измерение – несерьезность [Шмелева 1997; Карасик 2002: 291,436]. В нашей выборке имеются АО шутового характера. В. И. Карасик отмечает, что для англоязычной лингвокультуры важен полусерьезный модус общения, так как перевод диалога в область шутки требует активного внимания адресата [Карасик 2002: 453]. Более того, известно, что дополнительные когнитивные усилия при дешифровке усиливают эффект получаемого сообщения. В ряде случаев АО Великобритании содержат элементы игры, перехода в игровой регистр, а игра позволяет нейтрализовать негативные смыслы [Баранов, Добровольский 2008: 558], неизбежно связанные с запретом или побуждением:

Weeds for sale Pick your own (на музейном газоне);

Do not sit on me (объявление на стуле-экспонате в музее).

Перевод текстов АО в шуточный, игровой регистр помогает реализации контактоустанавливающей функции и составляет еще одну прагматическую особенность британских АО.

Ценности, транслируемые текстами АО, могут быть сформулированы как уважение к личной свободе, уважение к свободе и удобству других, безопасность, вежливость, необходимость административной субординации [Карасик 2002: 444], уважение к собственности, уважение к закону, доверие к личности, доверие к власти.

Прецедентные тексты АО фактически наполняют лингвистический ландшафт общественных пространств Великобритании. Прецедентность обеспечивается частой встречаемостью клишированных форм. Однотипность или схожесть грамматических конструкций и лексических средств, хоть и дополняемых дополнительным пропозициональным содержанием, известна и понятна носителям данной лингвокультуры: “No smoking”, “Private”, “CCTV in operation”, “... not allowed”, “... not permitted”, “... forbidden ...”, “All bicycles will be removed”, “Please respect ...”). Прецедентными текстами для британских АО также являются законы, местные законодательные акты и отсылки к ним:

No smoking It is against the law to smoke in the vehicle;

Under section 54 of the Civic Government (Scotland) Act 1982, Police Scotland can ask buskers to stop performing where their performance is

disturbing others. If you do not comply, the matter may be referred to the Procurator Fiscal and your equipment may be seized (часть объявления на инфошите, регулирующего деятельность уличных музыкантов в Эдинбурге).

Дискурсивные формулы АО как жанра включают в себя перечисленные выше однотипные грамматические конструкции, глаголы в повелительном наклонении, «мягкие» модальные глаголы как средство хэджирования (см. *can* и *may* в примере выше), вопросительные предложения как косвенные директивы и т.д. [Ашмарина, Игнатьева 2021: 125, 127], топиковые лексемы *not allowed, not permitted, private, privacy*, дейктики (“This way”, “Exit”) и др. К недавним инновациям относятся поликодовая вариативность, удлинение текста, его экспланаторная развернутость, контрастирующая со свернутостью, краткостью и иллюкутивной однозначностью прототипических, классических АО.

Таким образом, АО являются жанром институционального дискурса, для которого характерна коммуникаивная асимметрия участников, проявляющаяся в вербальном участии агента-инициатора АО и акциональном ответе реципиента как участников дискурса. Прототипическим местом «бытования» АО являются административно управляемые общественные места – музеи, муниципальные учреждения, органы власти, парки, заведения общепита, общественный транспорт и т.д., однако хронотоп актуализируется для реципиента здесь и сейчас. АО выполняют регулирующую функцию, но в последние годы обнаруживают вариативность языковой формы, комплексность интенций, реализуют многогранные дискурсивные стратегии. Важной является контактоустанавливающая стратегия АО, поскольку благодаря ей достигается цель бесконфликтного общения в социуме. Прагматические установки АО реализуются с помощью как вербальных средств, так и с помощью параграфемии. Ценности британской лингвокультуры, транслируемые АО – уважение к личной свободе, безопасность, вежливость, субординация, уважение к собственности, уважение к закону, доверие между общественными институтами и индивидом. Прецедентность АО создается повторяемостью их в языковом ландшафте, клишированностью, дискурсивной формульностью и отсылками к законодательным актам и предписаниям.

Литература

Ашмарина И. Л., Игнатьева И. Г. Разноуровневые средства эвфемизации в текстах британских административных объявлений // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 2. С. 122–128.

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.
- Кустова Г. И. Косвенный речевой акт вопроса как средство речевой агрессии и негативной оценки в русской разговорной речи // Вопросы культуры речи. Том 10. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2011. С. 229–235.
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.
- Шубина Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 184–192.
- Fomina T. What is polite languaging? // Constructivist Foundations. 2024. Vol. 19(3). P. 224–225.
- Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.

I. L. Ashmarina (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

PUBLIC SIGNAGE AS A GENRE OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

UK public signage texts are viewed as a genre of institutional discourse. The article defines formal structural features of public signage texts, examines their pragmatic and discourse aspects and identifies participants of the discourse represented by public signage, its chronotope, purposes, strategies and values. Paragraphemics is viewed as a tool facilitating pragmatic strategies. The latter are manifold and are not limited to prohibitions and instructions.

Key words: public signage, institutional discourse, speech act, discourse strategies, paragraphemics.

Н. А. Быстров (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
nikbyst.notabene@yandex.ru*

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США

Политический дискурс как подвид дискурса ориентирован на оказание максимального воздействия на целевую аудиторию как на логическом, так и эмоциональном уровне. Для полного анализа образцов политического дискурса США необходимо подвергнуть рассмотрению коммуникативные намерения адресанта, а также условия их реализации в коммуникативном акте, равно как реакцию адресатов на высказывание как показатель успешности или неуспешности достижения поставленных коммуникативных задач.

Ключевые слова: политический дискурс, интенциональность, коммуникативное намерение, коммуникативная стратегия, иллюкуция, персуазия.

В рамках политического дискурса особую значимость приобретает фактор интенциональности автора политического высказывания, обращенного к аудитории. Анализ политической коммуникации невозможен без подробного рассмотрения задач и намерений адресанта политического текста.

Феномен дискурса характеризуется специфической динамикой и требует рассмотрения как «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение их коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [Карасик 2000: 5]. Среди ключевых характеристик исследователи выделяют в первую очередь коммуникативные намерения автора, контекст конкретной коммуникации, а также множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия [Гаспаров 1996: 10].

В рамках политического дискурса коммуникативные намерения приобретают особую значимость, причем такие намерения заключаются не просто в том, чтобы «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2002: 33]. Политический дискурс в первую очередь направлен на утверждение точки зрения автора убеждающего текста, в том числе и противоположной или заведомо непринятой обществом, побуждение его к определенным мыслям и действиям или же снижение уровня критического

восприятия» [Сергиенко 2018: 165]. Основной задачей адресанта в процессе политической коммуникации может являться оказание воздействия манипулятивного характера и формирование новой картины мира у целевой аудитории [Демьянков 2002; Dijk 2008]. В политическом дискурсе важную роль играют персуазивная и суггестивная модальности, то есть реализация задуманного автором воздействия, а также создание у адресата желаемого эмоционального образа [Смирнова 2022: 101]. Важно выделить следующую семантическую триаду, определяющую содержательную сторону политического дискурса и включающую следующие составляющие: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агрессия как проявление агональности)» [Шейгал 2005: 61].

Концепция «интенции» опирается на исследования Дж. Остина в области методов и средств достижения определенных целей в рамках коммуникации. Согласно данной теории, получившей название теории речевых актов, «основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта» [Сёрль 1986: 150]. Иными словами, акт речи понимается как «наименьшая, неделимая единица коммуникации» [Павлова 2017: 31].

В процессе речевого акта «говорящий стремится (intends)* оказать определенное иллокутивное воздействие на слушающего; он стремится сделать это, побуждая слушающего опознать его намерение оказать такое воздействие; наконец, он стремится побудить слушающего опознать это намерение с опорой на имеющиеся у слушающего знания о правилах, лежащих в основе производства высказываний» [Сёрль 1986: 195].

Говоря об участниках коммуникативного акта, стоит упомянуть, что изначально теория предполагала наличие только двух сторон: адресант (говорящий) и адресат (слушающий). Однако данное положение было пересмотрено, так как не всякий слушающий будет адресатом иллокутивного акта, при этом были выделены участники (т.е. те слушающие, не являющиеся целью иллокутивного акта) и случайные слушающие [Кларк, Карлсон 1986: 271].

Принято выделять три составляющие речевого акта: пропозицию, иллокуцию, перлокуцию, где иллокуция является «средством достижения поставленной цели», а перлокуция – «воздействием на адресата» [Кобозева 1996: 25–25]. Именно иллокутивный уровень обладает интенциональной природой [Павлова 2017: 31]. Иллокутивная цель представляет собой смысловое содержание и целевую направленность высказанного утверждения,

отражающую намерение говорящего произвести определенный эффект на слушателя [Сёрль 1986: 172].

Исследователи определяют коммуникативную интенцию следующим образом: «направленность сознания конкретного индивида на достижение цели, ради которой он включается в разговор с другим индивидом» [Клушина 2012, 34]. Можно заметить, что интенция и цель коммуникации в данном определении разделены, однако, некоторые ученые приравнивают их: «любую цель можно связать с обобщенной интенцией: сообщить, узнать, побудить к поступку или высказыванию» [Арутюнов 1999: 29].

Дж. Сёрль считал важнейшим признаком интенциональности свойство направленности сознания на объект, описывая ее следующим образом: «беспокойство без причины, веселье или уныние сами по себе не интенция, но, когда они имеют направление на что-то – они интенциональны» [Сёрль 1997: 33]. Важно подчеркнуть, что объект интенциональности и направленность на него могут быть не выражены напрямую [Ковалев 2021: 36], таким образом возникает имплицитная интенция высказывания, «обычно вычитываемая из смысловой нагрузки высказывания» [Заюкова 2005: 28].

Из приведенного рассуждения вытекает важный принцип ответственности, согласно которому «говорящий несет ответственность за такое конструирование своего высказывания, чтобы все участвующие в разговоре могли следить за тем, что он говорит. Так определяется то, что может быть названо каноническим разговором» [Кларк, Карлсон 1986: 283]. Использование адресантом расхождений в фоновом знании помогает создавать многослойные тексты, содержащие различные уровни смысла, когда «одной группе участников одно, в то же время сообщить другой группе нечто другое, либо для того, чтобы осуществить специально продуманный обман» [там же: 284].

Часто применяемый прием манипуляции и обмана в политической сфере реализуется путем умышленной замены или искажения общих фоновых знаний участников коммуникации. Это делается для того, чтобы ввести адресатов в заблуждение, сформировать ложные ассоциации или вызвать ошибочные выводы. Так, в 2016 году в инаугурационной речи Д. Трамп обещает гражданам США изменения и заявляет: *“But for too many of our citizens, a different reality exists: mothers and children trapped in poverty in our inner cities; rusted-out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation; an education system, flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of all knowledge; and the crime and the gangs and the drugs that have stolen too many lives and robbed our country of so much unrealized potential. This American carnage stops right*

here and stops right now” [ABC News URL: <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821>]. Приведенный фрагмент демонстрирует отчетливое проявление агональной функции политического дискурса. Автор текста последовательно критикует деятельность предыдущей администрации Барака Обамы, обозначая её негативные последствия термином «американская бойня» («American carnage»). Через использование эмоционально насыщенных выражений и негативных оценочных характеристик он стремится негативно повлиять на имидж предшественников, создавая контраст с собственными планами и действиями. Ключевая фраза «Эта американская бойня прекращается здесь и сейчас» («This American carnage stops right here and stops right now») служит ярким примером использования лаконичной и легко запоминающейся формулы, закрепляющей новую идеологическую установку. Краткость и доступность слогана способствуют быстрому восприятию идеи широкими слоями населения, усиливая её воздействие на массовое сознание.

Через год в интернет-издании “The Monthly” было опубликовано эссе “American Carnage. Donald Trump and the Collapse of the Union”, где автор обращается к тому же самому риторическому ярлыку, подменяя, однако, его изначальный смысл. Эссе было посвящено критике работы администрации Д. Трампа, которое, по мнению журналиста, способно углубить разделение американского общества [Watson URL: <https://www.themonthly.com.au/issue/2020/july/1593525600/don-watson/american-carnage#mtr>]. Анализируемый материал иллюстрирует случай переосмысления оригинального риторического приема. В своем эссе журналист применил тот же самый ярлык (“American carnage”), первоначально созданный для критики предыдущего президента Обамы, но теперь обращает его против самой администрации Трампа. Такой приём служит эффективным инструментом изменения восприятия аудитории, переключая внимание с недостатков прошлой власти на проблемы, возникшие при новом руководстве. Манипуляция здесь строится на изменении первоначального значения термина и перенаправлении негативной оценки на новый объект. Используя аналогичный лозунг, автор вызывает резонанс у читателей, заставляя их пересмотреть собственные взгляды и переоценить ситуацию.

Для точной реализации коммуникативного замысла автору необходимо также учитывать коммуникативную компетенцию адресата речи, которому предстоит расшифровать направляемое ему текстовое сообщение [Токарева 2010]. Из этого можно сделать вывод, что интенциональность текста не зависит напрямую от прагматического послания сообщения, «поскольку адресат не обязательно воспримет именно то прагматическое послание, ко-

торое заложил в текст автор» [Марова 1998: 34–45]. Исследователи отмечают особую роль в данном процессе затекстовых, в первую очередь – фоновых, знаний в данной связи [Ахманова 1966; Арнольд 2002; Щирова 2007].

На предвыборном митинге в Северной Каролине перед днем выборов 2024 года Д. Трамп задал своей аудитории вопрос: *“I’m thrilled to be back in this beautiful state with thousands of proud hardworking American patriots. That’s what you are. You are patriots. You built this country. You built this country. But I’d like to begin by asking a very simple question. Are you better off than you were four years ago? I’ve asked that question so many times I’ve never had one hand go up for the other. With your vote tomorrow I will end inflation. I will stop the invasion of criminals coming into our country”*. Вопрос *“Are you better off?”* [Husebo URL: <https://www.breitbart.com/2024-election/2024/11/04/trump-rallies-raleigh-north-carolina-leading-ours-lose-vote/>]. Данный вопрос впервые прозвучал на предвыборных дебатах между Рональдом Рейганом и Джимми Картером в 1980 году [The Thinking Conservative URL: <https://www.thethinkingconservative.com/ronald-reagans-are-you-better-off-than-you-were-4-years-ago/>]. Повторяя исторический риторический ход, Трамп фактически проводит аналогию между собой и успешным президентом прошлого, тем самым пытаясь укрепить собственную легитимность и привлекательность для избирателя. Такое обращение к историческим параллелям является частью сложной стратегической игры, включающей элементы агональной, интегративной и ориентирующей функций политической коммуникации. Прежде всего, риторическая атака на соперника проявляется в переносе негативного имиджа Картера на современных конкурентов Трампа. Одновременно это укрепляет чувство солидарности и единства среди сторонников, апеллируя к образу сильного лидера. Наконец, подобная игра с историей сигнализирует о предполагаемой преемственности политики Трампа с успешной администрацией Рейгана, привлекая тех, кто ассоциирует эпоху Рейгана с позитивными изменениями.

Важно отметить, что эффективность подобного обращения определяется степенью совпадения культурного багажа адресантов и адресатов, демонстрируя зависимость эффективности сообщений от социальных и культурных условий восприятия. Недостаточная точность в оценке знаний адресата может привести к тому, что закодированная в сообщении информация останется непонятой или неправильно интерпретированной.

В качестве одного из примеров рассмотрим выступление Дональда Трампа, в котором Хиллари Клинтон представляется как *“America’s Angela Merkel”*: *“In his big foreign policy speech Monday, Donald Trump coined*

a new nickname for his Democratic opponent: "America's Angela Merkel." <...> "In short, Hillary Clinton wants to be America's Angela Merkel," he said at the event in Youngstown, Ohio. "And you know what a disaster this massive immigration has been to Germany and the people of Germany. Crime has risen to levels that no one thought they would ever, ever see. It is a catastrophe" [CBS News URL: <http://www.cbsnews.com/news/donald-trumps-new-nickname-for-hillary-clinton-puzzles-germans/>]. Рассматриваемое прозвище применяется политиком с целью активации агонального потенциала, то есть стремления нанести ущерб репутации своего противника, проводя аналогию с бывшим канцлером Германии Ангелой Меркель. Позиция оратора основана на предположении, что имя Ангелы Меркель знакомо и будет отрицательно воспринято значительной частью целевой аудитории вследствие связанных с её именем событий, таких как массовый приток мигрантов, вызвавших социальные и экономические трудности в Германии. Ожидалось, что ассоциация с такими событиями укрепит негативное восприятие кандидата среди американских избирателей, разделяющих подобные опасения. Тем не менее, реакция публики оказалась неоднородной: американские СМИ указали на низкий уровень осведомленности большинства американцев о роли и действиях Ангелы Меркель, что существенно снижает действенность данного сравнения [там же].

В заключение следует отметить, что политический дискурс нацелен на комплексное воздействие на целевую аудиторию, затрагивая как рациональный, так и эмоциональный компоненты восприятия. Немаловажную роль в данном процессе играет интенция, то есть изначальные коммуникативные намерения адресанта. По этой причине полноценное исследование образцов современного политического дискурса невозможно без тщательного анализа намерений авторов политических выступлений и текстов. При этом особое значение приобретают сопутствующие факторы, такие как социально-политический контекст, специфика целевой аудитории и ее реакция.

Литература

- Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2002.
- Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г. Интенции диалогического общения и их стандартные реализации: справочник. М.: Прогресс, 1999.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1966.
- Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.

Заюкова Е. В. Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория Речевых Акт. Москва: Прогресс, 1986. С. 270–321.

Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1242> (дата обращения: 22.05.25).

Кобозева И. М. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1996.

Ковалев П. А. Интенциональная лексика и ее роль в описании образа Уилла Фримана, персонажа романа Ника Хорнби «Мой мальчик» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 8. С. 2475–2482.

Марова Н. Д. Прагматика и стилистика текста. Алма-Ата: АПИИЯ, 1988.

Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017.

Сергиенко П. И. Вербализация концепта «WAR» как пример функционирования манипулятивного инструмента в англоязычном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 162–166.

Сёрль Дж. Р. Природа интенциональных состояний. М: Прогресс, 1997.

Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.

Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

Смирнова Н. В. Прагматика современного заголовка политического дискурса // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 3(83). С. 101–109.

Токарева Н. Д. Межкультурная коммуникативная компетенция в свете стилистического анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 596. С. 35–46.

Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. М.: Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания, 2005. С. 51–70.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многоаспектность текста: понимание и интерпретация. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Husebo W. Trump Rallies in Raleigh, North Carolina: ‘We’re Leading,’ ‘Ours to Lose,’ ‘Vote!’. Breitbart. URL: <https://www.breitbart.com/2024-election/2024/11/04/trump-rallies-raleigh-north-carolina-leading-ours-lose-vote/> (дата обращения: 19.03.2025).

Van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Watson D. American Carnage. Donald Trump and the collapse of the Union. The Monthly. URL: <https://www.themonthly.com.au/issue/2020/july/1593525600/don-watson/american-carnage#mtr> (дата обращения: 30.07.2024).

Donald Trump’s new nickname for Hillary Clinton puzzles Germans. URL: <http://www.cbsnews.com/news/donald-trumps-new-nickname-for-hillary-clinton-puzzles-germans/> (дата обращения: 19.03.2025).

Read Donald Trump’s Full Inauguration Speech. ABC News. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821> (дата обращения: 19.03.2025).

Ronald Reagan’s “are you better off than you were 4 years ago?”. The Thinking Conservative. URL: <https://www.thethinkingconservative.com/ronald-reagans-are-you-better-off-than-you-were-4-years-ago/> (дата обращения: 19.03.2025).

N. A. Bystrov (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

INTENTIONALITY OF CONTEMPORARY US POLITICAL DISCOURSE

Political discourse as a subspecies of such a phenomenon as discourse is focused on exerting maximum impact on the target audience both on a logical and emotional level. To analyze thoroughly the samples of US political discourse, it is necessary to consider the author’s communicative intentions, as well as the conditions for their achieving within a given communicative act, as well as the addressees’ reaction to the utterance as an indicator of either success or failure to achieve communicative objectives set.

Key words: political discourse, intentionality, communicative intention, communicative strategy, illocution, persuasion.

И. С. Вацковская (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
irinavable@gmail.com*

Е. В. Шевчук (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ekaterinashevchuk@yandex.ru*

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ УБЕЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются когнитивные механизмы, лежащие в основе использования эмоций в рекламе. Авторы анализируют, как языковые средства и когнитивные процессы влияют на формирование эмоционального отклика у потребителя и, следовательно, на принятие решений о покупке. На основе качественного анализа рекламных текстов выявляются наиболее эффективные стратегии эмоционального убеждения, такие как апелляция к позитивным эмоциям, страху, чувству принадлежности и социальному статусу. Полученные результаты вносят вклад в изучение взаимосвязи когнитивной лингвистики и рекламной коммуникации.

Ключевые слова: эмоциональная аргументация, рекламный дискурс, рекламный текст стратегии убеждения, когнитивные механизмы, потребительское поведение.

В условиях насыщенного товарного рынка и обостряющейся конкуренции, традиционные рациональные рекламные стратегии, основанные на описании функциональных характеристик продукта, демонстрируют снижающуюся эффективность в привлечении потребительского внимания и формировании предпочтений. В ответ на это наблюдается рост применения рекламодателями эмоционально-ориентированных стратегий, апеллирующих к таким базовым мотивам, как стремление к обладанию, избегание риска, потребность в самоутверждении и принадлежности к социальной группе. Современный потребитель демонстрирует повышенную устойчивость к традиционным рекламным стратегиям, основанным на прямом убеждении, проявляя избирательность восприятия информации и игнорируя навязчивые рекламные сообщения. Эффективность эмоционального маркетинга обусловлена способностью обходить когнитивные фильтры потребителя, обращаясь к подсознательным мотивационным структурам и формируя устойчивые брендовые связи. Именно это умение воздействовать на подсознание лежит в основе эффективности эмоциональной аргументации, представляющей собой риторический прием, апеллирующий к эмоциям аудитории для усиления убедительности сообщения, дополняя или заменяя логические доводы.

В отличие от логической аргументации, фокусирующейся на рациональном анализе, эмоциональная аргументация воздействует на чувства, желания и ценности реципиента [O'Shaughnessy 2004: 125]. Ее роль в убеждении заключается в создании эмоционального резонанса, который повышает восприимчивость аудитории к тезису и способствует формированию желаемого отношения или поведения [Heath 2010]. Эффективность эмоциональной аргументации основывается на использовании различных эмоциональных стратегий, таких как апелляция к страху, надежде, сочувствию, гордости и др., что позволяет установить более глубокую связь с аудиторией и повысить запоминаемость и убедительность сообщения [Meyers-Levy 1999: 161]. Исследования в этой области когнитивной лингвистики раскрывают, как лингвистические средства влияют на восприятие и обработку рекламных сообщений потребителями, формируя их отношение к бренду и побуждая к покупке. Более детальное понимание механизмов восприятия языка достигается через изучение когнитивных процессов, одним из ключевых аспектов которого является изучение фреймов и сценариев [Gamerschlag et al. 2013]. Концепция фреймов описывает когнитивные структуры, представляющие собой стереотипные знания о ситуациях, объектах и событиях. В рекламных сообщениях часто используются языковые конструкции, активирующие определенные когнитивные фреймы у потребителей, связывая продукт с желаемыми состояниями или жизненными сценариями (например, реклама семейного отдыха активирует фрейм «счастливая семья»). Сценарий – это динамически представленный концепт как последовательность нескольких эпизодов во времени. Фактически это фрейм, разворачиваемый во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов [Попова 2010]. Реклама может строиться на основе привычных потребительских сценариев, встраивая продукт в уже существующую когнитивную схему. Это позволяет создать позитивное эмоциональное отношение к бренду, выходящее за рамки чисто рациональной оценки характеристик продукта. Изучение фреймов и сценариев тесно связано с пониманием того, как метафоры структурируют восприятие и мышление потребителя.

Согласно теории концептуальных метафор Дж. Лакоффа, метафоры представляют собой не просто риторические фигуры, а фундаментальные когнитивные механизмы, структурирующие наше мышление и понимание мира. Реклама широко использует метафоры для создания ярких образов и ассоциаций, связывая продукт с желаемыми состояниями или ценностями (например, «энергия как солнце»). Концептуальные метафоры представляют собой системные метафорические отображения абстрактных понятий на более конкретные и чувственно воспринимаемые [Lakoff 1993]. Использование кон-

цептуальных метафор в рекламе позволяет передать сложные идеи и эмоции доступным образом, устанавливая глубокую связь с потребителем на уровне подсознания. Среди других средств особое внимание заслуживают также метонимия, которая способна усиливать эмоциональное воздействие и запоминаемость [Lakoff 1993]. Метонимия функционирует как когнитивный механизм замещения, отображающий синтагматическую связь между компонентами концептуальной структуры, что проявляется, например, в использовании символа бренда (части) вместо его полного наименования (целого).

Исследователи также фокусируются на прагматических аспектах рекламы [Grice 1975]. Принцип кооперации Грайса и его максимы (количества, качества, релевантности и способа) помогают понять, как рекламные сообщения передают информацию, используя имплицитные значения и предполагаемые знания аудитории. Неявно выраженные утверждения, использование юмора и иронии – все это инструменты, эффективность которых напрямую связана с когнитивными процессами обработки информации потребителем. Коммуникативное воздействие на эмоциональном уровне представляет собой многоуровневый процесс, механизмы которого рассматриваются в настоящем исследовании в рамках теории когнитивной оценки Р. Лазаруса. Согласно Р. Лазарусу, эмоции возникают в результате когнитивной оценки значимости события для личности и оценки своих возможностей справиться с ним [Lazarus 1984]. Рекламные тексты, используя лексические и синтаксические средства, вызывающие аффекты страха, радости или тревоги, могут оказывать целенаправленное воздействие на когнитивную оценку рекламного сообщения реципиентом. Анализ эмоционального воздействия в коммуникации может быть углублен с помощью модели информационной обработки, которая позволяет рассмотреть влияние эмоций на каждый этап восприятия и переработки информации: внимание, восприятие, понимание, запоминание, и решение.

Влияние эмоций на потребительское поведение представляет собой значительный фактор в процессе принятия решений, который характеризуется когнитивной сложностью [Damasio 2006: 145]. Эмоциональные реакции функционируют как эвристические механизмы, обеспечивающие быстрое принятие решений, минуя детальный когнитивный анализ. Положительные эмоции, связанные с товаром, способны повышать вероятность покупки, несмотря на наличие рациональных альтернатив. С эмоциями тесно связано мышление человека, а язык выступает как мощный инструмент выражения и передачи эмоций. Так, Д. Канеман в 2002 году доказал, что именно лимбическая система ответственна за принятие решений в ситуациях, когда это необходимо сделать быстро и именно она имеет большое значение для возникновения и обработки

эмоций [Канеман 2014]. В рекламных сообщениях для создания эмоционального эффекта используются различные лингвистические средства, к которым относятся эмоционально окрашенная лексика (например, «восхитительный», «ужасный»), а также прилагательные и глаголы, непосредственно маркирующие эмоциональное состояние или оценку. Синтаксические средства, такие как восклицательные предложения, риторические вопросы, инверсия и парцелляция, усиливают эмоциональное воздействие текста, привлекая внимание реципиента и формируя желаемый эмоциональный фон.

Когда компании начали осознавать, что решения о покупке чаще принимаются на основе эмоций, а не логики, они все активнее стали прибегать к использованию разного рода триггеров, как лексико-семантических, так и невербальных, с целью вызывать у потребителей сильные чувства и мотивировать их к покупке. В рамках эмоциональной реакции – не имеет значения, положительной или отрицательной – рождаются определенные оценки или суждения, они, в свою очередь, поддерживают (либо, наоборот, корректируют) уже запустившуюся реакцию психики. Люди запоминают не столько товар, сколько чувства, которые он у них вызвал. К. А. Татаринов, Е. Р. Белых, Е. А. Филатенко отмечают, что потребитель начинает ассоциировать тот или иной продукт с настолько важными для него эмоциями, что готов будет купить его, чтобы заново их испытать [Татаринов, Белых, Филатенко 2020]. Как бы то ни было, в результате компания или бренд, стоящие за триггерным сообщением, попадают в фокус внимания потребителя, и, следовательно, потребитель вовлекается в воронку продаж (см. рис. 1).

Рис. 1. Совмещение уровней рекламного послания и воронки продаж (составлено авторами)

Нередко только лишь привлечения внимания бывает достаточно для обеспечения узнаваемости бренда и дальнейшего выбора именно его среди других подобных товаров по принципу «выбираю то, что знакомо». Если же потребитель проходит по всей воронке, приобретает товар, и остается довольным, то велика вероятность того, что товар будет приобретен снова. Так формируется лояльность к бренду, а если эмоциональный отклик и полученные рациональные выгоды превосходили ожидания, то велика вероятность, что потребитель станет адвокатом бренда и запустит «сарафанный маркетинг» внутри своего ближнего круга.

В маркетинге активно используются эмоциональные триггеры для воздействия на потребителей. Например, компания Cocal-Cola в своих рекламных кампаниях активно использует лексику, связанную с радостью и связанными с ней эмоциями (удовольствие, наслаждение, сопричастность), о чем свидетельствуют как слоганы компании Enjoy Coca-Cola – «Наслаждайся Кока-колой», Open Happiness – «Откройся счастью», Holidays are coming – «Праздник к нам приходит», Life tastes good. – «Попробуй счастье на вкус», так и лексика, используемая в рекламных посланиях «Счастье», «вкусней», «вкус», «поделись», «веселье», «распахни сердце», «позови друзей», «душа ...поет», «в кругу друзей», «всё будет прекрасно», «всё будет Coca-Cola», «веселье приносит», «вкус бодрящий», «вкус праздника». Интересно, что бренд Coca-Cola позиционирует себя как продукт масс-маркета, доступный всем, другими словами, суть бренда легко считывается через дискурс рекламной аргументации: «Наш продукт – радость, доступная всем». Еще одна сильная эмоция – гордость, а также связанные с ней ощущение победы, чувство превосходства, вдохновение, восторг. Подобную эмоцию в своих рекламных посланиях транслируют такие известные бренды как Nike и Apple. Слоган Nike – Just do it. При этом слоган не переводится и на всех рынках присутствия используется именно английская, оригинальная версия, мотивирующая к действию. В рекламных посланиях бренда используется следующая лексика: «победа» (что отражает суть бренда, берущего название от имени греческой богини победы Ники), «успех», «герой», «стремись», «мечтай», «найди свое величие», «переверни историю». С другой стороны, Apple в большей степени эксплуатирует в своих посланиях чувство превосходства над другими за счет интеллекта и обладания инновационными продуктами, что находит отражение в слогане компании Think different – «Думай иначе». Легендарный слоган, противопоставляет бренд и владельцев его продукции Apple остальному миру. Лексика, типично используемая в рекламных посланиях Apple: «креативность» «без

границ», «мечтай по-крупному», «Не просто другой. Лучше», «Будущее уже здесь», «революционный», «прорывной», «продвинутый», «магия». Любовь и связанные с ней понимание, нежность, забота, умиление находят отражение в рекламном слогане бренда Pampers, принадлежащего компании Proctor&Gamble. Один из слоганов буквально постулирует это: *Inspired by babies, made for love* – «Малыши вдохновляют, Pampers создает». Лексика рекламных сообщений Pampers создает образ бесконечной любви и заботы: «мягкие», «прикосновение мамы», «нежная защита», «забота», «доверять», «окутывать любовью», «счастливый», «безмятежный», «маленькое чудо».

С другой стороны, бренды не обходят стороной игру на отрицательных эмоциях. Так, уже упомянутая компания Proctor&Gamble эксплуатирует страх и стыд как ключевые эмоции в рекламе товаров для гигиены. В рекламных сообщениях бренда Head&Shoulders «Опять перхоть?», «Больше никакого беспокойства о перхоти», «Попрощайся с белыми хлопьями на одежде», «Не бойся носить чёрное» содержится призыв совершить целевое действие (купить продукт и избавиться не столько от проблемы, сколько от страха быть отвергнутым и от стыда за неподобающий внешний вид) выраженный как лексически, так и синтаксически (императивы, риторические вопросы, безличные конструкции). Рука об руку со страхом и стыдом следует тревожность, которую также активно используют в рекламе и маркетинге. К примеру, эффект FOMO, т.е. страх упущенной возможности. Призывы не упустить последний шанс часто используют компании, использующие коммерческую маркетинговую концепцию, суть которой – продать побольше и побыстрее, пока клиент не передумал. Тревога в данном случае – прекрасный триггер. В качестве примера можно привести сообщения, которые часто видят пользователи сервиса Booking.com при бронировании номеров в отелях или апартаментов: «Осталась только 1 комната по этой цене!», «Этот отель забронировали 5 человек за последние 24 часа!», «98% номеров уже проданы на эти даты!», «Этот отель просматривают сейчас 3 человека!». Наконец, игра на чувстве зависти призвана позиционировать бренд и владельцев его продукции как членов элитного круга, выгодно отличающихся от всех остальных и, как следствие, вызывающих ту самую зависть. Люксовые бренды, к примеру, Chanel или Dolce&Gabbana, нередко используют в своих рекламных посланиях такие формулировки, как «эсклюзивный», «символ успеха», «только для избранных», «самая известная...», «та самая, желанная», «единственный» и т.п.

Эмоциональная аргументация играет ключевую роль в рекламном дискурсе, эффективно воздействуя на подсознательные мотивационные

структуры потребителей, обходя их когнитивные фильтры. Использование эмоций в рекламе значительно повышает запоминаемость бренда, формирует устойчивые ассоциации и влияет на поведенческие установки аудитории. В условиях высокой конкуренции и насыщенности рынка традиционные рациональные стратегии теряют эффективность, тогда как апелляция к чувствам – страху, радости, гордости, любви – становится мощным инструментом убеждения. Анализ лингвистических и когнитивных механизмов, таких как концептуальные метафоры, фреймы, сценарии и прагматические стратегии, демонстрирует, что языковые средства способны не только передавать эмоциональные сообщения, но и формировать восприятие продукта на более глубоком уровне. Таким образом, эмоциональная аргументация в рекламе представляет собой эффективный инструмент влияния на потребителей и формирования их лояльности к бренду.

Литература

- Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. Москва: АСТ, 2014.
- Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010.
- Татаринов К. А., Белых Е. Р., Филатенко Е. А.* Психологические аспекты эмоциональной рекламы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 3–9 (32). С. 39–42.
- Damasio A.* Descartes' error: Emotion, reason and the human brain. London: Random House, 2008.
- Gamerschlag T., Gerland D., Osswald R., Petersen W.* Frames and concept types: Applications in language and philosophy. New York: Springer International Publishing, 2013.
- Grice H. P.* Logic and conversation. New York: Academic Press, 1975.
- Heath C., Heath D.* Switch: How to change things when change is hard. London: Random House, 2010.
- Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Lazarus R. S.* On the primacy of cognition // American Psychologist. 1984. № 39(2). P. 124–129.
- Meyers-Levy J., Malaviya P.* Consumers' processing of persuasive advertisements: An integrative framework of persuasion theories // Journal of Marketing. 1999. № 63. Fundamental Issues and Directions for Marketing P. 45–60.
- O'Shaughnessy J., O'Shaughnessy N. J.* Persuasion in advertising. London: Routledge, 2004.

I. S. Vatskovskaya (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University
E. V. Shevchuk (Saint Petersburg, Russia)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

EMOTIONAL ARGUMENTATION IN ADVERTISING DISCOURSE: COGNITIVE ANALYSIS OF PERSUASIVE STRATEGIES

This paper investigates the cognitive mechanisms underlying the use of emotions in advertising. The authors analyze how linguistic devices and cognitive processes influence the formation of emotional responses in consumers and purchasing decisions. Through a qualitative analysis of advertising texts, they identify the most effective strategies of emotional persuasion, such as appeals to positive emotions, fear, sense of belonging, and social status. The paper contributes to the study of the interplay between cognitive linguistics and advertising communication.

Key words: emotional argumentation, advertising discourse, persuasion strategies, advertising text, cognitive mechanisms, consumer behavior.

Ю. П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
clemence_isaure@ramler.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ ОПИСАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРФЮМЕРНЫХ ИНТЕРНЕТ САЙТОВ)

Настоящая статья посвящена изучению дискурсивных стратегий на примере стратегии “мягкой силы”. Воздействие на реципиента изучается на основе привлечения идеи об узуальных и универсальных дискурсах. Эмпирическим материалом исследования служат малоформатные тексты, репрезентированные текстами описаниями на интернет сайтах известных европейских парфюмерных фирм.

Ключевые слова: дискурсивные стратегии, “мягкая сила”, ольфакторная пирамида, узуальный / универсальный дискурс.

Период экспланаторности, переживаемый научным знанием в настоящее время [Кубрякова 1995: 208], характеризует снятие границ методологических обменов. Тем самым, терминологический аппарат наук, никак между собой не связанных, взаимно обогащается, как и исследовательские техники

и стратегии. Таким образом, открываются новые перспективы в области теоретических импровизаций, а также значительно расширяется эмпирический материал их апробации и применения.

Настоящая статья посвящена изучению дискурсивной стратегии, “мягкой силы”, “способности положительно воздействовать на сознание и поведение людей” [Ермаков 2013: 223]. В качестве иллюстративного материала привлекаются малоформатные тексты, репрезентированные текстами описаниями на сайтах известных парфюмерных европейских фирм.

По мысли О. Н. Гронской, текст, форма бытования концептуально-эстетического аппарата дискурса, возникает вследствие удовлетворения объективных потребностей индивида в текстовом оформлении определённых значений и смыслов. Их характером определяются виды градации дискурса. В силу существования определённых потенциальных “концептуальных отношений, широких дискурсов, системных и / или иерархических”, дискурс можно считать метадискурсом и его модификациями. Так, в концептуальном ряду “культура – литература – архитектура – скульптура – изобразительное искусство” культура занимает положение метадискурса, модификации которого представлены остальными его формами [Гронская 2012: 14].

Согласно трактовке О. Н. Гронской, дискурсы обособляются в группы универсального (широкого) и узального, более частного, узкого характера [Гронская 2012: 12–15].

В процессе жанрово-стилистического развития структура малоформатных текстов анализируемого типа обретают подвижность, принимая новые элементы, сохраняя, тем не менее, и традиционные черты.

Тексты описания ароматов известной итальянской парфюмерной фирмы “Accendis”, в зависимости от клиентской аудитории, распределяются на группы, идентифицируемые по цвету флакона. Характеристику каждой линейки ароматной продукции предваряет краткое вступление. В нём даётся пояснение выбора цвета из колористической палитры, основанное на его восприятии, сложившимся в европейской культуре.

Традиционная интерпретация белого цвета как символа прекрасных духовных качеств очевидно объясняет белизну флаконов для женских духов и туалетной воды:

Il bianco è la speranza per il futuro, lo stato di purezza, i nobili sentimenti e il desiderio di cambiare. Il Bianco evoca inoltre la spiritualità e la divinità [<https://www.accendis.it/it/home>].

(Белый символизирует надежду на будущее, чистоту, благородство чувств и стремление к переменам. Белый связан с духовностью и божественностью) [перевод наш – Ю. В.].

Примечательно наличие в нехудожественном тексте цитаты, стилистическая нагрузка которой тождественна эпиграфу в тексте художественного произведения. Отмеченное соприкосновение художественного и нехудожественного являет собой пример взаимообогащения дискурсов одного уровня.

В тексте содержатся также случаи кросс-дискурсивного взаимодействия, в частности, элементов вербального и невербального характера. Примечательно отсутствие дескрипции начальной, основной и конечной ноты, заменённой характеристикой ядра ароматического сочетания.

Ядро ольфакторной композиции парфюмерной воды “Luna Dulcius” (“Сладкая Луна”) складывается из комбинации кокоса и ванили.

Il cocco simboleggia la fortuna e la prosperità e la vaniglia, con il suo aroma avvolgente, dffonde dolcezza [<https://www.accendis.it/it/home>].

(Кокос символизирует удачу и процветание, ваниль – с присущим ей обволакивающим ароматом усиливает сладость) [перевод наш – Ю. В.].

Описание усложняется информацией о символическом значении, закрепившемся за кокосовым орехом *la fortuna e prosperita*, а также своеобразие аромата специи *con il suo aroma avvolgente dffonde dolcezza*.

Взаимодействие вербального и невербального, визуального дискурсов узуальной природы обнаруживается в синонимии изображения композиции аромата, своего рода визуальной копии вербального описания ольфакторной пирамиды. Каждый компонент ольфакторного сооружения представлен в виде рисунка, все три его составляющие тесным образом взаимосвязаны, дублируя и укрупняя основную идею и значение.

Название аромата раскрывается в своего рода аннотации к своему визуальному синониму. Факультативным интенсификатором выступает цветовая гамма ольфакторной диаграммы аромата, также синонимичной общей стилистике текстов.

Иное решение составления текста описания представлено известной французской парфюмерной фирмой “Panouge” в дескрипции ольфактивной композиции *Perle Rare Gold* (“Редкая Золотая Жемчужина”). Предыстория создания аромата предваряется короткой, графически выделенной аннотацией:

A golden presentation ... inspired by the prestigious luxurious Opéra Garnier and its lavish architecture [<https://www.panouge.com/fr/>].

(Вдохновение: Золотистое воплощение ..., вдохновлённое престижным роскошным зданием Opéra Garnier и его великолепной архитектурой) [перевод наш – Ю. В.].

Соблюдение правила применения курсива, используемого для выделения всего инородного по отношению к тексту, даёт возможность интерпре-

тировать вставку как своего рода эпиграф. Тем самым, можно фиксировать взаимодействие не-художественного и художественного дискурсов в рамках узуального дискурса вербальной разновидности.

Примечательна вербализация дискурса архитектурной природы, воплощаемого аллюзией на здание Opéra Garnier, одного из символов Парижа, символа утончённого искусства парфюмерии и бережно сохраняемых традиций создания духов. Вступление расширяется описанием аромата:

Like a ray of sun, her inner beauty shines everywhere she goes. A generous soul, who cherishes precious moments of life. A spellbinding and intense fragrance hiding a dusky and mysterious temper despite a vibrant top note of pink pepper. Its heart made of flowers and vanilla tinted with spices and incense underscore its resinous and smoky notes. The velvety trail made of amber and suede turns the scent into a second skin [<https://www.panouge.com/fr>].

(Подобно лучу солнца, её внутренняя красота сияет повсюду, куда бы она ни направлялась. Искренняя душа, которая дорожит драгоценными моментами жизни. Чарующий и насыщенный аромат, сумеречный и таинственный, вопреки вибрирующей верхней ноте розового перца. Ноту сердца составляют ароматы цветов и ванили, оттеняемые специями и ладаном, благодаря которому её смолистые и дымные оттенки обретают особое звучание. Бархатистый шлейф из амбры и замши превращает аромат во вторую кожу) [перевод наш – Ю. В.].

Принадлежность текста к малоформатной модификации объясняет стилистическую лаконичность, что, тем не менее, не исключает использование стилистических приёмов. Наличествующие в тексте выразительные средства и стилистические приёмы объединяются не только тематически, но и общим принципом конструирования, основанного на повторе.

Объектом повтора на графо-фонетическом уровне становятся отдельные звуки и их сочетания, иными словами, аллитерация: *presentation – precious – Panouge – Paris – inspire – prestigious – Opéra*, что придаёт стилю особый ритм. Объектом повтора на лексическом уровне становится субстантив *gold*, в деривативе адъективе *golden*, элементе метонимии, а *golden presentation*, могущей быть интерпретируемой в контексте как цвет флакона аромата, но и золото купола здания театра Opéra Garnier.

Тема золота и солнечного света, основы зафиксированных тропов и фигур, может трактоваться как своего рода аллюзия на известную метафору *la ville de lumière*, поэтическое название столицы Франции. Тема солнца и немеркнувшей красоты, подхватывается, в частности, сравнением *like a ray of sun*. Иным примером можно рассматривать лингвистическую метафору *her inner beauty shines*.

Принцип повтора не является единственным, образуя сочетание с принципом симметрии. Проявление стилистической симметрии заключается в уравнивании темы света темой сумерек, предстающих в контексте символом недосказанности, таинственности, полумрака *a dusky and mysterious temptation*. В завершающую текст описание часть встроена дескрипция ольфакторной пирамиды. Лаконичная форма флакона золотистого цвета дублирует вербальный уровень.

Взаимодействие узуральных дискурсов обнаруживается и в композиции сайта, включающей описания ароматов коллекции, сюжетно законченных рассказов из жизни современной парижанки, на фоне панорамы столицы Франции с узнаваемым силуэтом Эйфелевой башни, символа элегантности и французского шика.

Сюжетная законченность и множество стилистических приёмов и выразительных средств присущи также текстам описаниям на сайте английского парфюмерного дома Roja Dove.

Тексты к многочисленным ароматам коллекции конструируются по идентичной схеме, обнаруживаемой, в том числе, и в тексте описании духов “A Midsummer Dream”:

“A Midsummer Dream” “An Enchanted Essence”

A rich and heady summer fragrance which perfectly captures the sensation of being in a fever-dream, A Midsummer Dream merges the worlds of the Chypré and Ambrée palettes to create an Ambrée accord draped in the riches of Mother Nature. A distinctly juicy zing of Grapefruit introduces the elegant sweetness of the Rose, both of which lie upon a complex and unusual base centred around Spices and Mosses, underscored by the creamy, dreamy sensations of Vanilla and Benzoin.

KEY INGREDIENTS: *Grapefruit, Rose, Orange Blossom, Cardamom, Pink Pepper, Oakmoss, Tree Moss, Benzoin, Vanilla, Carrot Seed.* [<https://www.rojaparfums.com/search?q=+a+midsummer+dream>].

(Роскошный и пьянящий летний аромат, идеально передающий состояние грёзы, “A Midsummer Dream” объединяет шипровые и амбровые палитры и создает амбровый аккорд, задрапированный в дары Матери Природы. Явственно ощущаемая сочная энергия грейпфрута оттеняет элегантную сладость розы. Оба они образуют сложную и оригинальную основу, концентрирующуюся вокруг специй и мхов. Их аромат усиливается молочными, мечтательными ощущениями ванили и бензоина) [перевод наш – Ю. В.].

Самое название духов являет собой очевидную аллюзию на знаменитую пьесу английского драматурга У. Шекспира, являя пример взаимодействия

дискурсов одного вербального уровня. Название аллюзия открывает ряд стилистических приёмов и выразительных средств, которыми изобилует небольшой текст описание, парфюмерную интерпретацию сюжета пьесы. Основу текстовой организации составляет принцип повтора, структурной доминанты.

Примечательно графо-фонетическое оформление текста описания. Ведущим выразительным средством на этом уровне также выступает аллитерация, пронизывающая весь текст. Последовательность чередования сонорных [m, n, l], губно-зубных [f, v] придают тексту особый ритм. Благодаря артикуляционным особенностям сибилантов [s, ksl] текст обретает особую музыкальность.

Повтор звуков подхватывается повторением отдельных слогов и целых слов: *Summer – Mother Nature – centred – underscored, distinctly – zing – introduces – elegant – around sensations, create – draped – Grapefruit – introduces, Midsummer – summer, fever – dream – Dream – Ambree*. В тексте встречается пример расположения звуков, подобного хиазматическому *Dream – merges*, а также и фиксируемый в тексте единичный случай рифмы: *creamy – dreamy*. Тем самым, выделяются и укрупняются ключевые слова ольфакторной характеристики аромата. Появляющаяся мелодичность усиливается значением слов, в состав которых они входят.

Стилистические приёмы отличаются яркостью, что можно проиллюстрировать случаем оксиморона *a juicy zing of Grapefruit*. Взаимосвязь с визуальным дискурсом обнаруживается в оксиморонных сочетаниях *the Chypre and Ambree palettes, the elegant sweetness of the Rose*. Синтаксический уровень не представляет особого стилистического интереса, основная стилистическая интрига заключается в игре слов и звуков.

Указанная концентрация заключённой во флаконе ароматной жидкости “An Enchanted Essence”, способствует возникновению шлейфа ассоциаций с колдовским зельем, аллюзию на сюжетную деталь пьесы. Возникающие ассоциации, в свою очередь, способствует появлению интерпретационной линии взаимосвязи с кулинарным дискурсом, иллюстрируемой рядом примеров *juicy – spices – creamy – vanilla*. Линейкой названий специй и их характеристик шифруется ольфакторная пирамида духов. Атмосфера магии и колдовства усиливается введением субстантива *mosses*, что можно интерпретировать как метонимию леса, фантастического пространства, места обитания волшебных существ.

Композиция ольфакторной пирамиды раскрывается в рубрике *Key Ingredients*. Перечень ингредиентов включает примерно пропорционально распределённые элементы цветочной природы *Rose, Orange Blossom,*

фруктового и овощного происхождения *Carrot Seed*, *Grapefruit*, *Pink Pepper*, *снeciи*, *Cardamon*, *Vanilla*. Линейку продолжают субстантивы *Mosses* и *Oak Moss*, порода дерева, которое занимает особое место в английском фольклоре.

Фото коробки сопровождается фоторядом элементов ольфакторной композиции. Кобальтовый цвет в сочетании с золотом изображений персонажей пьесы, можно полагать колористической аллюзией названию произведения. Сочетание рисунка и фото являет собой иной пример кросс-дискурсивного взаимодействия.

Анализ текстов описаний парфюмерной продукции известных европейских парфюмерных домов демонстрирует укрепление тенденции к расширению рамок их традиционного схематического строения. Соблюдение сложившихся правил конструирования текстов описаний сочетается с использованием новых дискурсивных стратегий, в том числе, “мягкой силы”. Реализация стратегии осуществляется традиционными и инновационными путями. Традиционные включают использование стилистических приёмов и выразительных средств (тропов лингвистической и индивидуальной природы), аллюзии, эпитеты. Инновационные способы отражают стремление авторов текстов описаний использовать иные пути воздействия на клиентскую аудиторию. Тем самым объясняется колористическая синонимия и фото дублирование ольфакторных пирамид, примеров взаимодействия узувальных дискурсов, универсального дискурса массовой культуры, а также взаимообогащения дискурсивных модификаций вербального уровня.

Литература

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX-го в. (опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца XX-го в.: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.

Гронская О. Н. Нарративный фантастический дискурс в немецкой этнокультуре: монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2012.

Ермаков Ю. А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 215–225.

<https://www.accendis.it/it/home>

<https://www.panouge.com/fr>

<https://www.rojaparfums.com/search?q=+a+midsummer+dream>

Y. P. Vyshenskaya (*St. Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University

**DISCURSIVE INFLUENTIAL STRATEGIES IN TEXTS
DESCRIPTIONS
(ON PERFUMERY WEB-SITES MATERIAL)**

The present article deals with the problem of the might of the discursive strategies, the “soft force” strategy is one of the strategies being one of the kind. The might is studied on the basis of the narrow and universal discourses. The illustrative material is borrowed from the textual descriptions, borrowed from the sites of well-known European perfume brands.

Key words: discursive strategies, olfactory pyramid, narrow / universal discourse, “soft force”.

В. В. Гончарова (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
souris13@yandex.ru

**КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

В статье анализируются разные подходы к определению дискурсов лингвистического, лексикографического и словарного в отечественной научной литературе на примере словаря и словарной статьи. Приводится их иерархическое соотношение с когнитивной точки зрения. Словарная статья является элементарной составляющей лексикографо-библиографического дискурса. Выделены на основе когнитивно-функционального аспекта основные составляющие лексикографического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, текст, лексикография, словарь, словарная статья.

В XXI веке среди многочисленных жанров дискурса отечественными учёными были выделены лексикографический и словарный дискурс. Несомненно, лексикографический дискурс занимает прочную и многотысячелетнюю позицию в многочисленном когнитивном дискурсивном мире, переплетаясь с другими дискурсами, получая от них разное частотный импульс и придавая им лексикографическую систематизацию и т. д.

Популярность термина «дискурс» привела к латентному его употреблению в научных статьях. Например, в статьях «Лексикографический дискурс как репрезентант лингвокультуры питания» [Пожидаева 2014], «Идиоматика лексикографического дискурса в контексте перевода» [Лагоденко, Лагоденко

2015], «Прагматические особенности лексикографического дискурса» [Пичугина 2015], смутно улавливается, что под лексикографическим дискурсом понимались словарные толкования.

Элементарной единицей лексикографического дискурса является словарная статья, представляющая собой «текстовую структуру, дающую толкование слова» [Резунова 2012: 189]. Получается, что словарная статья, с одной стороны, – текст, с другой стороны, единица дискурса.

Лексикографический текст = словарная статья [Блинова 2005: 79].

Лексикографический текст = словарь [Дунаев 2016].

Лексикографический текст = лексикографический дискурс [Резунова 2012: 189].

Под лексикографическим текстом А.И Дунаев понимает словарь (примером был взят орфографический словарь) как «особенный и специальный текст», выделяя в нём разные его виды: словарная статья, аннотация, вступительная статья, предисловие и т.д. [Дунаев 2016]

1. Лексикографический дискурс = жанр научного дискурса [Арутюнова 1999; Резунова 2016; Голованевский 2000].

Лексикографический дискурс = лингвистический дискурс [Архипова 2022: 134].

Точка зрения лингвистов о том, что лексикографический дискурс является жанром научного дискурса [Арутюнова 1999; Резунова 2016; Голованевский 2000], не совсем корректна, т.к. существуют такие направления лексикографии, как научно-популярная, художественная и др.

Учёные приходят в своих исследованиях к выводу, что у каждого словаря есть свой характерный дискурс. С нашей точки зрения, данное утверждение следует логически разделить на два разных пункта. Проиллюстрируем примерами:

Дискурс словаря = характерные особенности словарной статьи. «Для дискурса данного словаря (Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, прим. В. Г.) характерны описательные толкования с элементами энциклопедизма, языковые иллюстрации, представленные пословицами, поговорками, прибаутками, загадками и т.д.» [Резунова 2012: 189].

Дискурс словаря = работа над словарем (Словарь Французской Академии) [Короленко 2018: 150].

Противоположной точки зрения придерживается Л. А. Шарикова, относя словарный дискурс к справочному дискурсу. Учёный выделяет нормативный словарный дискурс, в котором «отражается словарная норма языка со множеством дополнительных помет (стилистических, грамматических, лексико-семантические толкования, заимствования – результат этнокон-

тактов, этимологическая справка и др. с целью её культивирования в среде обучаемых или заинтересованных лиц [Шарикова 2008: 214].

В лексикографическом дискурсе Т. Г. Никитина и Е. И. Роголёва правомерно выделяют особый вид – учебный, «предполагающий занимательность и мотивацию к изучению языка, может строиться с использованием жанровых схем медиатекста и художественной литературы [Никитина, Роголёва 2022: 249]. Следует указать инновационные жанры учебного лексикографического дискурса: словарь в рассказах, словарь-детектив, словарь-травелог и т.д.

Как показал анализ научных публикаций, посвященных лексикографическому дискурсу, при рассмотрении словарной статьи, её структуры, характеристик учёные не рассматривают библиографическую информацию, обычно представленную в виде пристатейного библиографического списка.

Важно отметить, что у библиографии и лексикографии есть очень много общего, например, изучение и отражение языка (библиографический язык). И. А. Савина рассматривает библиографический дискурс как «совокупность употреблений библиографического языка, организованных в определенной последовательности» (цит. по: [Шарикова 2008: 214]).

Словарная статья может представлять собой единицу гибридного дискурса, состоящий из лексикографического и библиографического дискурсов, который следует назвать. Вышеприведенные примеры позволяют сделать следующие выводы:

В когнитивном аспекте можно схематично выстроить выше указанные дискурсы следующим образом:

Лингвистический дискурс.

Лексикографический дискурс.

Словарный дискурс.

Словарная статья является и элементарной составляющей лексикографо-библиографического дискурса.

Лингвисты выделяют разные функции текста. К. Бринкер предлагает выделить следующие функции: информативную, апеллятивную, контактную, декларативную, возложения (принятия на себя) обязанностей (цит. по: [Филиппов 2003: 149–150]). К основным функциям С. Ю. Архипов относит апеллятивную, информативную, коммуникативную, персуазивную, развлекательную, эстетическую [Архипов 2013: 159–161]. Функции текста непосредственно коррелируют с функциями дискурса.

При рассмотрении лексикографического дискурса в когнитивно-функциональном аспекте можно выделить его основные составляющие:

- кумулятивная – долгосрочное накопление и хранение знаний разных дискурсов, многочисленных ментальных пространств;
- фиксирующая – фиксация в лексикографической форме когнитосферы;
- трансляционная – активная передача накопленных знаний адресату в четкой и сжатой форме;
- систематизационная – упорядочивание знаний в лексикографической форме согласно заданным параметрам определённого жанра лексикографического дискурса;
- генерирующая – создание нового знания;
- генерализационная – сведение отдельно взятых знаний в общее метазнание, квант, концепт, который ментально будет воспринят большинством адресатов;
- аналитическая – оценивание и анализ материала, исходя из определенных лексикографических параметров;
- коммуникативная – пересечение дискурса лексикографической языковой личности адресанта, аналитика-интерпретатора (переводчика, библиографа и др.) и лексикографической языковой личности адресата
- стимулирующая – придание импульса для развития ментального лексикона, когнитикона языковой личности;
- трансформационная – изменение индивидуальной и научной картин мира, концептосфер и др.

Выводы. Лексикографический дискурс в когнитивно-функциональном аспекте представляет собой многогранное явление, т. к. его составляющие с одной стороны универсальны, например, социальная, культурологическая, дидактическая, с другой стороны, комбинаторны, например, разные степени свертывания или развертывания информации.

Литература

- Арутюнова И. Д.* Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999.
- Архипов С. Ю.* Textfunktion // Основные понятия немецкого переводоведения: Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М. Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 159–161.
- Архипова Е. В.* Термины «толкование» и «семантизация» в лингвистическом и образовательном дискурсах // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенин. 2022. № 3 (76). С. 132–139.
- Блинова О. И.* Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 78–82.

Голованевский А. Л. Концепт «слово» в религиозном, лексикографическом и художественном дискурсе // Русское слово в языке и речи: докл. общерос. конф. Брянск: Брян. гос. пед. ун-т им. И. Г. Петровского, 2000. С. 7–13.

Дунев А. И. Интенциональность лексикографического текста // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Междунар. науч. конф. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 92–99.

Короленко О. И. Легитимация филологической науки в дискурсивных практиках XVII–XVIII веков: Французская Академия: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018.

Лагоденко Д. В., Лагоденко Ж. М. Идиоматика лексикографического дискурса в контексте перевода // Лексикография и коммуникация – 2015: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 23–24 апреля 2015 г.). Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 135–140.

Никитина Т. Г., Розалёва Е. И. Инновационный лексикографический дискурс в жанре детектива: возможности учебной репрезентации фразеологизма // Russian Languages Studies. 2022. 20 (2). С. 247–262.

Пичугина К. И. Прагматические особенности лексикографического дискурса // Лексикография и коммуникация – 2015: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 23–24 апреля 2015 г.). Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 154–158.

Пожидаева Е. В. Лексикографический дискурс как репрезентант лингвокультуры питания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 119–121.

Плотникова А. М. Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 22–29.

Резунова М. В. К определению лексикографического дискурса // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2 (9). Ч. 3. С. 189–191.

Резунова М. В. Особенности использования причастных форм в лексикографическом дискурсе русского, английского и немецкого языков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 91–96.

Харитончик З. А. Изменчивость и вариативность лексикографического дискурса // 70 години българска академична лексикография. URL: ispan.waw.pl/ireteslaw/bitstream/handle/20.500 (дата обращения 05.01.25).

Харитончик З. А. Принципы кооперации в лексикографическом дискурсе // Язык – когниция – социум: тез. докл. Междунар. науч. конф. Минск: МГЛУ, 2012. С. 63–64.

Шарикова Л. А. Основы теории дискурса: словарный дискурс // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9). Ч. 1. С. 212–214.

Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.

V. V. Goncharova (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

COGNITIVE AND FUNCTIONAL ASPECTS OF LEXICOGRAPHIC TEXT

The article analyses different approaches to the definition of linguistic, lexicographic and dictionary discourses in Russian scientific literature on the example of a dictionary and a dictionary article. Their hierarchical correlation from the cognitive point of view is given. The dictionary article is an elementary component of lexicographic-bibliographic discourse. On the basis of cognitive-functional aspect its main components of lexicographic discourse are singled out.

Key words: discourse, text, lexicography, dictionary, dictionary article.

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
eagon@rambler.ru

КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕНТАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

В статье исследуются когнитивные особенности и прагматические установки речемыслительной деятельности участников литературной коммуникации как сферы искусства. В качестве облигаторного функционального признака их речевого поведения рассматривается высокая степень мастерства в работе с языком как инструментом создания и интерпретации индивидуально-образной концепции мира. Анализируются такие аспекты проявления этого признака в структуре художественного текста, как аксиологическая определенность, (эмоциональное) «напряжение», открытая диалогичность.

Ключевые слова: литературный дискурс, художественный текст, автор, читатель, образно-художественное познание.

«... произведения писателя – не более чем
оптический прибор, врученный им читателю,
позволяющий последнему различить
в себе самом то, что без этой книги
он, вероятно, не смог бы разглядеть»

Марсель Пруст. Обретенное время

Когнитивная и прагматическая специфика коммуникации с медиальной опорой на литературно-художественный текст, с одной стороны, свидетель-

ствует о ее принадлежности к сфере *искусства*, а с другой – выделяет ее из видов так называемого естественного речевого общения. Самобытность коммуникативно-речевого взаимодействия речемыслительных субъектов в этом виде общения состоит в том, что его реальные участники – автор и читатель – вовлечены здесь в двусторонний процесс образно-художественного познания, то есть ментально-чувственного осознания человеком себя как индивидуума и социализированной личности во внутренних и внешних отношениях с миром и другими, опосредованного вербальной данностью завершенной текстовой структуры. Отсюда вытекает такая имманентная черта литературно-художественных произведений как *абсолютный антропоцентризм*, то есть когнитивно-прагматическая ориентация всех элементов содержания и формы текста исключительно на познание разных сторон бытия, сознания и эмоциональных проявлений *человека*.

Включение литературно-художественной коммуникации в сферу искусства объясняется, во-первых, возможностью применения по отношению к ее инструменту – художественному тексту и широкого и узкого толкования самого слова «искусство». Как известно, широко понимаемое искусство означает *высокую степень умения и мастерства* в любой деятельности человека, что в случае художественно-речевых произведений подразумевает воплощение в плане содержания текста неординарной наблюдательности автора, его эмоциональной чувствительности к происходящему вокруг и умение придавать проживаемым жизненным эпизодам и наблюдаемым характерам ассоциативно-переносные, сравнительно-сопоставительные и обобщенные смыслы, а у читателя – способность улавливать подобные смыслы, интерпретировать и связывать их с собственными фоновыми знаниями, а также с индивидуальным и социальным опытом.

Если говорить о мастерстве как имманентном качественном признаке ментально-речевой деятельности творческих языковых личностей, то здесь следует прежде всего отметить свойственное большим писателям умение ориентировать содержание создаваемых художественных произведений на раскрытие главных ценностей и смыслов человеческого существования. Каждый поэтический текст (в широком значении слова «поэтический», распространяющемся как на повествовательно-прозаические, так и на драматические, а также стихотворные тексты), как справедливо замечает В. И. Тюпа, «<...> если не эксплицитно, то, по крайней мере, имплицитно, аксиологичен, он вольно или невольно манифестирует некую систему ценностей» [Тюпа 2021: 18]. Выявление в реальной жизни и отражение в создаваемой текстовой структуре прямо (в авторских комментариях-рассуждениях или так называемых «лирических отступлениях») либо опосредованно

(в образах предметов и явлений живой и неживой природы; в образах и речевых, а также неречевых действиях литературных персонажей) как общечеловеческих, «вечных» ценностей, так и тех, которые актуальны для общества в определенный период культурно-исторического развития, принадлежит к первостепенным задачам когнитивно-содержательного плана в ментально-речевой деятельности творческой языковой личности.

При этом процесс познания природы ценностей, связей различных ценностей между собой, с социальными и культурными феноменами, а также с людьми сближает художественное творчество с научно-философским знанием. У больших мастеров слова это сближение приобретает форму симбиоза, взаимно полезной связи и/или взаимной адаптации, при которой великие поэтические произведения, такие как, например, трагедия Гете «Фауст» или роман Томаса Манна «Доктор Фаустус», входят в мировую историю человеческого духа не только как непревзойденные литературные шедевры. Они продолжают до нашего времени оставаться классическими образцами художественного освоения фундаментальных ценностных идей, составляющих суть разумного человеческого существования.

Так Й. В. Гете, писавший свое знаменитое произведение практически всю жизнь, затрагивает в нем многие вопросы путей и конечной цели познания и само-осознания, в котором совмещаются и величие духа, и нравственное несовершенство человека. Будучи сам ученым-исследователем, поэт пытается в полифонической, то есть построенной на многоголосии разных персонажей, текстовой структуре постичь границы между «чистым», созерцательным, и «практическим», деятельностным, познанием. Одним из главных лейтмотивов, пронизывающим весь текст, является тема неразрывного сосуществования Добра и Зла в бытии человека, а также их роли для созидательного понимания мироздания и смысла земного существования – в диалектической взаимной обратимости этих двух нравственных категорий.

Итогом авторских поэтических рассуждений на самые сложные философские темы можно считать афористическую нравственную максиму, вложенную в уста протагониста Фауста, который в своем стремлении «постичь все сущее в основе»¹, проходит с помощью Мефистофеля – «части силы той, что без числа / творит добро, всему желая зла,» – все ступени искушения земными и внеземными соблазнами и к концу жизни так отвечает на мучающий его вопрос о ценности человеческого бытия и конечной цели познания:

¹ Здесь и далее русский перевод Б. Пастернака.

*Ja! Diesem Sinn bin ich ergeben,
Das ist der Weisheit letzter Schluß:
Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muß. (Goethe J. W.)
Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.*

Мы видим, как художественный текст в образно-персонализированной речевой форме актуализирует ответ на сократовский вопрос, что есть благо для человека, лежащий со времен античности в основе аксиологического знания, если понимать под аксиологией «ту часть философского знания, в которой отвлеченная философия ближе всего подходит к практической жизни людей» [Анисимов 2001: 7]. Высшее человеческое благо, по Й. В. Гете, состоит в созидательной разумной деятельности для других, в процессе которой человек преодолевает собственный эгоизм и духовно-физическое несовершенство, заслуживая свободу и бессмертие.

Роман Томаса Манна “Doktor Faustus” (1947), уже своим заглавием аллюзивно связанный с великим творением Й. В. Гете, относится теоретиками литературы к «интеллектуальным романам». Этот литературоведческий термин впервые использовал сам писатель в статье 1924 года “Über die Lehre Spenglers” («Об учении Шпенглера»), где он отмечал, что означенная нарративно-художественная форма возникла как отклик на исторический перелом, который произошел в мире во время и после Первой мировой войны. По мнению Т. Манна, трагические военно-политические события обострили в сознании людей потребность понимания смысла происходящего, а у писателей вызвали потребность в интерпретации жизни, ее философском отражении и истолковании, превышавшую потребность в «рассказывании», воплощении жизни в художественных образах [Mann 1974: 172–180].

В своих интеллектуальных романах, а к ним, помимо «Доктора Фаустуса», несомненно принадлежит и ранее написанная «Волшебная гора» (1924), писатель достигает той степени познавательного обобщения, которая по существу свойственна философским исследованиям. Нельзя не согласиться с исследователями-философами, что создаваемые писателем образы, их художественно-речевое и композиционно-сюжетное взаимодействие тесно переплетаются в обоих романах с «<...> тонко разработанной системой философских идей и понятий, происходит как бы отражение отражения,

так как рефлексия художника имеет дело не только с непосредственными фактами жизни, но и с фактами культуры и политики, в которых жизнь уже запечатлена, и, следовательно, преодолена, снята» [Петров 2003: 156–157].

Как человек искусства и мыслитель-гуманист Т. Манн рефлексировал в «Докторе Фаустусе» по поводу всех трех уровней значения понятия *ценности*: как *предмета*, удовлетворяющего ту или иную потребность человека; как желаемого *нравственного идеала*; как (духовной) *значимости* чего-либо для индивида или социальной группы (ср. [Красных 2016: 92]). Протагонист романа, одаренный композитор Адриан Leverkюм, подобно Фаусту, продает душу дьяволу – многоликому фантому, существующему то ли в реальных лицах, то ли в воображении героя – ради двадцати четырех лет экстраординарного музыкального творчества и расплачивается за это невозможностью любить и быть любимым, душевным одиночеством, сифилисом и безумием.

В композиционном отношении роман представляет собой сплав многослойного художественного нарратива и аналитико-философского исследования. Он строится как хронологически выстроенная биография Leverkюма в период между двумя Мировыми войнами, которая рассказывается от лица друга героя, доктора философии Серенуса Цейтблома, представителя традиционного западноевропейского гуманизма, во многом идейно близкого самому Т. Манну. Названное историческое время, с которым связаны сюжетные события, экстатический музыкальный подъем и параллельная физическая и душевная деградация протагониста, важно для творческого анализа нравственных (индивидуальных и социальных) ценностей, так как, по справедливому замечанию В. В. Красных, «наиболее ярко ценности (как на уровне личности, так и на уровне общества) проявляются в ситуации кризиса или конфликта» [Красных, там же].

Реализованную в романе повествовательную технику можно считать нарративно-художественным приемом, отражающим, среди прочего, когнитивные особенности речемыслительной деятельности творческой личности, выступающей в функции создателя крупноформатного художественного прозаического текста. Эта техника позволяет автору вплести в жизнеописание одаренного композитора (прообразом которого считается философ Фридрих Ницше) из уст персонализированного повествователя – наблюдателя и участника многих личных и социально-культурно значимых событий в жизни героя – гуманистические рассуждения о кризисе европейской культуры в первой половине XX века, отмеченной нарастанием фашистских идей.

По его собственному признанию повествователь, философ и гуманист С. Цейтблом, решился рассказать «скорее по велению сердца, чем по праву

духовного сродства»¹, о своем «несчастном друге, гениальном музыканте, с которым столь беспощадно обошлась судьба, высоко его вознесшая и затем низринувшая в бездну»: ... *des teueren, vom Schicksal so furchtbar heimgesuchten, erhobenen und gestürzten Mannes und genialen Musikers* ... (Mann Th.). Вся история демонически вдохновенного музыкального воспарения и последовавшего затем духовного падения, физического кризиса и потери рассудка Леверкюна аллегорически совпадают с этапами развития национального зла Германии – фашизма, что неоднократно отмечает повествователь:

Wie eigentümlich doch schließen sich nun die Zeiten – schließt sich dir enge, in der ich schreibe, mit der zusammen, die den Raum dieser Biographie bildet! Denn die letzten Jahre des geistigen Lebens meines Helden <...> sie gehörten ja schon dem Heraufsteigen und Umsichgreifen dessen an, was sich dann des Landes bemächtigte und nun in Blut und Flammen untergeht (Mann Th.).

Как странно смыкаются времена – время, в котором я пишу, со временем, в котором протекала жизнь, мною описываемая. Ибо последние годы духовной жизни моего героя <...> уже совпали с возвышением и самоутверждением зла, овладевшего нашей страной и ныне гибнущего в крови и пламени.

Многие эпизоды, связанные с последними годами жизни Леверкюна и его окончательным личностным разрушением, все чаще сопоставляются в размышлениях повествователя с похожей гибельной судьбой мира и Германии, подпавших, как и любимый им друг, под влияние «безбожия» (*die unvermeidliche Anerkennung der Heillosigkeit*):

Alles drängt und stürzt dem Ende entgegen, in Endes Zeichen steht die Welt – steht darin wenigstens für uns Deutsche, deren tausendjährige Geschichte, widerlegt, ad absurdum geführt, als unselig verfehlt, als Irrweg erwiesen durch dieses Ergebnis, ins Nichts, in die Verzweiflung, in einen Bankrott ohne Beispiel, in eine von donnernden Flammen umtanzte Höllentanz mündet (Mann Th.).

Все в страхе мчится навстречу концу, под знаком конца стоит мир, по крайней мере для нас, немцев, ибо наша тысячелетняя история дошла до абсурда, показала себя несостоятельной; давно уже шла она ложным путем и вот сорвалась в ничто, в отчаяние, в беспримерную катастрофу, в кремешную тьму, где пляшут языки адского пламени.

Как видим, Т. Манн вовлекает читателя в дискурс (от лат. *discursus* – разумное размышление; нем. *Gedankengang, Nachdenken*), выходящий за

¹ Здесь и далее цитаты из романа в русском переводе С. Апта и Н. Ман.

границы сугубо литературного повествования. В этом дискурсе размышления повествователя-гуманиста – литературно-художественного образа, созданного волей и мастерством писателя, стимулируют читателя к осознанному сопоставлению причин физической и духовной гибели единичной одаренной личности, продавшей душу дьяволу ради получения художественного сверхдара, и нравственного падения целой нации, подписавшей «собственной кровью» договор с сатаной Гитлером, который пообещал ей владение миром.

Заключительные строки эпилога романа, время написания которых обозначается нарратором 1940 годом, по своей форме приближаются к публицистически открытому диалогу-размышлению. Они содержат риторические вопросы с двойной анафорой, выражающие эмоции отчаяния и сострадания, как к ставшему жертвой дьявола честолюбивому человеку искусства, так и к «окруженной демонами» отчизне, несущейся в пропасть:

Deutschland, die Wangen hektisch gerötet, taumelte dazumal auf der Höhe düster Triumphe, im Begriffe, die Welt zu gewinnen kraft des einen Vertrages, den es zu halten gesonnen war, und den es mit seinem Blute gezeichnet hatte. Heute stürzt es, von Dämonen umschlungen, <...> hinab von Verzweiflung zu Verzweiflung. Wann wird es des Schlundes Grund erreichen? Wann wird aus letzter Hoffnungslosigkeit, ein Wunder, das über den Glauben geht, das Licht der Hoffnung tagen? Ein einsamer Mann faltet seine Hände und spricht: Gott sei eurer armen Seele gnädig, mein Freund, mein Vaterland (Mann Th.).

Германия, с лихорадочно пылающими щеками, пьяная от сокрушительных своих побед, уже готовилась завладеть миром в силу того единственного договора, которому хотела остаться верной, ибо подписала его собственной кровью. Сегодня, теснимая демонами, <...> она свергается все ниже и ниже. Скоро ли она коснется дна пропасти? Скоро ли из мрака последней безнадежности забрезжит луч надежды и – вопреки вере! – свершится чудо? Одинокий человек молитвенно складывает руки: божже, смилуйся над бедной душой моего друга, моей отчизны!

Следует отметить, что интерпретация и понимание таких глубоких и многослойных произведений, как интеллектуальные романы Т. Манна или трагедия «Фауст» Й. В. Гете, доступны далеко не каждому читателю. Они требуют наличия у реципиента высоко развитой литературной компетенции, которая обеспечивает познавательную и воспитательную эффективность его общения с автором через созданный тем художественный текст. В литературную компетенцию читателя входят и его энциклопедические знания, включающие знание языка, и коммуникативно-речевые навыки, и начитанность, и эмпатические способности, и жизненный опыт, и художественный вкус, одним словом, степень его «вращения» в культуру [Красных 2016:

17]. Эталоном подобной компетенции, как считают литературоведы, служит читательская стратегия, присущая так называемому «профессиональному читателю (критику, теоретику литературы)» [Ковылкин 2007: 18]. Это означает, что участие в литературно-художественном дискурсе, где язык используется в поэтической функции, требует мастерства и творческой речемыслительной активности не только от автора-создателя текста, но и от читателя.

«Сотворческая активность» читателя реализуется при этом как многоуровневая раскодировка текстовой смысловой структуры, или индивидуально-творческая «трансформация плана выражения в план содержания» [Эко 2005: 36]. Она включает в себя, в том числе, речемыслительные операции реципиента по декодированию лексического состава текста, ко-текстуальных лексико-синтаксических (анафорических и дейктических связей в линейной манифестации текста) и контекстуальных предпочтений, элементов риторического и стилистического гиперкодирования (метафорических тропов, фигур речи и т.д.), интертекстуальных фреймов (которые можно отождествить с правилами жанра), идеологических структур текста (ср. [там же: 29–77]). Тем самым можно утверждать, воспользовавшись словами У. Эко, что (мастерски) организованный художественный текст, «<...> с одной стороны, предполагает определенный тип компетенции, имеющей, так сказать, внетекстовое происхождение, но, с другой стороны, сам способствует тому, чтобы создать – собственными текстовыми средствами – требуемую компетенцию» [Эко 2005: 19].

В дискуссии о когнитивно-функциональных особенностях речемыслительной деятельности участников литературного дискурса нельзя не учитывать и специфику *прагматических установок*, формирующих и читательскую и авторскую коммуникативно-речевые стратегии. Каждый читатель, так же, как и автор, является «культурным индивидом», который вовлечен пространственно-временными координатами своего существования в определенный социально-культурный контекст [Шнейдер 2022: 28]. Его обращение к чтению художественного текста связано не с какой-то конкретной формой практической деятельности или приобщением к социально-политическим событиям, как в случае деловых, обиходных, массмедийных текстов, а с культурно-литературными запросами, в которые входят как минимум предвосхищение эстетического удовольствия, желание быть вовлеченным в резонансное культурное явление или просто привычное заполнение досуга.

Исходный прагматический стимул для чтения художественного текста потенциальным реципиентом – наряду с получением новой информации /

новых знаний – это ожидание духовного и душевного погружения в литературный текст, который заинтересовал его в силу либо принадлежности известному автору, либо положительной литературной критики, либо широко обсуждаемой в обществе проблематики литературного произведения, имеющей в том числе и скандальный эффект и т.д. Во всех этих случаях прагматическая интенция осложняется определенным эмоционально-оценочным, социокультурно и ситуационно обусловленным (пред-)отношением речемыслительного субъекта к литературно-художественному тексту, а, как известно, «эмоциональная активация является необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности» [Шаховский 2008: 26].

Подключение эмоциональной составляющей и воображения в процесс трансформации плана выражения текста, созданного другим (творческим) речевым субъектом, в план содержания читателя-интерпретатора создает коммуникативно-прагматическое «напряжение» между участниками литературного дискурса, отличающее его от повседневных видов дискурсов. Как пишет В. Г. Адмони: «<...> типичной для художественных текстов от любовной лирики до романа, от басни до драмы является установка на *направленное движение к концу*, к такому завершению, *ожидание которого* <...> *придает напряжение всему тексту*» [Адмони 1994: 130]. Близок по смыслу к этому высказыванию и следующий тезис Ю. М. Лотмана: «Функция художественного произведения как *конечной модели бесконечного по своей природе «речевого текста» реальных фактов* делает момент отграниченности, конечности неперенным условием всякого художественного текста <...>» [Лотман 2001: 429–430] (курсив мой – Е. Г.).

Продолжая приведенные рассуждения, можно заключить, что дискурсивное «напряжение» поэтического произведения, иными словами, экспрессивно-смысловая ретро- и проспективная проекция всех его компонентов на «сильные позиции» начала и конца, создается в результате неординарной (когнитивной, эмоциональной, персуазивной) *интенсивности* речемыслительных действий, с одной стороны, автора по кодированию задуманного целостного образно-художественного смысла в контекстуально сцепленных элементах линейной и вертикальной структуры текста и, с другой – читателя по их декодированию и синтезированию. Подобная интенсивность познавательных и интерпретационных усилий обоих участников литературной коммуникации объясняется, прежде всего, тем, что в их основе лежит ассоциативно-образное мышление, базирующееся на апперцепции: двустороннем ассоциативном соотнесении образов фантазийного антропоцентрического пространства художественно-речевого произведения с собственным внутренним и внешним миром. При этом

и авторская и читательская апперцепции могут быть как устойчивыми, зависящими от их врожденных и приобретенных личностных качеств, мировоззрения, коммуникативно-речевого опыта и др., так и временными, связанными с эмоционально-психическим состоянием субъекта непосредственно в момент создания / чтения текста.

Кроме того, интенсивность речемыслительной деятельности субъектов литературного дискурса определяется безусловной (эксплицитно или имплицитно выраженной в тексте) антропоцентрической установкой автора-адресанта художественной информации в процессе создания целостной текстовой структуры на постоянное «напряженное обращение» (по Бахтину) к Другим. В роли Других выступают: (а) собственное «Я» писателя (внутреннее расщепление «Я» в разных эмоционально-экспрессивных состояниях творческого субъекта, внутренний автодиалог); (б) персонажи, действующие в вымышленном мире, созданном волей автора; (в) лица из «реального мира» – прототип/-ы персонажей либо другие писатели, близкие или противоположные автору по духу, и созданные ими тексты (интертекстуальные аллюзивные обращения); (г) потенциальный читатель. Вследствие имманентной когнитивной и прагматической обращенности к Другим возникает такой релевантный признак художественного текста, как *диалогическая открытость*, или *потенциальный диалогизм* [Бахтин 1979: 293–294; 312–314], в свою очередь создающий «не-до-конца-определенность его структуры» [Лотман 2001: 162].

Если говорить далее о прагматической специфике литературного дискурса, то исходная стратегическая позиция автора художественного текста проявляется в *творческом замысле* – синкретическом образе «бесконечного по своей природе ‘речевого текста’ реальных фактов» (по Лотману, см. выше), в котором сливаются представления и знания, существующие в сознании писателя. Как известно, творческий замысел может модифицироваться и подвергаться определенным прагматико-смысловым «сдвигам» в ходе *творческого процесса*. Это происходит не в последнюю очередь и под влиянием языка, из которого автор в меру своей литературно-речевой компетенции и мастерства, зависящих в свою очередь от объема его энциклопедических знаний, культурного тезауруса и культурной памяти, черпает вербальные средства выражения и изображения.

Познавательная и прагматическая сущность творческого литературно-художественного процесса состоит в динамическом (пере-)осмыслении, образно-символическом обобщении и, параллельно с этим, конкретно-наглядном воплощении с помощью языка, который выступает в инструментальной функции, конфликтных моментов в бытии и сознании людей,

наиболее близких и знакомых автору-адресанту совокупной художественно-текстовой информации. Исходя из этого поэтическое произведение может рассматриваться как часть целостной *авторской образной концепции мира*, которая актуализируется в жанрово определенном и завершенном текстовом высказывании. Для каждого такого текстового высказывания, «отграниченного» прагматически сильными позициями начала и конца, характерна система взаимосвязанных и взаимозависимых словесно-художественных образов, которые – взятые как по отдельности, так и в совокупности – имеют познавательную, а также аксиологическую значимость и для самого автора, и для воображаемого им в качестве образцового читателя.

Из вышесказанного следует, что неотъемлемую часть речевого поведения инициатора литературного дискурса – автора составляет проявление им «искусности построения текста» [Руднев 2009: 653]. Эта искусность заключается в подчинении всех структурно-смысловых элементов художественного текста прагматике направленного движения от его начала к концу и придание тексту сюжетного, эмоционального, риторического, диалогического и др. «напряжения» (см. выше). Как уже неоднократно отмечалось, кардинальная особенность художественного словесно-речевого произведения заключается в том, что в нем перед читателем предстает и динамически развивается фикциональная, не существующая на самом деле, а созданная фантазией автора-зоркого наблюдателя действительность, в которой существуют и действуют образы персонажей с «неоднозначной детерминированностью» [Степанов 2010: 276]. На эту воображаемую действительность накладываются изобразительные потенции языка, то есть заложенная в нем способность к переосмыслению используемых человеком вербальных средств, которые в поэтическом контексте «<...> не указывают ни на какие объекты реального мира – они выражают отношение говорящего (автора текста – Е. Г.) к описываемому им интенциональному миру. <...> Говорящий, подобно творцу, видит свой интенциональный мир как завершенное целое, знает начала и окончания его событий и имеет возможность – с помощью специальных слов – высказаться о них» [там же: 312].

Благодаря свойственной поэтическим текстам художественной изобразительности говорящий в них, как остроумно замечает Ю. С. Степанов, «может говорить от лица любого объекта – живого или неодушевленного, не опасаясь, что он будет смешан слушателем с этим объектом. <...> Мир молчаливой природы и скромных от природы людей, которые не могут сами рассказать о себе, был бы обречен на вечное молчание <...>» [там же]. В этом состоит и одна из главных социокультурных задач художественного дискурса, который считается современными социологами «общественной

коммуникативной практикой, способной формировать и видоизменять общественное мировоззрение», а литература в целом относится к важным «социальным инструментам» [Раренко 2021: 231].

Что касается речевых действий, позволяющих судить о специфической прагматике, творческих языковых способностях и искусности автора художественного текста, то к ним в первую очередь можно отнести следующие: (а) включение в текстовую структуру определенных семантических и структурных эквивалентностей (буквальных, синонимических, варьированных повторов; фигур лексико-грамматического параллелизма и т. д.); (б) выстраивание, в том числе на этой основе, прагматико-смысловых фокусов, являющихся точками привлечения внимания и активизации рецептивной деятельности читателя (различные виды инверсии, эмфазы, синтактико-риторические фигуры обособления и присоединения и др.); (в) функционально-семантические модификации и контекстуальные переосмысления узуальных языковых единиц и явлений; (г) использование авторских неологизмов, нетривиальных тропов и др.

Кроме того, источником мастерства «художников слова» служит способность к погружению в живую социально-речевую стихию определенного времени и культурного пространства, а также умение создавать на этой основе разнообразные «жизнеподобные» словесно-речевые портреты изображаемых персонажей, которые демонстрируют, если перефразировать слова М. М. Бахтина, каким образом в текстовом пространстве «язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его)» и, наоборот, «жизнь входит в язык» [Бахтин 1979: 240].

Вышеназванные стороны художественно-речевого мастерства автора поэтического текста находят комплексное выражение в его *индивидуальном стиле*, который непосредственно связан с «искусством слова» и свидетельствует о том, что автор текста, владеющий нормами социально-речевого поведения в дискурсе художественной литературы, демонстрирует в то же время умение креативно использовать язык как средство индивидуального самовыражения и инструмента нетривиального раскрытия рассматриваемой тематики (см. также [Goncharova 2020: 118–126]). Нельзя не согласиться с М. М. Бахтиным, что жанры художественной литературы наиболее благоприятны «для отражения индивидуальности говорящего в языке высказывания (и/или текста – Е. Г.)»: «здесь индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его» [Бахтин 1979: 241].

Таким образом, признак *мастерства* в работе *с* и *над* языком, позволяющий создать художественный текст – «уникальное по своей языковой орга-

низации средство объективации авторской картины мира как концептуальной системы» [Щирова 2013: 70–71], изнутри определяет характер творческой речемыслительной деятельности дискурсивной языковой личности и автора и читателя литературно-художественного текста. Если в других видах дискурсов этот признак играет роль важной, но не необходимой компоненты речевых действий языковой личности, то для художественной речи он является обязательным симптомом созидательного языкотворчества, так как в ней в процессе и результате творческого акта происходит преобразование существующих в языке связей (ср. [Фещенко 2021: 195]).

Искусность в словесно-речевой организации текстового пространства распространяется и на такую часть прагматических намерений творческой языковой личности, создающей художественный текст, как *персуазивное воздействие* на предполагаемого реципиента. Общим местом во всех интерпретациях текста является положение о том, что в сознании создателя текста всегда присутствует образ «идеального читателя», или «модель возможного читателя, который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал» [Эко 2005: 17]. Учитывая, что художественной литературе в целом свойственна большая языковая и индивидуально-стилевая свобода, чем в любом другом дискурсе, и она рассматривается как «лингвокреативный по преимуществу вид деятельности» [Фещенко 2021: 195], искусность выстраивания в тексте «комплекса благоприятных условий» для читательской рецепции и интерпретации текста [Эко 2005: 25], другими словами, его «диалогическую открытость» разным видам прочтения и осмысления, можно считать имманентной чертой ментально-речевых действий творческой языковой личности.

В этом аспекте нельзя не отметить также, что, в отличие от текстов естественной коммуникации, прежде всего, официально-деловых или социально-политических, посредством которых осуществляется «преимущественно вербальное воздействие адресанта на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий)» [Голоднов 2011: 113], чтение художественного текста не мотивирует реципиента к каким-то заметным изменениям в его внешнем социальном поведении. Значительную часть персуазии художественного текста составляют *суггестия* и *эмпатия*, то есть активация прежде всего внутренних ментально-психических ресурсов потенциального читателя, создание определенного состояния его души, эффекта *со-мышления*, а также эмоционального *пере-* и *со-*переживания происходящих в литературно-художественном произведении (нарративных,

драматических и / или лирических) событий. При этом нельзя исключить, однако, что у определенной части подверженной внушению, впечатлительной читательской публики в результате персуазивного воздействия поэтического текста произойдет и *заражение* его главными идеями, а также *подражание* действиям протагониста.

Так, например, известным культурно-историческим фактом является распространение так называемой «Вертеровской лихорадки» в Германии и Франции, возникшей после выхода в свет в 1774 году романа Й. В. Гете «Страдания молодого Вертера» (“Die Leiden des jungen Werthers”). Был зарегистрирован всплеск числа самоубийств среди молодых людей из-за неразделённой любви, в карманах которых обнаруживали тексты романа. В психиатрии до наших дней сохранился термин «синдром Вертера», диагностирующий состояние, когда больной под влиянием литературного произведения испытывает суицидальные наклонности. Список похожих примеров из художественной литературы на разных языках можно было бы продолжить.

Итак, когнитивно-функциональная специфика ментально-речевой деятельности коммуникативных субъектов литературного дискурса состоит в их обоюдном прагматическом погружении в процесс образно-ассоциативного познания себя в разнообразных диалогических отношениях с действительностью и Другими. Порождение автором и рецепция читателем художественного текста, на материале которого осуществляется литературная коммуникация, требуют от обоих мастерства и искусности в работе с языком как материалом воплощения и интерпретации одной из многих возможных индивидуально-образных концепций мира. Момент творчества, то есть со-зидания для себя и для других духовно и эмоционально ценностных концептуальных смыслов на общедоступном языке, изнутри определяет характер речемыслительных действий дискурсивной личности и автора и читателя литературно-художественного текста. Если в иных видах дискурсов творческий элемент играет роль важного, но не облигаторного фактора речевого поведения дискурсивной личности, то для литературно-художественной коммуникации он является имманентным импульсом ментально-речевой деятельности ее участников.

Литература

- Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб: Наука, 1994.
Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001.
Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979.
- Голоднов А. В.* Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб: Астерион, 2011.
- Гончарова Е. А.* Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. С. 180–191.
- Ковылкин А. Н.* Читатель как теоретико-литературная проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб: «Искусство-СПБ», 2001.
- Петров Д. С.* Томас Манн как мыслитель и гуманист: опыт социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. М., 2003.
- Раренко М. М.* Литература как социальный инструмент // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 228–237.
- Руднев В.* Энциклопедический словарь культуры XX века. СПб: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Тюпа В. И.* Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- Тюпа В. И.* Горизонты исторической нарратологии. СПб: Алетейя, 2021.
- Фещенко В. В.* Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: колл. монография. М.: Р. Валент, 2021. С. 190–257.
- Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
- Шнейдер В.* Контекст коммуникации. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022.
- Щирова И. А.* Текст сквозь призму сложного. СПб: Политехника-сервис, 2013.
- Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / перевод с английского и итальянского С. Серебряного. СПб: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005.
- Goncharova E. A.* Characteristics of author's individual style in the mode of text formulating // Philological Readings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. P. 118–126.
- Goethe J. W.* Faust. Der Tragödie zweiter Teil. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1965.
- Mann Th.* Doktor Faustus. Das Leben des deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn, erzählt von einem Freunde. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1971.
- Mann Th.* Über die Lehre Spenglers // Thomas Mann. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band 10: Reden und Aufsätze. Teil 2. Frankfurt am Main: Fischer, 1974. P. 172–180.

E. A. Goncharova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

SPEECH-THINKING ACTIVITY OF LITERARY COMMUNICATION PARTICIPANTS: ON COGNITIVE AND FUNCTIONAL SPECIFICITY

The paper focuses on the cognitive peculiarities and pragmatic attitudes of speech-thinking activity of the participants of literary communication, where the communication is considered a sphere of arts. A high degree of mastery in working with language is studied as an obligatory functional feature of the participants' speech behaviour, the language regarded as a tool of creating and interpreting the metaphorical individual world vision. Such aspects of this feature manifestation in the structure of a literary text as axiological definiteness, (emotional) tension and open-ended dialogicity are analyzed.

Key words: literary discourse, literary text, author, reader, figurative- artistic cognition.

A. B. Кашеева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
kashcheyeva@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

В статье систематизируются функциональные типы учебного текста. Отмечается, что типы учебного текста различаются по коммуникативной функции, жанру и риторической структуре. Рассматривается взаимодействие коммуникативной и когнитивной функций в разных типах учебного текста. Сделан вывод о том, что оно проявляется в разных аспектах концептуализации в соответствии с учебным заданием. Отмечается роль риторической структуры как когнитивной опоры для понимания учебного текста.

Ключевые слова: учебный текст, функциональные типы, коммуникативная функция, когнитивная функция, жанр, риторическая структура, когнитивная опора, задание.

Цель статьи заключается в том, чтобы систематизировать существующие функциональные типологии учебного текста и проанализировать особенности проявления когнитивной функции в текстах некоторых функциональных типов. Актуальность темы обусловлена отсутствием единого мнения о сущности и типах учебного текста.

Рассматривая функциональные типы учебного текста, мы будем опираться на идею о единстве коммуникативной, когнитивной и интер-

претирующей функций языка [Болдырев 2018], а именно на взаимосвязь коммуникативной и когнитивной функций языковых единиц. Она проявляется в том, что они репрезентируют определенные структуры знания в соответствии с коммуникативными целями, а функциональный уровень языковых единиц отражает «конкретные способы концептуализации объектов» в речи [Болдырев 2018: 222].

В теории текста его функции понимаются, прежде всего, относительно способов и характера передаваемой информации. Поэтому в настоящее время наиболее изучена информативная функция текста. На основании этого принято определять тип текста через «функционально-смысловые типы речи» фактологического, концептуального, методического, эстетического и инструктивного характера, которые репрезентируют информацию следующих видов: эмпирического, теоретического, методологического, оценочного и конкретно-действенного [Валгина 2003: 51]. Отмечается, что по характеру преобладающей информации учебные тексты следует отнести к типу методических. По способам передачи информации, или собственно функционально-семантическим типам речи, тексты делятся на повествовательные, описательные и аргументативные [Валгина 2003].

Данный принцип использован в типологии учебных текстов по типу изложения информации и коммуникативному параметру взаимодействия автора и адресата. Предлагается различать тексты следующих видов:

- описательного (передают информацию, характеризуют объект описания);
- объясняющего (уточняют характеристики объекта и способствуют усвоению информации);
- обобщающего (способствуют прочному запоминанию информации);
- директивного (побуждают выполнять учебные действия);
- комментирующего (облегчают понимание информации) [Чистякова 1993].

Мы полагаем, что представленная типология учебных текстов учитывает способы реализации не только информативной, но и дидактической функции, отражающей процессы переработки учебной информации, например, восприятие, усвоение и запоминание, выполнение учебных заданий. Сочетание указанных функций считается одной из отличительных характеристик учебного текста [Ведякова 2016; Серебренникова, Курьянович 2023].

Ряд исследователей разделяет типы учебных текстов по функциональному принципу согласно теории речевых актов. Выявлено влияние предметной области на частотность тех или иных функциональных

типов учебного текста. Например, ассертивный тип, служащий для передачи знания, характерен для научно-учебных медицинских текстов [Меньшенина 2014]. В учебных текстах по гуманитарным дисциплинам выявлены констатирующие, экспликативные, аргументативные и директивные типы, которые характеризуют разные стороны изучаемого объекта [Марков 2002]. Для учебных текстов в области социологии не характерен экспликативный тип [Шашкова 2006], а тексты в области философии редко носят директивный характер [Марков 2002]. Краткий анализ указанных функциональных типов учебных текстов показал, что они также опираются на характер информации и учитывают разные аспекты его дидактической функции.

Более логичным представляется жанровый принцип выделения функциональных типов текста, принятый в коммуникативной лингвистике. Согласно этому принципу тип текста, или «тип изложения» (термин А. А. Кибрика), выполняет конкретную коммуникативную задачу и отличается определенной риторической структурой, которая представляет собой базовую характеристику жанра [Кибрик 2009; Bhatia 1996]. Таким образом, тип текста можно определить через его жанр. Полагаем, что данный принцип подтверждает взаимосвязь коммуникативной и когнитивной функций текста как языковой единицы, поскольку его риторическая структура представляет собой способ репрезентации неязыкового знания. Кроме того, знания о структуре определенного жанра представляют собой элемент языкового знания. Представляется, что языковое знание риторической структуры в учебном тексте важно, поскольку оно служит когнитивной опорой для понимания текста в целом и формирования у адресата представлений о жанровых особенностях текстов.

Учебники обычно включают тексты жанров, типичных для изучаемой предметной области. Например, учебные тексты по техническим специальностям содержат тексты документов, инструкций по эксплуатации, патентов, формуляров, деловых писем [Гончар 2017]. Функциональный принцип может быть реализован и в типологии учебных жанров по дидактической цели с учетом выполняемого задания, например, образец для заучивания, каркас для выполнения коммуникативной задачи, модель вопросно-ответных единств [Богатырева 2007]. Автор учитывает структурное сходство текстов, но не рассматривает их когнитивные функции.

Структурные особенности текстов, выделенные согласно доминирующей коммуникативной цели, отражены в типологии текстов нарративного, дескриптивного, аргументативного и экспозиторного характера [Кибрик 2009]. Каждый из этих типов текста имеет отличительную

риторическую структуру. Данная типология расширяет понятие типов речи и акцентирует их структурные особенности. В настоящее время типы риторической структуры учебного текста недостаточно разработаны. Отдельные исследования анализируют структурно-семантические особенности разных типов учебного текста, например, аргументативного и нарративного [Баребина 2021; Трущелев 2022]. Однако в своих работах авторы используют термины «аргументация», «повествование», «объяснение», относя тексты к разным типам речи, что является примером смешанной типологии.

Краткий анализ учебных текстов на примере учебника по английскому языку для маркетологов показал, что он включает тексты разных жанров, имеющих разную риторическую структуру. Для обучения важен не только сам тип структуры, но и учебная задача, для решения которой выбран этот текст. Совокупность структуры текста и учебной задачи активизирует разные аспекты концептуализации и демонстрирует единство когнитивной и коммуникативной функций. Так, тексты дескриптивного характера с описанием предлагаемых должностей, используются для формирования концептуальных представлений о них и сопровождаются дефинициями, которые следует выбрать. Например, *The job involves managing all aspects of public relations, publicity, etc. The right person will have solid writing skills, and strong relationships with the appropriate media outlets. The position reports directly to the CEO. The salary is based on experience (head of PR)* [Gore 2007: 6].

Текст нарративного характера об опыте создания эффективного объявления, служит фактологической опорой для устного обсуждения и выдвижения собственных идей [Gore 2007: 36], что способствует формированию нового знания. Текст экспозиторного характера *Advertising Rate Sheet* с детальной информацией о технических характеристиках и ценах объявлений, представленной в виде таблицы, сопровождается заданием, в котором на основании разных разделов текста нужно сделать свои выводы. Вопросы по тексту имеют иное лексическое выражение. Например, вопрос *What is the cheapest add you can place?* требует анализа колонок *colour rates, spot colour rates, mono rates, ad sizes* [Gore 2007: 35], то есть, обобщения концептуального содержания текста.

Подводя итог, отметим, что функциональный принцип типологии учебных текстов учитывает коммуникативную функцию, определяющую жанр и риторическую структуру текста. Взаимодействие коммуникативной и когнитивной функций учебного текста проявляется в том, что жанровые и структурные особенности текста связаны с разными аспектами концеп-

туализации в соответствии с учебными задачами и являются когнитивной опорой для понимания текста.

Литература

Барбина Н. С. Практикум по анализу аргументации в научном тексте. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2021.

Богатырева О. П. Функциональная типология учебного языкового текста-объекта в составе текстового комплекса презентации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2007. № 8. С. 43–55.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003.

Ведякова Н. А. Учебный текст – научный текст? // *Lingua mobilis*. 2016. № 1 (54). С. 19–26.

Гончар Н. Н. Английский профессионально-ориентированный учебный текст vs английский учебный дискурс // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 4. С. 148–152.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.

Марков В. Т. Лингводидактическое описание учебного текста и технология обучения речевому общению иностранных студентов гуманитарного профиля в основных видах и актах речи: монография. М.: МАКС Пресс, 2002.

Меньшенина И. А. Специфика организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2014. № 2. С. 151–156.

Серебренникова Е. А., Курьянович А. В. Учебный текст как тип текста и объект научного описания: обзор подходов к определению функционально-типологических свойств // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (227). С. 32–39.

Трущев П. Н. Лингвистика читательского интереса: эмотивная прагматика учебных текстов по истории // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 2. С. 81–90.

Шашкова В. Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006.

Чистякова О. Н. Структура и типология учебно-научных лингвистических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1993.

Bhatia V. K. Methodological issues in genre analysis // *Hermes, Journal of Linguistics*. 1996. № 16. P. 39–59.

Gore S. English for Marketing and Advertising. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.

A. V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FUNCTIONAL TYPES OF EDUCATIONAL TEXT

The article systematizes functional types of educational text. It notes that educational text types differ by communicative function, genre and rhetorical structure. It considers the interaction of communicative and cognitive functions in different types of educational text. It concludes that the interaction manifests itself in different aspects of conceptualisation in accordance with the learning task. It stresses the role of the rhetorical structure as a cognitive support for understanding educational texts.

Key words: educational text, functional types, communicative function, cognitive function, genre, rhetorical structure, cognitive support, learning task.

М. И. Кюсе (Москва, Россия)
*Московский государственный лингвистический университет,
Институт языкознания РАН
maria_kiose@mail.ru*

ЛИНЕЙНАЯ СТРУКТУРА ЦИКЛА ПОЯСНЕНИЯ В УСТНОМ МОНОЛОГЕ

В работе с привлечением отношений, описывающих локальную структуру дискурса, устанавливаются особенности их линейной организации в цикле пояснения в устном монологе. Идентификация закономерностей в распределении отношений позволяет определить их устойчивые паттерны и когнитивно-дискурсивные тактики конструирования цикла пояснения в линейном аспекте. К ним относятся тактики, описывающие фазы интродукции цикла, риторической интродукции цикла и риторической организации цикла.

Ключевые слова: линейная структура дискурса, дискурс пояснения, устный монолог, тактики конструирования референта, локальная структура дискурса.

1. Вступительные замечания

Настоящее исследование обращается к проблеме линеаризации языковых структур в дискурсе, которая была сформулирована и получила развитие в работах профессора Н. А. Кобриной. Линеаризацию, или линейную последовательность и сочетаемость элементов разных уровней языка, как указывает Н. А. Кобрина, реализуют «многочисленные приемы формирования высказывания, которые обеспечивают однозначность воспринимаемого

смысла: определяется иерархичность структуры, наличие проективности в начальной ее части для построения последующих ее участков; реализуется связанность <...>; формируется или уточняется их лексическое значение и категориальный статус; используется адекватное просодическое оформление <...>» [Кобрина 2009: 71]. При том что линеаризация может рассматриваться в аспекте ее уровневой структуры с учетом, прежде всего, структурного, семантического и просодического планов, Н. А. Кобрина отмечает, что для выявления ее концептуальных характеристик такая дифференциация не является целесообразной, т.к. в основании линеаризации на разных уровнях лежат сходные когнитивные и коммуникативные (дискурсивные) процессы [там же], как и в основании других языковых явлений [Кубрякова 2004а; Кобрина 2005].

В данной работе мы рассматриваем когнитивно-дискурсивные особенности линеаризации в устном пояснении, полагая, что существуют общие паттерны последовательности и сочетаемости элементов при конструировании референта с позиции говорящего. В таком ракурсе линеаризация выступает не как статическое, а как динамическое явление, отражающее «сами мыслительные операции, ведущие к достижению <...> знаний, а также направленные на их интерпретацию или переосмысление» [Болдырев 2016: 203]. Изучение линеаризации как когнитивно-дискурсивного явления можно реализовать с опорой на особенности ее проявления в языковой модальности, например, с опорой на отношения элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) в дискурсе, отражающие его локальную структуру. Так, в работе А. Л. Литвиненко рассматриваются четыре типа таких отношений – коммуникативные, нарративные (оформительские), риторические (вслед за [Mann, Thompson 1988; Кибрик, Подлесская 2009]), а также в качестве отдельного отношения выступают речевые сбои (вслед за [Подлесская, Кибрик 2007]). Материалом анализа в настоящем исследовании выступает записанный рабочий корпус (включающий 1325 ЭДЕ) устных монологических пояснений различий между парами синонимов, называющих референты разного типа. Гипотетически, идентификация регулярных паттернов локальной структуры в цикле пояснения в аспекте его линейности может позволить определить 1) закономерности в распределении отношений локальной структуры цикла пояснения, 2) когнитивно-дискурсивные тактики конструирования референта в реализации частных фаз цикла пояснения: в интродукции цикла, риторической интродукции цикла, риторической организации цикла.

2. Материал и процедура исследования

Записанная устная речь говорящих (студенты, носители русского языка) была сегментирована на ЭДЕ с учетом синтаксического и просодического

критериев и далее размечена на предмет присутствия четырех типов отношений, описывающих локальную структуру дискурса (см. подробнее в [Киосе 2024]). Все ЭДЕ были представлены в составе отдельных циклов пояснений: всего в анализированном материале было 98 циклов пояснений пар синонимов (см. подробнее об эксперименте в [Iriskhanova et al 2023]). На Рисунке 1 приведем кадр с говорящим и пример (1) одного из циклов пояснения (синонимы *тьма* и *темнота*, указаны номера ЭДЕ).

(1) 164: а-а-а... // 165: темнота... // 166: мне кажется...
 // 167: ну это просто вот... // 168: свет выключенный в
 комнате // 169: темнота... // 170: а-а-а... // 171: может
 что-то мрак? // 172: тьма (повторяет) // 173: это-а...
 // 174: это уже больше про что-то... // 175: состояние
 какое-то... // 176: там тьма... // 177: э-э... // 178: это
 что-то такое более устрашающее... // 179: как будто
 бы... // 180: я чувствую себя почти тупой

Рис. 1. Цикл пояснения различий синонимов «тьма» и «темнота» одним из участников

Данный цикл включает 17 ЭДЕ, где ЭДЕ 164, 166, 170, 173, 177 демонстрируют реализацию риторического сбоя; ЭДЕ 165 и 172 нарративное отношение Начала при введении новой темы; ЭДЕ 167, 174 и 179 – асимметричное риторическое отношение Развития темы; ЭДЕ 168, 171, 175, 178 – асимметричное риторическое отношение Интерпретации, где говорящий конструирует референт с указанием его компонентов; ЭДЕ 169 и 176 – симметричное риторическое отношение Объединения при введении в цикл второй темы пояснения; ЭДЕ 180 – коммуникативное отношение Ответа-реакции. Далее с применением результатов разметки отношений каждого цикла установлено распределение отношений в целом по циклам, а также в циклах с учетом их фаз, а именно, в интродукции цикла, риторической интродукции цикла, риторической организации цикла. Проведенный анализ позволил выявить когнитивно-дискурсивные тактики, которые конструируют референт в каждой из названных фаз цикла пояснения. При установлении тактик мы опираемся на разграничение номинативного и предикативного

компонентов ситуации в речи, где предикативный компонент, формирующий основание риторических отношений, может быть представлен предметным, процессуальным или признаковым концептуальным компонентом [Кубрякова 2004б: 247–249].

3. Результаты исследования

В Таблице 1 покажем распределение всех типов отношений в собранном корпусе.

Таблица 1. Отношения в локальной структуре дискурса пояснения

	Коммуникативные отношения	Нарративные отношения	Риторические сбои	Асимметричные отношения	Симметричные отношения
Количество	116	151	222	659	256
Среднее, цикл	1.184	1.541	2.265	6.725	2.612

Исходя из того, что количество циклов пояснения составило 98, средние значения могут дать представление о «формуле» линейной структуры цикла пояснения, где риторические отношения (суммарно асимметричные и симметричные) в среднем обнаруживаются в 9 ЭДЕ, коммуникативные – в 1 ЭДЕ, нарративные – в 2 ЭДЕ, риторические сбои – в 2 ЭДЕ. Предполагаем, что данное распределение может служить некой константой при последующем установлении роли возможных факторов варьирования в дискурсе пояснения.

Далее представим полученные данные по частотности отношений в реализации трех фаз пояснения: интродукции цикла, риторической интродукции цикла, риторической организации цикла. Перечисленные фазы соотносятся с реализацией первой ЭДЕ в цикле, первой ЭДЕ с риторическим отношением, цепочки ЭДЕ с риторическими отношениями. В каждом случае с опорой на распределение отношений установим когнитивно-дискурсивные тактики конструирования референта в линейной структуре цикла пояснения.

Фаза: интродукция цикла

Среднее значение количества начальных ЭДЕ, не демонстрирующих риторические отношения, равно 2.306, стандартное отклонение равно 1.961.

Из 98 цепочек отношений локальной структуры в первой ЭДЕ в 44 случаях они реализуют нарративное отношение Начала пояснения, см. примеры (2): 24: *ну-у битва...* 39: *цепуха и ерунда* (повторяет) 351: *огонь понятие наверно...*

В 42 случаях наблюдается отношение риторического сбоя, см. примеры (3): 71: *это-а...* 84: *ну...* 181: *ах-х* 218: *х-х-х*. Появление этого частотного

отношения указывает на когнитивную трудность, которую испытывает говорящий при решении задачи пояснения.

В 10 случаях обнаружено коммуникативное отношение, иллюстрирующее диалогическое взаимодействие говорящего с заинтересованным слушателем и выполняющее роль ответной реплики оценочного характера или подтверждающей принятие задания, см. примеры (4): 512: *ух ты* 544: *ага...м* 626: *ой*.

В двух случаях обнаружено симметричное риторическое отношение Контраста. Появление симметричного отношения уже в первой ЭДЕ в цикле обусловлено тем, что говорящий выстраивает новый цикл с опорой на отношения, реализованные в предыдущем цикле. Рассмотрим пример (5): 997: *пламя это будет...* 998: *что-то немножечко странное* 999: *в-вот* 1000: *а ну труп это-а...* В ЭДЕ 997–999 наблюдаем завершение цикла, в котором конструируются референты «огонь» и «пламя»; ЭДЕ 1000 – это первая ЭДЕ нового цикла с конструированием референтов «мертвец» и «труп». В ней могут быть усмотрены два варианта контраста: 1) между компонентами референта, конструируемого в предыдущем и текущем цикле, 2) между компонентами референтов текущего цикла, где компоненты первого референта не получили отражение в речи, но стимулировали появление ЭДЕ, «выстраивающей отношение» с этим невысказанным компонентом.

Таким образом, в фазе интродукции цикла пояснения референт конструируется с помощью одной из следующих тактик: 1) преодоление когнитивной трудности при построении нового цикла пояснения, 2) конструирование нарративного начала (конструирование предметного номинативного компонента референта, обособление предметных компонентов референтов, реже отмечается конструирование референта с выдвижением признакового, процессуального или предметного предикативного компонента), 3) конструирование коммуникативного начала диалогического типа с подтверждением принятия задания или ответа на запрос, 4) интегрированное конструирование референтов текущего и предыдущего цикла пояснения (между компонентами референтов).

Фаза: риторическая интродукция цикла

Рассмотрим первые ЭДЕ, в которых представлены риторические отношения. Среди таких ЭДЕ обнаружено 26 случаев реализации отношения Интерпретации, см. пример (6): 85: *ложь это для меня как будто бы что-то такое...* 86: *серьезное...* В данном примере говорящий конструирует референт «ложь» в аспекте оценки степени его воздействия с выдвижением предикативного признакового компонента ЭДЕ.

В примере (7) 482: *обязанности по дому* 483: *когда это твои родители говорят это твоя обязанность* референт («обязанности» по дому) интерпретируется через конструирование позиции другого человека (родителей).

В примере (8) 916: *ну вранье это прям совсем какая-то...* 917: *непонятная ложь которая...* референт «вранье» интерпретируется через конструирование второго референта «ложь», при этом указывается дифференциальный признаковый компонент в *непонятная*.

Обнаружено 15 случаев реализации отношения Развития темы. В таких примерах говорящий начинает конструирование референтов, но еще не обнаруживает предикативный компонент, который характеризует только один из них. Рассмотрим пример (9), в котором говорящий начинает пояснение различий между «карой» и «наказанием»: 1074: *ну тут...* 1075: *с-с-с скажем так м-м-м...* 1076: *степень... силы...* Как можно видеть, в пояснении говорящий называет некую характеристику (степень силы), представленную предметным компонентом, однако не обозначает, какую роль она играет в разграничении референтов. Так, он не называет тот признаковый или процессуальный компонент, с помощью которого конструируется только один из референтов.

Также обнаружено 7 примеров реализации отношения Мотивирующего признака, как, например, в (12): 604: *обязанности всякие...* 605: *по работе по дому...* 606: *то есть здесь есть как бы выбор*. В данном примере в ЭДЕ 606 при конструировании референта задействуется номинативный компонент предметно-процессуального типа.

Остальные типы асимметричных отношений встречаются реже. Например, отношения Примера находим в (14): 69: *ну-у...* 70: *идеал...* 71: *это-а...* 72: *ой-х...* 73: *ну для меня допустим есть в какой-то сфере идеал*, где в ЭДЕ 73 говорящий приводит частный случай конструирования референта («идеал»), в котором не представлены признаковый или процессуальный компоненты референта, но показывается одна из возможностей его конструирования в рамках некоторой области знания.

Среди симметричных отношений обнаружены Объединение (14 случаев) и Контраст (11 случаев). Так, отношения Объединения находим в примере (13): 758: *м-м-м...* 759: *брремя и ноша?* (переспрашивает) 760: *ну...* 761: *брремя это же вообще к.к...* 762: *ноша ну в смысле...*, где с помощью ЭДЕ 762 объединяются структуры незавершенной (без эксплицированного предикативного компонента) клаузы ЭДЕ 761 и текущей незавершенной клаузы. Таким образом, когнитивная роль данного отношения заключается в согласовании номинативно-предикативных структур с опорой на роль их номинативных компонентов. Отношения

Контраста можно проиллюстрировать примером (14): 962: *ну темнота это когда просто темно* 963: *а тьма...* 964: *она может быть поглощающей...* В данном случае в ЭДЕ 962 говорящий конструирует референт «темнота» с выдвижением его признакового компонента (*темная*), в то время как референт «тьма» в ЭДЕ 963 конструируется только как имеющий отличительные компоненты (от референта «темнота»), что выражается в речи в использовании противительного союза, а также в структуре клаузы, предполагающей наличие нереализованной предикативной группы. Когнитивная роль такого отношения заключается в рассогласовании номинативно-предикативных структур ЭДЕ. В ЭДЕ 964 говорящий «справился» с конструированием референта «тьма» с выдвижением его процессуально-признакового компонента, обозначенного в речи метафорой *поглощающей*. Возможно, сложность в конструировании референта «темнота» в ЭДЕ 963 обусловлена как раз тем, что дифференциальные компоненты «тьмы» и «темноты» имеют разную концептуальную природу – признаковую и процессуально-признаковую.

Таким образом, тактики конструирования референта в фазе риторической интродукции цикла следующие: 1) конструирование референта через выдвижение его признаковых, процессуальных и предметных компонентов, 2) конструирование референта в рамках некоторой области знания, 3) конструирование референтов через интеграцию их номинативных предметных компонентов.

Фаза риторической организации цикла

Среднее количество асимметричных отношений в циклах равно 6.49, стандартное отклонение равно 4.81. Среднее количество симметричных отношений в циклах равно 1.87, стандартное отклонение равно 1.7. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что «формула» фазы риторической организации цикла пояснения включает 7 ЭДЕ с асимметричными риторическими отношениями и 2 ЭДЕ – с симметричными. Таким образом, ведущей тактикой конструирования референта в фазе риторической организации цикла пояснения является конструирование референта через фокусирование признаковых, процессуальных и предметных компонентов, в то время как конструирование референтов через интеграцию их предметных, признаковых и процессуальных компонентов используется значительно реже.

4. Заключительные замечания

Проведенное исследование позволило описать линейную структуру цикла пояснения в устном монологическом дискурсе с опорой на фазы этого цикла – интродукцию цикла, риторическую интродукцию цикла,

риторическую организацию цикла, анализ которых проведен с привлечением четырех типов отношений локальной структуры дискурса. В этом смысле выявленные тактики отражают когнитивно-дискурсивную природу пояснения в устном монологическом дискурсе, а именно «оперирование уже сформированными заготовками, хранящимися в памяти» [Кобрина 2005: 68] с учетом подвижности и прагматичности отношений локальной структуры дискурса в линейном аспекте. Установленные закономерности могут быть использованы для проведения контрастивного анализа линейной структуры цикла пояснения с учетом варьирования, обусловленного, например, типом задания, возрастом участников, объектом пояснения, а также уровнем владения языком, на котором ведется коммуникация.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная лингвистика. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.
- Киосе М. И.* Риторическая структура спонтанного экспозиторного монолога // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 258–269.
- Кобрина Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.
- Кобрина Н. А.* Формирование смысловых и структурных модификаций при синтезировании линейных структур // Когнитивные исследования языка. 2009. № 2. С. 65–72.
- Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004а. № 1. С. 6–17.
- Кубрякова Е. С.* На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004б. С. 29–304.
- Литвиненко А. Л.* Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале // Диалог. 2001. URL: <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2001/articles/litvinenko/>
- Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. Вып. 2. С. 2–23.
- Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V.* Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture // Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2023). 2023. Issue 22. P. 172–180.
- Mann W., Thompson S.* Rhetorical structure theory: Towards a functional theory of text organization // TEXT. 1988. Issue 8. P. 243–281.

M. I. Kiose (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics RAS

LINEAR STRUCTURE OF EXPOSITORY CYCLE IN SPOKEN MONOLOGUE

The study exploits the relations of local discourse structure to identify their linear organization within the expository cycle in spoken discourse. Their distribution helps reveal the linear patterns of relations and the cognitive-discursive operations in the construal of expository cycle as a linear structure. These include single operations used in the cycle phases which are cycle introduction and cycle rhetorical introduction, as well as cycle rhetoric organization.

Key words: linear discourse structure, expository discourse, spoken monologue, referent construal, local discourse structure.

А. В. Кремнева (Барнаул, Россия)

Алтайский государственный педагогический университет

annakremneva@mail.ru

СМЫСЛОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Статья относится к исследованиям в области теории интертекстуальности и посвящена смысловой вариативности прецедентных высказываний. Материалом для анализа послужила прецедентная фраза «по ком звонит колокол», широко используемая в разных типах дискурса и порождающая новые смыслы в разных когнитивных контекстах. Проведенный анализ, выполненный с позиции когнитивно-семиотического подхода, подтверждает тезис о том, что результатом межтекстовых взаимодействий является не порождение нового знака, а модификация и обогащение смысла исходного.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентные высказывания, когнитивно-семиотический подход, обогащение смысла.

Научное наследие Новеллы Александровны Кобриной отличается чрезвычайно широкой палитрой проблем, которые затрагиваются в ее работах, а также способностью автора как всякого большого ученого органически и непротиворечиво интегрировать в своих исследованиях не только различные подходы к рассматриваемой проблеме, но и данные других наук, что отвечает принципу трансдисциплинарности, характерному для сегодняшней лингвисти-

ки. Рассуждая о чрезвычайной сложности человеческого языка и о масштабности его ресурсов в выражении смыслов, Н. А. Кобрина подчеркивала, что для адекватного осмысления полученных фактических данных лингвистам необходимо интегрировать в свои исследования данные «из других наук, изучающих способности человека как креативной и воспринимающей личности» [Кобрина 2005: 59]. И хотя Новелла Александровна не занималась вопросами интертекстуального взаимодействия, мы полагаем, что эти слова имеют прямое отношение к проблемам интертекстуальности, поскольку феномен «чужого слова» не утрачивает своей актуальности, а прецедентные высказывания широко используются в текстовых практиках и различных видах дискурса, что дает богатый фактический материал для его теоретического осмысления исследователями. Целью настоящей статьи является выявление диапазона смысловой вариативности прецедентных высказываний, используемых в различных видах дискурса, что приводит к модификации и обогащению их исходного смысла.

Хотя феномен межтекстовых взаимодействий существует в литературе с самого момента ее зарождения, становление теории интертекстуальности как отдельного направления обычно датируется 1967 годом, т. е. временем появления термина, впервые введенного Ю. Кристевой. За время интенсивного развития в условиях т. н. «интертекстуального синдрома» в рамках этой теории сложилось несколько подходов, которые можно условно разделить на: структурно-семиотический, культурно-семиотический, семиотико-герменевтический, когнитивно-семиотический, коммуникативный, синергетический, и этнопсихолингвистический. Как мы отмечали ранее, такое разделение является достаточно условным, поскольку границы между ними достаточно условны (подробнее см.: [Кремнева 2017: 47–70]). В своей трактовке феномена интертекстуальности мы опираемся на принцип трансдисциплинарности, предполагающий рассмотрение изучаемых явлений вне рамок только одной научной дисциплины, и рассматриваем интертекстуальность с позиций когнитивно-семиотического подхода.

На сегодняшний день об интеграции когнитивистики и семиотики сказано немало. По мнению польского исследователя в области социальной психологии Л. Кочановича, тезис о том, что знак возникает «в процессе интеракции между человеческими индивидами, кажется не просто очевидным, но даже банальным. Ведь знак – это *знак для кого-то*, а употребление знака обусловлено фактом существования кого-то, кому данный знак адресован» [Кочанович 1990: 111]. И в формировании, и в употреблении знака мы имеем дело не только с его адресованностью к предмету, но и, прежде всего, к мыслям и действиям *индивидов*. Зачатки когнитивного подхода изначально прослеживаются уже в определении семиотических процессов. Известное

высказывание одного из отцов-основателей семиотики Ч. Пирса гласит: «Мы думаем только в знаках». Второй отец-основатель семиотической теории Ф. де Соссюр, в свою очередь, говорил о том, что семиология, которую он описывал как науку, «изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» [Соссюр 1999: 23], должна быть частью социальной психологии, т.е. в его понимании она непосредственно касается когнитивных процессов. Таким образом, первым принципом, сближающим семиотику и когнитивистику, является принцип антропоцентризма, в соответствии с которым именно человек, а в данном случае – человеческое сознание, выступает мерой всех вещей. В этом месте считаем необходимым отметить, что эстетико-философское учение М. М. Бахтина о диалогизме сознания, лежащее в основе теории интертекстуальности, является глубоко антропоцентричным по своей сути, поскольку речь в нем идет о человеке и его сознании [Бахтин 1979: 332].

Адресованность знака человеку предполагает обращение к его мыслям и действиям, обусловленным общественными и культурными факторами, из чего следует, что еще одним аспектом, сближающим когнитивистику и семиотику, является интерес обеих наук к вопросам взаимообусловленности языка и культуры [Степанов 2001]. Подчеркнем, что вопрос взаимодействия и взаимообогащения культур в процессе межтекстового взаимодействия долгое время находился и продолжает оставаться в фокусе внимания исследователей интертекстуальности.

Но все же главным аргументом для сближения когнитивистики и семиотики в рамках одного подхода к исследованию языковых явлений выступает тот факт, что в фокусе интереса и той, и другой науки находится проблема семантики языкового знака. В свое время именно семиотика способствовала повороту социальных наук к рассмотрению проблемы смысла и привлекла всеобщее внимание к многообразию и сложности способов выражения смыслов как в литературе, так и в других формах искусства. В исследовании интертекстуальности точкой пересечения семиотического и когнитивного подходов служит проблема смысла, выраженного посредством интертекста («старого» знака) в новом контекстуальном окружении. Излагая сущность когнитивно-семиотического подхода к изучению языковых феноменов, А. С. Самигуллина высказывает мнение о том, что данный подход «представляет собой интерпретативное направление, вобравшее в себя достижения феноменологических и герменевтических штудий, а также когнитивно ориентированных исследовательских проектов, выстраиваемых в соответствии с принципами антропоцентризма, функционализма и экспланаторности» [Самигуллина 2008: 10]. Семиотическая сущность интертекстуальности состоит во множественной референтной соотнесенности знака и с событием, описанным в новом тексте, и с предшествующим текстом/

текстами, в результате чего происходит синкретизация смыслов исходного и рецептирующего текстов. При этом семиотический подход фокусируется на преобразовании семиотической сущности самого знака, а когнитивный выявляет глубинный механизм этого преобразования. Объединение когнитивного и семиотического подходов позволяет объяснить то, каким образом интертекст (знак), вступая во взаимодействие с сознанием реципиента, способен порождать целостный смысл в новом тексте/дискурсе.

Идея интеграции семиотического и когнитивного подходов принята научным сообществом и реализуется в целом ряде как отечественных, так и зарубежных исследований, а результатом такого междисциплинарного трансфера знаний является возникновение новых идей и методов. Й. Златев, один из ведущих ученых в области когнитивной семиотики, полагает, что данная междисциплинарная область объединила методы и теории когнитивистики с методами и теориями, разработанными в рамках семиотики и других гуманитарных наук, с целью нового понимания области обозначения смысла и его выражения в культурных практиках [Zlatev 2015: 1062].

Сегодня прецедентные высказывания как основной материал для осуществления межтекстового взаимодействия широко используются в различных типах дискурса, выполняя при этом различные функции, обусловленные типом дискурса, а их функционирование в новых контекстах неизбежно приводит к расширению их смыслового диапазона, к модификации исходных и приращению новых смыслов. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу фактического материала и проследим функционирование широко известной прецедентной фразы «по ком звонит колокол» в различных типах дискурса.

(1) «Позже сестре Эйхманиса сообщили, что он умер от упадка сердечной деятельности 17 февраля 1943 года. В свою очередь дочери Эйхманиса в 1955 году отписали, что он расстрелян 15 октября 1939 года. Особенности советской почты. В подземье сидит сумасшедший секретарь и непрерывно рассылает письма родным и близким. Даты ставит наугад, веселится. Не спрашивай, по ком звякнул почтовый ящик» (3. Прилепин, Обитель).

В данном примере автор использует усеченную трансформированную аллюзию на заглавие знаменитого романа Э. Хемингуэя *'For Whom The Bell Tolls'* («По ком звонит колокол»). Оно, в свою очередь, отсылает реципиента, обладающего достаточно обширным интертекстуальным тезаурусом, к стихотворению-проповеди английского поэта и священника XVII века Джона Донна *'For Whom the Bell Tolls. Devotions upon Emergent Occasions and Severall Steps in my Sickness'* («По ком звонит колокол. Обращения к Господу в час нужды и бедствий») (1624 г.), в которой автор рассуждает о бренности человеческого бытия и о своем месте в этом мире:

(2) *No man is an island,
Entire of itself.
Each is a piece of the continent,
A part of the main.
If a clod be washed away by the sea,
Europe is the less.
As well as if a promontory were.
As well as if a manor of thine own
Or of thine friend's were.
Each man's death diminishes me,
For I am involved in mankind.
Therefore, send not to know
For whom the bell tolls.*

It tolls for thee (J. Donne, For Whom the Bell Tolls. Devotions upon Emergent Occasions and Severall Steps in my Sickness).

Джон Донн – таинственный, сложный и многообразный поэт, яркий представитель английской «метафизической школы». Советский и российский читатель знаком с его лирикой благодаря переводам Иосифа Бродского. Джон Донн прожил яркую и сложную жизнь, полную взлетов и падений. Цикл текстов, к которому относится *'For Whom the Bell Tolls'*, был написан им в один из тяжелейших моментов его судьбы, когда автор был в шаге от смерти. Лирику Джона Донна высоко ценил Эрнест Хемингуэй, который использовал цитату из текста Донна в качестве заглавия и эпиграфа к своему знаменитому роману о верности, мужестве и прощении. Роман, действие которого разворачивается во время гражданской войны в Испании, рассказывает читателю о судьбе молодого американца Роберта Джордана, примкнувшего к антифашистскому партизанскому отряду. Хемингуэй вкладывает в уста главного героя рассуждения о вере, используя христианский символизм колокольного звона. В своем произведении «Обитель», действие которого происходит в Соловецком лагере особого назначения, подводя итог страшной судьбы начальника лагеря, З. Прилепин использует лишь фрагмент прецедентного текста «по ком звякнул почтовый ящик», подразумевая, что он может активировать в памяти реципиента весь прецедентный текст, способствуя более полному пониманию смысла того, что произошло с одним из центральных персонажей. Рассмотрим другие примеры.

(3) *Япония. Обратная сторона кимоно. 4 серия. О чем звонит колокол.*
(название документального фильма)

В примере (3) трансформированный прецедентный текст используется как название документального фильма, повествующем о японском городе

Хиросима, на который 6 августа 1945 года была сброшена атомная бомба. Авторы фильма исследуют то, как это повлияло на Японию, как японская нация пережила эту трагедию, что стало с выжившими жертвами применения ядерного оружия.

(4) *«Путем распада. По ком звонят его колокольчики»* (Литературная газета. № 7–8, 2006)

Пример (4) представляет собой заголовок эссе Г. Красникова об уникальном феномене Александра Башлачева, благодаря творчеству которого, по мнению автора эссе, русский рок фактически обрел и свое оправдание, и свою осмысленную полноту и мощь, и свою трагическую обреченность. В приведенном примере фраза *«По ком звонят его колокольчики»* представляет собой сложную тройную аллюзию на Хемингуэя, на текст песни Александра Башлачева «Время колокольчиков» (*Что ж теперь ходим круг да около / На своем поле как подпольщики? / Если нам не отлили колокол / Значит, здесь время колокольчиков*), а также на строки из песни Бориса Гребенщикова (иноагент) (*Ну а мы уходим в боги / Так пускай звенит по нам / Словно месса по убогим / Колокольчик на штанах*). Творчество последнего автор эссе подвергает резкой критике, отзываясь о нем как о музейном экспонате, выжимающем «из своего прошлого максимум практической пользы». Подводя итог эссе, Г. Красников снова обращается к прецедентному тексту, вынесенному в название: «Скажи, по ком звонят твои колокольчики, и я скажу, кто ты, о чем поешь. И главное, по Башлачеву, – зачем ты поешь». Приведенные примеры говорят о том, что мы часто обращаемся к выражению «по ком звонит колокол», когда речь заходит о безвременно ушедших, о жертвах убийства, вооруженного конфликта, репрессий. Рассмотрим другие примеры.

(5) *Обком звонит в колокол* (из советского анекдота про Л. И. Брежнева)

(6) *Наколи мне, кольчи́к, прямо на спине желтый колокольчик. что звонит по мне* (надпись на бумажном стаканчике в кофейне)

(7) *«По ком постит блогер»* (Комсомольская правда, № 60, 2016)

В примерах (5), (6), (7) обращение к известному интертексту выполняет функцию языковой игры, создающей комический эффект. Такой эффект возникает в силу несоответствия доминантного смысла источника интертекста «по ком звонит колокол» и новых когнитивных контекстов. В примере (5) комический эффект усиливается благодаря фонетической схожести лексем «по ком» и «обком».

Как показал проведенный анализ, прецедентные высказывания обладают значительным смысловым потенциалом, а их использование в новых контекстуальных условиях приводит к модификации их исходных смыслов и к приращению новых смыслов. Использование широко известных прецедентных

фраз в новых контекстах раскрывает креативный потенциал языковой личности автора, а их интерпретация требует от реципиента не только наличия необходимого интертекстуального тезауруса, но и умения выявлять новые смыслы прецедентных фраз, реализуемые ими в новых когнитивных контекстах. Сказанное позволяет также сделать вывод о том, что когнитивная семиотика сегодня становится не только наукой, но и практикой интерпретации смысла произведений искусства и литературы. Интеграция когнитивного и семиотического подходов призвана способствовать большей степени экспланаторности исследований различных языковых фактов, в том числе проблемы межтекстового взаимодействия, одним из видов которого является интертекстуальность.

Литература

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Кобрина Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.
- Кочанович Л.* Знак, значение, сознание и социальная природа знаков (на примере концепций Мида и Выготского) // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. С. 111–123.
- Кремнева А. В.* Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017.
- Самигуллина А. С.* Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2008.
- Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.
- Степанов Ю. С.* Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- Zlatev J.* Cognitive Semiotics // International Handbook of Cognitive Semiotics. Dordrecht: Springer, 2015. P. 1043–1067.

A. V. Kremneva (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

SEMANTIC VARIABILITY OF PRECEDENT PHRASES IN VARIOUS TYPES OF DISCOURSE

The article refers to the studies of intertextuality and is devoted to semantic variability of precedent phrases. The material for analysis is the well known precedent phrase ‘for

whom the bell tolls', which is widely used in different types of discourse and as a result generating new meanings in various cognitive contexts. The analysis carried out on the basis of cognitive-semiotic approach verified the initial thesis that the result of intertextual interaction is not the emergence of a new sign but the modification and the enrichment of the original one.

Key words: intertextuality, precedent phrases, cognitive-semiotic approach, enrichment of meaning.

А. Э. Левицкий, Е. С. Музалевская (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
andrelev@list.ru, ekmuzalevskaya@yandex.ru

**ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ
ВОЙНА И МИР
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
ПЕРИОДИКИ 50–70-Х ГОДОВ XX ВЕКА)**

В статье рассматриваются особенности оппозиции концептов ВОЙНА и МИР на фоне публицистического дискурса, представленного газетами «Правда» и “The New York Times” периода холодной войны. Дискурсивный анализ советской и американской периодики служит основой для дальнейшего фреймового анализа изучаемых концептов. Контрастивный анализ вербализации концептов ВОЙНА и МИР средствами русского и английского языков позволяет сопоставить их место и роль в публицистическом дискурсе периода холодной войны.

Ключевые слова: публицистический дискурс, дискурсивный анализ, дискурсивные практики, оппозиция концептов ВОЙНА и МИР, период холодной войны.

Настоящая статья посвящена памяти выдающегося ученого, прекрасного человека Новеллы Александровны Кобриной. Уже около 15 лет её нет с нами, но нынешние студенты её хорошо знают по учебникам по практической и теоретической грамматикам [Кобрина и др. 1991; Кобрина и др. 2007]. Однако как начинающим, так и зрелым лингвистам известен её интерес к когнитивному подходу ещё на заре его развития в России. Особо следует отметить интерес Н. А. Кобриной к становлению когнитивно-функциональной грамматики на основе разработок в сфере синтаксического и прагматического анализа. Исследования профессора Н. А. Кобриной, выполненные в сфере взаимодействия языковых и ментальных сущностей, составляют существенный вклад в развитие современной когнитивной лингвистики.

Исследование ментального субстрата вербальной деятельности в русле разработок теории понятийных категорий и принципов их реализации в языке представляет интерес для анализа концептов, их места в дискурсивных образованиях и, возможно, развития когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Наше исследование в значительной мере основывается на идеях Н. А. Кобриной, находящихся в сфере когнитивной и контрастивной лингвистики, теорий текста и дискурса, а также вопросов соотношения ментальных оснований речевой деятельности и принципов операций со смыслами как непосредственной сущности коммуникации.

Изучению сущности концептов, в частности, рассмотрению концепта в рамках различных дискурсивных практик посвящены работы и многих других ученых. Эта проблематика актуальна, в частности, в целом ряде публикаций (см., напр., [Воркачев 2001; Карасик 2004; Кубрякова 1997; Степанов 2007; Lakoff 1990]). В данной работе за основу было взято лингвокогнитивное понимание концепта, предложенное Е. С. Кубряковой: «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [Кубрякова 1996: 90].

Материалом для анализа оппозиции концептов ВОЙНА и МИР послужил медиа публицистический дискурс периодических изданий «Правда» и «The New York Times» 50–70 годов XX века. На сегодняшний день не существует общепризнанного толкования понятия «дискурс», однако большинство учёных определяют его в неразрывной связи с понятиями «текст» и «речь». Так, согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс является связным текстом, в котором сочетаются экстралингвистические, прагматические, социокультурные, психологические и другие факторы; это речь, как компонент коммуникации и когнитивных процессов человека – речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136]. Исходя из этого определения следует признание дуальности дискурса: с одной стороны, определить прагматическую ситуацию как отражение мотивации коммуникантов, связности и коммуникативной реализации соответствующих импликаций и пресуппозиций; с другой стороны, дискурс нацелен на способы порождения речи, обусловленные социокультурными и психологическими факторами, которые поддерживают темп речи, её связность и соотношения компонентов содержания.

В «Кратком словаре лингвистических терминов» Е. С. Кубряковой дискурс определяется как «речевое произведение» в совокупности социальных, культурных и психологических факторов, необходимых для процесса коммуникации [Кубрякова 1996: 16]. Данное понимание подчёркивает пре-

жде всего речевой аспект, соответственно, дискурс выступает как продукт речевой деятельности человека. В этой связи учёт внеязыковых факторов свидетельствует о многостороннем характере дискурса, широте его диапазона. Суммируя определения дискурса, приведенные в статье, можно отметить, что дискурс отличается динамичностью, недискретностью и открытостью, а также его обязательной вовлечённостью в ход текущих событий.

Публицистический дискурс определяется как явление, объединяющее процессы и продукты речевой деятельности в пространстве СМИ. Публицистический дискурс даёт возможность представить объект наблюдения во всём богатстве его проявлений, исходя из позиции пишущего. Такое информационное разнообразие способно дать широкое представление об описываемом событии и его оценке в социуме [Добросклонская 2006: 22]. Рассматривая специфику публицистического дискурса, необходимо указать на требование к СМИ находиться в эпицентре происходящих событий и в то же время осуществлять проективность. Таким образом, медиа ресурсы реализуют когнитивную обработку информации, посредством которой у её потребителя формируется особая картина мира.

Центром дискурса любого медиапространства выступает определённый концепт. Общий контекст определённой ситуации разворачивается вокруг него и формирует целостное представление об освещаемой ситуации или событии. В нашем исследовании ставится цель выявить специфику подачи информации газетами «Правда» в СССР и “The New York Times” в США для того, чтобы максимально достоверно раскрыть особенности вербализации оппозиции концептов ВОЙНА и МИР в эпоху холодной войны.

Начнём с описания характера информационной войны, развернувшейся между СССР и США ещё до официального начала открытого противостояния. Война в сфере идеологии позволяет определить холодную войну как период конфронтации между двумя сверхдержавами вне прямого военного боестолкновения, но приводящее к нестабильности мира и возможности начала горячего противостояния в любой момент. СМИ во время холодной войны помогали создать определенные образы политических противников и сплотить население для дальнейшего соревнования в экономической, политической, технологической и военной сферах. Информационная война как особый тип противостояния в политическом контексте представляет собой комплекс мер для усиленного воздействия на противника через каналы информационной связи. Влияние оказывалось на граждан как одной, так и другой страны для создания образа врага из соперника. В случае контрпропаганды для оппонента предоставлялась информация о его сла-

бости и отсталости по сравнению с развитыми технологиями и военным оборудованием страны-конкурента.

Репрезентация концепта ВОЙНА проходила в отсутствии реальных военных действий, а в условиях мирной жизни народов, что традиционно присуще концепту МИР и является непрототипичным для его активации. Таким образом, в СМИ проводилась регулярная работа над «коррекцией мотивов».

В данной ситуации важная роль отводилась жанру «обозрение», что соответствовало свойственной человеку потребности как бы «вернуться в прошлое» и осмыслить всё произошедшее. В тексте выстраивалась последовательность событий в общем плане, собранная из множества фактов, дат и участников. В обозрениях «Правды» страны капиталистического строя представлялись в качестве злых противников, которые могут привести мир к войне и разрушениям. С другой стороны, постулировалось, что социалистические страны борются за мирное существование всех народов и стремятся к установлению стабильности и согласия во взаимоотношениях. СССР представлялся в качестве защитника пострадавших от давления капиталистического блока стран. В то же время, СМИ США проводили схожие подходы, где миролюбивой страной представлялись уже США и Западный блок.

В текстах американской периодики времён холодной войны выделяются три наиболее характерные стратегии создания образа врага как заполнителя слота ВРАГ, чрезвычайно важного для: 1) формирования круга «чужих»; 2) внушения фантомной угрозы; 3) демонизации врага. Круг «чужих» реализовывался за счёт номинации с использованием таких ярлыков, как, *враг*, или *диктатор* и им подобных; в том числе с помощью наименования видов деятельности, связанных с поведением враждебного субъекта: *агрессия*, *репрессия*, *террор*; через описание вооружения противника: *инструменты террора*, *ужасающее оружие* и прочее. *Фантомная угроза*, в свою очередь, создаётся благодаря моделированию альтернативного будущего. При этом прогноз сделан в виде образа антиутопии в случае превосходства врага. Для демонизации в текстах используются прототипические сценарии. Сценарий демонизации представляет ситуацию агрессии врага по отношению к жертве. Таким образом, в сфере пропаганды значительная роль отводится приёмам конструирования круга «чужих» и созданию недружелюбного и презрительного отношения к нему со стороны читателей/слушателей.

Существует ряд способов и техник ведения информационной войны, который, на наш взгляд, характеризует политику информирования населения

в годы холодной войны. К ним относятся: эксплуатация готовности масс всегда быть на стороне победителя; публикация утвердительных заявлений, представленных как факты; использование фраз, окрашенных негативно или позитивно; упрощение проблем или их общественной значимости для снижения напряжения или формирования у нелояльной аудитории чувства собственного превосходства; наклеивание ярлыков; перенос внимания на другое событие; опровержение фактов оппонента и выборочный подбор информации. Выбор тех или иных методов был продиктован не только политической обстановкой, но и реальными задачами элит. Возможно, что в связи с непрямым конфликтом, развернувшимся между двумя блоками, как правило, применялись завуалированные пропагандистские приёмы, которые становились явными в кризисные периоды, например, во время Карибского кризиса. Из этого следует, что образ врага в советской и американской прессе не был статичен и изменялся в соответствии с улучшением или ухудшением отношений на разных этапах холодной войны. Соответственно можно предполагать, что и репрезентация оппозиции концептов ВОЙНА и МИР будет отличаться в разные периоды времени, в связи с изменением публицистического дискурса.

Газета «Правда» в рассматриваемый период являлась органом ЦК КПСС и следовала идеологической линии партии. Основными источниками контекста для концептов ВОЙНА и МИР служили колонки «Международное обозрение», «На сессии Генеральной Ассамблеи ООН» и «В Совете Безопасности». Ключевые моменты переговорных процессов были изложены в вышеперечисленных разделах статей. Давался подробный разбор реакций западных стран на те или иные решения советского руководства, обличались коварные планы США по несоблюдению договорённостей, предоставлялись факты недобросовестной пропагандистской войны, развернутой против стран социалистического блока и цитировались представители советской делегации.

Газета “The New York Times” в исследуемый период отражала актуальную повестку для всех медиа источников и являлась одним из главных средств массовой информации. В связи с тем, что газета освещала самые важные политические и экономические проблемы в мире с позиции высокопоставленных руководителей страны, она считалась влиятельной и правдивой. Отмечалось представление ситуаций на международной арене с позиции американо-центризма, а именно американский образ жизни, ценности и идеалы, которые служат эталонами на шкале оценки тех или иных событий. Как и в случае с советской периодикой, американцы старались представить своим читателям образ «врага» и «империи зла» в виде

СССР и всех стран социалистического блока. «Свои» в этом случае были защитниками прав и свобод, блюстителями закона и носителями морали и добродетели. Нельзя сказать, что журналисты “The New York Times” когда-либо «осторожничали» при выборе формулировок или избегали использования определённых слов. Напротив, в сравнении с «Правдой», издание открыто публиковало оценки происходящего и применяло все возможные методы для демонизации Советского Союза. Необходимо также указать на быстрое реагирование и печать обзоров практически сразу после определённого события.

Таким образом, на основании дискурсивного анализа газет «Правда» и “The New York Times”, можно сделать вывод об идеологическом противостоянии, развернувшимся на страницах указанных периодических изданий. Обе газеты выступали в роли действующих лиц информационной войны, которая была в такой же степени важной, как и экономическое и политическое соперничество. Особенности освещения событий холодной войны в период 50–70-х годов XX века являются важными компонентами последующего анализа оппозиции концептов ВОЙНА и МИР и способствуют детальному изучению их вербализации.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.
- Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
- Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Кобрина Н. А., Корнеева Е. А., Оссовская М. И., Гузеева К. А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учеб. пособие. СПб.: СОЮЗ, 1999.
- Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.
- Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов. М: Изд-во МГУ, 1996.
- Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1990.

*A. E. Levitsky, E. S. Muzalevskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

DISCURSIVE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF WAR AND PEACE IN THE SOVIET AND AMERICAN PERIODICALS OF 1950-S – 1970-S

The article examines the opposition of the concepts WAR and PEACE within media discourse revealed in “Pravda” and “The New York Times” in times of the Cold War. The discursive analysis of Soviet and American periodicals serves as the ground for further frame analysis of the concepts above. Contrastive analysis of the concepts WAR and PIECE verbalized in Russian and English makes it possible to reveal its place and role in media discourse of the Cold War.

Key words: media discourse, discursive analysis, discursive practices, opposition of concepts of WAR and PEACE, the Cold War times.

*A. П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ДИСКУРСА

В рамках когнитивно-функционального аспекта изучения исторического текста и дискурса особую роль играет когнитивная грамматика, акцентирующая внимание на единстве лексико-грамматического континуума, способствующего пониманию формирования и передачи исторических событий и идей посредством языка.

Ключевые слова: исторический текст и дискурс, когнитивная грамматика, значение, концептуальная система, лингвистические элементы.

В настоящее время, несмотря на решение многих проблем когнитивной лингвистики, одной из них, требующей дальнейшего рассмотрения является когнитивная грамматика, непосредственно соотносящаяся с интеракцией текста и дискурса в рамках когнитивно-функционального подхода. Согласно основополагающему принципу когнитивной лингвистики, суть языка заключается в значении, что позволяет рассматривать его как инструмент систематизации и передачи информации. С позиций когнитивной лингвистики значение воспринимается не как объективное отражение внешнего мира, но как способ его формирования. Рональд Уэйн

Лангакер, будучи одним из основателей когнитивной грамматики, стремился выявить структурирующие ее базовые принципы, подходя к лексике и грамматике как к взаимозависимым и взаимодополняющим понятиям, требующим корреляции лингвистической и концептуальной систем. Лангакер, исходя из образности грамматических конструкций, предложил идею лексико-грамматического континуума, образующего единый класс символических единиц, различающихся по качеству содержащегося в них смысла, обуславливающего выбор языкового способа выражения понятийного материала [Langacker 1987]. При этом ученый описывает лексику и грамматику как единый структурированный перечень конвенциональных лингвистических единиц, репрезентирующих знание языка (ментальная грамматика) в сознании говорящего в виде инвентаря символических единиц [Langacker 1987: 73]. В отличие от Р. У. Лангакера, Леонард Талми в рамках когнитивной грамматики отмечает качественное различие между грамматическими структурами и лексическими элементами. Согласно модели, разработанной Л. Талми, когнитивная репрезентация выражается грамматическими средствами, а её содержание – лексическими единицами, содержащими грамматически закодированную информацию о структуре, являющейся концептуальным каркасом лексически выраженного содержания, которые необходимы для её кодирования и экстернализации [Talmy 2000]. Исходя из лексико-грамматического континуума, являющегося общим для конкретного речевого сообщества, при использовании профессионально-ориентированного языка, сохраняющего конвенциональность, необходимо учитывать предметную область его функционирования. Рассмотрение совокупности взаимосвязанных лексических элементов и грамматических структур, воспринимающихся как сеть, необходимо для выявления особенностей исторического текста и дискурса в рамках когнитивно-функционального подхода. Предметом изучения истории «выступают события, случившиеся в прошлом, условия, больше не существующие. Они становятся объектом исторической мысли лишь после того, как перестают непосредственно восприниматься» [Коллингвуд 1980: 149]. Таким образом передача, восприятие и интерпретация информации о неперцептивных исторических событиях возможны посредством языка, который реализуется в дискурсе, неотъемлемой составляющей которого является текст, воссоздающий жизнедеятельность человечества в исторической событийной реальности и, находясь в контексте времени и места, определяется социальной средой и взглядами как историка, так и реципиента. Следует отметить, что взаимодействие текста и дискурса с когнитивно-функциональных позиций находится в фокусе интересов когнитивной

лингвистики. Е. С. Кубрякова считает, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [Кубрякова 1995: 164]. Подчеркивая их взаимообусловленность и тесную взаимосвязь, ученый, рассматривает текст как результат дискурсивной деятельности, без которой он не существует, отмечая, что «общим для анализа текста и дискурса является очень важное для их понимания обращение к декодированию неочевидных смыслов и в том и в другом» [Кубрякова 2004: 525]. Реальность прошлого эффективно создается только текстом, который с дискурсом составляет единое целое [Fairclough 1997: 97–98]. Исторический текст, являющийся вербальным ядром полифонического по своей сути исторического дискурса, воспринимается и интерпретируется реципиентом по-разному. В историческом дискурсе происходит концептуальное нивелирование границ между лексической и грамматической системами, создающими целостную картину, фиксирующую конкретные и неповторяющиеся события жизни в историческом прошлом. В историческом дискурсе отражаются события, протекавшие во времени, отрезок которого характеризуется неоднородностью, поскольку зависит от задач, решаемых историком. Для конструирования исторического мира определенным способом и создания концептуального пространства, в котором действия исторических личностей приводят к возникновению конкретных событий, историку необходимо сопрягать оба типа конвенциональных единиц: как лексических, так и грамматических, создающих динамизм языка. Грамматическая система языка, будучи остоном, на который нанизывают слова и фразы, которые только при взаимодействии друг с другом создают смысл, является более статичной по сравнению с лексикой [Кобрина, Болдырев, Худяков 2007]. Особую роль в историческом дискурсе играют антропимы, о которых говорят, что они «асемантичны и неконнотативны, т.е. не содержат информации о характере вещи. Однако это не совсем так» [Кобрина, Болдырев, Худяков 2007: 13]. В историческом дискурсе антропимы несут этническую и темпоральную информацию, передавая историко-культурные особенности заданной эпохи [Кобрина, Болдырев, Худяков 2007: 13]. Антропимы, прецизионные единицы и исторические термины, наряду с определенными видовременными формами глагола, необходимы историку для создания атмосферы, способствующей воздействию на сознание реципиента и формированию у него чувственного восприятия прошлого при презентации исторических событий. Каждый

период английской историей маркирован характерными для него антропонимами. Римский период английской истории связан с именем Юлия Цезаря, символизирующим воплощение архетипа и имеющим устойчивую коннотацию в английском языке. Вторжение римского полководца на Британские острова, дважды пытавшегося их завоевать, историк передает посредством выстраивания предложений, глагольные формы которых подчеркивают планомерность и сознательность совершаемых им действий: “Caesar’s two invasions were little more than reconnaissances in force. The first was made in the summer of 55 B.C. with two legions and a body of cavalry, making a total of perhaps 10,000 men. Some successes were gained but the opposition was strong and in the following year an army of about 25,000 was landed. The Thames was crossed and the capital of Cassivellaunus stormed. Caesar then departed, taking hostages and securing a promise to pay tribute. There is no evidence that this promise was ever fulfilled” [Morton 1963: 24]. Видовременные формы глагола простого прошедшего времени, на каркас которых нанизаны антропонимы, прецизионные единицы и исторические термины, означающие последовательные действия означенной исторической личности, позволяют историку, присутствие которого обозначено глагольной формой не прошедшего времени, конструировать мир исторического прошлого, познание которого происходит посредством соположения значений лексических единиц и глагольных форм. Однако при сохранении видовременной глагольной формы, приведенного предложения, подчеркивающей неотвратимость произошедшего, но изменении онимов и прецизионных единиц, историк переносит реципиента в другую эпоху, оставаясь невидимым рассказчиком о событиях минувших веков: “In July 1690 William defeated the Jacobite Army at the Battle of the Boyne, and in October 1691 the last Irish general, Sarsfield, surrendered at Limerick after a brilliant but hopeless struggle” [Morton 1963: 288]. Линейное расположение разновременных грамматических структур способствует созданию объемных образов, обуславливающих концептуальные представления как о развитии человеческого общества в историческом прошлом, в целом, так и роли конкретного человека в определенный момент исторического развития, в частности. Это явление всеобъемлюще, неавтономно и универсально для исторического дискурса. Посредством соположения в одном предложении категориальных форм не прошедшего и прошедшего времени создается динамика и «информативная перспектива» [Кобрин, Болдырев, Худяков 2007: 48] исторического дискурса, подчеркивающая вневременную значимость конкретного исторического явления: “The Wars of the Roses, which occupy thirty years from 1455 to 1485, brought the period to a bloody

close and completed the self-destruction of the nobles as a ruling class” [Morton 1963: 147]. Исторический дискурс, конструируя историческую реальность и связывая исторический объект с его средой по горизонтали и вертикали [Риккерт 1998: 147–148], используется для обоснования особенностей характера народа в настоящем, придавая эмоциональность конкретному сообщению. Совмещая разновременные категориальные формы глагола с конкретными онимами, прецизионными единицами, историческими терминами и коннотативно окрашенной лексикой, историки стремятся не только отметить значимость конкретного исторического события для настоящего, подчеркнуть, что настоящее проистекает из неограниченного во времени прошлого, но и показать семантическую гибкость языка, сохраняющего структурную ригидность.

Подводя итог, отметим, что дискурсивный подход к описанию исторической действительности помимо линейности и фиксации хронологической последовательности ключевых фактов посредством целостности лексико-грамматической системы, является творческой деятельностью историка. Исторический текст и дискурс образуют общее концептуальное пространство для создания целостной картины исторического развития общества в конкретную эпоху его существования в определенном географическом пространстве, пронизывая современную жизнь историей.

Литература

Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н. Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Риккерт Г. Философия истории // Науки о природе и науки о культуре / пер. под ред. С. И. Гессена. М.: Республика, 1998.

Fairclough F. Critical discourse analysis: the critical study of language. London: Longman Group Limited, 1995.

Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. I. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Talmy L. The relation of grammar to cognition // Toward a Cognitive Semantics. Vol. I. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 21–96.

A. P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

HISTORICAL TEXT AND DISCOURSE STUDY FROM A COGNITIVE-FUNCTIONAL PERSPECTIVE

Within the framework of the cognitive-functional aspect of the study of historical text and discourse, a special role is played by cognitive grammar, emphasizing the unity of the lexico-grammatical continuum, which contributes to the understanding of the formation and transmission of historical events and ideas through language.

Key words: historical text and discourse, cognitive grammar, meaning, conceptual system, linguistic elements.

Е. С. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)
Издательство «Азбука-Амтикус»
saint-petelena@mail.ru

МЕТАКОГНИЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена актуализации метакогнитивного компонента в англоязычном художественном дискурсе романов Э. Доктороу и Дж. Барнса. Целью исследования стало выявление особенностей метакогниции, изображенной художественными средствами. Сделан вывод о трехаспектной структуре метакогнитивных составляющих дискурса, обозначенных рабочим термином «метакогнитивная триада».

Ключевые слова: метакогниция, художественный дискурс, память, мозг, метакогнитивная триада.

В гуманитарных научных исследованиях XXI века безоговорочно признается, что когнитивный подход в совокупности с функциональным наиболее полно отражают речемыслительные процессы концептуализации и категоризации: «все существующее в языке есть результат ментальной деятельности и творчества человека» [Кобрина, Болдырев, Худяков 2007: 3]. По своей сути когнитивная наука носит междисциплинарный характер: она активно вовлекает в свою орбиту сведения психолингвистики, филологии, нейрофизиологии и многих других дисциплин, изучающих, среди прочего, процессы и механизмы мышления и порождения речи; наибольший вклад в развитие этого научного направления вносят именно лингвисты [Скребцова 2011: 6–7].

Наряду с этим необходимо отметить и метакогнитивную составляющую такого рода исследований. Метакогниция – этот термин восходит к трудам Дж. Флейвелла – выявляется на уровне мышления, рефлексии и саморефлексии, контроля, регулирования и описания когнитивных процессов, это своего рода мышление о мышлении – как собственном, так и чужом, о речемыслительных процессах и их регулировании, об особенностях памяти и смежных явлениях, без которых невозможно функционирование индивида в социальной, эмоциональной, образовательной, деятельностной и других сферах. Это означает, что человек способен анализировать свои мысли, мотивировки, переживания и действия, а также регулировать их с целью достижения поставленных задач. Исследователи подчеркивают важность науки о ментальных процессах. «Необычное вычислительное устройство внутри нашего черепа – это перцептивный аппарат, с помощью которого мы ориентируемся в мире и принимаем решения, а также место, где живет наше воображение» [Иглмен 2016: 7].

Можно предположить, что обращение к дискурсу художественной литературы может дать обширный материал для когнитивных и метакогнитивных исследований. В качестве источников языкового материала были выбраны два современных произведения художественной литературы, созданные в рамках британской и американской лингвокультур и сюжетно связанные с проблемами когнитивистики. Что немаловажно, их авторы имеют богатый литературный опыт и известны российскому читателю в многочисленных опубликованных переводах.

Первый из выбранных для рассмотрения текстов – последнее произведение американского писателя Эдгара Доктороу. Две сильные текстовые позиции, а именно красноречивое заглавие «Мозг Эндрю» и первая фраза этого романа-миниатюры, «Могу рассказать вам о своем друге Эндрю, он ученый-когнитивист» [Доктороу 2016: 5], задают метакогнитивную составляющую художественного дискурса. Этот роман написан в форме диалога двух неперсонифицированных участников – диегетических повествователей, то есть принадлежащих к миру дискурса. Доминирующий участник остается безымянным; к своему собеседнику он обращается по имени – «Эндрю» (и, добавим, в русском переводе на «ты»), а тот, в свою очередь, называет этим именем и себя, и своего воображаемого двойника, выдавая свое раздвоение личности. К собеседнику он спорадически обращается «док» (в русском переводе – на «вы») и намекает на бесполезность проводимого им «лечения». Постепенно перед читателем разворачивается драматичная жизнь и профессиональная деятельность Эндрю, который преподавал в универси-

тетах, интересовался статьями о патологии ментальных состояний, изучал проблемы коллективного мозга и закончил свою карьеру в каком-то подвале Белого дома, но рассказывать об этом не имел права. Эндрю справедливо утверждает, что мозг «способен перенастроиться в единый миг», потому что это «подвижная субстанция» [Доктороу 2016: 134]. Но однажды он прервал чтение лекции и задал студентам вопрос: «как я могу размышлять о своем мозге, если этими размышлениями занимается мой мозг? То есть мозг притворяется мною, чтобы размышлять о себе? Я никому не могу доверять, а себе – в особенности. Я – таинственным образом порожденное сознание» [Доктороу 2016: 44].

Таким образом, профессиональный когнитивист Эндрю в своих метакогнитивных высказываниях показывает себя «ненадежным повествователем» и шаг за шагом утрачивает доверие читателя, скрывая некоторые факты; второй участник вообще говорит о себе крайне мало и неохотно, и в результате читатель-реципиент начинает сомневаться: а существует ли вообще в этом дискурсе надежный повествователь? Заглядывать внутрь себя когнитивист опасается. «Это еще одна хитрость мозга: тебе не дано понять самого себя» [Доктороу 2016: 172], говорит он. Мозг при этом репрезентируется как самостоятельная, независимая от своего носителя сущность. Такая расплывчатая дискурсивная модель метакогниции требует от читателя постоянной, напряженной рефлексии. Возможно, для некоторых реципиентов здесь возникнет эффект обманутого ожидания, лишний раз подтверждающий, что установление окончательной истины в такой сфере, как когниция и метакогниция, пока едва ли возможно.

Вместе с тем в середине романа есть эпизод, который позволяет читателю, и прежде всего российскому, увидеть Эндрю в ином свете. Он рассказывает собеседнику, как в одном доме увидел портрет неприятного для себя знакомого в сценическом костюме царя Бориса. «Вы, конечно же, знакомы с историей Бориса Годунова», – как о чем-то само собой разумеющемся говорит он. И, услышав в ответ: «Стыдно признаться, но...», проводит такую параллель: «Борис – он как русский Ричард III. Убивает законного наследника царевича Димитрия. Перерезает мальчику горло и объявляет себя царем. За содеянное его терзает совесть. Посттравматическое стрессовое расстройство», – добавляет он в нейропсихологическом ключе и потом завершает свой подробный пересказ сюжета, не забыв упомянуть дивную, печальную музыку [Доктороу 2016: 122–123].

Вторым произведением, в котором художественными средствами отображаются проблемы когниции и смежных областей, стал новый роман

британского прозаика Дж. Барнса «Исход(ы)» [Barnes 2025]. В противоположность роману-диалогу Э. Доктороу, Дж. Барнс создает исповедальный роман-рассуждение с повествованием от первого лица. Здесь высказывания о когнитии – метакогнитивные высказывания – сосредоточены в первой главе, которая в своей целостности определяет ракурс дальнейшего повествования. Читатель получает доступ к интересам, впечатлениям, воспоминаниям автора-повествователя и свойствам его памяти. Например: «У меня есть старинная приятельница, консультирующий радиолог, которая уже много лет присылает мне выдержки из “British Medical Journal”. Ей известен мой интерес ко всяким ужасам и крайностям. Моя память (место, где пересекаются деградация и приукрашивание) хранит случаи из раннего периода использования МРТ-сканера [...]» [*Здесь и далее перевод наш – Е.П.*].

В роли когнитивиста выступает сам автор, накопивший большой запас фактов и знаний о работе мозга и в первую очередь памяти. Заинтересованный читатель невольно проникается доверием к повествователю, который не чужд британской самоиронии. Это доверие подкрепляется тем, что автор апеллирует к широкому контексту мировой культуры, приводя в качестве иллюстративных примеров работы и случаи из биографий И. Босха, В. Вулф, М. Пруста, Ф. Ницше. Следует отметить, что для российского читателя, как и в предыдущем произведении, в этом романе открывается дополнительный фактор доверия: Дж. Барнс (заметим: владеющий русским языком) широко цитирует труд видного советского нейропсихолога и популяризатора науки А. Р. Лурии [Лурия 1994]. Здесь доступными для понимания даже неподготовленного читателя средствами описываются свидетельства очевидцев, случаи из клинической практики и собственного опыта автора, особенности ментальной деятельности пациентов, проявления феноменальной памяти, виды реакций на зрительные, слуховые и иные стимулы. Дж. Барнс в своем авторском дискурсе следует за А. Р. Лурией, не позволяя себе сарказма или насмешливых выпадов и деликатно выражая сочувствие к трудностям тех, кто не похож на окружающих. Особого внимания автора заслуживает один из пациентов А. Р. Лурии, некий Ш.: он обладал феноменальной памятью, функционирование и техника которой изучались в лабораторных условиях на протяжении тридцати лет. Он мог с поразительной точностью воспроизводить по памяти последовательности букв и цифр, целые предложения и разрозненные слова, а также в мельчайших подробностях вспоминать эти тесты более десяти лет спустя. Одним из методов, которые он использовал, было приписывание эйдетических образов ключевым словам: «Вот мне говорят

“слон” – и я вижу зоопарк; говорят “Америка” – и я ставлю здесь дядю Сэма, “Бисмарк” – и он должен стоять около памятника Бисмарку; мне говорят “трансцендентный” – и я вижу моего учителя Щербину: он стоит и смотрит на памятник...” [Лурия 1994: 29].

На первых порах Ш. производил на Лурию впечатление заторможенного, иногда даже робкого человека, но при этом оказывалась, что «мир ранних воспоминаний Ш. несравненно богаче нашего». Он не раз менял род занятий, пока не стал зарабатывать на жизнь профессией мнемониста, которая требовала от него решения задач и демонстрации возможностей памяти. Но в остальном этот странный дар зачастую выводил его из строя. Например, ему с невероятным трудом давалось чтение стихов, так как образное мышление и язык сбивали его с толку. Как он признавался Лурии: «Я понимаю только то, что я вижу» [там же].

В романе Барнса также отмечено, что, Ш. страдал синестезией: для него ощущения, исходящие от одного органа чувств, проявлялись также в другом. То есть, он мог видеть запахи, слышать цвета, буквы и цифры, что добавляло нагрузки на его психику. Однажды у него спросили, не забыл ли он некий забор, где ему нужно было войти в калитку. «Нет, что вы, – ответил он, – разве можно забыть? Ведь вот этот забор – он такой солёный на вкус и такой шершавый, и у него такой острый и пронзительный звук...». [Лурия 1994: 26].

А. Р. Лурия не мог с уверенностью сказать, что было для его пациента более реальным: «мир воображения, в котором он жил, или мир реальности, в котором он был временным гостем» [Лурия 1994: 102]. Дж. Барнс от себя добавляет: «Это, видимо, ужасающе незавидное положение: быть временным гостем в собственной жизни» [Barnes 2025: 12].

В функциональном плане авторский дискурс Дж. Барнса изобилует вопросительными высказываниями, обращенными непосредственно к читателю: верифицирующими, контактоустанавливающими и экспрессивными риторическими вопросами: «...можете себе представить?», «Кто же тогда возьмет на себя роль Бога?», «Вопрос: хотите ли вы знать о себе все? Хорошая это идея или плохая?» [Barnes 2025: 8–10]. Таким способом создается доверительная интонация и сокращается когнитивная дистанция между автором-повествователем и читателем.

В обоих рассмотренных нами романах мы наблюдаем своеобразную «когнитивную триаду». Необходимой отправной точкой является присутствие в литературном произведении такого персонажа, который в силу своей профессиональной деятельности или широкой осведомленности выступает в роли когнитивиста и стимулирует развитие сюжета. Далее, необходимым

элементом повествования становятся когниция и базирующаяся на ней метакогниция. Эта область трудно верифицируема, она оставляет место для колебаний, сомнений, мистификаций и фальсификаций. Но сам факт того, что проблемы когниции и метакогниции привлекают внимание не только ученых, но и видных деятелей культуры, свидетельствует об актуальности и общественной значимости этой сферы. Наконец, при знакомстве с произведениями такого рода особая роль отводится читателю: от него ожидается высокая степень вовлеченности, хотя бы потому, что вопросы памяти, познания, восприятия, человеческих реакций, этических оценок, мнений, касаются каждого индивида.

Литература

Доктороу Э. Л. Мозг Эндрю / перев. с англ. Е. С. Петровой. М.: Издательство «Э», 2016.

Иглмен Д. Мозг: Ваша личная история / перев. с англ. Ю. Гольдберга. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.

Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.

Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М.: «Эйдос», 1994.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011.

Barnes J. Departure(s). London: Penguin Random House UK, 2025.

Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving. The nature of intelligence. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1976.

E. S. Petrova (Saint Petersburg, Russia)
Azbooka-Atticus Publishers

METACOGNITION IN THE MIRROR OF THE ENGLISH LANGUAGE FICTION DISCOURSE

The article deals with occurrences of metacognition and adjacent phenomena in the English language fiction discourse by E. Doctorow and J. Barnes. The research aims at bringing out instances of metacognition shown to represent a metacognitive triad.

Key words: metacognition, fiction discourse, memory, brain, metacognitive triad.

Т. И. Петухова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.petuhova@spbu.ru

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОКОММЕНТАРИЯ ХУДОЖНИКА

В статье рассматриваются англоязычные комментарии художника к своим произведениям и выявляется их эмотивно-оценочный потенциал. В эго-дискурсе художника, к которому относится автокомментарий, репрезентируются особенности его восприятия, интерпретации, эмоционального отношения к миру. В статье анализируются средства языковой актуализации оценки и эмоций на лексическом, структурно-синтаксическом и дискурсивном уровне, а также рассматриваются контекстуально обусловленные эмоционально-оценочные коннотации.

Ключевые слова: автокомментарий художника, эго-дискурс, эмотивно-оценочный потенциал, эмотивная ситуация, оценочная интерпретация, контекстуальная эмотивность.

В работах выдающегося российского лингвиста Новеллы Александровны Кобриной значимое место занимает исследование вопросов взаимодействия языка и мышления, проблем концептуализации и категоризации, анализ факторов, влияющих на формирование значения. Считая неоспоримой роль ментальности в существовании системы языка, в процессах речепорождения и речевосприятия, Новелла Александровна подчеркивает, что «ментальность обеспечивает все потребности человека в его коммуникативной деятельности и диалектическое единство всех сторон этой деятельности» [Кобрина 2010: 67]. По мнению ученого, процесс порождения речевого высказывания предполагает участие целого ряда важных составляющих: восприятия, социальных, прагматических, оценочных, эмоциональных и других факторов. Основными параметрами речепорождения являются «принцип актуальности для данной ситуации и принцип релятивизма, допустимость разного осмысления и имплицирования, переосмысления, конкретизации и расширения» [Кобрина 2005: 63].

Процессы восприятия, мыслительной и речевой деятельности рассматриваются Е. Г. Хомяковой как основные составляющие единой информационно-когнитивной системы, в рамках которой функционирует познающий субъект [Хомякова 2004]. При этом оценочная интерпретация мира и знаний о мире, а также эмоции человека играют существенную роль в работе всей когнитивной системы. Значимость оценки подчеркивал М. М. Бахтин, отмечая, что предметное содержание, получая актуализацию

в живой речи, взаимодействует с ценностным аспектом [Бахтин 2010]. По мнению Н. Н. Болдырева, оценочная интерпретация, «предполагает схематизацию опыта познания объектов и событий в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той ли иной культуры» [Болдырев 2017: 24]. Как справедливо отмечает Н. В. Шутёмова, аксиологичность является одной из ключевых характеристик дискурсивной деятельности человека и «имеет когнитивную природу, составляя один из важнейших аспектов процесса познания» [Шутёмова 2023: 150].

В современных лингвистических исследованиях категорий оценочности и эмотивности важное место занимает определение их значимости в познавательной и дискурсивной деятельности человека, решение проблемы соотношения объективного и субъективного факторов в языке, выявление специфики их языковой реализации в текстах разных жанров. По мнению С. Т. Нефедова, «оценка в буквальном смысле пронизывает все стороны языковой системы и язык в употреблении: лексику, грамматику, текст и транстекстовые структуры – дискурсы. На уровне текста и дискурса оценочные ресурсы языковой системы становятся напрямую зависимыми от контекста и выбора коммуникантов, за которыми стоит экстралингвистическая ситуация и социальная практика с ее типичными акторами и обстоятельствами» [Нефедов 2021: 765]. Н. В. Шутёмова отмечает, что, несмотря на многоаспектное изучение системы языковых средств репрезентации оценки, остаются открытыми вопросы, касающиеся роли оценки в трансфере знания, специфики реализации оценки в дискурсе, ее зависимости от условий коммуникации [Шутёмова 2023].

Не менее важную роль в познавательной и дискурсивной деятельности человека играют эмоции. Анализируя работы многих ученых, психологов и лингвистов, В. И. Шаховский приходит к выводу, что эмоции участвуют в познавательном процессе и являются важным компонентом единой эмоционально-когнитивной структуры. Эмоции «сопровождают и окрашивают познание, и поэтому познание предстает в таком виде: знание + отношение к его содержанию» [Шаховский 2010: 47]. Исследуя тесную связь оценочного и эмоционального компонентов значения, И. А. Солодилова и И. В. Шепеля вместе с тем считают, что, с одной стороны, оценки и эмоции являются различными ментальными пространствами, а, с другой стороны, имеют много общих характеристик. Ученые отмечают взаимодействие оценки и эмоции на языковом уровне, указывая на условность дифференциации понятийного, оценочного и эмоционального содержания

в лексическом значении, и делают вывод о том, что оценочность «связана с референциальной стороной языкового знака, что обусловлено связью оценки с квалификативной функцией сознания, в то время как эмотивный компонент информирует об эмоциональном состоянии говорящего, не касаясь напрямую сущностных признаков объекта номинации, и как таковой принадлежит коннотативному компоненту» [Солодилова, Шепеля 2015: 177]. Важным при анализе дискурса представляется то, что любое слово в определенном контексте может быть нагружено эмоциональными коннотациями [Шаховский 2015]. Лингвистические исследования также демонстрируют, что, с одной стороны, эмоциональное суждение возможно без вербальной экспликации оценки, а, с другой стороны, объект может подлежать рациональной оценке. Как отмечает В. И. Шаховский, в эмоциональном дискурсе оценочное суждение может трансформироваться в эмоциональное, что свидетельствует о диффузности понятия «оценка» [там же].

Когнитивный подход к исследованию эмотивности представлен в работах О. Е. Филимоновой, которая приходит к выводу, что при анализе репрезентации эмоций необходимо рассматривать все уровни языка – фонологический, лексический, синтаксический, текстовый и дискурсивный [Филимонова 2007]. Ученый вводит понятие эмотивной ситуации, в рамках которой человек испытывает определенные эмоции. Эмотивная ситуация может быть актуализирована на вербальном уровне при помощи лексем, номинирующих, выражающих или описывающих эмоции. Вместе с тем, значимым представляется то, что эмотивная ситуация может быть репрезентирована при помощи лексем, в семантике которых отсутствует эмотивный компонент, но которые способны транслировать эмотивный смысл в определенном контексте [там же].

Исследование англоязычного эго-дискурса художника показывают тесное взаимодействие оценочных и эмотивных компонентов значения. Эго-дискурс художника можно рассматривать как совокупность текстов различной знаковой природы, включающей созданные мастером живописные изображения, а также вербальные тексты, автором которых является сам художник. Такие вербальные тексты, как, например, автокомментарии к свои работам, дневники и автобиографии, репрезентируют художника как субъекта познания и демонстрируют основные черты восприятия и эмоционально-оценочной интерпретации мира творческой личностью. Как показывает анализ, ориентация вербального дискурса художника относительно систем оценки и эмоций является доминирующей [Чупахина, Петухова 2024]. Это обусловлено спецификой восприятия мира творческой

личностью, значимостью эмоционального переживания для формирования идеи произведения искусства, необходимостью трансляции эмоций реципиенту в процессе дискурсивной деятельности.

В качестве примера рассмотрим автокомментарии американского художника XX – начала XXI века Эндрю Уайета к картинам, которые вошли в каталог выставки “Two Worlds of Andrew Wyeth: Kuerners and Olsons”. Как известно, сельские фермы Кёрнеров и Олсонов и их обитатели играли важную роль в жизни художника и послужили основой для создания известных живописных циклов. Описывая историю создания одной из картин “Evening at Kuerners”, на которой изображен, на первый взгляд, ничем не примечательный фермерский дом, художник передает свое эмоционально-оценочное отношение к этому месту:

I came down one twilight evening and I was struck by this magical impression of the house sitting there like an enormous salt lick that might be out in the field where Karl's Brown Swiss cattle are grazing. You will notice that on the left side of the house, I simply eliminated several windows, purely unconsciously, in order to strengthen that impression. The house is getting the twilight glow and the moon, just out, is reflected on the side of the building, giving it that phosphorescent glow like a salt lick. It seemed to me to be a most telling atmosphere, in part amplified by the water in the pond, overflowing slightly. It's darkening outside, the moon is just up, the cold light of an electric lamp is illuminating the house from the inside and strangely, the outside, too. It expressed to me the first glimmering hope of spring. The ground is just turning green and there is that messy quality of late winter, early spring, in the ground where the cattle have really messed it up into mud by the brook [Wyeth 1976: 62].

В автокомментарии к картине художник использует лексические единицы с оценочным и эмотивным компонентом значения: *was struck, magical impression, an enormous salt lick, a most telling atmosphere, strangely*. Период поздней зимы и ранней весны, который обычно не отличается красотой природы, что актуализируется в словосочетании с отрицательной оценочной семантикой *that messy quality of late winter, early spring*, вместе с тем вызывает у художника положительные эмоции *the first glimmering hope of spring*. Описание дома в определенный момент времени суток обладает эмотивно-оценочным потенциалом, который кумулируется в дискурсе, в том числе путем использования лексем, которые приобретают эмоционально-оценочные коннотации в данном контексте, объективируя необычное состояние природы: *the twilight glow; the moon reflected on the side of the building; phosphorescent glow; water in the pond, overflowing slightly*. Таким образом, художник

репрезентирует эмотивную ситуацию, которая повлияла на создание художественного образа.

Эмоции художника глубже раскрываются в следующем фрагменте текста, посвященном той же картине:

There are very few studies for Evening at Kuerners, because that year Karl had been very ill and many evenings I saw the light burning there quite late. I had a strange foreboding that this might be the end. That was the real reason for painting this picture. I'd go over there evening after evening. I'd hear that water and I'd see that light up there in the house and I'd lie in bed at night thinking about that strange phenomenon and thinking about that square house sitting in that valley. So it wasn't the fact that I was struck by a beautiful evening, say, in the very early spring with branches against that sky. I tried to get that feeling, but there's something else deeply emotional there. That's what I meant when I say I have to back into something [Wyeth 1976: 62].

Данный текстовый фрагмент демонстрирует тревожное эмоциональное состояние художника, обусловленное болезнью друга и предчувствием плохого. Эмотивно-оценочный потенциал дискурса реализуется путем неоднократного применения оценочного прилагательного *strange* – *a strange foreboding, that strange phenomenon*, использования параллельных синтаксических конструкций – *I'd go, I'd hear, I'd see, I'd lie*. Художник отрицает положительную оценку пейзажа. Вместе с тем он констатирует сам факт глубокого эмоционального переживания *there's something else deeply emotional there*. Используя фразовый глагол *back into* для характеристики момента появления замысла картины, художник подчеркивает, что поиск сюжета не носит осознанный и направленный характер. Идея создания картины неожиданно появляется в сознании художника как результат эмоциональной рефлексии в определенном ситуативном контексте.

При описании работы над своими произведениями Э. Уайет уделяет значительное внимание деталям, которые способствуют возникновению эмоционального переживания. В качестве примера рассмотрим автокомментарий художника к другой картине, на которой изображен его сын:

One case is a very early picture of mine, a portrait of Nicholas sitting in profile. I had been working for months on a winter landscape here in this corner of the studio and I loved the color of the thing – bur it wasn't really expressing the way I felt. I wanted something closer to me. Nicholas came in from school and sat down in the corner and began to dream about airplanes. And he looked – my God. And I said, 'Nicholas, stay where you are'. And I hauled the easel over in the corner and I painted Nick in right over the landscape very slowly and gently. He seemed to express more about the hill

itself than the landscape. He was in this coat with fur on the collar and with this fey face that he had, he seemed to express the winter landscape mood to me very powerfully [Wyeth 1976: 28].

Описывая историю создания одного из ранних портретов, художник репрезентирует оценку создаваемого им произведения и испытываемые при этом эмоции. Появление мальчика в студии, когда Э. Уайет работал над пейзажем и безуспешно пытался передать на картине свои чувства, способствовало тому, что художник пришел к необходимому для создания художественного образа эмоциональному ощущению единства природы и человека. Эмотивно-оценочный потенциал дискурсивного фрагмента реализуется на лексическом уровне при помощи лексем *loved* и *powerfully*, на синтаксическом уровне – повтором диспозиционного предиката *seemed to express*, эллиптическим предложением с эмотивным включением *And he loved – my God*, наличием полисиндетона – многократного использования союза *and* в смежных предложениях – *And he looked, And I said, And I hauled, and I painted*. Имеющие место в тексте многочисленные повторы способствуют эмфатизации актуализируемого эмотивного смысла и объективации положительной оценки художником своего произведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эго-дискурс художника обладает значительным эмотивно-оценочным потенциалом, который реализуется на лексическом, грамматическом, структурно-синтаксическом и дискурсивном уровне при помощи использования лексем с оценочной и эмотивной семантикой, единиц номинации эмоций, эмотивных синтаксических структур, экспрессивных лексических и синтаксических средств, путем употребления лексики, способной проявлять контекстуально обусловленные эмоционально-оценочные коннотации.

Литература

- Бахтин М. М. Антропологистика. Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010.
- Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.
- Кобрин А. А. Понятийные категории как основа существования и развития языка // *Studia linguistica*. 2010. № 19. С. 67–72.
- Кобрин А. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.
- Нефедов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 4. С. 760–778.

Солодилова И. А., Шепеля И. В. Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 172–178.

Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007.

Хомякова Е. Г. Информационно-когнитивная система и ее актуализация в языке // Коммуникация и образование. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 180–197.

Чупахина А. О., Петухова Т. И. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в эго-дискурсе художника (на материале англоязычных интервью) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 10. С. 3707–3713.

Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: URSS, 2010.

Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге *in o set i ex*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Шутёмова Н. В. Оценочная интерпретация изобразительного искусства России XX–XXI веков в англоязычном дискурсе // Русское изобразительное искусство XX–XXI веков в зеркале Западного искусствоведческого дискурса: лингвокогнитивный аспект: коллективная монография. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2023. С. 144–176.

*T. I. Petukhova (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

EMOTIVE-EVALUATIVE POTENTIAL OF THE ARTIST'S AUTOCOMMENTARY

The article considers the English-language artist's comments on his paintings and reveals their emotive-evaluative potential. The ego-discourse of the artist, to which the autocommentary belongs, represents the specific features of his perception, interpretation, emotional attitude to the world. The article analyses the means of linguistic representation of evaluation and emotions at the lexical, structural-syntactic and discursive levels, and considers contextually conditioned emotional-evaluative connotations.

Key words: artist's autocommentary, ego-discourse, emotive-evaluative potential, emotive situation, evaluative interpretation, contextual emotionality.

Н. А. Синеокая (Санкт-Петербург, Россия)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
natalya-sineokaya@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ МИТИГАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ ЖЕНЩИН- ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ)

В статье рассматривается коммуникативная стратегия митигации в женском политическом дискурсе Германии, которая принадлежит кооперативному дискурсу. Описывается понятие митигации. Анализируются тексты интервью с целью выявления и описания тактик стратегии митигации. В ходе исследования применяются методы контекстологического анализа и семантико-стилистического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл высказывания и установить их различные стилистические функции в политическом дискурсе.

Ключевые слова: женский политический дискурс, фемининность, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, кооперация, митигация.

Постановка проблемы

В настоящее время всё большее внимание учёных направлено на изучение кооперативных стратегий. Это связано с возрастающим интересом к женскому политическому дискурсу и использованием женщинами-политиками фемининных (кооперативных) стратегий и тактик, направленных на компромисс, понимание, сотрудничество, достижение коммуникативного согласия.

Знание определённых норм и правил общения, вежливость, доброжелательность, чувство юмора, нацеленность на совместную работу, помощь и смягчение в целом помогают избежать конфликта [Тахтарова 2013: 135], что создаёт основу для кооперативного общения. В зарубежной лингвистике смягчение определяется термином митигация [Caffi 2007; Fraser 1980; Langner 1994; Thaler 2012]. Митигация направлена на смягчение категоричности высказываний, создание благоприятной атмосферы общения и избежание конфликта в общении в целом.

Митигация – слово латинского происхождения (от *mitigatio* – *смягчать*), обозначает смягчение или успокоение. В немецком языке обозначается терминами послабление (*Abschwächung*), ограничение (*Eindämmung*), смягчение (*Linderung, Mäßigung, Milderung, Minderung, Verringerung*). В своей работе “Mitigation as modification of illocutionary force” немецкий лингвист В. Талер утверждает, что смягчение является одной из распространенных,

даже универсальных, разговорных стратегий, которые используют прагматически компетентные ораторы [Thaler 2012].

Термин «митигация» был введён в прагматику Б. Фрейзером в 1980 г. в контексте языковых приёмов, направленных на минимизацию возможных нежелательных эффектов (*unwelcome effects*) в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к конфликту [Fraser 1980].

Исследованием митигации занимаются как отечественные [Каракулова 2015; Тахтарова 2013; Эзех 2018], так и зарубежные лингвисты [Caffi 2007; Fraser 1980; Haverkate 1992; Thaler 2012]. Митигативная стратегия используется с целью ослабить словесную конфронтацию и / или уменьшить напряжённость (связанную с негативными эмоциями) в словесном конфликте.

Вместе с тем следует отметить, что исследование категории коммуникативного смягчения фокусируется в работах разных лингвистов на разных типах дискурса. Так, С. С. Тахтарова рассматривает митигацию в бытовом и институциональном типах дискурса немецкого и русского языков [Тахтарова 2010], С. Ш. Каракулова в немецком политическом дискурсе [Каракулова 2016]. Это означает определённую ограниченность имеющихся данных и оставляет обширное поле для исследования стратегий и тактик митигации в политическом дискурсе.

Материалы и методы исследования

Материалом послужили находящиеся в открытом доступе в Интернете тексты интервью женщин-политиков Германии (A. Merkel (CDU), U. von der Leyen (CDU), K. Kipping (die Linke), S. Wagenknecht (die Linke), A. Nales (SPD), B. Storch (AfD), F. Petry (AfD)). Выбранные нами женщины-политики являются лидерами современных политических партий Германии. Каждая политическая партия имеет свой сайт (www.cdu.de, www.alternativefuer.de, www.die-linke.de, www.spd.de), на котором в свободном доступе находятся политические выступления и интервью всех политиков. Каждая женщина-политик имеет также официальную личную страницу, на которой представлены тексты ее политических выступлений и интервью. Тексты 21 интервью, которые были взяты для анализа, охватывают временной период с 2017 по 2021 гг. За единицу исследования принималось одно высказывание.

Результаты исследования

Выполненный нами анализ позволил выделить используемый политиками набор митигативных тактик, реализующих митигативную стратегию. К ним относятся *тактики аргументированного сожаления, умеренной квалитетрии и рекомендации*.

○ *Аргументированное сожаление*. Данная тактика используется для снижения коммуникативной неудачи в потенциально конфликтной ситуации

общения, обеспечивает сохранение благоприятной атмосферы общения, демонстрации хорошего отношения к партнёру по коммуникации. Часто политик прибегает к использованию тактики аргументированного сожаления с целью смягчения своего несогласия с утверждением оппонента, объяснения причин несогласия, аргументирования и пояснения своего мнения по обсуждаемому вопросу:

[1] *Wagenknecht: Es ist völlig klar, dass wir heute die Geheimdienste nicht abschaffen können. Wir müssen uns anschauen, was unsere Geheimdienste tun und wie sie arbeiten. Bisher ist es nicht gelungen, uns zuverlässig vor Anschlägen zu schützen. Beim Verfassungsschutz ist es wirklich die Frage, ob er eine effektive Arbeit leistet. Er hat beim NSU eine absolut dubiose Rolle gespielt. Und anstatt sich mit islamistischen Gefährdern zu beschäftigen, bevor diese Anschläge ausführen, werden immer noch Teile der Linken überwacht. Da gibt es erhebliche Defizite. **Aber dass man auf Geheimdienste heute nicht verzichten kann, ist leider offenkundig.** Deswegen ausdrücklich: auf lange Frist. (Совершенно очевидно, что сегодня спецслужбы не ликвидировать. Мы должны посмотреть, чем занимаются наши спецслужбы и как они работают. Пока что не удалось надёжно защитить нас от нападений. Когда дело доходит до защиты конституции, вопрос в том, действительно ли она работает эффективно. В НГУ она сыграла совершенно сомнительную роль. И вместо того, чтобы справиться с угрозами исламистов до того, как эти атаки будут совершены, за левыми группами по-прежнему ведется наблюдение. В этом отношении есть значительные недостатки. К сожалению, очевидно, что сегодня без спецслужб не обойтись. Поэтому однозначно: в долгосрочной перспективе).*

В данном примере С. Вагенкнехт с сожалением отмечает невозможность отказа от работы спецслужб, объясняя и аргументируя свои выводы по этому вопросу.

Речевыми маркерами данной тактики являются слова с семантикой предположения (*vielleicht, wahrscheinlich*), использование сослагательного наклонения глагола для смягчения утверждения, слова извинения (*schade, leider, es ist bedauerlich*), глаголы извинения/ сожаления (*es tut mir leid, bedauern, um Entschuldigung bitten*).

Зачастую политики используют тактику аргументированного сожаления, когда презентуют конкурента или себя с положительной стороны. Например, лидер партии “Linke” (Левые) С. Вагенкнехт, говоря о партии Левых, сожалеет, что им лишь в ограниченной мере удалось выиграть миллионы голосов избирателей, сбежавших в последние годы из партии “SPD” (СДПГ):

[2] *Wagenknecht: Es ist der Linken leider nur begrenzt gelungen, die Millionen Wählerinnen und Wähler zu gewinnen, die sich von der SPD in den letzten Jahren abgewandt haben. (К сожалению, левым лишь в ограниченной степени удалось завоевать доверие миллионов избирателей, отвернувшихся от СДПГ в последние годы).*

○ **Умеренная квалиметрия (признание).** В ситуации интервью политик вынужден давать оценку себе, либо третьим лицам, не участвующим непосредственно в коммуникации [Тахтарова 2010: 77]. Необходимость коммуникативного смягчения при оценке положения дел продиктована стремлением политика сохранить своё лицо. Анализ фактического материала показывает, что тактика умеренной квалиметрии может реализовываться при помощи безличного местоимения *es*, неопределённо-личного местоимения *man* с целью косвенной оценки ситуации:

[3] *VdLeyen: Man glaubt das kaum, wenn man es sieht. (С трудом веришь, когда видишь это).*

Модальные глаголы в Конъюнктив (*könnte, müsste, sollte*) и страдательный залог употребляются с целью митигативного оценивания. В следующем примере вице-председатель партии “AfD” (АдГ) Б. фон Шторх, обсуждая своего конкурента З. Габриэля, смягчает негативную оценку его деятельности при помощи неопределённо-личной конструкции (*man kann als ... bezeichnen*), добавляет к этой фразе модус допущения *vielleicht*, указывая на степень истинности, уверенности в оценке. Затем политик даёт свою оценку происходящему и говорит, что в будущем такие вопросы стоило бы решать иначе:

[4] *Storch: Sigmar Gabriel hat die Kandidatur von Steinmeier arrangiert, um ihn aus dem Außenministerium wegzuloben. Damit wurde das Amt des Außenministers für ihn frei. Er konnte dann die Position des Parteivorsitzenden und Kanzlerkandidaten an Martin Schulz abgeben, und sich damit aus der Affäre ziehen. So etwas kann man vielleicht als kluge Karriereplanung von Sigmar Gabriel bezeichnen, aber nicht als angemessene Art, einen Bundespräsidenten zu finden, der das ganze Volk repräsentieren soll. Das sollte in Zukunft in Deutschland anderes entschieden werden. (Зигмар Габриэль выдвинул кандидатуру Штайнмайера, чтобы вывести его из МИДа. Это сделало для него свободным пост министра иностранных дел. Затем он мог передать должности председателя партии и кандидата в канцлеры Мартину Шульцу и, таким образом, выйти из дела. Нечто подобное, возможно, можно охарактеризовать как умное планирование карьеры Зигмара Габриэля, но не как подходящий способ найти федерального президента, который должен представлять весь народ. В будущем в Германии это следует решать иначе).*

Тактика умеренной квалиметрии предполагает использование, прежде всего, средств пропозиционального смягчения, а именно, модусных операторов, указывающих на отношение субъекта мнения к пропозициональному содержанию [Каракулова 2016: 78]. Маркерами субъективности мнения в немецком языке выступают устойчивые выражения *meiner Meinung nach*, *aus meiner Sicht* и пр., глаголы *glauben*, *meinen*, *finden*, *denken* и другие глаголы, реализующие смягчение пропозициональной установки посредством указания на субъективность мнения:

[5] Nahles: *Ich finde es gut, dass in Deutschland nicht nur Millionäre – ich korrigiere mit Blick auf die USA – nicht nur Milliardäre Minister werden. (Я думаю, это хорошо, что в Германии не только миллионеры – неправяя применительно к США – не только миллиардеры становятся министрами).*

В своих речах женщины-политики часто используют прилагательные со значением оценки (*ich finde das gut, schlecht, wichtig u. a.*).

○ **Рекомендация.** Данная тактика предполагает побуждение к действию в косвенной форме, то есть более мягко и деликатно. Целью тактики рекомендации является убеждение реципиента выполнить полезное для него действие.

Настоятельная рекомендация предполагает обозначение оратором конкретных шагов, необходимых для достижения поставленной цели. Оттенок «настоятельности» может быть смягчён благодаря использованию сослагательного наклонения. Глагол *sollte* в сослагательном наклонении употребляется в значении рекомендации, совета:

[6] Nahles: *Wir sollten jedenfalls damit anfangen, uns darauf vorzubereiten. Wir sind in der Lage, schnell zu reagieren. (В любом случае нам следовало бы начать готовиться к этому. Мы готовы отреагировать быстро).*

Совет, выраженный в форме императива, звучит достаточно навязчиво и жёстко. Поэтому использование глагола *brauchen* придаст рекомендации меньшую категоричность. Так, А. Меркель утверждает, что страна нуждается в ещё большем количестве рабочих мест с хорошими зарплатами. Это высказывание звучит как рекомендация к действию создать такие рабочие места, но рекомендация эта представляет собой косвенное побуждение:

[7] Merkel: *Natürlich brauchen wir noch mehr gute Arbeitsplätze mit gutem Einkommen. Insgesamt jedoch hat sich die Lage sehr vieler Menschen verbessert. (Конечно же мы нуждаемся в большем количестве хороших рабочих мест с хорошей зарплатой. В общем всё же положение многих людей улучшилось).*

Использование вместе с модальными глаголами маркеров допущения смягчает побуждение и придаёт высказыванию рекомендательный характер:

[8] vdLeyen: *Für viele, viele Soldaten speist sich daraus heute schon ihr Selbstverständnis. Vielleicht müssen wir das noch stärker herausarbeiten.* (Многие, многие солдаты подпитывают таким образом свою самооценку. Возможно, нам нужно ещё больше в этом разобраться).

Ярко выраженная рекомендация встречается нам в следующем высказывании и выражается через глагол *empfehlen*:

[9] Merkel: *Das Auswärtige Amt hat seine Reisehinweise für die Türkei mehrfach den aktuellen Ereignissen auch an Touristenzielen angepasst und präzisiert. Ich empfehle jedem, diese Hinweise ernst zu nehmen.* (Федеральное министерство иностранных дел несколько раз адаптировало и уточняло свои рекомендации по поездкам в Турцию с учётом текущих событий, в том числе туристических направлений. Я рекомендую всем серьезно отнестись к этим советам).

В данном примере А. Меркель рекомендует каждому всерьёз воспринять указания Министерства Иностранных дел.

Благодаря перечисленным речевым маркерам тактика рекомендации приобретает особую гибкость и мягкость в обращении с собеседником, что делает воздействие на партнёра по коммуникации более эффективным.

Итак, мы можем наблюдать определённый набор тактик в рамках стратегии митигации. Описанные нами тактики стратегии митигации выполняют основную роль – смягчение категоричности высказывания. Женщины-политики с этой целью прибегают к использованию тактик аргументированного сожаления, умеренной квалиметрии и рекомендации.

Литература

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Каракулова С. Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 52–62.

Каракулова С. Ш. Иллокутивное смягчение в политическом дискурсе (на материале интервью российских и немецких политиков) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1264.

Тахтарова С. С. Митигативные тактики в политическом дискурсе // Lingua mobilis. 2010. № 5 (24). С. 72–79.

Тахтарова С. С. Тактика смягчения отказа в немецких дискурсивных практиках // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 135–138.

Эзех А. О. Коммуникативное смягчение как результат дефокусирования в директивных речевых актах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 2 (741): Общественные науки. С. 135–143.

Caffi C. Mitigation. New York: ELSEVIER, 2007.

Fraser B. Conversational mitigation // *Journal of Pragmatics*. 1980. № 4. P. 341–350.

Haverkate H. Deictic categories as mitigating devices // *Pragmatics*. 1987. № 2 (4). P. 505–522.

Langner M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: Pragma-und soziolinguistische Untersuchungen. – Münster: Nodus, 1994.

Thaler V. Mitigation as modification of illocutionary force // *Journal of Pragmatics*. 2012. № 44 (6–7). P. 907–919.

Интернет-источники

URL: <http://de.statista.com/>

N. A. Sineokaia (Saint Petersburg, Russia)

National Research University "Higher School of Economics"

COMMUNICATIVE STRATEGY OF MITIGATION IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE INTERVIEWS OF WOMEN- POLITICIANS OF GERMANY)

The article examines the communicative strategy of mitigation in the women's political discourse in Germany, which belongs to the cooperative discourse. The concept of mitigation is described. Mitigation is aimed at softening categorical statements, creating a favorable atmosphere for communication and avoiding conflict in communication in general. The texts of the interviews are analyzed in order to identify and describe the tactics of the mitigation strategy. In the course of the study, the methods of contextological analysis and semantic-stylistic analysis are used, the combination of which makes it possible to identify the actual meaning of the statement and establish their various stylistic functions in political discourse.

Key words: women's political discourse, femininity, communicative strategy, communicative tactics, cooperation, mitigation.

Е. Г. Хомякова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.khomyakova@spbu.ru

PERESTROIKA КАК СМЕНА ПАРАДИГМ В НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ

Представленная работа посвящена анализу структурно-содержательных параметров концепта PERESTROIKA с учетом его парадигмально-событийных особенностей, личностно-ролевых спецификаторов и различных пространственно-временных аспектов в русско- и англоязычном социо-культурном и геополитическом дискурсах.

Ключевые слова: парадигма, событие, концепт, дискурс, прагматика.

Сто лет – это много для жизни общества и человека, особенно, если это выдающаяся личность, которая живет в сознании современников своими трудами, достижениями и открытиями, в сердцах коллег-филологов, друзей и учеников как выдающийся ученый, интеллигентный и чуткий человек, умная и яркая женщина. Имя профессора Н. А. Кобриной неразрывно связано с созданием новой прагмалингвистической парадигмы, отмеченной антропоориентированностью и междисциплинарностью, со становлением когнитивной семантики, затрагивающей анализ концептуальных сфер языковых образований, с развитием отечественной лингвокультурологии, новым видением филологических горизонтов, решаемых задач и используемых методов. Ее научные интересы нашли отражение в трудах по семиологической грамматике, контрастивной лингвистике, работах по проблемам речевосприятия и ментальных оснований речевой деятельности, что знаменовало существенный вклад в развитие современной отечественной когнитивистики. Новелла Александровна принимала самое активное участие в развитии и становлении теоретических основ прагмалингвистической парадигмы в отечественной лингвистике, которая в семидесятые годы пришла на смену структурно-синтаксическим исследованиям языка и речевой деятельности, что, по сути, означало **перестройку** в развитии научной системы и формировании новых парадигмальных доминант.

Известно, что смена научных парадигм в науке не является случайной, а происходит в силу определенных, научных и культурных предпосылок. Изучение причин появления, закономерностей развития и угасания того или иного научного направления составляет прерогативу сравнительно молодого раздела философии, именуемого философией науки, который учит о научном знании, его структуре, основаниях и функциях. Первые описания этих закономерностей можно обнаружить в фундаментальном труде американского

философа и историка науки Т. Куна «Структура научных революций» [Кун 2015], в котором, анализируя историю мировой науки, он стремится подчеркнуть (1) важность коренных изменений научных представлений, (2) показать условия и причины революционных преобразований в науке, (3) охарактеризовать последствия, наблюдаемые в ходе научных революций, которые связаны с непризнанием устаревающих знаний. Именно в работе «Структура научных революций» он впервые вводит понятие научной парадигмы, термин, ставший позднее одним из самых употребительных в философии науки. Парадигмы – это образцы, по которым действуют ученые в периоды нормальной науки между научными революциями [Кун 2015]. “Парадигма” по Куну – это дисциплинарная матрица, совокупность знаний, методов и ценностей, безоговорочно разделяемых членами данного научного сообщества. В своей работе Томас Кун, выделяет допарадигмальную, парадигмальную (нормальную) и внепарадигмальную (экстраординарную, культурную революцию) стадии развития науки. Доминирующими, составляющими “нормальную стадию развития науки” на настоящем этапе развития лингвистики являются идеи когнитивно-семантического, лингвокультурологического и концептуально-функционального подходов, зародившихся в русле прагмалингвистики в конце XX века. Они получили глубокое теоретическое обоснование в антропоориентированных исследованиях современных лингвистов и безоговорочно разделяются научным сообществом [Арутюнова 1998; Болдырев 2018; Карасик 2002; Степанов 1997].

Смена парадигм свидетельствует о кардинальных изменениях не только в системе научных знаний, но и о революционных преобразованиях, происходящих в процессе формирования политической и экономической систем, которые в ходе своего становления также следуют определенному парадигмальному курсу.

Для изучения преобразований в сфере политического устройства общества предполагается провести анализ некоторых хорошо известных концептов, роль которых в истории развития государства трудно переоценить. В центре наших научных интересов находится концепт ПЕРЕСТРОЙКА, а также функционирование в английском языке его слова-репрезентанта *perestroika*, его место в типологической концептуальной системе, содержание и условия его семантического трансформирования с учетом изменяющихся контекстуально-временных рамок. В английский язык слово *перестройка* (*perestroika*) пришло из русского, где в качестве его синонимов предлагаются такие лексемы как *преобразование, реконструкция, реорганизация, реформа, трансформация* [ССРЯ]. В своем исходном значении глагол *перестроить* охватывая сугубо техническую сферу употребления и согласно словарным

дефинициям означает: 1). Произвести переделку в какой-н. постройке. П. дом. 2). Построить, переделать по-новому, внести изменения в порядок, систему чего-н. П. план. П. программу. П. фразу [СРЯ: 440]. Несколько позднее, согласно Энциклопедическому Словарю слово *перестройка*, совершив тематический сдвиг в область международных и экономических отношений, в новом пространственно-временном контексте приобретает иное значение, являющееся тематическим трансформом исходного: 1) В СССР в 1985–1991 гг. государственная политика коренного преобразования общественного сознания, направленная на развитие демократии и окончание холодной войны; 2) Инициированный М. С. Горбачевым и его ближайшим окружением процесс реформирования тоталитарной системы в СССР [ЭС].

Экономический словарь с учетом тематического своеобразие предлагает несколько измененное значение слова *перестройка* и дает его следующее определение: глубокое преобразование социально экономической системы, сопровождаемое существенными изменениями форм и методов хозяйствования [СЭС: 479]. Как явствует из приведенных определений слов (технического, политического и экономического блоков), неизменно принципиальным для них является присутствие предикатов *изменения*: *преобразовывать, переделывать, изменять, реформировать*, которые будем считать ключевыми, доминирующими в структуре приводимых дефиниций.

Учитывая смысловую специфику названных предикатов, обозначающих *изменение* и *преобразование*, важным представляется соотнести их значения с понятием Событие, понимаемым как любое изменение состояния социальной или природной реальности, локализованное в определенных пространственно-временных и причинно-следственных рамках. В социальном аспекте событие рассматривается как явление общественной жизни или жизни личности, приводящее к ее качественному изменению, последствия которого имеют социальную и личностную значимость [Хомякова 2016: 706]. Особую роль для мирового сообщества играют события социально-политического, международного плана, к которым можно отнести, например, падение Берлинской стены, убийство президента Кеннеди, в которых произошедшие *изменения* являются следствием определенных причинно-следственных обстоятельств, влияющих на последующие экзистенциальные условия жизнедеятельности общества. Следует подчеркнуть, что событийность слова *перестройка* реализуется только в политическом и экономическом контекстах, поскольку технические репрезентанты “*перестройка здания*” или “*изменение планов*” не имеют социально-политической составляющей события, влияющей на окружающую действительность. Иными словами, речь идет о двух разных по своим структурно-содержательным

параметрам концептах, один из которых представлен репрезентантом, наделенным техническим значением (*reset-изменять, переделывать*), а второй передает изменения в политике и экономике (*perestroika-перестройка*). Таким образом, для формирования содержательной составляющей концепта ПЕРЕСТРОЙКА существенно важным является значение *изменения, преобразования* как маркера происходящего события.

Анализ семантической событийной ситуации, обозначенной словом *перестройка* (кардинальное “*изменение государственной системы или развития экономики*” страны) позволяет выделить эксплицитно представленную структуру с предикатом *изменения*. Он осложнен патиенсом, т.е. объектом, претерпевающим воздействие, как например: *преобразование сознания народа, реформирование государственной системы, изменение методов хозяйствования*. Субъект/актор как обобщенный инициатор событийных преобразований может быть выражен в словарных дефинициях и в текстах, посвященных периоду *перестройки* М. С. Горбачева, как имплицитно, так и эксплицитно:

(1) *Perestroika has turned out to be a longer and more complicated process than its initiators hoped* [<https://jackmatlock.com/washingtons-view-of-gorbachevs-perestroika>].

(2) *The reforms of Mikhail Gorbachev, known as the “Perestroika” (restructuring) and “Glasnost” (openness), brought dramatic changes to the Soviet Union* [<https://www.thecollector.com/gorbachev-era-glasnost-perestroika-fall-of-soviet-union>].

Кэмбриджский словарь дает следующую дефиницию слову *perestroika*: *perestroika-the political, social, and economic changes that happened in the Soviet Union during the late 1980s* [CD].

Словарь Коллинза предлагает похожее определение: *Perestroika is a term which was used to describe the changing political and social structure of the former Soviet Union during the late 1980s* [CCLD].

В справочнике “U. S. History: People and Events 1865-Present” находим более подробное толкование слова *perestroika*: *Perestroika, meaning ‘restructuring’ in Russian, was a political movement initiated by Mikhail Gorbachev in the 1980s aimed at reforming the Soviet Union’s stagnant economic and political system. This policy sought to introduce more openness and democratization while addressing severe economic issues through market-oriented reforms* [USH].

Анализ предложенных дефиниций позволяет сделать вывод, что изменения, связанные с *перестройкой*, как очередного этапа развития экономики и государственной системы, носят парадигмальный, а сопровождающие ее подчас разрушительные изменения имеют событийный и, согласно терминологии Т. Куна, даже революционный характер. Результаты перестройки Горбачева формируют последствия международного, глобального масштаба,

которые отличает продолжительный характер, что объясняет успешное заимствование и функционирование слов *perestroika* и *Gorbachev* в английском и других языках без перевода:

(3) *The reforms of Mikhail Gorbachev, known as the “Perestroika” (restructuring) and “Glasnost” (openness), brought dramatic changes to the Soviet Union and eventually hastened the fall of the Soviet regime.*

From the mid to late 1980s, the newly appointed General Secretary of the Communist Party Mikhail Gorbachev implemented revolutionary reforms of the Soviet Union: Perestroika (restructuring) and Glasnost (openness). The revolutionary reforms of Gorbachev, Perestroika and Glasnost, produced dramatic changes not only internally, but it influenced the foreign policy of the Soviet Union as well [https://www.thecollector.com/gorbachev-era-glasnost-perestroika-fall-of-soviet-union/].

Как показывает приведенный пример, репрезентация концепта PERESTROIKA в тексте подтверждает его событийность, проявляющуюся в происходящих изменениях (*reforms, restructuring, changes*). Они соответствуют парадигмальному развитию процесса перестройки и на определенном этапе демонстрируют его революционный характер (*revolutionary changes*). Особого внимания заслуживает эксплицитно представленный в тексте инициатор событийных перемен, а также известные место и время происходящих событий.

Спустя 30 лет слово *перестройка/perestroika* возвращается в современный политический дискурс, изменив пространственно-временные параметры, ролевую структуру, но сохранив значение кардинальных перемен и преобразований в международной, внутригосударственной, экономической и хозяйственной сферах, что позволяет характеризовать данный концепт как событийный. Речь идет о событиях, происходящих в США после избрания на пост президента Д. Трампа, по целям и задачам, которые он намерен осуществить, авторы некоторых публикаций в американских СМИ сравнивают его с М. Горбачевым, а его действия – с *перестроечными*. Слово сочетание *Trump’s perestroika* все чаще появляется на страницах американских СМИ:

(4) *Is America about to have its “Perestroika” moment?* [https://en.reseauinternational.net/lamerique-est-elle-sur-le-point-de-connaître-son-moment-perestroika].

(5) *Some people are actually precisely arguing that Trump is a Gorbachev – like figure. So to push that analogy we just made, that Trump is creating a perestroika, but maybe, hopefully, he will be more successful than Gorbachev was in opening up a genuine new epoch of comity between nations* [https://thedi diplomat.com/2017/02/trumps-gorbachev-moment https://www.antiwar.com/blog/2025/03/09/qa-richard-sakwa-trumps-perestroika]

(6) *Despite the vast differences between Donald Trump and Mikhail Gorbachev – both in terms of personality and in terms of actual reality they faced – there are striking similarities in the structural settings for their actions, and their potential unintended consequences. <...> Now Trump's Gorbachev moment is up on him, and he will be well-advised to consider the grave dangers for the future of the United States his reforms hide* [<https://thediplomat.com/2017/02/trumps-gorbachev-moment>].

В трех приведенных примерах, сравнивая мало похожие фигуры двух президентов, но схожие в своих устремлениях изменить окружающую реальность, авторы статей обращают внимание на то, что, как и когда-то М. Горбачев, Д. Трамп намерен осуществить в Америке изменения, т.е. провести *перестройку*, связывая событие с именем инициатора (*Now Trump's Gorbachev moment is upon him, Trump is creating a perestroika, American Perestroika moment*).

Таким образом, можно говорить о том, что примеры (4), (5) и (6) репрезентируют понятийно-смысловой вариант событийного концепта TRUMP'S PERESTROIKA, который по сравнению с рассмотренным выше GORBACHEV'S PERESTROIKA сохраняет свою содержательную идентичность: текст-репрезентант передает значение *изменений и перемен*, характеризующих событийный процесс *перестройки*, но при различных эксплицитно выраженных *инициаторах событий* и *пространственно-временных параметрах*.

Перестройку Трампа в американских СМИ связывают также с концептом MAGA, аббревиатурой от лозунга “Make America Great Again”, обращенного к избирателям: *a political movement calling for strict limits on immigration and a return to policies and practices in place before ... the era of globalization that began in the late 20th century* (merriam-webster.com/dictionary/MAGA), как, например, в следующих примерах:

(7) *The state activities of M. Gorbachev in the USSR and Donald Trump in the USA are separated by decades. But it is simply impossible not to notice the common features between the Soviet perestroika and the slogan popularized by the American Make America Great Again (MAGA)* [<https://en.topcor.ru/57146-times-chem-mozhet-zakonchitsja-perestrojka-maga-v-ssha-esli-tramp-okazhetsja-amerikanskim-gorbachevym.html>].

(8) *Is Trump the new Gorbachov? Why Russians compare Maga to Perestroika?* [<https://www.thetimes.com/world/russia-ukraine-war/article/is-trump-the-new-gorbachev-why-russians-compare-maga-to-perestroika-7dx33z26k>].

Анализируя семантику и особенности репрезентации концепта MAGA, следует отметить, что, хотя он отчасти сопоставим с событийным концептом PERESTROIKA, но по своей семантике, структуре,

прагма-коммуникативным характеристикам и контекстуальным условиям функционирования он, представляет собой самостоятельный концепт, транслирующий заявку на некоторые преобразования, для которого темы событийности, революционных преобразований и парадигмального развития социума не являются доминирующими.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ МОСКВА, 2015.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Хомякова Е. Г.* Событийные аспекты концептосферы LIFE // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С.705–714.
- СРЯ – Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1986.
- ССРЯ – Словарь синонимов русского языка. URL: <https://sinonim.org>
- СЭС – *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1998.
- ЭС – Энциклопедический словарь 2009. URL: <http://niv.ru>doc/dictionary/encyclopedia/index.htm>
- CCLD – Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/perestroika>
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/MAGA>
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/perestroika>
- USH – U. S. History: People and Events 1865-Present. URL: <https://fiveable.me/key-terms/united-states-history-since-1865/perestroika>

E. G. Khomyakova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

PERESTROIKA AS A PARADIGMATIC CHANGE IN SCIENCE AND POLITICS

The article deals with the pragmatic and linguistic analysis of event and paradigmatic parameters of the concept PERESTROIKA, its structure, semantic roles, various time and

space aspects, as well as the relation with the concept MAGA and their representation in the Russian and Anglophone cultural, geopolitical and media discourse.

Key words: paradigm, concept, event, discourse, pragmatics.

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
zinatim@rambler.ru*

СТРАТЕГИЯ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья предлагает анализ особенностей актуализации стратегии экспрессивизации мультимодального повествования, которая определяется в работе как коммуникативно-творческая стратегия автора, формулирующего свой текст или его фрагменты с использованием визуального и графического видов выдвигания. Реализация данной стратегии обуславливает усиление эмоциогенного потенциала текста и его игровой модальности.

Ключевые слова: мультимодальный художественный текст, стратегия экспрессивизации, эмоциональная доминанта, игровая модальность, выдвигание.

Как справедливо отмечала в своих исследованиях Н. А. Кобринa, «чрезвычайная сложность языка, масштабность его средств и ресурсов в сочетании с вариабельной функциональной реализацией, иерархичность в системе и в структурном построении, комплексность в структурах и в формировании значений как в слове, так и при реализации общего смысла более сложных построений и многие другие присущие языку факты свидетельствуют, что за всем этим стоит человек и его ментальная деятельность» [Кобринa 2005: 59].

Комплексность и междисциплинарность методологии лингвистического анализа отмечается на данный момент практически во всех областях филологических исследований. В частности, с начала XXI века резко возрастает актуальность изучения мультимодального художественного текста как сложного объекта, с необходимостью предполагающего учет теоретических положений, не только традиционно связанных с исследованиями художественного текста лингвистики текста и стилистики, но также и последних наработок когнитивной лингвистики, особенно исследований многомерности мультимодального дискурса, а также данных когнитивной нарратологии и культурологии. Интерес исследователей к художественному тексту, в котором в последние годы значительно участилось использование так называ-

емых свободных семиотических ресурсов как неотъемлемой составляющей его фикционального мира [Hallet 2018: 26], связан с ключевой проблемой, релевантной уже многие десятилетия для лингвистов-когнитологов, которую Н. А. Кобрина описывала как проблему «соотносимости ментальной сферы и вербализации», указывая на «неоднозначность векторной зависимости» ментальных структур и их вербализации [Кобрина 2005: 59].

В последние годы, в свете так называемого «мультимодального поворота» в филологии, большинством лингвистов констатируется конец эпохи лингвоцентризма и доминирования языка как основной знаковой системы, при этом признается, что «для выражения смыслов значимы различные семиотические ресурсы и коммуникативные форматы. Изучение визуального модуса коммуникации вместе с ее языковым модусом дает исследователю важную информацию о процессуальности, о том, как в ситуации создается и понимается связанное сообщение, как функционирует общее знание, разделяемое с другими участниками коммуникации» [Чернявская 2021: 173].

При изучении мультимодального художественного текста один из основных исследовательских вопросов, связанных с анализом задействованных при его создании механизмов смыслопорождения, касается того, что приносят различные семиотические ресурсы (свободные, прежде всего, такие как фотографии, графики, таблицы, написанные от руки сообщения) в литературную коммуникацию. Какие функции выполняют различные семиотические модусы в процессе текстообразования?

Целью данной статьи является анализ различных способов репрезентации в художественном тексте стратегии текстообразования, обозначаемой здесь как экспрессивизация мультимодального повествования. Задачами данной работы, таким образом, способствующими реализации цели статьи, являются, во-первых, попытка определения данного коммуникативно-прагматического феномена как конститутивного признака мультимодального художественного произведения и, во-вторых, изучение роли описываемой стратегии в смысловой структуре мультимодального художественного текста.

Анализ большого корпуса современных художественных текстов, в которых используются разнообразные семиотические ресурсы и которые можно определить как тексты, в которых сосуществуют несколько семиотических модусов, участвующих в развитии повествования, позволяет выдвинуть гипотезу о *стратегии экспрессивизации мультимодального повествования* как об особой коммуникативно-творческой стратегии автора мультимодального художественного текста, формулирующего свой текст (или его фрагменты) с использованием механизмов графического и/или визуального выдвижения (см., например, [Chemodurova 2022]). Конвергенция

вербальных [Chemodurova 2019] и невербальных стилистических средств приводит к формированию мультимодальных «эмотивных комплексов» [Ионова 2023: 22] и моделированию эмоционально-смысловой доминанты текста. Стратегия экспрессивизации повествования, обладающая динамическим характером, неразрывно связана с такими текстовыми свойствами, как эмотивность, игровая модальность и адресованность, обуславливая усиление эмоциональной напряженности в тексте, а также способствуя росту нарративной эмпатии.

Рассмотрим актуализацию стратегии экспрессивизации повествования на примере короткого рассказа «A Primer for the Punctuation of Heart Disease» (2002) Дж. С. Фоера, яркого представителя метамодернизма. Автор прибегает к использованию свободных и связанных (вербально опосредованных) семиотических ресурсов, выстраивая повествование таким образом, что мультимодальные кластеры [Ирисханова 2018] как механизм прагматического фокусирования способствуют интенсификации эмоциогенного потенциала текста и постепенному нарастанию нарративной эмпатии читателей.

В сильной позиции начала рассказа читателям предлагается визуальное воплощение так называемого «маркера молчания» (“a silence mark”), символа проблем в общении внутри семьи повествователя:

“ The “SILENCE MARK” SIGNIFIES an absence of language, and there is at least one on every page of the story of my family life. Most often used in the conversations I have with my grandmother about her life in Europe during the war, and in conversations with my father about our family’s history of heart disease – we have forty-one heart attacks between us, and counting – the silence mark is a staple of familial punctuation” [Foer. pdf].

Заявленная в начале рассказа концептуальная метафора LIFE IS A BOOK (every page of the story of my family life) поддерживается «концептуальной номинацией» заглавия [Кобрина 2005: 61], в котором ключевые единицы “primer, punctuation, heart disease”, соединяясь в оригинальной языковой игре, способствуют выстраиванию горизонта читательских ожиданий. Тема семейной разобщенности вводится в первом абзаце ключевыми словами из тематического поля “family life”, усиливая прагматический эффект за счет использования также и лексических единиц, описывающих историю наследственного сердечного недуга.

Стратегия экспрессивизации мультимодального повествования реализуется при помощи визуализации процесса семейного общения, при этом различные графические символы выступают в роли визуальных метафор отчуждения и неспособности говорить о своих чувствах (см. рис. 1):

“Note the use of silence in the following brief exchange, when my father called me at college, the morning of his most recent angioplasty:

«“Listen,” he said, and then surrendered to a long pause, as if the pause were what I was supposed to listen to. “I’m sure everything’s gonna be fine, but I just wanted to let you know-”

“I already know,” I said.

Рис. 1

O.K.,” he said.

“I’ll talk to you tonight,” I said, and I could hear, in the receiver, my own heartbeat.

He said, “Yup” [Foer. pdf].

Одновременное использование графического и визуального выдвигания усиливает прагматический эффект, поскольку мультимодальный кластер обуславливает формирование эмотивного комплекса, в основе которого лежит эмотивный концепт FEAR. Знак молчания, по форме напоминающий пустую страницу (см. рис. 1), резонирует с ключевым словом *pause*, способствуя запуску эмпатической реакции читателей. Эмотивная ситуация невыраженного словами сострадания в паре отец-сын моделируется при помощи сразу нескольких механизмов реализации стратегии экспрессивизации. Вербальный и визуальный компоненты мультимодального кластера сочетаются с тематическими элементами, создающими звуковой эффект: лексическими единицами *hear*, *heartbeat*, стилистически объединенными аллитерацией, передающими эмоциональное напряжение повествователя.

Повествователь по имени Джонатан, alter ego автора, описывающий свою семейную историю, приводит подробную систему знаков, позволяющую интерпретировать особенности семейного общения и определяющую основные эмотивные смыслы произведения. Как справедливо указывает С. В. Ионова, «естественным является использование комплекса эмоций, описание сложных, смешанных чувств, часть из которых имеет косвенные и неочевидные формы выражения психологического состояния. Кластерная природа эмоций обуславливает необходимость выделения в исследуемых контекстах целого пучка семантических признаков, которые обнаруживаются в виде комплекса используемых эмотивов» [Ионова 2023:18]:

The “severed web” is a Barely Tolerable Substitute, whose meaning approximates “I love you,” and which can be used in place of “I love you.” Other Barely Tolerable Substitutes include, but are not limited to:

→|←, which approximates “I love you.”
 ♡□, which approximates “I love you.”
 ♡, which approximates “I love you.”
 x→, which approximates “I love you.”

Рис. 2.

Экспрессивизация повествования позволяет автору в данном фрагменте (см. рис. 2) рассказа, состоящего из 12 частей в соответствии с давней постмодернистской традицией композиционного фрагментирования, унаследованной затем и метамодернистской эстетикой, значительно усилить интенсивность переживаемых персонажами эмоций. При этом на первый план выдвигается эмотивная тема любви между членами семьи, которую они не могут или не умеют выразить словами. Символ разрезанной паутины, открывающий очередной фрагмент и находящийся, соответственно, в сильной позиции начала отрывка, выступает как визуальная опора в игре в вымысел, предлагаемой читателям этого мультимодального повествования. Эмотивный концепт LOVE репрезентируется в отрывке фразой “I love you”, повторяющейся 6 раз, а также выражается графически, при этом читатели вовлекаются в визуальный анализ возможных графических заместителей признания в любви.

Прагматический потенциал стратегии экспрессивизации обусловлен тем, что ее актуализации ведет к эмоциональной выделенности фрагмента и повышению интенсивности моделируемого смысла в ходе «эстетического упорядочивания контекста» [Арнольд 1999: 208]. Намеренное выстраивание автором мультимодального повествования как динамического семиотического целого, в котором задействованы различные семиотические ресурсы, способствует формированию такой его интерпретационной программы, в которой такие мультимодальные комплексы выступают в качестве механизмов фокализации. При этом реализация стратегии экспрессивизации обуславливает постепенное нарастание эмоционального напряжения в повествовании и создает прагмасемантическую основу эмоционально-смысловой доминанты текста. Одной из важнейших функций стратегии экспрессивизации в повествовании, таким образом, становится моделирование при помощи различных видов выдвижения такой мультимодальной эмотивной ситуации, в которой происходит «выделение наиболее яркого,

запоминающегося, острого в плане эмоций смыслового элемента текста» [Ионова 2023: 16].

В анализируемом рассказе Фоеера, который можно рассматривать как типичный пример современной мультимодальной литературы, эмоционально-смысловая доминанта как результат динамического развития эмотивных смыслов в тексте формируется в процессе реализации стратегии экспрессивизации. Экспрессивизация обеспечивает постепенное «нагнетание» эмоционального напряжения и «доминирующей эмоции» [Шаховский 2008: 242] благодаря таким механизмам выдвижения как визуальное, графическое и сцепление, позволяющее читателям установить глубинные связи между мультимодальными кластерами:

"Jonathan~"
 "■"
 "??"
 "I::not myself~"
 "{A child's sadness is a parent's sadness.}"
 "{A parent's sadness is a child's sadness.}"
 "←"
 "I'm probably just tired;"
 "{I never told you this, because I thought it might hurt you, but in my dreams it was you. Not me. You were pulling the weeds from my chest.}"
 "{I want to love and be loved.}"
 "☺"
 "☺"
 "↓"
 "↓"
 "⬇"
 "☺"
 "□↔□↔□"
 "↓"
 "↓"
 "⌘○⌘"
 "■+■→■"
 "☺"
 "9□"
 "⊗⊗⊗"
 "◎□❖●◆●○○□◆◎●"
 "■"
 "{I love you.}"
 "{I love you, too. So much.}"

Рис. 3.

Данный фрагмент (см. рис. 3), находящийся в сильной позиции окончания рассказа, можно считать эмоциональной доминантой повествования, в которой LOVE и SADNESS – два основных эмотивных концепта – репрезентируются с наибольшей интенсивностью. Эмоциональная выделенность достигается благодаря использованию эксплицитных и имплицитных средств выражения, как вербальных, так и невербальных. Практически все визуальные элементы, введенные ранее один за другим в мультимодальные кластеры, одновременно выдвигаются в фокус читательского внимания, до предела усложняя декодирование процесса общения Джонатана с отцом. При этом сопутствующей функцией экспрессивизации выступает функция экспликации игровой модальности, типичная для постмодернистских и метамодернистских произведений. Читателю приходится расшифровывать символическую запись произнесенных слов привязанности, знаков-заместителей любви и страха за жизнь близких.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что стратегия экспрессивизации повествования является существенным механизмом создания современных мультимодальных художественных текстов, поскольку используемые для ее реализации свободные и связанные семиотические ресурсы, объединенные в мультимодальные кластеры, усиливают эмоциогенный потенциал создаваемых текстов. Читатели вовлекаются в такую игру в вымысел, при которой возрастает роль невербальных опор при моделировании в воображении адресатов фикционального мира, чем, безусловно, объясняется значительный рост в XXI веке исследовательского и читательского интереса к мультимодальной художественной литературе.

Литература

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб: Изд-во СПб ун-та, 1999.

Ионова С. В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 13–27.

Ирисханова О. К. Федя, дичь! Или о резонансе в речи и жестах // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 598–604.

Кобрин Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59–69.

Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2021.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

Chemodurova Z. M. The mechanisms and types of foregrounding in postmodernist fiction // English Language Teaching through the Lens of Experience. Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 277–294.

Chemodurova Z. M. Visual foregrounding in contemporary fiction // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. P. 5–15.

Hallet W. Reading multimodal fiction: A methodological approach // Anglistik: International Journal of English Studies. 2018. Vol. 29. Iss. 1. P. 25–40.

Foer J. S. A Primer for the punctuation of heart disease // The New Yorker. June, 2. 2002. Available at: Foer.pdf

Z. M. Chemodurova (*St. Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University

EXPRESSIVIZATION STRATEGY IN CONTEMPORARY MULTIMODAL FICTION

The article offers the analysis of the expressivization strategy used in the multimodal narrative and defined in this research as a specific communicative strategy which a writer creatively applies to formulate his text with the help of visual and graphical types of foregrounding. Utilizing this strategy in the narrative contributes to enhancing the emotionogenic potential of the text and its ludic modality.

Key words: multimodal fiction, expressivization strategy, emotional dominant, ludic modality, foregrounding.

ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ Н. А. КОБРИНОЙ

Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. / I Ленингр. гос. пед. ин-т иностр. языков. Л., 1953. 310 с.

Предложение с вставной предикативной единицей в современном английском языке: дисс. ... доктора филол. наук. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1974. 425 с.

СПИСОК ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОФЕССОРА НОВЕЛЛЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КОБРИНОЙ

Докторские диссертации

Трунова Ольга Владимировна Семантические константы и дискурсивная дивергентность форм категории модальности в английском языке. СПб., 1995.

Болдырев Николай Николаевич Функциональная категоризация английского глагола. СПб., 1995.

Прохорова Ольга Николаевна Синтаксис связанных структур, образованных по типу комплексов. СПб, 1995.

Худяков Андрей Александрович Семиозис простого предложения. СПб., 2001.

Клепикова Татьяна Альбертовна Предикаты с пропозициональным комплементом в современном английском языке: предетерминация структуры и семантики придаточной части. СПб., 2009.

Кандидатские диссертации

Трунова Ольга Владимировна Отрицание в составе модального сказуемого в разных коммуникативных типах предложения. Л., 1980.

Павловская Валентина Николаевна Процессы грамматизации лексических средств связи предложений в тексте. Л., 1982.

Косарева Валентина Александровна Вопросительно-отрицательные предложения в современном английском языке. Л., 1982.

Лийв Сулико Формальное *it* как способ нейтрализации субъектных и объектных связей предиката. Л., 1983.

Болдырев Николай Николаевич Структурированные атрибутивные словосочетания пропозиционального типа в современном английском языке. Л., 1983.

Эргман Людмила Беньяминовна Статальные глагольные предикаты в семантической структуре предложения в современном английском языке. Л., 1984.

Елизарова Галина Васильевна Сложноподчиненное предложение с главной частью типа *it is said, it is hoped* (семантический, номинативный и прагматический аспекты). Л., 1987.

Мисюра Галина Александровна Слова с несколькими функционально-грамматическими статусами в современном английском языке (на материале слов с релятивным значением). Л., 1987.

Чемякина Людмила Ивановна Семантика атрибутивной связи: на материале словосочетания и сложноподчиненного предложения с придаточным определительным. Л., 1988.

Прохорова Ольга Николаевна Предложение с составным сказуемым, включающим именной модусный компонент. Л., 1988.

Худяков Андрей Александрович Понятийная категория количественности и ее реализация в имени существительном и номинативном словосочетании. Л., 1990.

Казыдуб Надежда Николаевна Системно-функциональное исследование интенциональных глаголов (на материале современного английского языка). Л., 1991.

Жукова Елена Федоровна Эмоциональные глаголы английского языка: лексико-грамматический аспект. СПб., 1993.

Дудорова Элли Семеновна Коммуникативно-прагматический аспект обособленных компонентов предложения и их семантико-синтаксические свойства. СПб., 1994.

Стрелкова Светлана Юрьевна Предикативное определение в современном английском языке. СПб., 1994.

Колесов Игорь Юрьевич Механизм грамматизации глагола (на примере глаголов, имеющих более двух статусов в современном английском языке). СПб., 1995.

Беседина Наталья Анатольевна Восклицательные предложения в современном английском языке (семантический, грамматический и функциональный аспекты). СПб., 1995.

Тарамжина Людмила Витольдовна Семантико-синтаксический потенциал однокоренных глагольных субстантивов в современном английском языке (на материале производных номинативного типа, образованных от глаголов действия, сопровождающегося звуковым эффектом). СПб., 1996.

Клепикова Татьяна Альбертовна Функционально-семантический потенциал и лингвистический статус модально-связочных глаголов современного английского языка. СПб., 1998.

Шимберг Светлана Станиславовна Функциональный диапазон во-просительного высказывания в современном английском диалогическом дискурсе. СПб., 1998.

Ашмарина Ирина Леонидовна Уточнение как член предложения в со-временном английском языке. СПб., 1999.

Андросова Лидия Михайловна Атрибутивные словосочетания с опор-ным компонентом, выраженным именными заместителями *one, that* в со-временном английском языке. СПб., 1999.

Беличенко Елена Александровна Функционально-грамматическое варьирование лексем со значением частей тела человека (на примере суще-ствительных и глаголов *back, hand, head, shoulder*). СПб., 1999.

Кузьмичева Ирина Александровна Механизмы экспликации обстоя-тельственных функций английского инфинитива. Тамбов, 1999.

Березина Ольга Александровна Концептуально-дивергентные глаголы в современном английском языке. СПб., 2001.

Питолина Наталия Валерьевна Структура и семантика глагольно-именных предикатных сочетаний типа *to give a smile* в современном ан-глийском языке. СПб., 2001

Камышанченко Елена Анатольевна Семантический и функциональ-ный аспекты глаголов со значением «нереализованность/недостаточность» в современном английском языке. Тамбов, 2001.

Шарапова Юлия Викторовна Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка). СПб., 2001.

Маковеева Светлана Евгеньевна Частицы в современном английском языке: генезис и функциональный аспект. СПб., 2001.

Крючкова Юлия Викторовна Семантический подкласс глаголов со значением непроизвольного качественного изменения. СПб., 2002.

Храмова Нина Анатольевна Глаголы одобрения и согласия в ан-глийском языке: семантический, синтагматический, морфологический аспекты. СПб., 2003.

Чистякова Екатерина Леонидовна Функционально-семантический анализ группы глаголов с семантикой созидания и придания формы. СПб., 2005.

Грибенник Дмитрий Владимирович Функционально-грамматическое варьирование лексем со значением конкретного физического воздействия (глаголы типа *thrust, push, break, bang* и образованные от них по конверсии существительные). СПб., 2008.

Романова Ольга Валерьевна Семантические и функциональные особенности глаголов, выражающих концепт ПРИНУЖДЕНИЕ в современном английском языке. СПб., 2008.

Черняева Алина Валерьевна Функционально-семантический анализ подкласса глаголов, репрезентирующих концепт ИЗМЕНЕНИЕ в английском языке. СПб., 2008.

Шевчук Екатерина Владимировна Релятивно-оценочные глаголы, передающие отношения эквивалентности, компаративности, превосходства, подобия и другие отношения соотносимости. СПб., 2009.

Калинина Екатерина Евгеньевна Взаимодействие лексического значения глагола и категориального значения видовременной формы перфекта. СПб., 2011.

ИЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Н. А. КОБРИНОЙ

Язык как функциональная система: Сборник статей к юбилею профессора Новеллы Александровны Кобриной / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 228 с.

Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной / отв. ред. Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко. СПб.: Тригон, 2005. 304 с.

Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 2. Текст и перевод в когнитивном аспекте. Сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной / отв. ред. Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко. СПб.: Тригон, 2005. 188 с.

Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: Сборник статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной / под ред. О. Е. Филимоновой, О. А. Кобриной, Ю. В. Шараповой. СПб.: ООО «Издательство «ЛЕМА»», 2010. 490 с.

Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сборник научных трудов памяти профессора Н. А. Кобриной / отв. ред. вып. Н. А. Беседина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 906 с.

Когнитивные исследования языка. Вып. XXXI: Когнитивно-функциональная грамматика: тенденции и перспективы: сборник научных трудов памяти профессора Н. А. Кобриной / отв. ред. вып. Т. А. Клепикова. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. 329 с.

Юбилей. Новелла Александровна Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 148.

Человек. Интеллигент. Лингвист // Педагогические вести. 2010. № 28–29.

С. 6–7.

Международная научно-практическая конференция «Языковая личность в контексте времени» (26 ноября 2010 г., Санкт-Петербург). Хроника / Сост. Т. А. Клепикова, Н. А. Беседина // Филологические науки. 2011. № 3. С. 111–114.

Памяти ученого. Н. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 139.

Кобрина Новелла Александровна. Научная школа «Когнитивно-функциональная грамматика» // Энциклопедия когнитивной лингвистики: научные школы и направления. 2011. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. Тамбов: ООО «Цифра», 2011. С. 34–38.

Кобрина Новелла Александровна. Научная школа «Когнитивно-функциональная грамматика» // Энциклопедия когнитивной лингвистики: научные школы и направления. 2013. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. Тамбов: ООО «Цифра», 2013. С. 69–73.

Круглый стол «Научное наследие Н. А. Кобриной в контексте современных лингвистических исследований» (Санкт-Петербург, 17 декабря 2020). Хроника. Сост. О. А. Березина // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 1. С. 112–117.

Научное издание

16+

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (65)

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Посвящается 100-летию профессора
Новеллы Александровны Кобриной

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска
Тарамжина Людмила Витольдовна

Компьютерная верстка *В.А. Ерофеева*

ISBN 978-5-00078-976-6

9 785000 789766 >

Подписано в печать 24.11.2025 г. Дата выхода в свет 15.12.2025 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ 25273. Цена свободная.

Учредитель:
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г